Ю.М.ОСИПОВ

Опыт философии хозяйства

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Посвящается всем, кто находит в себе желание и мужество быть гуманистом.

Ю.М.ОСИПОВ

Опыт философии хозяйства

хозяйство как феномен культуры и само-организующаяся система

Издательство
Московского университета
1990

ББК 65
074

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор М. С. Селезнев,
кандидат экономических наук Г. А. Шпилько

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ОСИПОВ Ю. М.
074 Опыт философии хозяйства.— М.: Изд-во МГУ, 1990,—382 с.
ISBN 5—211—00822—7.

В монографии хозяйство рассматривается как объект философского анализа, как сложная социально-природная самоорганизующаяся система, неотъемлемая принадлежность культуры. Большое внимание уделено основаниям теории хозяйственных механизмов. Всесторонне анализируется состояние двух индустриальных хозяйственных систем — капиталистической и социалистической, тенденции их развития в рамках целостного взаимозависимого мира. Обосновывается необходимость трансформации социалистического способа производства, перехода к общественно-организуемому товарному хозяйству, активного приспособления к условиям новой технологической революции.

Для всех, кто интересуется проблемами общества и экономики, развития современного человечества и цивилизации.

О $\frac{0602000000—114}{077(02)—90}$ 52—90 ББК 65

ISBN 5—211—00822—7

© Осипов Ю. М., 1990

Философия управляет представлениями, а они управляют миром.

Гегель

Заблуждения хранятся в библиотеках, истина живет в человеческом духе.

Гёте

Истина — это тайна каждого из нас.

Кьеркегор

Какой же смертный отважится вообще решать, что такое истина?

Гегель

Современность — в себя обращенное время, временной виток, сводящий будущее с прошлым то в идиллическом единении, то в роковом столкновении. Современность — мгновенная бесконечность, когда история сведена к моменту, а в моменте — вся история. Современность — статика и динамика, изменение и сохранение. Это борьба нового со старым, положение и отрицание одновременно, в одночасье вызов прошлому и будущему, победа и поражение. Это смерть и всегда рождение.

Есть современность бытия и есть современность человека. Первая теснит вторую, вторая устремляется навстречу первой. Судьба человека — выиграть, проиграв, и, проиграв, выиграть. Выиграть — значит понять, понять — приспособиться, а приспособиться — изменить, но и самому измениться.

Сходясь с современностью, человек борется с прошлым и будущим: с прошлым, чтобы сбросить оковы традиции, с будущим — чтобы их воссоздать. Преодолевая накопившуюся определенность прошлого, человек овладевает надвигающейся неопределенностью будущего. И никому неведомо, что здесь первично, что вторично: новое сознание или новые акции. Ясно, что человек думает и делает так, как того захотела современность.

Человек знает окружающий мир и знает себя — пусть неполно и относительно. Знание, выливающееся в со-знание, выручает человека. Знание плюс действие плюс результат — культура. Мир человека — мир как мир и мир как культура.

Меняется культура, меняется человек, меняется мир. Век — не само по себе время, его протяженность и величина. Это по-особому организованное время, имеющее собственное содержание. Время — это качество, а век — образ этого качества. Знание — функция от времени. Сегодня — *одно* знание, завтра — *другое.* Чередование веков — чередование знаний. Однако и накопление знания и его потеря. Рост знания — не только его становление, расширение и совершенствование, но и переход от одного типа знания к другому, от одной *парадигмы* к другой. Новый век — новые песни.

Хозяйство — явление культуры, ее часть, это знание и действие, но в то же время — осознание, осознание человеком самого себя как человека хозяйствующего.

История хозяйства — это история человека, его культуры. Хозяйство и отображающее его знание — экономия (хозяйствоведение) — меняются вместе с человеком, их создателем и носителем. История экономии — не столько сумма трактатов, сколько исторический опыт человека. Хозяйственное знание старо, как мир, а вот осознание этого знания, тем более внутренне соорганизованное, систематизированное, не особенно давнего происхождения. Однако достаточно давнего, чтобы иметь свою историю как историю *науки.*

Как и любая наука, экономия разнообразна, ей присущи разные частные науки, различные концепции. Теории и школы сосуществуют и сменяют друг друга. Многое зависит от обстоятельств, а многое — от глёвной идеи, полагаемой в основание любой «знаниевой» конструкции. В качественном разнообразии экономии, ее полифоничности — известная слабость, но и большая сила. Экономия — это варианты, пути, возможности, это борьба обстоятельств, интересов и идей.

История науки о хозяйстве значительна, она полна всего: откровений, заблуждений, открытий и свершений. Экономия уже давно успела самоутвердиться, принести немалую воззренческую и практическую пользу, пережить эйфорию от собственной значимости, но также и достаточно обособиться и настолько внутренне усложниться, что не преминула ... и весьма оторваться от жизни, довольно запутаться в словах, подзакоснеть. Успела она превратиться и в нечто мифообразное, в «вещь в себе», прибежище для посвященных. Нынешняя экономия —

мощное знание, но в то же время и неплохой материал для гессевской «игры в бисер».

Самоуверенность и самоуспокоенность — враги науки. Обращенная к себе самой, а не к жизни, наука скудеет, теряет эластичность. Наука пожирает науку. На место любомудрия приходит любословие, на место страдания — суета. Только обращенная к реальности — «живущая жизнью» — наука способна к развитию. И это особенно важно для экономии, которая не только отображает и трактует жизнь, но и активно вмешивается в нее. Обновление хозяйственных знаний — отнюдь не праздная задача.

Сегодняшняя современность — время нового открытия экономии: открытие ее человеком и открытие экономии для внешнего мира, а в итоге — самооткрытия, парадигмального обновления. Условие этого — критика и самокритика. Время поверяет науку, наука поверяется ... наукой. Жизнь судит экономию, экономия судит ... экономию. Осовременивание экономии — экономизация современности. Время обновляет науку, наука обновляет время.

Что требует от экономии современность?

Осмысления (переосмысления) целей и возможностей производства, его ценностей и его ценности, его средств и механизмов, результатов и последствий, а главное, осмысления трех фундаментальных связей: «человек — производство — природа», «человек — культура — производство», «человек — культура — природа», а на их основе и в их рамках — отношения «человек — человек» (как человека обращенного к другому человеку, так и человека, обращенного в себя самого). Задача, пожалуй, и не нова, но ответ должен быть новым. Старыми понятиями и решениями здесь уже не-обойтись.

Что дает современность экономии?

Помимо бесчисленных проблем и множества императивов эпоха дает и нечто из нового восприятия мира и нового мышления. Кратко это можно выразить так: «неопределенность — самоорганизация — целостность». Мир — целостная самоорганизующаяся система. Человек, будучи сам целостной самоорганизующейся системой, встроен в этот мир. Вследствие подвижности и изменчивости связей между элементами мира, как и известной свободы поведения мира и его частей, большой неопределенности связей между человеком и миром, суждения и поступки человека не могут быть ни полностью адекватными миру, а тем более самому человеку, ни абсолют-

но правильными, ни окончательными. Однако они должны *достаточно* соответствовать сложности и разнообразию мира, вбирая в себя — в образе и модели — весь мир и всего человека в нем, не игнорируя при этом ни моментов неопределенности, ни свойства самоорганизации. Современность провозглашает: человек и природа взаимозависимы, едины, но при этом организованы настолько *по-своему* и настолько неопределенно по отношению друг к другу, что ни природа, ни человек не способны навязать один другому своей организации, а потому единство их есть единство *экологическое*, предполагающее возможность взаимодействия сторон при соблюдении взаимного "уважения. То же самое современность говорит и по поводу взаимоотношений человека с человеком, нации с нацией, общества с обществом, цивилизации с цивилизацией. Всеобщая зависимость при всеобщей же независимости.

Экономия как наука проявляется во множестве экономий, каждая из которых, руководствуясь своей главной идеей, предлагает свое понимание хозяйственной жизни. Этим она роднится с любой общественной наукой, этим же отличается от любой естественной (точной) науки. Экономия слишком зависит от человека, чтобы быть сугубо объективным, как бы сторонним знанием. Человек разнообразен, разнообразно его хозяйственное поведение, различно и его представление о хозяйстве. Жизнь допускает не просто отличные, но и противоположно отличные экономии. Однако разнообразие хозяйственного знания не исключает и общих для него оснований. Все хозяйственные концепции всегда так или иначе восходят к общим парадигмальным корням, определяемым общностью предмета и общностью эпохи.

Овладение новым видением мира — настоятельная задача экономии. Это ее шанс. И решить эту задачу она должна сама, при условии, если позволит себе стать ... философией, да еще и необремененной ни заданностью, ни догмами, ни титулами.

Наша задача — философическое (позволим себе настоять — именно философическое, как бы философизированное) осмысление современного хозяйства и современного хозяйствования с позиции здравого и свободно мыслящего человека, исповедующего общечеловеческие культурные и духовные ценности, стремящегося,— возможно, и несколько наивно,— найти образ разумного и нравственного поведения человека, живущего и хозяйствующего

в нашем не слишком разумном и не слишком нравственном мире.

По мировоззренческим вопросам так много всего наговорено^ существует так много течений и схем, столько идет споров и столько высказано противоположных мнений, что автор, убоявшись увязнуть в содеянном, был вынужден, опираясь на лучшие достижения человеческого разума, предложить *свой* взгляд на вещи и выразить свои мысли по преимуществу не классическим и уж тем более не академическим языком. Обратившись к философии хозяйства, автор не счел возможным погружаться в «пучину» собственно философии, не стремился надеть на хозяйствоведение и обычные философские (часто псевдофилософские) одежды. Автор шел не столько от философии к хозяйству, сколько от хозяйства к философии, но не к философии вообще, а именно к хозяйственной философии. Философию хозяйства вполне можно рассматривать как одну из отраслей философии, но в книге представлена скорее не отрасль философии, а отрасль экономии, т. е. хозяйство в своем собственном 'философском, а для нас философическом, отображении.

Не самоуверенностью вовсе, а необходимостью руководствовался автор, не увлекаясь ни канонами, ни хитросплетениями торжествующего сциентизированного разума. Сомнение сегодня гораздо ценнее и пристойнее, чем хорошо усвоенные и благодушно повторяемые истины. Нынче разум нуждается в более непосредственном, чем это было совсем недавно, контакте с интересующим его предметом, для чего важно избежать по возможности категориальных сетей и концептуальных ловушек уже сформированного, да к тому же чересчур специализированного знания. Здесь уместно привести слова Петрарки, высказанные им в сходной ситуации: «В этом исследовании я опирался преимущественно на собственный опыт и не искал другого вожатого, да и не принял бы его, если б он нашелся, потому что мои шаги свободнее, когда я следую внушениям собственного духа, чем когда иду по чужим следам».

Путь философского осмысления хозяйства тернист. Хозяйство — сложнейший природно-технико-социальный процесс, феномен культуры. Понять хозяйство — понять практически *весь* мир, его явные и глубинные смыслы, общую эволюцию и массу конкретных тенденций. Хозяйство — невероятно сложное явление, под стать самой жиз-

ни, а потому философия хозяйства очень непроста. Автор надеется, что читатель это понимает и при чтении книги не будет слишком сетовать по поводу ее некоторой сложности, а также встречающейся местами необычности и известной трудности слога.

Автор сознает, насколько велика и сложна задача, насколько слаб он перед грандиозностью и своеволием жизни, как рискованна предпринимаемая попытка. Но по-другому он поступить не может. И если читатель не примет содеянное, а, воспылав недоумением, его отринет, но лишь для того, чтобы найти потом лучшее и более правильное решение, то автор, посчитав миссию исполненной, будет счастлив ознакомиться с более осмысленным и удовлетворительным знанием.

Автор благодарит всех, кто принял участие в подготовке и издании книги. Он выражает признательность Издательству Московского университета, в котором выходит уже не первая его работа и которое с большим вниманием и тактом относится к теоретической обществоведческой мысли.

Часть первая

Организация

Сущность — умысел,
слышна только слухом.
М. Цветаева

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.
М. Волошин

Что есть организация?

Ответить на вопрос непросто. Организация — великая тайна природы! Попытаемся все же пройти по рискованному пути экспликации. Наша цель — понимание, пусть неполное и относительное, а не мифоподобное восприятие предмета. И, продвигаясь по избранному пути, будем помнить, что каждый шаг в изучении природы — это всего лишь приближение к истине, а сама истина — все более адекватный природе *образ.*

1. ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИИ - ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ

1.1. Организация — начало природы

Природа организована.

Утверждая так, мы имеем в виду прежде всего, что она *разделена* и *объединена.* Разделение-объединение — первая предпосылка и простейшая черта организации.

Расположение частей природы не произвольно. Ему свойствен порядок, определяемый взаимным отношением *частей как частей целого.* Расположение частей целого, или строение целого в его частях, есть *структура.* Природа обладает структурой.

Структура — первое и самое простое целостное выражение организации природы.

Организована — значит структурна.

Структура *динамична,* как и сама организация. Без движения нет организации. Разделение-объединение — не просто предпосылка, но акт организации. Структура — совокупность *взаимодействий* частей природы. Без взаимодействий нет организации. Разделение-объединение — результат и условие взаимодействий. Структура *изменчива.* Без изменений не может быть организации. Разделение-объединение — не просто акт, но *процесс* организации. Организация — это постоянное *преобразование.*

Организована — значит структуризована.

Структурой, или *организованной массой материи,* природу делает организация. Без организации нет пространства-времени. Пространство и время — свойства именно организованной природы. Без организации нет и природы. Организация — большее, чем структура. Это не просто конструкция, но «мозг» и «душа» природьиЭто— начало природы.

Организована — значит природна!

Природна — значит организована!

1.2. Организация как организация

1.2.1. ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Организация предполагает *действие* — действие по организации, организационную деятельность. Организация требует организации. Выполняется это требование самой организацией, которая есть не что иное, как о р г а н и з а ц и я о р г а н и з а ц и и, иначе, самоорганизация.

Организация природы — процесс *материальный.* Она осуществляется материально, в материи, посредством материи. Материя — субстанция, инициатор и реализатор организации; организация — атрибут, состояние и поведение материи. Материальны не только части .природы, участвующие в организации, но и само действие по организации материально. Материален весь механизм организации.

Разделение-объединение материи, реализуясь бесконечно разнообразно, восходит к основному разделению-объединению — *элементарному.* Материя — совокупность элементарных элементов или частиц. Материя организована прежде всего элементарно. Элементарность — самое фундаментальное и, быть может, самое выдающееся свойство материи. Элементарная организация — та самая простейшая, всеобщая первичная, исходная организация, из которой выходят, на которой базируются, посредством которой реализуются все возможные в природе организации. Все состоит из элементарных частиц, тех или иных их комбинаций.

Другое выдающееся свойство материи, связанное с ее элементарным строением,— *энергетичность.* Частицы материи суть частицы энергии. Энергия — способность к действию, но способность непременно реализующаяся; это и возможность к действию, и само действие, а именно *действие действия.* Такой способностью обладает только разделенно-объединенная материя, ибо частицы энергии суть частицы материи, а энергия — разделенно-объединенная материя.

Элементарное разделение-объединение — *первый (основной) акт организации материи*\ акт непрестанный, повторяющийся, не имеющий ни начала, ни конца,— вечный. Акт энергетический. Возможность его коренится в *неоднообразии* энергии. Есть энергия и энергия. Разделение-объединение — функция энергий, и энергий с противоположными свойствами. Одним частицам присуща одна энергия, другим — другая. Полярная различность энергий придает разным частицам разное (и противоположное) поведение и тем самым создает возможность разделения-объединения материи. Не может быть материи с одинаковыми частицами — иначе нет частиц, нет и материи. Не может быть и какой угодно различности частиц,— они должны различаться противоположно, составляя при этом диалектическое единство, т. е. полагая и дополняя друг друга, не существуя друг без друга; только полярная различность, демонстрирующая единство противоположностей, дает возможность *со-существования,* а следовательно, разделения-объединения.

Каждая частица — *событие.* Она существует, рождаясь и умирая. В событийности частиц — вечность материи. Смертность частицы — бессмертие материи! Частица существует, не сама по себе, а *вместе* с другими, со всем миром частиц, со всей Вселенной. Частица — член сообщества, часть целого — и целого беспредельного. Существуя, частица действует и, действуя, существует. Она действует вместе с другими частицами, в массе частиц. Ее существование обусловлено *взаимодействием* с окружающими частицами. Взаимодействие — *элементарный организационный акт.* Каждая частица организует, и каждая частица организована. Разделение-объединение ма-

терии реализуется во взаимодействии частиц. Организационная деятельность материи есть организационная деятельность частиц.

Действие всегда есть взаимодействие. Действуя, частица «воздействует-реагирует». Характер и результат взаимодействий определяются качественной спецификой и величиной энергий взаимодействующих частиц. Они взаимопритягиваются и взаимоотталкиваются. Реализуются равнодействия и неравнодействия: первые ведут к пространственно-временной стабильности частиц, вторые — к нестабильности. Всеобщая активность частиц, находящая выражение во всеобщности взаимодействия, обусловливает всеобщую взаимозависимость частиц, создавая всеобщее *напряжение* в мире частиц. Материя — напряженное поле частиц, а с учетом разнообразия материи — совокупность взаимосвязанных полей. Материальное поле — энергетическое поле. Оно активно. Активность поля — активность частиц, активность частиц — активность поля. Поле организационно.

Взаимодействуя, частицы *влияют* друг на друга, т. е. воздействуют, воспринимают и взаимно приспосабливаются. Между ними осуществляется отношение *информации* (ин-формации, т. е. действия по образованию). Частицы «образовывают» друг друга. Действующая частица энергетична, взаимодействующая — энергоинформационна. Взаимодействие — *элементарный информационный акт.* Напряжение — всеобщая взаимоинформация. Материальное поле — информационное поле. Оно обладает информацией и способно информировать. Организация — процесс *энерго-информационный.*

Энергия, эта реализующаяся способность к действию, сопряжена с информацией, ибо всякое действие есть взаимодействие; информация сопряжена с энергией — без действия нет и информации. Энергия продуцирует информацию, информация направляет энергию. Информация производна от энергии, но энергия не свободна от информации. Информация энергетична, энергия информационна.

Материи свойственны энергия и информация. Энергия и информация организационны. Материя обладает *энергией организации и организационной информацией.* «Энергия-информация» есть *материальный механизм* организации материи, ее самоорганизации; это есть организация организации (в фундаментальном, простейшем, изначальном, всеобщем выражении).

Организация как действие предполагает цель. Какова же цель организации организации? Организация. Самоорганизация не может иметь иной цели, кроме организации, организации самой себя. Поддержание организации самой организацией — основополагающее свойство организации, ее внутренняя цель, самоцель. Внешней, наперед заданной цели организация природы не имеет. Будучи causa sui — сама себе причиной, она есть и сама себе цель.

1.2.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Организация природы не может основываться на одном-единственном организационном принципе, т. е. быть однообразной по характеру *поведения* самоорганизующихся элементов природы. Сало-разделение-объединение возможно лишь при противоположном, но и взаимно-положенном организационном поведении участвующих в организации частей. Самоорганизация — борьба полярно различных, составляющих диалектическое единство организаций, и борьба бесконечная, в которой нет победителей и побежденных: победа одной из сторон — конец самоорганизации! Не может быть полного единства, т. е. слияния в одну организацию, но не может быть и полного разрыва — отделения в две обособленные организации. Таков закон организации природы. Самоорганизация есть не просто организация организации, но о р г а н и з а ц и я о р г а н и з а ц и я м и.

О каких противоположных организациях, лежащих в основе организации природы, т. е. противоположных *организациях-началах,* или *природных организациях,* может идти речь?

Так как специфика организации, определяемая реализуемым организационным началом, проявляется непосредственно в поведении элементов природы — как отдельных элементов природы, так и их совокупностей, то выделение искомых природных организаций должно базироваться на анализе *организационного поведения разделенно-объединенной материи.*

Рассмотрим три диалектические пары организаций-начал.

Пара первая: организация *порядковая* (квазипорядок) и организация *стихийная* (квазистихия).

Оба определения условны: любой природной организации свойствен порядок, так что стихийное не значит беспорядковое. Правильнее было бы сказать: «порядковый порядок» и «стихийный порядок». Речь, таким образом, идет о двух типах порядковых организаций — одному присущ «порядочный порядок», а другому — «беспорядочный порядок».

Для порядковой организации характерны *постоянство* и *однозначность* поведения самоорганизующейся материи; для стихийной — *непостоянство* и *неоднозначность*. Порядковая организация отличается *неизменностью состояний* и *повторяемостью событий*, стихийная — *изменчивостью* и *неповторяемостью*. Порядковой организации свойственна обратимость процессов (сохранение закономерностей при обратном движении), для стихийной — *необратимость*. Порядковая организация основана на *механических* закономерностях с простыми причинно-следственными зависимостями; стихийная — на *вероятностно-статистических* с неопределенными причинно-следственными связями.

Порядок и стихия относительны. Как нет полного порядка, реализующего до конца характерные для порядковой организации принципы, так нет и полной стихии, реализующей до конца принципы, свойственные стихийной организации. Любой порядок частично стихиен, любая стихия непременно упорядочена. Поэтому порядок и стихия в абсолютном смысле — лишь теоретические абстракции. В реальности скорее наблюдаются *квазипорядок* и *квазистихия* (на крайних полюсах возможного набора порядково-стихийных организаций).

Порядок и стихия раздельно не существуют. И не только потому, что они не реализуются в чистом виде. Порядок и стихия предполагают друг друга. Порядок реализуется *в* стихии, *посредством* стихии и *вопреки* стихии; стихия — *при* порядке, *через* порядок и *против* порядка. Стихия обеспечивает порядок, порядок обеспечивает стихию. Они организуют друг друга. Постоянство и однозначность невозможны в природе без непостоянства и неоднозначности, как и наоборот, непостоянство и неоднозначность невозможны без постоянства и однозначности. Порядок поддерживается стихией, стихия поддерживается порядком. Каждая из организаций — своеобразная среда и рамки для другой. Обе абсолютно необходимы. Без них нет

природы! Абсолютный порядок, как и абсолютная стихия,— ничто!

Пара вторая: *микроорганизация* и *макроорганизация*.

Природа «частицеобразна», это — масса частиц. *Целостная* масса. Природа — целое, и целое беспредельное, а потому бесконечное число целых, но целых предельных. Беспредельность природы в бесконечности пределов.

Организация есть взаимоотношение части и целого. Поведение части определяется поведением целого; поведение целого зависит от поведения частей. Целое всегда больше суммы составляющих его частей, это особая организующая сила, со своими целями и своим механизмом. Поведение целого не сводится к поведению частей, а поведение частей не всегда реализует поведение целого. Возможен вариант, когда поведение целого определяется одной частью, если организационная роль последней достаточно значительна.

Целое и части организационно активны. Элемент воздействует на элемент; поведение элементов определяет поведение масс элементов и наоборот; движение масс воздействует на поведение целого; целое влияет на поведение масс и отдельных элементов. Организационное поведение разделенно-объединенной материи включает в себя организационную деятельность частей и целого, или, что то же самое, микроорганизацию и макроорганизацию.

Микроорганизация — организация, исходящая от части, макроорганизация — от целого. Обе составляют единство противоположностей. Микроорганизация и макроорганизация — предпосылки, факторы и результаты друг друга. Организация природы есть одновременно и микро- и макроорганизация.

Пара третья: организация *централизованная* и организация *децентрализованная*.

Поведение частей, входящих в целое, различно по отношению к целому. Одни части хотя и активны, но в общем нейтральны относительно целого; другие, наоборот, небезразличны к целому, и их активность распространяется на целое. Эти-то другие и выполняют функцию *организующего центра*, оказывающего направленное воздействие на поведение всех или некоторого набора частей и Целого в целом. Организация, основанная на действии организующего центра, является централизованной. Противоположная ей организация, т. е. лишенная организую-

2 — 555

щего центра,— децентрализованной. Обе организации реализуются в сочетании друг с другом.

54

1.2.3. ОРГАНИЗАЦИЙ ОРГАНИЗАЦИЯ

Организация природы не однообразна в своем конкретном воплощении: она выражена в организациях. Каждая часть природы — особая организация, со своей спецификой — по материалу, структуре, энергии-информации, организационным началам, функциям. Любая организованная масса материи, любое природное целое — *конкретная организация природы.* Природа — совокупность взаимопереплетенных *частных организаций частей природы.* Она есть организаций организация.

Природа (или ее часть) рассматривается как организационное и организованное целое, представляет собой *систему.* Система — природа *как есть.* Все содержимое природы, но содержимое непременно как организованное, заключено в системе. Каждая конкретная организация — система; сложная конкретная организация — *система систем.* Природа — и система, и система систем.

Именно организация делает природу системой. Организация ведет к системе и реализуется в системе. Система, как и сама природа, не сводима к организации как таковой, однако организация — главное в системе.

Важнейшая организационная характеристика системы — *структура.* Последняя отражает систему со стороны строения, конструкции, пространственно-временного расположения частей, взаимосвязей между элементами. Система содержательнее структуры — это еще и материал, механизм, закономерности, одним словом — природа.

Система — *самоорганизующееся природное целое.* Движение самоорганизующейся материи — не просто движение, но движение, имеющее *целостный* характер. Оно обусловлено целостностью самой организации.

Движение *ведет* к целому, целое ведет движение. Целое организует движение, движение продуцирует целое. Организационное движение — целостное движение; это движение, формирующее внутреннее единство целого и обусловливающее специфику этого целого, его отличность от остального мира. Целостное движение — движение, ограничивающее и отграничивающее. Это есть *замкнутое* движение, замкнутое на само себя — движение *в* движение. Это — круговое движение, *возвратное.*

Движение есть взаимодействие. Для целостного движения характерно круговое, возвратное, замкнутое взаимодействие, основанное на *обратной связи.* Это более сложное взаимодействие, чем акция-реакция. Обратная связь выражена здесь не реакцией, а акцией — обратной (возвратной) акцией. Обратная акция — не простая акция, а направленная внутрь организующейся массы материи, т. е. возвращающаяся организационная акция. Организация невозможна без такой возвратной активности самой организации. Организация возвратна. Возвратность делает организацию организацией, а систему системой.

Однако ни одна система не существует сама по себе, изолированно от других систем. Каждая система существует вместе и благодаря другим системам. Система вплетена в системы. Поэтому не может быть абсолютно закрытых систем. Все системы открыты — для «участия» в них других систем.

Любое конкретное организационное движение есть «часть» *мирового организационного движения.* Вне мирового нет и конкретного движения. Мировая организация — не сумма частных организаций, а организация *в* организациях — организаций организация. Конкретные организации открыты для мировой, как и мировая открыта для конкретных организаций. Вне этих последних мировая организация не существует.

Каждая из систем — продукт мировой и локальной (точнее, бесконечного числа локальных) организаций. Каждая конкретная организация — следствие себя самой и всего организующего мира. Организационно активный по отношению к системе окружающий мир — *среда* системы. В организации системы участвует не только «ее» конкретная организация, но и среда. Система открыта для среды.

Однако быть системой, т. е. некоторой особенной частью природы,— значит противоборствовать среде, закрываться от нее, от других систем, от мира. Система должна быть закрытой, организация — замкнутой.

Выходит, что организация конкретных организаций и замкнута и незамкнута, системы — и закрыты и открыты. Одновременное наличие и реализация противоположных свойств — условие осуществления организации и существования системы. Не может быть только открытых и только закрытых систем. Не может быть только замкнутых и только незамкнутых организаций. Могут быть только открыто-закрытые и замкнуто-незамкнутые организации.

1.2.4. ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Самоорганизация есть движение. И не только как движение к организации (при возникновении системы), и не как движение в организации, т. е. внутренний энергоинформационный поток, но и как *движение организации*, выражающееся в перестроении системы, изменении ее структуры, в смене ее состояний. И все это при сохранении качественной определенности системы.

Система — ряд последовательных, повторяющихся и неповторяющихся преобразований, это набор сменяющих друг друга «систем». Система есть системы (не как сумма подсистем, а как сумма состояний). Последние, т.е. «системы-состояния», суть *системы системы.* Движение организации выражено, таким образом, переходами от организации к организации в пределах конкретной организации, т. е. сменой «организаций-состояний». «Организации-состояния» суть организации организации.

Смена состояний системы, или движение систем в системе,— необходимый момент самоорганизации. Уже образование системы есть результат самоперестроения предшествующей системы (систем) —яра-системы (-систем). Перестроение — необходимое условие рождения системы. Однако, возникнув, система не может остановить перестроение самой себя, ибо это, во-первых, несовместимо с общим процессом самоорганизации природы; во-вторых, исключило бы возможность не только самоизменений, но и самонастраивания на нормальное (системное) положение; в-третьих, лишило бы систему способности самоприспосабливаться к изменяющейся среде. Не может быть одного-единственного (пусть и оптимального) состояния самоорганизующейся системы. Переходы от одного состояния к другому — механизм, показатель и результаты существования (самосуществования) системы. Существование невозможно без смены состояний. И не только потому, что оно предполагает «начало» и «конец», но и потому, что «выход» системы на оптимальное положение, т. е., по сути, окончательное формирование системы, есть процесс перестроения, а само оптимальное состояние — лишь момент этого перестроения, причем момент не предопределенный до и вне перестроения, а определенный в перестроении и самим перестроением, следовательно, не только движением к оптимуму, но и движением *за* оптимум. Оптимальное положение — не одно-единственное состояние, а *комплекс сменяющихся состояний,* позволяющий системе быть в наибольшей мере самою собой. Перестроение — необходимый фактор самореализации системы.

Время — активный момент организации. Оно не только организовано, но и само организует.

Оптимальное положение системы, как со стороны внутренней, т. е. самой системы, так и со стороны внешней, т. е. отношения системы и среды, есть положение *равновесия* — между частями системы, с одной стороны, и между системой и средой — с другой. Отклонения от оптимального положения свидетельствуют о вхождении системы в положение *неравновесия.* Движение к неравновесию происходит как по инициативе среды, так и по инициативе системы. Поскольку для самоорганизующейся системы характерно перестроение, то равновесие является фактически неравновесием, тем, что можно было бы определить как *равновесие неравновесий.* Переход от одного оптимального неравновесия к другому — вот что присуще равновесию. Равновесие неравновесно! Однако неравновесие (как таковое, т. е. неоптимальное состояние системы) также определяется своей противоположностью — равновесием. Неравновесие может быть переходным состоянием к новому оптимуму, а потому как единственно возможное в данный момент состояние (и переходное) нести в себе нечто равновесное, оптимальное. Неравновесие равновесно!

Все системы являются равновесно-неравновесными, и в зависимости от конкретного бытия их состояние бывает более равновесным или более неравновесным.

1.2.5. ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

Конкретные организации, в которых воплощена организация природы, являются продуктом самой этой организации. Природа-,— организатор организаций, ибо конкретные организации возникают и существуют в рамках всеприродного организационного процесса. Организация природы есть производство организаций, или организация организаций.

Организация природы — непрерывное становление; одни конкретные организации появляются, другие исчезают; организация природы (как «воплощенная» организация) изменяется.

Без смещения, обновления, продуцирования нет самоорганизации. Самоорганизоваться — значит *пере*-строиться. Суть природного организационного процесса в перестроении природы, с него «начинается» самоорганизация и им же «заканчивается». Перестроение — это и вариация структуры, и изменение качества.

Организация природы — нескончаемое превращение. Организация служит «материалом» организации. Организация порождает организации. Самоорганизация — это *эволюция.*

Эволюцией самоорганизацию делает самоорганизация. Не может быть неэволюционной самоорганизации. Неизменность, даже отражающая оптимум,— смерть самоорганизации! Самоорганизация не может стоять на месте. Она должна «перебирать варианты»— перестраиваться. Самоорганизация — организация организованного, а не организация неорганизованного. И это означает появление новых организаций на месте и за счет старых. Свободного (неорганизованного) пространства в природе нет. Место для нового высвобождается самой эволюцией. Эволюция обеспечивается эволюцией.

Взаимная приспособленность конкретных организаций не абсолютна. Всегда присутствует «элемент» неприспособленности. Приспособление, которое есть самоприспособление, динамично, это процесс. Приспособленность — момент приспособления. При абсолютной приспособленности приспособление прекращается; с прекращением же приспособления исчезает приспособленность. Неприспособленность — побудитель и движитель приспособления, его «живительная сила». Приспособленность на одном «участке» природы компенсируется неприспособленностью на другом. Всегда есть возможность и «место» для эволюции, есть и необходимость. В самоорганизации не может быть положения, когда н<?вое не приходит, а старое не уходит. Это означало бы конец организационному процессу вообще. Конкретные организации *должны* приходить и *должны* уходить — только при этом условии реализуется организация природы.

Эволюция — это организация самоорганизации!

Однако *уже* организованное сопротивляется эволюции. Существующие конкретные организации стремятся к сохранению. В организации природы заложена контр-эволюция!

Контрэволюция — та же эволюция, но с обратным знаком. Эволюция — это разрушение созданного и созидание разрушенного. В сопротивлении эволюционному разрушению и созиданию — и сопротивлении активном — проявляет себя контрэволюция. Проявляет она себя и в самой эволюции. Изменения, не затрагивающие качественной определенности системы,— лучшее средство поддерживания неизменности системы. Эволюция противостоит эволюции.

Самоорганизация — борьба эволюции и контрэволюции!

Цель эволюции — эволюция, а точнее, самоорганизация. Эволюция природы не имеет иной цели, кроме самоорганизации. Эволюция же части природы может подчиняться в процессе самоорганизации более конкретной цели — приспособлению и совершенствованию.

Эволюция организует самоорганизацию, ориентируя качественное движение в природе, самоорганизация организует эволюцию, обеспечивая ее непосредственную реализацию.

Эволюция — меняющееся разделение-объединение. Это — рекомбинация частиц, совокупностей частиц, совокупностей совокупностей. Эволюция — рекомбинация природы, рекомбинация количественная и качественная. Каждый эволюционный акт, каждое эволюционное превращение необходимы, ибо они непосредственно обусловлены состоянием природы и происходящей эволюции. Но путь, по которому идет эволюция, всегда первый. Эволюция — пос-тоянная импровизация, хотя и не вольная.

Новое детерминировано старым, но старое никогда не «знает», каким будет новое. Эволюция необходима и случайна одновременно.

1.2.6. ОРГАНИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ И МЕХАНИЗМ КАК ОРГАНИЗАЦИЯ

Природа организована. Организованная природа — система. Организованная система — механизм.

Механизм — организационная система. Система, рассматриваемая со стороны организации, а точнее, со стороны реализации организации, есть механизм. Механизм — принадлежность системы, ее «часть», однако такая принадлежность и такая «часть», которая воплощена в самой системе, в ее целостности.

Механизм — *система организации системы.*

Механизм — организационный образ системы. Он беднее системы и количественно и качественно, но это не мешает ему представлять систему в целом, быть ею самою.

Организация и механизм неразрывны, они составляют единое целое. Организация невозможна без механизма, механизм — сама организация. И тем не менее это не одно и то же — организация и механизм.

Что же особенного заключено в механизме?

Механизм — носитель и реализатор организации, ее процесс. Причем носитель и реализатор вполне материальный — относительно организации. Организация — функция механизма, результат его действия. Это важно подчеркнуть. Тот факт, что сам механизм организован, что он сам есть результат организации, не опровергает предшествующего вывода: не организация сама по себе создает механизм, а какой-то другой механизм создает этот механизм, и организация является здесь лишь посредствующим «звеном».

Механизм — не просто организационная, но непосредственно *организующая* система. Организация — эманация механизма, его продукт. Любой, даже самый простейший акт организации — акт *механизменный.*

Взаимодействие — акт механизма. И само по себе взаимодействие есть механизм — простейший механизм.

Механизм — всегда целое. Механизм — система, он рассматривается как система, в целостном выражении. Для механизма нет «неважных» элементов. Все, что обеспечивает организацию, относится к механизму.

У механизма обязательно есть *цель* — организовать нечто. И эта цель должна достигаться. Достижение цели — реализация механизма. Совпадение цели и результата — реальность механизма. Цель попадает в цель. Цель — действие — результат — цель — так проявляется целостность механизма, его замкнутость на самого себя.

Механизм системы сложен, как сложна и сама система. Механизм всегда есть совокупность механизмов, т. е. *подмеханизмов.* Подмеханизмы бывают разные: это и отдельные части механизма, это и качественно особые механизмы в механизме, реализующие свои специфические цели. Из последних: механизмы структуризации, функциональные механизмы, механизмы приспособления и изменчивости. Есть также механизмы созидания и механизмы разрушения, механизмы рождения и механизмы смерти.

Внутренние механизмы дополняются механизмами

взаимодействия со средой — со средой системы. Механизм конкретной системы в общем-то выходит за пределы данной системы — это очень важно иметь в виду. Механизм системы шире самой системы. Он всегда в той или иной мере является для нее запредельным механизмом, сверхмеханизмом, легамеханизмом.

Далеко не каждый механизм конкретно определен, есть механизмы весьма неопределенные, а есть и такие, неопределенность в которых «распределена» по механизму неоднозначно и неравномерно, нарастая, к примеру, от центра к периферии (как и наоборот), доходя до степени практической непознаваемости. Многие механизмы в природе могут рассматриваться частично, а иногда и полностью, как *трансцендентальные.*

Описание механизма — описание его организации: его конструкции и его деятельности. Механизм организует, но и сам он организован. Организационное описание механизма — раскрытие механизма.

Можно описать механизм по элементам, можно по частям (совокупностям элементов), можно описать и как целое. Можно дать структурное отображение, операциональное, функциональное, статическое и динамическое, эволюционное. Можно охарактеризовать материю механизма, а можно... его «душу». Можно дать закономерностное описание механизма, раскрыть его как совокупность закономерностей, а с учетом цели получить сущностное описание. Механизм — это не только содержание и форма, не только явление как совокупность явлений, но и сущность, а сущность механизма — это цель плюс достижение цели (сумма необходимых закономерностей и качеств).

Познать организацию — познать механизм. Познать механизм — познать организацию!

1.2.7. КОЛИЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИИ — КАЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИИ

Организация — материальный процесс, и уже поэтому она имеет количественные и качественные характеристики. Любая система — количество и качество. Любой механизм — количественный и качественный. Организация есть поэтому количество и качество, их движение и взаимодействие.

Но дело здесь не только в материальной природе организации. Организация и *сама по себе* количественна и качественна. Разделение-объединение — акт и состояние

количественно-качественные. Динамика системы — не что иное, как количественно-качественный процесс. Превращение — превращение количества и качества.

Само понятие организации неотделимо от количества и качества. При любой степени абстракции организация есть количество и качество. Даже дух, если рассматривать его как нечто организованное, есть какие-то количество и качество.

Любое количество есть количество организованное, любое качество — тоже организованное. Количество и качество — условия, моменты и результаты организации, ее характеристики и параметры, образы и способы выражения, ее *мера.*

Но есть ли количество и качество организации как таковой?

Да, есть.

Простейшее, элементарное (частицевое) взаимодействие — наименьшее количество и простейшее качество организации, ее единица. Единица количества и единица качества. Простейшая мера. Единица организации — *орг!*

Любая организация, выходящая за пределы элементарного взаимодействия, больше одного орга — и количественно и качественно одновременно. Два орга — это не просто один плюс один, а нечто большее — это удвоенная *по сложности* организация. Организация более высокого качества. Сумма больше суммы. В организации качество и количество едины. Выражение «больше организации» означает «больше сложности организации», а «больше сложности» — «больше качества» и «больше количества».

Количество элементов — важный параметр организации, за которым могут скрываться сложность и качество организации, но сам по себе этот параметр нейтрален относительно характера организации. Только через качество определяется характер организации. Качество — не количество как таковое, а количество определенным образом организованное, сложность — не количество количества, а качество количества (больше сложности — больше организации). Более сложная организация—это более организованная организация.

Качество — это еще и результат организации, т. е. качественно определенная система.

Никакое качество не раскрывается без организации, организационного аспекта. Любое качество — качество

организованное. Характер системы определяется характером организации.

Природа качественно разнообразна и качественно изменчива. Она — становящееся, превращающееся и преходящее качество.

Качественные переходы сопряжены с преобразованиями количественными. Количественные вариации — вариации качественные. Качественные переходы — качественно-количественные процессы: качества переходят в качества, количества — в количества, а вместе — от одного «качества-количества» в другое. Количества *как таковые* в качества не переходят, как и качества в количества. В новые качества переходят не количества, а старые, в том числе накопленные, качества.

Качественно-количественные преобразования — закономерно-случайностные процессы. Что-то и в чем-то предопределено логикой предшествования, что-то и в чем-то возникло само по себе, спонтанно. Однако любые преобразования правильнее рассматривать как одновременно закономерные и случайные.

1.2.8. ФЛУКТУАЦИИ И РИТМЫ

Организация всегда начальна и всегда конечна. Природа при всей своей бесконечности и вечности имеет начало и конец. Каждое мгновение реализуется начало и каждое мгновение — конец. Природа — постоянно рождающееся и постоянно умирающее нечто. Устойчивость — стремящееся к равновесию взаимодействие начала и конца.

Начало организации предполагает толчок — *импульс* организации. Разделение-объединение — этот простейший и самый общий акт организации — предполагает, с одной стороны, импульс разделения, а с другой — импульс объединения. Но и постоянное повторение импульсов. Организация — процесс импульсивный, а отсюда — прерывный.

Но это еще не все. Противоположная направленность и противоположность функций импульсов приводят, как и их взаимные первичность и вторичность, к сложной и подвижной реализации разделения-объединения: последнее реализуется то как разделение, когда сила разделения преобладает, то как объединение, когда, наоборот, преобладает сила объединения. Разделение-объединение осуществляется, таким образом, *в смене* состояний. Од-, ного, т. е. постоянного, состояния быть не может, ибо

при таком условии само действие по организации становится невозможным. Устойчивость организации — явление динамическое (колеблющееся). Равновесие сил проявляется в неравновесии результата их действия. Равновесие же результата просто невозможно — это смерть организации. Если же такое равновесие и допускается в воображении, то лишь как *момент* организации, а не ее стабильное бытие.

Организация — процесс дискретный и флуктуативный, ему свойственны самые разнообразные колебания: угасание и возобновление импульса (усиление и ослабление энергии организации); маятниковые изменения состояния системы (положения ее отдельных параметров); волнообразная реализация организационного процесса (подъемы и спады); повторяемость ситуаций.

Дискретность и флуктуативность, равно как и неравновесность — важные фундаментальные свойства организации. Именно благодаря им организация является жизнеспособной — достаточно гибкой, приспособительной, изменчивой, т. е. самоорганизующейся. Именно благодаря им организация реализуется как четырехмерный процесс, соединяющий в себе сразу пространство и время (прерывность — это уже время, а время позволяет осваивать пространство во всех возможных направлениях). Прерывность и флуктуативность — возможность переориентации организации, выбора, а также и возможность сохранения, устойчивости организации. Неравновесность — залог постоянства, но при этом и необходимое условие совершенствования и качественного превращения.

Прерывность и флуктуативность задают особый режим процессу организации, они делают его ритмическим. При этом ритм может бытв собственно ритмическим (регулярным), а может быть и аритмическим (нерегулярным).

Ритмичность проявляется всюду — от колебаний отдельных параметров до смены состояний системы, и проявляется по-разному — от простейшего движения в одну и другую стороны до сложнейших качественных преобразований. Ритмы, сопряженные со сменой повторяющихся состояний, т. е. с их движением как бы по кругу, обозначают собой динамические *циклы.* Организация отличается цикличностью, т. е. возвратной качественной динамикой.

1.2.9. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Организация диалектична, она реализуется в рамках единства и борьбы противоположностей, полагания и разрешения противоречий. Сам акт разделения-объединения — акт диалектический. Более того, разнообразно диалектический. Здесь все: единство и борьба противоположностей, полагание и разрешение противоречия, его воспроизводство, качество и количество, отрицание и отрицание отрицания, равновесие и неравновесие.

Заметим: организация возможна через организацию противоречия, как и через организацию его разрешения, постоянного полагания и постоянного разрешения. Без противоречий нет организации. Организовать нечто означает и нечто отвергнуть. Организация сопряжена с отрицанием предшествующей организации. Однако на этом отрицание не прекращается. Чтобы организация состоялась, она должна нести в себе непременно и отрицание самой ,себя: всякая организация возвратна. Наконец, организация отрицает среду, в которой она разворачивается и существует. Только посредством и в итоге ряда отрицаний возможна организация.

Всякая организация есть отрицание. Уже поэтому она диалектична. Возникая и существуя, воспроизводясь, организация отталкивается от организации — как от другой организации, так и от самой себя. Организация непременно противопоставляет себя организации, в то же самое время непременно ее предполагая. Организация — диалектическая борьба с организацией.

Диалектичность организации проявляется и в другом: сама внутренняя организация организации, ее механизм, основана на образовании и использовании противоречий. Любой организационный процесс предполагает соединение и взаимодействие противоположностей. Противоположность организует противоположность. Положность всегда должна быть *противо*-положностью. Положность противостоит положности, но не самой себе, а другой, с обратным знаком, положности. Только в таком противостоянии возможна организация. Организоваться—значит- вступить в отношение с противоположностью.

Организация есть организация противоречий.

Противоречие — механизм организации. Единство противоположностей — фундаментальный закон самоорганиз-

зации. Противоположности утверждают друг друга, контролируют и направляют друг друга, в итоге — «выручают» друг друга.

Важнейшее значение для самоорганизации имеет явление *разрешения противоречия.* Разрешение противоречия — условие жизни организации, если противоречие разрешается в пределах этой организации. В противном случае — это уже условие гибели организации, перехода к новой организации. Разрешение противоречий имеет прямое отношение как к самоорганизации системы, так и к ее качественным изменениям, в том числе и к переходу в другие системы.

Что значит разрешение противоречия в рамках самого противоречия?

Не что иное, как «удовлетворение» противоположностей, утверждение самой возможности их существования, еще и возможность соединения в одном решении прямо противоположных «решений», что является возможным в свою очередь посредством взаимного превращения противоположностей (А — в В, а В — в А) в рамках единого, хотя и двойственного, организационного акта.

Разделение переходит в объединение, а объединение — в разделение, а в целом совершается организация — разделение-объединение.

Что касается разрешения противоречия с выходом за его пределы, т. е. преодоления противоречия, то такое разрешение, носящее окончательный характер, предполагает переход к другой организации (системе), а потому либо разрушение исходной организации, либо ее преобразование в прямо противоположную организацию, что, как правило, возможно вследствие наличия в исходной организации ее отрицающей противоположной организации (во всяком случае, зародыша наследующей организации).

Организация предполагает организацию противоречий. Но и сама организация в целом организуется противоречиво. Организация противоречий сочетается с противоречиями организации.

Противоречия организации были нами уже отмечены: внутренние, т. е. само-противоречия; внешние — по отношению к другим организациям; либо взаимодействующим, либо средовым. Однако все эти противоречия сходятся к одному обобщающему противоречию — между *организацией* и *дезорганизацией.*

1.3. ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ - НАЧАЛО ПРИРОДЫ

Трудность понимания противоречия между организацией и дезорганизацией состоит в том, что дезорганизация... тоже организация, только со знаком минус. Есть организация созидательная, а есть организация разрушительная. Однако все не так просто. Разрушение не всегда разрушение, оно может быть и моментом созидания, равно как и наоборот: созидание не всегда есть созидание, оно может быть и актом разрушения. Если идет процесс созидания в положительном смысле, то разрушение — не более как внутренний момент созидания (С — Р — С), и соответственно если идет процесс разрушения, то созидание — момент разрушения (Р — С — Р).

Аналогично обстоят дела и с организацией и дезорганизацией, т. е. мы имеем две взаимозависимости: О — ДО — О и ДО — О — ДО. В первом случае преобладает организация, во втором — дезорганизация. Но в том и в другом случаях организация и дезорганизация выступают в двух лицах и двух ролях, как бы выражаясь друг в друге.

Если мы возьмем природу в целом или ее часть, т. е. конкретную систему, то мы обязательно столкнемся с противоречивым сочетанием в процессе **Организации** двух процессов: о р г а н и з а ц и и и д е з о р г а н и з а ц и и. Любая организация идет не сама по себе, вольно, а всегда в борьбе, в преодолении. В преодолении **не** только другой организации, не только среды, но и самой себя. Организация преодолевает дезорганизацию, т. е. ту организацию, которая работает против реализующейся организации.

Дезорганизация — обычное «дело»: любая организация осуществляется посредством дезорганизации предшествующих и сопутствующих организаций, их расстройства или уничтожения. Для становящейся системы дезорганизация просто позитивна. Дезорганизация «страшна» для существующей системы. Ведь дезорганизация — не только угроза, но и «болезнь», упадок, смерть. Это, бесспорно, с т р а д а н и е, ибо всегда коллизия, кризис, катаклизм, а временами — и катастрофа. Апокалипсис.

Для рождающейся, становящейся и воспроизводящейся организации дезорганизация выражена в общем-то слабее, а для умирающей — сильнее. Однако борьба есть борьба, а в борьбе, если она не склонна к заверше-

нию, всегда успех то на одной, то на другой стороне, тем более если речь идет о противоречиях самоорганизующихся систем.

Дезорганизация — важнейший имманент самоорганизации. Без дезорганизации нет самопоиска организации, ее самонащупывания и самонастройки. Нет самоприспособления и саморазвития, нет качественных самопревращений. Нет самосозидания мира.

Самоорганизующееся всегда есть самодезорганизующееся. Это закон!

Импульс на импульс, созидание на разрушение, плюс на минус. Организация на дезорганизацию, дезорганизация на организацию. То одно, то другое. Стройность чередуется с расстройством, устойчивость — с неустойчивостью, порядок — с беспорядком. Состояние сменяется состоянием. Норма чередуется с аномалией. Организация то усиливается, то ослабевает. Пульсирующая динамика. Ритмы и циклы.

Организация — процесс переменчивый, а локально — не вечный. Конкретная организация подвержена смерти, и в этом ей способствует дезорганизация. Но дезорганизация способствует и жизни. Она держит организацию в напряжении, заставляет сохранять себя, а при необходимости побуждает к перестроению и качественным преобразованиям.

Без дезорганизации нет организации!

Дезорганизация — начало природы!

2. ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИИ — ОРГАНИЗАЦИЯ НЕПРИРОДЫ

2.1. Неприрода — природный продукт природы

Природа эволюционна, однако и эволюция природна. Новое, возникающее в процессе эволюции,— не просто продукт природы, но нечто сообразованное с природой. Новое всегда природно по своей природе.

Природа — неустанный производитель организаций. Бесконечного количества бесконечно разнообразных организаций. Фантазия природы безгранична. Природа порождает *любые* организации, как с ординарными, так и с неординарными свойствами. Как далеко может зайти генерирование организационной неординарности?

Переход к новым конкретным организациям, совершаемых природой на каком-либо участке природного пространства, означает и качественное изменение самой природы (в пределах данного участка). Природа эволюционирует качественно. От «старой» природы к «новой». От «природы-матери» к «природе-дочери». От *архео-прн*роды к нео-природе!

Чем отличается неоприрода от археоприроды? В чем организационная новизна новой природы?

Природа организована прежде всего элементарно. Любая конкретная организация сводима к элементарной. Все в природе есть те или иные комбинации частиц. Любая организация восходит к элементарной. Лишь элементарная организация не восходит ни к какой другой организации. Она сводима только к самой себе. Элементарная организация — основная, всеобщая, исходная. Это — /гра-организация природы, самое «архео» в археоприродном, одним словом, *праприрода.*

Какой же путь с организационной точки зрения открывался перед природой, отправлявшейся в своей эволюции от элементарного состояния? Только путь *усложнения* организации, перехода к более сложным комбинациям частиц. От элементарного строения материи можно перейти лишь к неэлементарному, выбора здесь нет. Движение в обратном направлении — движение в ничто!

Неоприрода отличается от археоприроды *сложностью организации.* Новому присущ более высокий *порядок сложности,* а более высокому порядку сложности соответствует более высокий *уровень организации.* Неоприрода — более высокий уровень организации, чем археоприрода.

Если уровень организации определяется порядком сложности, то порядок сложности —... сложностью. Имеются сложность и сложность. Чем же одна сложность отличается от другой? Каков критерий сложности?

Количественное решение данной проблемы лишено смысла: от утверждения (даже если бы это соответствовало действительности), что более сложная организация включает в себя большее количество частиц материи, как и простых организаций, наше представление об Уровнях организации не становится яснее, не обогащается оно и в случае чисто количественной оценки порядков сложности. Более конструктивным является решение ка-

чественное: каждая высшая организация отличается от низших своим *особым качеством,* не свойственным низшим, но возникающим и воспроизводимым с участием последних. Более сложная организация не появляется на пустом месте. Она порождается организациями. И главное не в том, сколько старых организаций вошло в новую, а в том, что, во-первых, новая организация обладает свойствами, которых ранее не было у природы, и, во-вторых, эти новые свойства появляются не независимо от старых организаций. Сложность нового в том, что новое состоит из старого. Новизна сложного в том, что сложное образуется из простого. Без усложнения нет нового, но и без нового нет усложнения. Каждый новый скачок в организации, т. е. переход организации природы на более высокий уровень,— результат всех предшествующих скачков. Новое отрицает старое, но и предполагает его. Неординарность противостоит ординарности, но не отрывается от последней.

Критерий сложности — новизна качества, неординарность свойств. И непременно с учетом генетической связи с предшествующими организациями. Новизна качества, неординарность свойств, но взятые не сами по себе, а в отношении к «прошлому». Простота «прошлого» оттеняет сложность «настоящего».

Усложнение организации — генерирование неординарности! Организационная новизна новой природы — новое качество организационно усложненной природы!

С каждым скачком на более высокий уровень организации природа становится все более «неординарной». Неординарность порождает и усиливает неординарность. Кумулятивное генерирование неординарности. От ординарной природы к природе неординарной. Движение от природы (от!...)... ко *все менее^похожей на природу природе.* Природа все дальше уходит от ... природы. Она как бы отказывае\"ся оі самой себя, становясь все более ... неприродной. Природа преодолевает природу! Главное направление эволюции — от природы к неприроде!

Неприрода — это природа, но природа особая, с неприродными свойствами. Это природа, отрицающая природу. Не теряя генетической связи с природой, оставаясь в ее границах, неприрода,'обладая своими собственными (и особо неординарными) свойствами, выделяется из природы, обретая свою собственную самость.

Неприрода произошла от природы и существует в природе, это — природный продукт природы. Однако, уходя корнями в природу, неприрода уходит и от природы. Неприрода выделяется из природы и отдаляется от природы, это — неприродная часть природы.

Возможность именно такой эволюции, т. е. превращения природы в свою противоположность — неприроду, обеспечивается, во-первых, бесконечным разнообразием природы, во-вторых, постоянством изменения природы, в-третьих, сосредоточением генерационных усилий природы на предельно малом участке безграничного природного пространства. Не вся природа превращается в неприроду, хотя и, надо полагать, вся природа участвует в таком превращении. ЭТО происходит всего лишь в точке Вселенной — Нашей Вселенной — на Земле! [1]

И вот здесь-то, в данном месте наших рассуждений, важно иметь в виду: инициатива качественных преобразований общеприродного значения может иметь не только и не столько земное, сколько космическое происхождение. Земля — мать эволюции, Космос — ее отец!

2.2. Генезис неприроды — генезис природы

Природа претерпела ряд качественных превращений в своем движении к неприроде. Важнейшие из них: от неживой природы к живой (от природы к жизни) и от живой природы к общественной (от жизни к обществу). С появлением общества создание неприроды завершилось.

Природа — жизнь — общество. Три системы, три организации. От самой природной до самой неприродной. Три природы в природе! Первая — простейшая, исходная, основная, всеобщая. Ее свойства присущи всем типам природы. Вторая — производная от первой, более сложная, переходная к третьей. Третья — производная от первых двух, самая сложная и особенная, «конечная».

От природы к жизни, от жизни к обществу. Путь эволюции, но и путь генезиса, генезиса неприроды и генезиса природы. Неприрода — производное от природы. Понять неприроду — понять ее генезис, понять генезис

[1] Возможность наличия подобных процессов в других точках мироздания не отменяет данного вывода.

неприроды — понять эволюцию природы, понять эволюцию природы — понять генезис природы.

Природа конкретна. «Природы вообще» нет. Природа _ конкретное событие, имеющее конкретную историю — от начала до конца. Начало природы — ее изначальное, вполне природное, *состояние.* До него было другое, вполне конкретное, но другое, ыно-природное *(вне*-природное — для *нашей* природы) состояние.

Каким могло быть (а лучше, должно быть) изначальное состояние окружающей человека природы — нашей природы?

Бесспорно то, что праприрода, т.е. природа в любом исторически предшествующем состоянии, должна была быть энерго- и теплоемче. Жизнь природы требует затрат энергии и тепла. Именно затрат как затрат невосполнимых — трат. Природа не может не тратить, не может не терять. Наша природа энергетически деградирует, это — остывающая природа.

Изначальное состояние природы — «разогретое», «энергичное», огневое. *Взрыв*-ное! Наша природа, по всей вероятности, вышла из взрыва, взрыва-разрушителя (ино-, т.е. доприроды) и взрыва-созидателя (г.рироды). Первое состояние природы — Хаос. Минимум порядка и максимум стихии. От доприроды к природе, от (?) ... порядка (?) к стихии, а затем от стихии к порядку, новому, ужё природному, порядку — к Космосу. Между доприродой и природой — пламень, взрыв, катастрофа!

Генеральная линия эволюции природы — от стихии к порядку. От порядка хаотического к порядку космическому. Природа — процесс превращения стихии в порядок, Хаоса в Космос.

Если «начало» природы — стихия, то «конец» — порядок. Порядок абсолютный, без ст«хии. Торжество порядка — исчезновение стихии. Конец стихии — конец природе! Пока стихия и порядок вместе, пока есть и природа. Космос не уничтожает Хаос, а лишь изменяет его, делает космическим (космически упорядоченным), Хаос не исчезает, а остается, делая Космос хаотическим. Хаос производит Космос, Космос без Хаоса не существует. Космос отрицает Хаос, но и предполагает его. Без Хаоса нет и не может быть Космоса.

- Переход от Хаоса к Космосу реализуется посредством появления и развития в Хаосе и через Хаос противоположной ему формы — антихаотического порядка, или анти-Хаоса. Единство противоположностей — Хаоса и анти-Хаоса — дает Космос. Последний противостоит Хаосу не непосредственно, как анти-Хаос, а опосредственно, через двойное, а не одинарное отрицание. Хаос — тезис, анти-Хаос — антитезис, Космос — синтез.

Природа, будучи событием, есть непрестанное превращение Хаоса в Космос, хаотического порядка в космический, стихийного состояния в порядковое. Природа, будучи со-бытиём Хаоса и Космоса, есть постоянное их взаимодействие и взаимопревращение. Природа сложена диалектически — как во времени, так и в пространстве. Во времени — от Хаоса к Космосу; в пространстве — от взаимодействия Хаоса и Космоса с тенденцией перехода от Хаоса к Космосу.

Главная историческая тенденция природы, обусловленная ее генезисом,— возвышение порядка. От стихии к порядку, от тепла к холоду, от огня к тверди. Однако в силу разнообразия первичного Хаоса, а затем и возникающего анти-Хаоса возвышение порядка реализуется *не*-однообразно, воплощаясь в различных состояниях материи. Космос разнообразен. По мере развития Космоса изменяются его составляющие: Хаос и анти-Хаос. Они становятся со временем другими, по-другому взаимодействующими. Родившееся «сегодня» вовсе не обязательно повторяет родившееся «вчера». И не по форме, а по сути. Космос изменчив.

Разнообразие и изменчивость диалектически устроенного Космоса означают, что *возвышение порядка* есть процесс сложный: не единообразный, не однонаправленный, не прямолинейный, не равномерный, не однозначный. Главная тенденция реализуется посредством различных частных тенденций, совпадающих и не совпадающих, с главной. Возвышение порядка чередуется, сопровождается и сочетается с *понижением* порядка. Простые переходы от одного порядка к другому соседствуют или комбинируются с многоходовыми разнонаправленными превращениями, результатом которых оказываются чрезвычайно сложные формы космического порядка. Последние занимают середину космопорядкового спектра, на крайних полюсах которого располагаются максистихийные (минипорядковые) и максипорядковые (министихийные) образования.

Возвышение порядка — главная общеприродная тенденция. Она обязана своим существованием общепри-

родному расходу тепла и энергии, движущему вперед космообразование. Однако «на местах» обнаруживаются различные отклонения от главной тенденции. Эти отклонения возникают вследствие локальной неодинаковости тепло-энергетического расхода. В отличие от природы в целом, которой свойственны запас тепла и энергии и их расход, некоторые участки могут иметь помимо запаса и расхода еще и приход тепла и энергии, что создает особые, в том числе и исключительные, условия для реализации общеприродной тенденции к возвышению порядка.

Переход от более стихийной (менее порядковой) к менее стихийной (более порядковой) организации есть *энтропия.* Обратное движение — *негэнтропия.* Природе в ц-елом свойственна энтропийная тенденция, означающая преобладание общеприродной энтропии над общеприродной негэнтропией. В конкретно-локализованной реальности, т. е. в рамках отдельной природной организации или системы, взаимодействие энтропии и негэнтропии может быть иным, а главное, гораздо более сложным и исключительным по конечным организационным результатам.

Каждой природной системе присущ определенный *порядок организации.* Порядок организации — *мера организованности* системы, ее сложности и упорядоченности (или, в обратном выражении, стихийности). Порядок организации отражает не только «порядок», но и «стихию», это — сочетание порядка и стихии одновременно. Функция порядка организации как показатель двойственна: с одной стороны, он указывает на особенность одной системы по отношению к остальным, с другой — на особенность конкретного состояния системы относительно иных возможных состояний. Не просто *каждой системе* свойствен определенный порядок организации, но и каждой системе *в каждый момент времени* свойствен определенный порядок организации.

Если порядок организации системы не изменяется, это значит, что между энтропией и негэнтропией имеется равнодействие, и система находится в состоянии равновесия. Если, напротив, порядок организации изменяется, то происходит энтропия или негэнтропия, и система оказывается в неравновесии. С обретением эволюирующей системой нового порядка равнодействие между энтропией и негэнтропией, как и равновесие системы, восстанавливается.

Равнодействие энтропии и негэнтропии характерно для системы, находящейся в состоянии энерготеплового равновесия, когда расход энергии, и тепла компенсируется приходом. Энтропия и негэнтропия связаны с нарушением энерготеплового равновесия. Поддержание последнего — важнейший принцип существования системы.

Каждая система — гаситель энтропии и негэнтропии, это — анти-эн-тропийная и анти-негэн-тропийная сила. Система — *антитропийный механизм!* Анти-трогс-ийность (т. е. анти-поворот-ность) системы проявляется как во внешней сфере — в отношениях системы со средой, так и во внутренней — в отношениях между элементами системы. Антитропийный механизм — единство внутреннего и внешнего антитропийных механизмов.

Сложность и исключительность системы как антитропийного механизма предопределяет сложность и исключительность системы как системы.

Антитропия — противоположность одновременно энтропии и негэнтропии, обусловленная действием самих энтропии и негэнтропии. Это — синтез антиэнтропии и антинегэнтропии, происходящих от негэнтропии и энтропии (в негэнтропии заложена антиэнтропия и в энтропии — антинегэнтропия). Взаимодействие энтропии и негэнтропии, сочетаемое с противодействием, порождая тенденции к антинегэнтропии и антиэнтропии, нейтрализует энтропию и негэнтропию, имея результатом антиэнтропию. Тенденция к изменению порядка организации (посредством упорядочения или стихиизации) гасится сама собой и результируется в тенденции к стабилизации порядка. Такое погашение возможно в силу диалектичности тенденции к изменению порядка.

Антитропийный механизм, а следовательно, и система формируются как результат действия сложно переплетающихся общеприродных и локальных энтропийных (к порядку) и негэнтропийных (к стихии) процессов. В природе функционируют, с одной стороны, общеприродный энтропийно-негэнтропийный, а отсюда и антитропийный механизм, с другой — бесконечное количество различных встроенных друг в друга или сочлененных друг с другом частных, более или мейее локализованных, механизмов. Каждая система возникает и существует не только и, быть может, не столько за счет формирования и деятель-

ности своего собственного антитропийного механизма, сколько за счет функционирования общеприродного и множества частных механизмов. Антитропийный механизм не ограничен самой системой и ее непосредственными связями со средой. Это система механизмов, в которую входят также различные опосредствующие механизмы, в том числе и общеприродный антитропийный механизм.

Ничто не появляется на пустом месте. Всякий механизм-система выходит из других механизмов-систем. Новое всегда есть преобразованное старое, даже и не по инициативе самого этого старого. Сложное складывается из простого, простое образуется из сложного. Более сложное становится возможным потому, что основывается на менее сложном, уже бывшем; менее сложное — на уже существовавшем более сложном. Направление и характер преобразований задаются как конкретным сочетанием энтропийных и негэнтропийных процессов, влияющих на эволюирующую систему со стороны или непосредственно в ней происходящих, так и самой изменяющейся системой. Энтропия-негэнтропия совместно с возникающей антитропией изменяет старое, формирует новое, но в зависимости от старого. Отталкиваясь от достигнутого, природа способна создавать все более сложные, а на ограниченном пространстве — исключительно сложные, конкретные антитропийные механизмы, а следовательно, системы.

Энтропия-антитропия — созидатель нового и охранитель старого. Антитропия — системопроизводящая и системовоспроизводящая сила. Антитропийный механизм — стабилизатор и систематизатор природы.

Генезис неприроды — генезис особогр антитропийного механизма, способного вывести часть природы из природного состояния.

2.3. На пути к неприроде — жизнь

На уровне элементарных элементов живая система не отличается от неживой. Особенность обнаруживается на более высоком организационном уровне, а с переходом на еще более высокий уровень она усиливается и развивается, обретая все большую специфику, все более неприродное выражение.

Живая природа выходит из неживой; неживая природа становится живой. Живое «Сделано» из неживого.

Неживое — вещество, живое — и вещество и не-вещество, это — п/яервещество. Супервещество — вещество с невещественной, сверявещественной функцией, жизненной функцией.

Живое — противоположность неживому. Живое выделено из неживого и выделяется в неживом как противоположность. Живое противопоставлено и противопоставляет себя неживому. Живое противостоит неживому.

Жить — значит противостоять, противостоять — значит жить!

Противостоять неживому — значит отделяться от него, защищаться, сопротивляться, одним словом, бороться. Бороться против неживого и за живое, против закономерностей неживой природы и за закономерности живой. Жизнь — борьба с нежизнью!

Любая неживая система, будучи частью неживой природы, не имеет и не может иметь никакой другой функции, кроме той, которая предназначена ей неживой природой,— служить неживой природе и служить пассивно, не в собственных «интересах», а в «интересах» всей неживой природы. Неживая система — самоорганизующаяся система, но самоорганизующаяся в рамках и для неживой природы. Живая система, в отличие от неживой, служит самой себе, обладая собственным интересом; это самоорганизующаяся система, однако самоорганизующаяся хотя и на основе, но вопреки и против неживой природы.

Живая система, как и неживая, антитропийна, иначе она не была бы системой, но устроена в антитропийном плане не так, как неживая. «Живой» антитропийный механизм сложнее «неживого».

Функция любого антитропийного механизма — стабилизация системы. В неживой природе это достигается действием друг на друга противоположных сил — негэнтроции на энтропию, энтропии на негэнтропию — и установлением равнодействия между ними. Причем энтропия и негэнтропия, стабилизирующие неживую систему, имеют внешнее по отношению к системе происхождение, они идут извне, находя внутри системы лишь продолжение и особое, внутреннее, выражение. Антитропийный механизм, свойственный неживой природе, основан на действии внешних по отношению к системе тропийных сил, это механизм *экзогенного* характера. Для живой при-

роды такой механизм не подходит, ибо не соответствует самостоятельному бытию живых систем, их активной изолированности от внешнего мира и непрестанному противоборству с неживой природой. Живая система нуждается в механизме, способном поддерживать ее изнутри, помимо и вопреки действию среды, т. е. в механизме, вырабатывающем антитропию внутри и для системы, вне прямой зависимости от внешних тропийных сил. «Живой» антитропийный механизм должен быть по своему характеру *эндогенным.*

Живая система — генератор антитропии внутри себя и для себя, это — *ауто-эго*-антитропийная система!

Выработка аутоэгоантитропии требует затрат энергии, тепла. Эти затраты должны производиться самой системой. Антитропия живой системы оплачивается самой системой. Однако живая система не является сама по себе источником энергии. Всю необходимую энергию она получает извне. Живая система — потребитель энергии среды, и в данной роли выступает как активный негэнтропийный для себя и энтропийный для среды фактор. Полученную энергию она должна удержать в себе и израсходовать для своих целей. Расходование энергии, т. е. энтропия, но уже не среды, а самой системы, подчиняется достижению «живого» антитропийного эффекта, и поэтому не должно быть непосредственно внешним, как у неживых систем, а должно быть сначала внутренним, а потом уже внешним.

Энтропия, происходящая в пределах живой системы, разделяется на две: энтропию в системе и энтропию системы. Главная роль принадлежит энтропии в системе. Именно посредством этой энтропии может быть достигнут необходимый для жизни внутренний антитропийный эффект. За энтропией в системе стоит тот расход энергии, которым оплачивается существование особого внутреннего порядка, присущего только живым системам. Энтропия в системе — созидатель «живого порядка». Однако расход энергии внутри сибтемы есть и приход энергии внутри системы. Энтропия в системе сопровождается негэнтропией в системе. Последняя, как бы принимая эстафету от первой, останавливает эту первую, добиваясь необходимого для системы равновесия между стихией и порядком, т. е. антитропийного состояния. Негэнтропия в системе, будучи производной от энтропии в системе, также выполняет функцию созидателя «живого порядка». Посредством сложных многозвенных и многоступенчатых взаимодействий внутренних — по сфере действия, происхождению и целям — энтропийно-негэнтропийных процессов и реализуется жизненная организация.

«Живой» антитропийный механизм, в отличие от «неживого», включает в себя особый подмеханизм, «рабочими элементами» которого являются эндогенные энтропия и негэнтропия. Такой подмеханизм — непосредственная принадлежность системы, он функционирует в системе и для системы. Его главная задача — *противостоять* общеприродным и различным локальным энтропийно-негэнтропийным процессам экзогенного характера. Противостоять — это и сопротивляться, и ограничивать, и использовать.

Внутренний мир системы противостоит внешнему миру, всей природе. Общеприродной энтропии противостоит внутрисистемная энтропия, общеприродной негэнтропии — внутрисистемная негэнтропия. *Энтропия противостоит энтропии, негэнтропия — негэнтропии.* Эта специфика живой системы, в неживой природе такого не бывает. Для неживой системы характерно противостояние энтропии и негэнтропии и только. Такие противостоящие самим себе энтропия и негэнтропия суть *тропо*-энтропия и *тропо*-негэнтропия. «Живой» антитропийный механизм — механизм тропийный, это тропо-антитропийный механизм.

Материально тропо-антитропийный процесс выражен движением веществ, их превращениями. Живая система — потребитель, преобразователь и производитель вещества: сначала потребитель и преобразователь внешнего («входного») вещества, затем производитель особого внутреннего вещества — супервещества, далее — потребитель и преобразователь собственного вещества и, наконец, производитель внешнего («выходного») вещества, а также преобразователь окружающего вещества. Многоходовое преобразование веществ. Постоянное обновление материала.. Самого себя созидание и самого себя уничтожение. Самовоспроизводство. Сложнейший энтропийно-негэнтропийный и тропоэнтропийно-негэнтропийный процесс.

Живая система устроена так, что движение веществ, их преобразование обслуживаются движением веществ, их преобразованием. Движение веществ служит движению

веществ, преобразование веществ — преобразованию веществ. Движение и преобразование усложнены здесь таким образом, что им удается не только реализоваться самим по себе, но и обеспечить реализацию особых движений и преобразований, а именно тех, которые наделены функцией жизни. Если в неживой природе одни «неживые» вещества преобразуются в другие «неживые» вещества и только, то в живой природе преобразование одних «неживых» веществ в другие «неживые» вещества ведет к преобразованию одних «неживых» веществ в другие, но уже «живые» вещества, а также в связи с этими «живыми» к преобразованию одних «живых» веществ в другие «живые» вещества и, наконец, к преобразованию «живых» веществ в «неживые» вещества.

Преобразование вещества всегда связано с затратами тепла и энергии и их частичными потерями. Преобразование вещества сопряжено с изменениями порядка организации участвующих в преобразовании веществ. Преобразование веществ — процесс, с одной стороны, энерго-термический, с другой — энтропийно-негэнтропийный. В неживой природе преобразование одного вещества в другое есть взаимодействие энтропии и негэнтропии, оно сопровождается нарушением имевшегося равновесия между ними и поиском нового равновесия. С обретением последнего вещество (новое вещество) получает новый порядок организации. В живой природе помимо всего этого преобразование веществ служит сохранению веществ (через их возобновление) и присущего им, как и всей живой системе, порядка организации. Равновесие между энтропией и негэнтропией, т. е. состояние антитропии, в живой системе обязательно поддерживается и поддерживается через постоянные нарушения антитропийного равновесия в ходе происходящего в системе движения веществ.

Живая система как бы подчиняет себе энтропию и негэнтропию, свойственные природе, и заставляет их служить борьбе с ними самими для достижения антитропийного эффекта, способного противостоять (до известных пределов, конечно) энтропии и негэнтропии и сохранять систему как живую систему.

2.4. Жизнь: существо и существа

Жизнь — отрицание природы, однако отрицание диалектическое, с полаганием природы. Неприродное есть природное неприродное. Без природы нет неприроды. Первая — основание, создатель, питательная среда последней. Неприродой может стать только часть природы. Вся природа превратиться в неприроду не может.

Неприрода реализует себя в борьбе с природой. Однако «борьба с природой» — не только борьба неприроды с природой, но и природы с неприродой. Неприрода стремится уничтожить природу, иначе не будет жизни, природа стремится уничтожить неприроду, иначе не будет природы, а следовательно, и жизни.

Живое не может не быть *экспансионным*, экспансионным *в* природе и *за счет* природы, но живое не может не быть *ограниченным*, ограниченным *в* природе и природой.

Между живым и неживым должно быть равновесие, пусть подвижное, но равновесие, в противном случае жизнь просто невозможна.

Уничтожение природы — созидание жизни; уничтожение жизни — сохранение природы и ...жизни. Уничтожение природы неприродой и уничтожение неприроды природой — два взаимоисключающих процесса. И оба необходимы: без них нет жизни. Жизнь должна уничтожать и уничтожаться. От природы к неприроде и, обязательно, от неприроды к природе. Превращение неживого в живое возможно лишь при условии обратного превращения живого в неживое.

Жизнь — момент нежизни.

Жить — значит умирать, умирать — значит жить!

Живая природа должна быть устроена так, чтобы и смерть имела место, и жизнь не останавливалась. Выход был найден природой в *поли-центр-овой* организации жизни.

Живая природа, как и неживая,— система систем. Но если неживая природа — система неживых систем, то живая природа — система *живых систем*, этих вещественно-супервещественных образований, или *организмов*, в которых сосредоточена и выражена прежде всего жизнь, и *жизненных систем*, образующихся при взаимодействии организмов между собой или со средой.

Вне живых систем нет живого. Каждая живая систе-

ма — мир, живой мир. В такой системе жизнь находит свою полную реализацию. Появление в природе живой системы означает появление жизни, исчезновение — исчезновение жизни.

Каждая живая система — жизнь, живая природа, а жизнь — это жизнь жизней, и живая природа — мир жизней, живых природ.

Каждая живая система — *центр* жизни, а живая природа — пространство жизненных центров, гигантская *поли-центровая* система.

Со смертью живой системы жизнь прекращается, но лишь в рамках умершей системы. В других системах жизнь продолжается. Живая природа со смертью одной или множества живых систем не исчезает. Так разрешается противоречие между необходимостью жить и необходимостью умирать. Смерть — действительный момент жизни.

Жизненность и смертность живых систем обеспечивает, с одной стороны, жизненность и смертность живой природы, но с другой, и это исключительно важно,— выживаемость и бессмертность живой природы. Живая природа умирает и не умирает. Смерть обусловливает бессмертие!

Одновременная смертность и бессмертность живой природы — причина и следствие ее полицентрового строения. Живая система, будучи центром жизни, ее средоточием, «целой» природой в природе, обладает в противовес неживой системе, свойством *инициации организации.* Для организмов характерна организационная самостоятельность, позволяющая им самим определять собственное существование, т. е. быть инициаторами организации, или *ауто-эго-организаторами.* Неживые системы не обладают подобной организационной самостоятельностью, хотя они и являются самоорганизующимися системами.

«Неживая» самоорганизация принципиально отличается от «живой». Первая есть не более как «часть» всеприродной самоорганизации и отличается более пассивностью, чем активностью, зависимостью, чем независимостью. Активность и независимость неживой системы не идут дальше того, чтобы выделить и поддерживать систему как часть, именно как часть — и не более! — глобальной природной системы. Вторая, будучи «частью» всеприродной организации, является в то же время самостоятельной самоорганизацией, противостоящей всеприродной самоорганизации. «Живая» самоорганизация более активна, чем пассивна, более независима, чем зависима. Это самоорганизация «целой» природы (живой природы) среди самоорганизации природы вообще. Организация неживой системы подчинена всеприродной организации, как часть целому. Именно природа в целом выступает здесь как инициатор организации. Организация живой системы, являясь продуктом организации природы и ее «частью», противостоит этой последней как целое целому, как инициатор инициатору. Организация живой системы — это самоорганизация самоорганизации, это как бы помноженная на самое себя усложненная, усиленная самоорганизация.

Будучи ауто-эго-организатором, живая система занимает особое положение в мире природных систем. Если любая неживая система есть не более как *объект* в объектном мире природы, то живая система помимо этого есть еще и *субъект в* объектном мире природы. Субъект — это объект, ставший аутоэгоактивным, прекративший «слепо» подчиняться природе; это объект с необъектным поведением, поведением, прямо противоположным объектному,— *субъект*-ным поведением, или *ауто-эго*-поведением.

Природная система, наделенная ауто-эго-поведением, есть существо. Существо — не просто существующее в природе, но существующее субъектно, аутоэгоактивно, это не просто существующее, но сущее, существующее сущее. И неживая и живая' системы — сущности, они обе существуют, обе есть, однако первая — сущность и все, а вторая — сущая сущность, т. е. сущность сущности, сущность от сущности, сущностная сущность. Если неживая система является сущностью, потому что существует, то живая система существует потому что является сущностью, это существующая сущность. Как всякая природная система, живая система есть сущность от существования, но как собственно живая система она есть существование от сущности, а затем — «снова» — сущность от существования. Для неживой природы характерна связь «существование — сущность», для живой — «существование — сущность: сущность — существование: существование — сущность»; для неживой природы свойственны простые «существование» и «сущность», для живой — сложные: «существование существования» и «сущность сущности».

Сущность — любая природная система, часть природы, сама природа; существо — особая природная система, природа в природе, неприрода в природе.

Существо — мир, мир жизни; живая природа — мир жизней, мир существ!

Живая система, являясь инициатором организации, имеет возможность действовать «по своему усмотрению»: быть активной или пассивной, наступающей *или* обороняющейся, воздействующей или нейтральной, изменяющей *или* сохраняющей. Существо имеет возможность *выбирать.* Его поведение — следствие собственного выбора, хотя и не свободного, разумеется, от внешних условий и побуждений. Живая система обладает свойством *ауто-эго-ориентации,* ориентации *себя* и ориентации себя *в среде.* Поведение существа — само-ориентированное-для себя поведение. С одной стороны, это ориентируемое самой системой в своих целях поведение, а с другой — это ориентирующее систему собственное в ее целях поведение. Поведение существа ориентируется существом, однако поведение существа ориентирует существо. Ориентация не может происходить вне поведения, как поведение не может происходить без ориентации.

Поведение любой системы выражено отношением «система — среда»: либо активность проявляет система, изменяя среду, либо активность проявляет среда, вызывая активность системы, изменяющую среду. Динамика системы неразрывна с динамикой среды; динамика системы выражается в динамике среды, динамика среды — в динамике системы. Поведение системы является *эндо-активным,* если оно провоцируется самой системой, и *экзо-активным,* если провоцируется средой.

Взаимосвязь динамики системы и динамики среды настолько велика, что поведение системы находит выражение в динамике «системы-среды», а для живой природы — «существа-среды». Отсюда поведение живой системы ориентируется более обширной и сложной, чем организм, системой — жизненной системой «организм-среда».

Поведение существа обеспечивает ориентацию существа, его выбор. Выбор осуществляется *в* процессе и процессом поведения. Поведение служит выбору. Выбор — цель, смысл и результат поведения. Поведение существа носит *избирательный* характер.

Избирательное поведение — поведение сложное: неоднообразное, неоднонаправленное, неоднозначное. Это поведение, имеющее определенную свободу реализации самого себя. Это поведение с разными, а именно прямо противоположными возможностями собственного продолжения. Это — *альтернативное* поведение. Реальному выбору поведения существа всегда предшествует возможный выбор. Обычно утверждается поведение, которое более удовлетворяет потребности самоорганизации и выживания существа.

Альтернативный выбор позволяет существу вести себя «по своему усмотрению»: иметь различное, в том числе и прямо противоположное, поведение при одинаковом побудительном мотиве; иметь поведение, отличное от того, которое предполагает провоцирующим влиянием; иметь одинаковое поведение при разных побудительных мотивах.

Поведение — сложное явление. Оно выражается трояко: как изменение-сохранение состояния системы; как изменение-сохранение местоположения системы; как изменение-сохранение отношения системы к окружающему миру, к другим системам.

Поведение существа — проявление особого взаимоотношения системы и среды, такого взаимоотношения, в котором один из агентов — аутоэгоорганизатор, а следовательно, аутоэгоизбиратель. Существо активно субъективно. Оно не просто воздействует и реагирует, как это делает неживая система, а воздействует и реагирует, "противостоя среде, исходя из собственного интереса, ориентируясь на самое себя, снимая с себя необходимую для этого информацию, самоуничтожаясь, т. е. действует, «поверяя» самому себе и самим собой характер предпринимаемых акций, различая, выбирая,— одним словом, *зная, со* знанием, со своим знанием, осо-знан-но, *со-знат-ельно.*

Среда — не просто то, что вокруг существа, с чем существо взаимодействует, это то, что существом *осознается.* Живая система вырабатывает свое собственное, субъектное отношение к среде, познавая, осознавая, зная эту последнюю. Выбор, который делается существом,— выбор со знанием, *сознательный выбор.* Выбор с *субъектным отражением* окружающего мира. Изменяя-сохраняя свое состояние, местоположение, отношение к Другим системам, существо отражает в себе, через себя и для себя окружающую среду. Оно ощущает мир, ощущая при этом и *самого себя.* Ощущение объекта субъ-

ектом есть и ощущение субъектом субъекта. Вне отношения «существо-среда» нет не только ощущения среды, но и ощущения существа самим существом, т. е. нет познания, осознания и знания.

Живая природа стала живой однажды. «Стать живой» — не просто превратиться из неживого в живое, но и закрепить это живое, т. е. превращать живое в живое. С момента, когда живое стало производить живое, живая природа и начала *свое* существование. Существо производит существо. Существо — следствие существа. Существо вослед существу. Существо *на-след-ует* существу, существо на-след-уется существом. Действует закон наследования.

Полицентровость в пространстве дополняется полицентровостью во времени. Центр рядом с центром, центр *следует* за центром.

Существо — дитя природы. Произведя такое дитя, природа выступила за него, но, уже имея дело с ним, природа выступает и против него. Жизнь существа — забота и дело самого существа. И не только жизнь уже существующего существа, но и жизнь его потомства. Мало произвести существо, нужно еще и обеспечить его выживаемость.

Возникнув в природе, вопреки природе, борясь с природой — неживой и живой, существо не могло не пойти по пути количественной и качественной экспансии: производства от одного существа-предка не одного, а множества существ-потомков в одном поколении, а также создания возможно большего (практически безграничного) сущностного разнообразия существ. На место одного существа приходит множество существ, на место одного типа существ — множество типов существ. Воспроизводство живого живым — воспроизводство *расширенное* как по числу существ, так и по числу типов существ. Живые системы — системы, *размножающиеся* количественно и качественно.

Свойственная живой природе полицентровость — сложная полицентровость. Это не только пространственная и временная, не только количественная (по существам), но и *качественная* (по типам существ), а также *умножающаяся* — количественно и качественно — полицентровость, полицентровость *экспансионная, разнообразная, эволюционная.*

Количественное и качественное размножение ведет к

изменению живой среды существ. Существа оказываются во взаимодействии с возрастающим числом организмов — однотипных и разнотипных. Живая среда усложняется, что вызывает потребность в качественно новых организмах, более сложных, а потому и более приспособленных к изменившейся среде. Эволюция живого толкает вперед эволюцию живого, придавая ей направленный характер — от простого к сложному.

Живое стимулирует развитие живого. Живое заставляет живое совершенствоваться. Живое вызывает *прогресс* живого. Эволюция живого — *прогрессивная эволюция.*

Полицентровость живой природы не просто качественно умножающаяся, но качественно *усложняющаяся,* не просто эволюционная, но *прогрессивно эволюционная.* На место «центров-предков» приходят не просто «центры-потомки» и даже не просто новые «центры», а «центры» более сложные и более совершенные.

Живой мир — мир существ, а точнее, мир *из* существ. Живая природа — не одно-единственное существо, а множество существ, причем при всей их самостоятельности и обособленности не изолированных совершенно друг от друга. Все существа так или иначе связаны между собой, *взаимообусловлены.* Каждое существо взаимодействует со средой, а в составе последней не только неживые, но и живые системы. Уже поэтому существо с неизбежностью вступает в отношения с другими существами, и отношения разнообразные: биофагии, конкуренции, взаимопомощи.

Подавляющее большинство организмов воспроизводится посредством особых двусторонних — половых — отношений. Многие из типов существ ведут совместный, коллективный образ жизни, объединяясь в семьи, стада, сообщества, т. е. вступая в сложные отношения сожительства. Но главное, что связывает существа между собой,— сам факт *невозможности существования* без живого, одного «центра жизни» без других «центров жизни»: насколько необходима дифференция живой природы (разделение на организмы, на типы существ), настолько необходима ее интеграция (объединение существ и их типов в некоторое целое). Живое — фактор жизни живого. И выражается это не только в функциональной зависимости существ, относящейся к их текущей жизнедеятельности и проявляющейся во внешних, контактных взаимосвязях организмов как членов жизненных систем,

ими же, организмами, образованных, но и во взаимозависимости организменной, относящейся к качественной определенности существ и проявляющейся во внутренних, признаковых взаимосвязях существ как элементов жизненных систем, объединяющих организмы по их сущности не ими, организмами, созданных.

Наличие этой второй глубинной взаимозависимости свидетельствует о том, что живое не просто обеспечивает живое, как это имеет место в случае функциональной взаимозависимости, а определяет живое, «решает», каким ему быть, какой образ жизни вести, какое иметь поведение. Не только появление существа на свет, но и его качественная специфика предопределяются живой природой. Но самое замечательное — «решение» о том, каким быть существу: таким же, как его предки, подобным им или иным, является «решением коллективным»,— если и не всей живой природы, то ее достаточно большой части, в которую входит некоторое, и весьма значительное, число существ, и, что особенно важно, как одного и того же, так и различных других типов.

Своей сущностью — как отличительной особенностью живого среди живого — существо обязано не только своим непосредственным предкам — существам-родителям, но и всем предшествующим поколениям предков, и не одним только прародителям, но и всем (многим) однотипным существам-предкам, а также еще и существам-предшественникам других, прежде всего взаимодействующих типов. В процессе воспроизводства существ их качественная определенность либо сохраняется, либо изменяется, и если изменяется, то либо незначительно, с образованием некоего подкачества, либо значительно, с возникновением нового качества. «Решение» о качестве того или иного существа — результат сложного, различного по времени организационного процесса, осуществляемого живой природой, хода воспроизводства живого: существ, жизненных систем, типов существ.

Как организован данный организационный процесс?

Живая природа разнообразна. Однообразие противопоказано борющемуся за жизнь живому. Разнообразие, будучи основой, средством и результатом эволюции экспансиирующей живой природы, ее приспособления к изменяющейся среде, позволяет живому выживать, обретая приемлемые формы и варианты бытия. Без разнообразия нет эволюции, как и без эволюции нет разнообразия. Без разнообразия, как и без эволюции, нет жизни.

Разнообразие живой природы конкретно выражено прежде всего в наличии разных по существу организмов. Главный критерий сущностного различия — невозможность организмов разной сущности произвести общее потомство. Если бы такой невозможности не было, то не было бы и сущностных различий, не было бы и разнообразия живой природы. Явлению наследования противостоит явление не-наследования!

Производство потомства — «односущностное дело». Единообразие спасает разнообразие. Существа одной сущности производят существа той же самой сущности, и это последнее не переходит в однообразие. Односущностное потомство не есть и не может быть однообразным. Наоборот, оно является максимально разнообразным, разнообразным в пределах одной сущности. Такое внутрисущностное разнообразие также необходимо, как и межсущностное, и уже потому, что доводит жизнеспособность существа данной сущности до необходимого для выживания и продолжения жизни уровня. Внутрисущностное разнообразие служит сохранению сущности. Разнообразие обеспечивает единообразие.

Разнообразие изменчиво, ибо природа эволюционирует. Есть разнообразие прошлое и есть разнообразие настоящее. Один набор сущностей сменяется другим. Возникают новые по своей сущности существа. Природа не только воспроизводит, но и производит «живые сущности» — новые сущности.

Сущность производится от сущности. Выходит, что какая-то конкретная сущность должна превратиться в процессе размножения существ-последователей этой сущности в другую сущность, а генетической задачей любой сущности является прежде всего самосохранение, т. е. воспроизведение себя в существах-потомках, а не создание новых сущностей. Получается противоречие: с одной стороны, необходимость появления новой сущности от старой, с другой — необходимость сохранения старой сущности в существах-потомках. Противоречие вполне реальное, и нашло оно в природе вполне реальное разрешение. Каким образом? Посредством ... *разнообразия существ.*

Разнообразие односущностных организмов служит не только сохранению, но и преобразованию сущности в

другую сущность. Происходит это путем развития в потомстве каких-либо необходимых для его выживания особенностей (признаков), свойственных некоторой части, а возможно, и одному из односущностных организмов, участвующих в воспроизводстве потомства. Количество участников производства новой сущности должно быть значительным, чтобы вероятность возникновения нового признака была достаточно высокой.

Выбор нужного для жизни потомства признака, его сохранение и упрочение осуществляются процессом естественного отбора, когда выживанию подлежат в столкновении с живой и неживой природой организмы — носители нужного признака. Выживание этих существ приводит к постоянному изменению в их пользу состава воспроизводящейся группы односущностных организмов, или *популяции*, а в итоге, с накоплением новых свойств, к появлению на месте старой сущности новой сущности, т. е. к качественному преобразованию всей популяции.

Сосуществующие в тот или иной момент времени существа различаются между собой двойным образом: по сущности и по отдельным признакам в пределах сущности. Все существа определенной сущности составляют особое жизненное образование — *вид*.

Видовая система абсолютно необходима для жизни. Мало быть существом, нужно принадлежать к сообществу существ одинаковой сущности. Ни одно существо не могло бы существовать, не будь оно принадлежностью вида. Без вида нет необходимой для жизни отъединенности от живого мира, но без вида нет и необходимой для жизни объединенности. Только вид обеспечивает сохранность существ определенной сущности, и только вид обеспечивает превращение уже существующей сущности в новую, более приспособленную к жизни, сущность. Вид необходимо однообразен, единообразен и разнообразен.

Вид — это некая жизненная совокупность, а правильнее — *единица жизни*, так же как и существо, но с тем отличием, что это не «сосредоточенная в себе» и непосредственно сама собой выраженная как существо единица, а единица рассредоточенная, т. е. единица, воплощенная в единицах, единица единиц — *совокупная единица жизни*.

Если существо — центр жизни, то вид — также центр, хотя и центр опосредствованный, неявный, не сам по себе существующий. Это центр центров, центр из центров, центр, представленный центрами. Вне существ нет и вида. Однако, несмотря на это, вид наделен собственной жизнью.

Полицентровость живой природы не только полицентровость по существам, но и полицентровость по сущностям — по *видам*. В единстве с центрами-организмами существуют и центры-организменные объединения, т. е. центры-виды. Последние представляют собой своеобразные поли-центры, в отличие от центров-существ, которые есть жоно-центры. Полицентровость живой природы представлена органически взаимосвязанными и моно- и полицентрами.

Живой мир богат разнообразными функциональными связями: от вполне природных до не слишком природных, а в крайнем выражении — просто неприродных. В числе первых: биофагия, половые отношения, в числе последних — соперничество, доминирование, взаимопомощь, покровительство, обучение. Функциональные взаимосвязи устанавливаются как между одновидовыми, так и между разновидовыми существами; они являются как двусторонними, так и многосторонними, носят либо временный, либо постоянный характер.

Одни и те же по типу функциональные отношения входят в разные жизненные системы, в то время как одни и те же жизненные системы включают различные отношения. Жизненная система — совокупность разнокачественных отношений, причем поддерживаемых одними и теми же существами, входящими в систему.

Природные отношения непосредственно обслуживают воспроизводство организмов, они как бы дополняют и продолжают организмы за пределами организмов. Природа этих отношений — природа самих существ как природных систем. Каждый организм рождается и существует как элемент системы организмов. Такого рода отношения между существами являются *био*-отношениями. Совсем иное дело — неприродные отношения. Они непосредственно не связаны с жизнедеятельностью организмов, хотя и обусловливают эту последнюю. Биоотношения реализуют обмен и превращение веществ, создание, уничтожение и размножение организмов. Это отношения чисто материального процесса. Такого не скажешь об отношениях неприродных. Для последних характерна определенная

невещественность, нематериальность, хотя основания у этих отношений вполне материальные (материальны агенты отношений, окружающие их энерго-информационные поля, связующие организмы энерго-информационные потоки) . Однако на материальной базе реализуется нечто нематериальное, что является функцией от материального, его продуктом, результатом, но в полной мере к материальному не сводимым. Неприродные отношения возникают сугубо *между* существами, это их, существ, продукт, продукт систем, наделенных сознанием. Это — сознательно поддерживаемые отношения. Если природные функциональные отношения предложены существам природой, то неприродные отношения предложены природе существами. В противоположность первым — биоотношениям, вторые суть социо-отношения.

2.5. Природная неприрода — общество

Природа — организованный творец организации. В своем творчестве она идет далеко: от неживой природы к живой, от жизни биологической к жизни общественной. От природы к неприроде. Природа, оставаясь природой, беременна неприродой, своей противоположностью. «Природа-неприрода» — единство и борьба противоположностей.

Природа породила существа, а вместе с ними и особое отношение существ, а в целом — мир (массу) осознанно соотносящихся — общающихся — существ. Природа породила общество. Природа породила общественную организацию.

2.5.1. ОБЩЕСТВО — ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Общество — не просто масса существ, а *по-особому* организованная масса существ. Это — не просто сумма отношений существ, а система отношений. Общество — целостная система существ.

Общество — это сообщество существ. Общество — это внутреннее взаимосвязанное множество, замкнутое на само себя, *воспроизводящееся целое.* Но и воспроизводящее, воспроизводящее существа, в это целое входящие. А коль скоро общество состоит из существ, то воспроизводственный процесс есть процесс деятельности существ и их взаимодействий. Взаимодействий, обеспечивающих воспроизводство. Существо обеспечивает существо, делая **это в рамках целостной системы существ — общества. Общество — самовоспроизводящаяся система существ, организм, живая система ... существо, существо из существ,** *суперсущество.*

Существа активны, и не только в себе и для себя, но и вне себя и для других. Они активны как элементы общества, как участники общественного воспроизводственного процесса, а соответственно и общественной организации. Существа взаимозависимы и своей активностью дополняют друг друга. Деятельность существ сообразна обществу и обществом сообразована. Интерес существа совпадает с интересом общества и наоборот. Частное переходит в общественное, общественное — в частное. Общество реализуется как общество.

Существо — целостная система, однако такая, которая существует в обществе существ. Без общества нет существа. Существо — явление общественное.

Существо самоактивно. Индивидуально самоактивно и общественно самоактивно. Самоактивность сопряжена с целью, ее достижением. Активность особи самоцелесообразна: существо производит и цель и активность, и активность и цель. Все это делает существо *инициатором,* а инициативность делает существо *субъектом.* Каждое существо — субъект, а общество — общество субъектов.

Инициатива — целесообразная самоактивность субъекта. Для себя, в себе, но и *вне* себя. Инициатива *«из* себя» переходит во «вне себя», вокруг себя. «Вокруг себя» — внешний мир или *среда.* Активность субъекта опосредована, она реализуется через среду. Активность субъекта есть его воздействие *на* среду. Субъект активен, среда пассивна. Для субъекта среда — *объект.* Среда, на которую воздействует субъект,— объект. Объект — субъективированная («обыниициативированная») среда. Объект всегда субъективен. Без активности субъекта, его инициативы, нет объекта. Есть природа, но нет объекта. Природа становится объектом перед лицом субъекта, и обязательно субъекта-инициатора.

Пассивность объекта в рамках отношения «субъект -*- объект» не мешает объекту быть активным в рамках отношения «объект —* субъект». Объект влияет на субъект. Влияет уже фактом своего существования. Влияет своим сопротивлением субъекту. Влияет и собственной активностью, но активностью объективной, а не субъектив-

ной, т. е. «пассивной активностью». Активность объекта — не активность субъекта, это активность того, на что направлена инициатива субъекта. Активность объекта производна от активности субъекта.

Объект — среда субъекта, его окружающий мир. Мир активный, даже самоактивный — как изменяющаяся природа, как мир существ, как общество. Среди самоактивных элементов объекта — субъекты. Субъект — не только субъект, но и объект для другого субъекта. Объект субъектен, но и субъект объектен.

«Субъект — субъект» — важнейшее для общественной системы отношение. И не только отношение. Это еще и система, в рамках которой реализуется множество отношений со множеством субъектных ролей. Миниобщество. Общество в обществе. Активное как субъект. Общество-субъект и субъект-общество. Ячейка общества. Главная составляющая, делающая общество не только обществом из существ, из субъектов, но и обществом из ячеек, *обществом* из обществ. Но самое важное: та самая элементарная составляющая, делающая общество обществом. Именно с этой ячейки начинается общественное, на ней же и заканчивается.

Общество состоит из ячеек. Ему свойственна ячейковая организация. И если учесть, что каждый субъект может одновременно входить не в одну ячейку, что ячейки — открытые системы, что они активны, что из ячейки в ячейку перетекает информация, что сами ячейки являются элементами информации, что ячейки способны образовывать между собой самые разнообразные соединения, то становятся понятными конструкционные возможности ячейковой организации. Каждая ячейка (равно как и суперячейка) — центр активности и инициативы, она способна к *самоорганизации,* предназначенной для себя, но направленной как в себя, так и от себя.

Самоорганизуясь, ячейка реализует свой интерес, но реализовать его ячейка может только во взаимодействии с другими ячейками. Организация себя и для себя с неизбежностью осуществляется и как организация других, с другими и для других. Самоорганизация ячейки — это и организация среды, а соответственно других ячеек. От элементарных ячеек к суперячейкам, от последних к еще более крупным образованиям, наконец, к обществу в целом — так распространяется организация в обществе.

Но, распространяясь, организация изменяется. Организация суперячейки отличается от организации ячейки, а организация крупных образований — от организации суперячеек, организация общества — от организации крупных образований. Организация общества сложна,— и не только по причине многочисленности ее элементных участников, но и вследствие реализации в рамках общества различных по уровню и соответственно качеству организаций. Таких уровневых организаций множество. Но на крайних позициях находятся *микроорганизация,* осуществляющаяся на элементарном уровне, и *макроорганизация,* реализующаяся на уровне общества в целом. Организация элемента сочетается с организацией целого.

Организация общества распространяется от субъекта к обществу, от элемента к целому. Элементы организуют целое. Но целое — тоже самоорганизующаяся система. Функция и инициатива целого отличаются от функции и инициативы элемента. У целого *своя* организация. Целое самоорганизуется и организует элементы. В итоге организация общества осуществляется как организация, сочетающая микроорганизацию и макроорганизацию.

2.5.2. Homo-СУЩЕСТВО И Homo-ОБЩЕСТВО

Идя по пути усложнения организации, природа, держа курс на неприроду, создала великое множество видов существ и их общественных организаций, которые различаются между собой разной степенью удаленности от природы и близости к неприроде.

Логично предположить, что природа, занятая сотворением неприроды, должна была предельно реализовать свою творческую потенцию, перебрать все возможные варианты и дойти до самого крайнего из них — *маргинального.*

Маргинальный вариант — самый неприродный из неприродных, именно тот вариант, при котором осуществляется наиболее полное отрицание природы, а следовательно, возникает возможность появления особого природно-неприродного качества, знаменующего собой полное становление неприроды, ее тождество самой себе.

Маргинальная неприрода — это та неприрода, которая предстает целостным аналогом-антиподом природы, заявляет о себе как новая, или вторая, природа, существует на равных с первичной природой, противостоит ей лицом к лицу, соотносится с ней как целое с целым в рамках единого целого.

Маргинальная неприрода — неприрода с особой, обусловленной ее целостностью и самостоятельностью, самоактивностью. С появлением маргинальной неприроды возникает явление мультипликации неприроды на базе самой неприроды — неприрода теперь тождественна самой себе! Самоактивность маргинальной неприроды — творческая активность, инициационная и созидательная, производительная. Маргинальная неприрода творит саму себя и творит — в рамках самой себя — беспредельно.

Маргинальной неприроде должно соответствовать и особое существо — существо-маргинал, являющееся одновременно и инициатором, и создателем, и носителем маргинального неприродного мира. Перебрав все живое, мы обязательно придем к единственно возможному выводу: таким существом может быть только ЧЕЛОВЕК. Именно ЧЕЛОВЕК (homo) способен стать по отношению к природе в *критическую оппозицию,* противопоставив природе *другую* природу.

Чем же отлична человеческая неприрода от любой другой неприроды? Какова субстанция homo-неприроды?

Человек создает то, что сама по себе неприрода — без человека — создать *не может.* Человеческая природа — это человеческая неприрода, т. е. «природа наоборот». Созидая что-либо, человек созидает нечто, чего нет ни в природе вообще, ни даже в живой природе. Творимое человеком неприродно по своей природе. Это то, что человек выдает из себя и только из себя. Это его функция, его *эманация.*

Что же такое неприродное в чистом виде, неприродное как неприродное?

Чтобы ответить на вопрос, нужно провести различие между природой вообще, включающей в себя и живую неприроду, и человека как природного феномена, и человеческой неприродой, непосредственно исходящей из человека. Только посредством такого различия, т. е. отталкивания от собственно природного, можно установить суть человеческого неприродного.

И если принять природу как таковую за *мир материальный,* существующий независимо от человека, хотя и его создающий, то человеческую неприроду можно посчитать за мир нематериальный, а именно *идеальный.* Природа вообще, рассматриваемая в своем основании,— *телесна,* человеческая неприрода — *духовна.*

Человек — существо идейное, духовное. Идейным и духовным является и человеческое общество. У человека и человеческого общества как бы по две сущности — природная и неприродная, материальная и идеальная, телесная и духовная.

Человек — творец собственной природы. Он действует как бы вместо природы, рядом с ней, в равном к ней отношении. Природа взаимодействует с природой, но с другой природой, производной от первой, оторвавшейся от нее и ставшей самостоятельной. Природа решает, неприрода тоже решает, природа создает и неприрода создает, природа господствует и неприрода господствует.

Человек — существо деятельное. Он созидает и созидает не только из природы, но и из себя, не только природное, но и неприродное. Человек творит не только материальное, но и идеальное, существующее само по себе, без собственного материального воплощения. Человек про-ызвод-ит идеи, из-вод-ит из себя. Идеи выражают материальный мир, но они выражают и мир идеальный. Мир человека — мир материально-идеальный.

Человек выделил себя из природы и противопоставил себя природе. И смог он это сделать только благодаря тому, что обрел способность производить идеи и конструировать свой собственный мир. Данная способность и есть то, что обыкновенно зовется *разумом.*

Человек — существо, наделенное разумом, homo sapiens. Разум, однако, не только способность, но и механизм, механизм по производству идеального. Такой механизм свойствен каждому отдельному человеку, но работает он только в обществе — человеческом обществе. Разум неотделим от отношений «человек — человек», «человек-общество» — «общество-человек», «общество — общество». Единица разума — не человек, а люди, а также некоторое целостное общество людей (ра́зумное сообщество). Как абстрактный индивид homo sapiens не существует. Разум — «дело» общественное.

Чтобы разум существовал и осуществлялся, чтобы он жил и работал, ему необходима собственная, находящаяся в человеке и из человека же исходящая, могущая существовать и вне человека, конституирующая материя, но материя идеальная, некое идеальное воплощение идеи,— материализованная, но по-своему, по-идеальному, идея. Такая идеальная материя необходима для реализации разума как действующего идеального механизма. Наличие

чисто материальной субстанции разума — механизма, т.е. человека как чисто природной — из материи — системы, не снимает потребности в идеальной субстанции. Разум — материально-идеальный механизм, причем не материальное, а идеальное начало делает в конечном итоге разум разумом, хотя идеальное и вторично по отношению к материальному.

Все природные механизмы суть энерго-информационные системы. Таковой является и материальная основа разума-механизма. С идеальной же основой дело обстоит сложнее. Идеальное еврей собственной, т. е. сугубо идеальной, энергией не располагает. Идеальное пользуется энергией материального. Идеальное не приводит разум-механизм в движение, хотя и служит ему своеобразной фиктивной плотью. Лишенное собственной энергии, идеальное, однако, не лишено информационности. Вне собственного информационного процесса разума-механизма просто быть не может. Энергии нет, а информация есть. Бесплотная информация. Возможно ли такое? Возможно, но только как *образ* материи, ее двойник, ее от-образ-ение, от-звук, от-клик, ее, так сказать, Эхо.

И образ, обязательно расчлененный на образы, т. е. образ как множество образов. Образная природа — природа образов и природа из образов. И каждый образ должен иметь свой смысл, свое значение и свое обозначение — *знак.* Именно знак, а не сам образ позволяет создавать образные конструкции, соединяющие образы, обеспечивающие их взаимодействие и, что особенно важно для неприроды, создающие *новые* образы (образы образов). Знак, хотя и идеальная, но уже плоть образа, его символ и полномочный представитель. Знак функционален, он способен к взаимодействиям и комбинациям, он уже есть не что иное, как момент информации, ее орудие. И дело здесь не только во внешней, но и во внутренней специфике знака: знак ведь не только отличитель образа, это еще и его внутренний смысл. Насколько знак формален, настолько и содержателен.

Знак — явление не только индивидуальное, но и общественное. Он должен выполнить сразу две функции: индивидуальную, т. е. обозначить образ, и общественную — сделать образ коммуникационным. Знак должен нести в себе и нечто особенное, и нечто всеобщее, т. е. знак образа должен сам состоять из знаков, но таких, которые сами по себе ничего не значат, а наполняются

значением только в определенной комбинации. Указанных элементарных знаков должно быть ограниченное количество, но зато комбинаций из них можно составить неограниченное число. Решение было найдено природой и человеком в многообразии и единстве звукового общения человека с человеком, общения, использующего как звуки — элементы, так и их сочетания, а потому и соответствующего потребностям знаково-информационной системы разума-механизма. Знаки получили вполне материальное выражение, превратив идеальный механизм в материальный, причем уже вторичный от идеального. Создание механизма произошло по линии: материальное (первичное) — идеальное — материальное (вторичное).

Простейшим элементом информационного процесса стал отдельный звук, а первичным носителем информации — смысловым носителем — стало звукосочетание, соответствующее конкретному идеальному образу, а именно Слово.

Слово — знак образа, его смысла. Но это и сам смысл образа. Слово самоопределено. Оно есть содержательный элемент неприроды, возникающий вместе с человеком. Оно активно и даже инициативно. Слово — нечто вроде существа, даже субъекта, разумеется, в идеальном выражении.

Слово сочетается со словом, а словосочетания дают полное динамическое выражение разума, являясь его формой, механизмом и самим бытием. Словесное динамическое бытие разума, его развертывание, течение и реализация есть не что иное, как *речь.* Речь — это разум в действии.

Человек — носитель и производитель речи, ее агент. Речь направлена от одного человека к другому, она соединяет людей, обеспечивает формирование и функционирование человеческих общественных систем. Каждый человек — источник и восприниматель речи, а сообщество людей, обменивающихся речью,— речевое сообщество, или, что то же самое, общественный разум. Разум-индивид сопряжен с разумом-обществом. Один без другого не существует. Человек — не элемент, а носитель разума. Каждый человек — разум. Но разум человека-индивида сам по себе, изолированно от других разумов-индивидов, не существует: он существует только в обществе себе

подобных, только как составной элемент общественного разума. И общественный разум может реализоваться только как система индивидуальных разумов. Речь есть разум, но речь — и соединение разумов, их проявление. Речь индивидуальна, она исходит от человека-индивида, но речь и общественна: она может быть речью только во взаимодействии разумов. Только во взаимоотношении разумов возникает речь, во взаимоотношении она и проявляется — и как общественный информационный процесс, и как свойство индивида. В индивидуальном же своем бытии речь имеет двойственное проявление: как внешний, исходящий от человека процесс и как процесс внутренний, находящийся в человеке. В первом случае — речь звуковая, во втором — беззвучная, но не пришедшая к звуку, а отошедшая от него, его преодолевшая: беззвучное эхо звуковой речи. Идеальный процесс в самом идеальном виде. Речь без речи. Слово без слова. Речь как образ речи, слово как образ слова. Слово — *идея*, речь — *мысль*. Разум как чистый разум. Идеальное как идеальное. *Неприрода в своем завершении.*

2.5.3. Ното-ОРГАНИЗАЦИЯ

Ношо-существо — разумное существо. Ношо-общество — общество разумных существ, общество с разумом, общество разума. Человек и человеческое общество — по-особому, для разума организованные системы. Но они есть и системы, организованные разумом. Организация разума имеет следствием и *разумную организацию.* Какова же она, эта организация?

Разум — организатор. Он не может не быть таковым, ибо разум — творец. Он творит неприроду в ее самом неприродном выражении, творит идеально, из себя, в рамках самого себя. Отсюда разум — не просто организатор, а организатор абсолютный: он сталкивается только с одним ограничением — ограничением идеи (ее внутреннего смысла), да и то лишь как с моментом своего собственного и безграничного саморазвития.

Разум — организатор не только идеального, но и материального мира. Разум — подсистема человека и человеческого общества. Он «сидит» в человеке и человеческом сообществе, является функцией от них, их продуктом и принадлежностью, но в то же время разум, будучи самоорганизующимся и относительно самостоятельным, способен целенаправленно воздействовать на своих носителей, ориентировать их активность. Разум — организатор поведения человека, его деятельности, а через человека — организатор сообщества людей и среды, в которой это сообщество существует.

Разум — неприродный организатор природы, но организатор внешний по отношению к природе. Природа организована без разума, до разума и не по-разумному. Но, влияя через человека на природу, разум ее изменяет, а потому и частично организует. Разум дает возможность человеку очеловечивать природу, образумлять ее, менять образ — *пре-образ*-овывать.

Природа создает неприроду, но неприрода оказывает обратное воздействие на природу, создавая *свою* природу. Существование человека ведет к существованию homo-природы, являющейся результатом противоречивого взаимодействия природы и неприроды, естественного и искусственного, материального и идеального. Ношо-природа — в себя возвращающаяся природа, отошедшая от себя самой и приходящая к себе самой, но приходящая уже не как изначальная, а как преобразованная, оплодотворенная неприродой.

Человек — разумный организатор, организатор с разумом и организатор в разуме (как общественном явлении). Человек — организованный разумом организатор. Но человек еще и организатор самого разума.

Ното-организация сложна. Разум организует человека, человек организует разум, человек организует человека.

Разум — это и индивидуальный разум, и разум общественный. Человек — это индивид, но индивид общественный, индивид в обществе индивидов. Разумная организация индивидуальна и общественна. Носитель разумной организации, т. е. человек и человеческое сообщество, — не просто существо и сообщество существ. Это уже особое существо и особое сообщество существ, это существо-*субъект* и сообщество-*субъект*. Ното-организация — организация *субъектная.*

Разум создает субъекта, субъект пользуется разумом. Субъект — производитель неприродной организации. Субъект как индивид и субъект как сообщество. Субъект как субъект, носитель разума, его вместилище и субъект как сообщество субъектов, система носителей разума, коллективный разум. Один без другого не существует,

но каждый полноценен, каждый выступает как инициатор ра́зумной организации и каждый способен к ее целостному выражению. Субъект-индивид является элементом субъекта-общества, но элементом, по своему определению равноценным системе, элементом которой он является. Субъект-индивид не менее, а в чем-то и более сложная и значимая система, чем субъект-общество. Это такой же *мир*, разумеется, идеальный, как и само общество. Мир-общество есть *общество миров*. И ни один из индивидуальных миров не существует вне общества миров. Но каждый тем не менее выделяет себя из общества миров как самостоятельный мир.

Ношо-организация — организация субъектная. Вне и без субъектов такая организация не осуществляется. Субъект вступает во взаимодействие с субъектом, с множеством субъектов, наконец, с обществом субъектов. В обществе возникают и реализуются субъектные отношения.

Субъектные отношения возникают по инициативе субъектов. Поэтому они не только субъектны, но и *субъективны*, ибо субъект, инициируя отношения, придает им *свой* характер. Если же учесть, что субъекты весьма различны уже вследствие разнообразия природы, то и субъективность отношений может быть весьма различной. Однако не настолько различной, чтобы помешать образованию и функционированию человеческого общества. При любой субъективной окраске отношений последние должны быть *такими*, чтобы обеспечить существование необходимых природе и неприроде общественных систем. Отсюда субъектные отношения должны быть и *не* субъективными, т. е. отражать потребности внешних по отношению к субъекту обстоятельств.

Для каждого субъекта, будь то субъект-индивид или субъект-общество, проявляющего организационную активность, внешний мир есть нечто противостоящее: либо прямо подвергающееся (и сопротивляющееся) организационному воздействию субъекта, либо просто окружающее субъекта и вынуждающее его с собой считаться, либо непосредственно влияющее на субъекта как внешняя организационная сила. Все, находящееся в отношении противостояния, является не просто внешним для субъекта, но и обратным ему, тем, что является противосубъектом, т. е. *объектом*. Организационное влияние объекта на субъект — влияние объектное и *объективное*. Объективное — не просто идущее от объекта к субъекту, но еще и по смыслу противоположное субъективному, то, что в самом подвергающемся влиянию субъекте зародиться не может (совпадение действий субъекта с потребностями объекта не меняет сути дела: совмещение субъективного и объективного снимает саму необходимость различия того и другого).

Объективный мир масштабен, сложен и разнообразен. Фактически это весь окружающий субъекта мир, вся природа и немалая «часть» неприроды. Что касается нечеловеческой природы — неприроды, то она прямо выступает для субъекта носителем объективного и только объективного начала. Здесь нет места для субъекта и субъективного, и существование субъекта опосредуется взаимодействием субъекта с объектом, их взаимным приспособлением друг к другу при приоритете объективного начала. Сложнее обстоит дело со взаимополаганием субъекта и объекта, субъективного и объективного в рамках человеческих отношений, в системе общества. Здесь в роли объекта выступают субъекты: субъекты-индивиды и субъекты-сообщества, и в случае субъективной активности объектов-субъектов выходит, что субъективное одновременно является и объективным. Но *такое* субъектное объективное выступает объективным только для субъекта, воспринявшего организационное влияние объекта-субъекта, а для субъекта-инициатора оно не перестает быть субъективным. Объективное может возникнуть в рамках человеческих отношений и как результат взаимодействия субъектов, но результат, отличающийся от субъективных намерений субъектов и оказывающий обратное влияние на их поведение. Подобное обратное влияние уже воспринимается субъектом как объективное. Субъективное превращается в объективное и при однообразных действиях множества субъектов, когда поведение массы субъектов, вызванное субъективными намерениями, выступает как объективное для всей затронутой таким поведением массы субъектов.

Субъективное превращается в объективное. Есть ли обратное взаимодействие? Объективное, воспринятое субъектом и вылившееся в его действия, выступает как субъективное. Объективное превращается в субъективное, хотя объективное при этом совсем не исчезает, так как полного снятия объективного все же не происхо-

дит: проявляясь в субъективном, оно сохраняется при этом как объективное.

Ношо-организация — субъективно-объективный феномен. Причем субъективное стоит на первом месте не случайно, ибо человеческая организация реально осуществляется людьми и только людьми. Как бы сильна ни была объективная детерминация человеческого поведения, ho-то-организация есть сначала организация субъектов и субъектами, а затем уже организация объектов и объектами.

Субъективное — продукт разума. Без разума нет субъективного, как нет и объективного, исходящего от субъективного. Однако и без объективного нет разума. Разум — продукт объективного, а затем уже «агент» субъективного. Разум объективен и субъективен одновременно (и по происхождению, и по функционированию, и по итогам деятельности).

Разум ориентирует субъекта, но субъект ориентирует разум. Между разумом и субъектом, как и между субъектом и объектом, существует эффективная *взаимосвязь.*

Разум есть прежде всего понятийно-словесный и словесно-понятийный механизм — механизм общения субъектов и механизм общения субъекта с самим собой. Обладание разумом как бы удваивает субъекта. В одном субъекте — два субъекта. Между этими двумя субъектами идет *диалог.* Отсюда внутренняя речь, мысль, мышление, т. е. реализация разума. Разум — диалогический механизм, это всегда отношение. Диалог — не просто общение понятий и слов, но такое общение, при котором взаимодействуют противоположности (смысловые), и каждая из противоположностей имеет по крайней мере не одно выражение (смысловое и знаковое). Диалог — сложнейший процесс постоянного полагания и разрешения противоречий. Субъективное — всегда результат диалога, хотя и проявляться оно может как монолог — монолог субъекта.

Человек — ра́зумное существо. Без разума нет человека. Но сводится ли человек — в нематериальном выражении — только к разуму? Не обладает ли человек другими — не ра́зумными — неприродными механизмами организации? Ведь коли есть разум, не исключается и неразум, т. е. нечто противоположное разуму, хотя и той же неприродной природы.

Простое наблюдение за поведением человека и его

внутренней жизнью показывает, что человек ориентируется не только разумом. На самоосуществление человека оказывает влияние и нечто неоформленное в слова и понятия, не имеющее знаков, но тем не менее обладающее внутренним смыслом, а следовательно, некой энергией, силой и направлением (вектором) реализации. Это нечто есть особый, вовсе не ра́зумный механизм организации человека, механизм, восходящий к чувственно-переживательной сфере человеческого организма, а именно к *психике.*

Разум сочетается в человеке с психикой. Психика — нечто из неприродного, идеального, духовного, но противоположного разуму. Это такое идеальное, которое не только не приходит к слову, но и не нуждается в последнем, оно реализуется, как бы идя в обратном по отношению к разуму направлении, одновременно отрицая и материальное и ра́зумное. Психический механизм — механизм не слов и речи, а механизм *состояний* (эндогенной и экзогенной обусловленности) , их — этих состояний — сочетаний и перемен.

И разум и психика относятся к человеческому сознанию, они его, собственно, и составляют. Человек сознает себя двояко: непосредственно и опосредствованно. В первом случае человек имеет дело с самим собой, своим организмом, своей природой; он ощущает свое качество и то, как это качество реализуется; ощущается же это качество непосредственно самим качеством; качество и его ощущение неотделимы друг от друга; ощущение и есть качество; человек сознает себя самим фактом своего существования, самой организменной реализацией. Во втором случае человек как бы смотрит на себя со стороны, имея дело уже не с самим собой как природным организмом, а со своим собственным образом, оформленным в знаке; чтобы знать себя, человек отвлекается от самого себя, раздваивается; сознание идет через рефлексию, имеет своеобразный отраженный характер; такое сознание — не организм в процессе своей собственной реализации, а некий продукт организма, его приобретение. В первом случае сознание реализуется как... сознание, во втором — как ...сознание сознания (сознание со знаком !). Так различаются психическое и разумное сознания, составляющие сознание человека.

Психика и разум составляют единство противоположностей. Оба необходимы и необходимы как противопо-

ложности. Каждое делает свое дело. Одно ощущает (чувствует), другое отражает (мыслит). Оба взаимодействуют. Психическое питает ра́зумное, ра́зумное оформляет психическое. Направляют друг друга, стимулируют и в то же время ограничивают. Оба сознания сознают себя друг в друге, что позволяет человеку не только действительным образом осознавать себя, но и осознавать себя в необходимой творческой целостности.

Субъект — психико-ра́зумное существо, его организация определяется организацией не только разума, но и психики, организацией сознания в целом. Сознавая себя, человек организует себя, свой духовный мир, свою *личность*, но при этом он организует и среду, взаимоотношения людей, человеческие сообщества. Организуя себя и других людей, среду обитания, человек сознает себя. Homo-организация — организация, опосредствованная особой организацией организации, обращенной в самою себя самоорганизацией существа, способной выделить это существо из природного мира и из мира существ, воссоединить его с природой и с миром существ, сообщить ему способность генерировать — и генерировать из себя! — аналог-антипод природы — homo-неприроду.

Сознательная homo-организация — организация, которую *знает* человек и только человек, это организация, которую природа — без человека — не знает; это организация, которую человек создает за природу, вне природы, до природы и создает эту организацию, зная себя и зная природу. Природа тоже создает организацию, но создает, не зная ее априори, человек же создает то, что знает априори. Априори по отношению к природе, но не по отношению к себе самому. Априорное для природы, для человека уже апостериорное. Это то, что выработано человеком, а не воспринято им в наследство от природы, пусть и живой.

Человек организует, *импровизируя*, он располагает не априорной программой-заданием, а возможностью творить свою собственную программу, задавая ее не только себе, но и из себя. Сознательная homo-организация — *особо свободная организация*. Этим-то моментом особой свободы (воли!) она и отличается от любой другой природно-неприродной организации.

Организация, исходящая от человека, *сознательная и только сознательная*. Бессознательной она просто не может быть. Однако вся ли внутренняя организация

человека является сплошь осознанной? Не действуют ли в человеческом организме неосознанные организационные механизмы? Не оказывают ли они влияния на сознательную деятельность человека?

Ничто не мешает утверждению, что неосознанное наличествует в человеке, но, полагая так, нужно, видимо, иметь в виду некие пограничные между материальным и духовным мирами процессы, которые влияют на сознание, не будучи осознанными. Ситуация парадоксальная, но все же допустимая. Допустимая, если неосознанное рассматривать как своего рода ... сознательное, но другое — противоположное обычному сознательному. Неосознанность не означает отсутствия сознательного, она как раз обязана своим существованием сознанию, находящемуся рядом, во взаимодействии с неосознанным и отраженно в нем присутствующим. Недаром неосознанное принято называть подсознательным.

Не все в homo-организации обязано разуму или психике как таковым, в их сознательном воплощении, кое-что обусловлено более глубокими и менее заметными, логически трудно объяснимыми процессами. Механизм человека — осознанно-неосознанный сознательный механизм, если, конечно, под неосознанным понимать особое — неявное — сознательное.

Идеальная организация человека включает в себя множество механизмов, среди которых ра́зумный и психический, сознательный и подсознательный. Для организации человека характерен широкий спектр организаций: от довольно-таки упорядоченных до весьма и весьма стихийных. И если учесть, что организация каждого человека еще и индивидуальна, т. е. особенна, то нетрудно сделать вывод о разнообразии творческих потенций и реализаций человека-организатора.

Рассматривая человека как индивида (личность!), мы прежде всего замечаем, что человек есть свободный творец и свободный организатор. Абсолютно свободный в идеальном мире, относительно — в общественном и материальном. Реальное поведение человека внешне и внутренне детерминированно. Существуют ограничения, идущие как от материального, так и идеального миров. Сознанию свойственно и самоограничение — на то оно и сознание. Но сознанию присуща и безграничность. Осуществление сознания — борьба между самоэкспансией и самоограничением. Сознание самоконтрольно, но и самобесконт-

рольно. Сознание — *воля,* но воля с противоположными направленностями: воля к свободе и воля к несвободе. Сознание — *борьба,* и не только с внешними силами, но и с собой, внутри себя. Сознание *выбирает,* и выбор может быть прямо противоположным — к свободе и несвободе, а уж если для себя, то и для других.

Свобода выбора — важнейший принцип человеческой организации. Пусть эта свобода ограничена, и выбор в чем-то детерминирован. Главное не в абсолютности свободы, а в том, что человек имеет возможность осуществить по одному и тому же поводу прямо противоположные по смыслу организационные действия. Вот что действительно примечательно. И выбор может быть роковым: для индивида, сообщества, человечества в целом. Выбор может быть последним.

Вступающие в отношения индивиды, равно как и группы людей, даже их массы, могут исходить как из одинаковых, так и из разных соображений. Цели и мотивы могут быть противоположными, они могут соединять, а могут и разъединять людей. Отношения в основном являются *диалоговыми,* но диалог может легко превратиться в «ничеголог», как и стать — не без усилий — *монологом.* Сознание — орудие взаимопонимания и ... взаимонепонимания, схождения и расхождения, согласия и раздора, доброволия и принуждения. Сознание — мощный, но весьма неопределенный организатор. Человек для человека — загадка, загадочны и их отношения. Ясность, определенность, предсказуемость легко сочетаются с неясностью, неопределенностью, непредсказуемостью. Многое существует неявно, в образе, камуфляжно. Явление не совпадает с сущностью, а поверхностные проявления — и с самими явлениями. Сознание — искуснейший аналитик и созидатель, но это и искуснейший имитатор. Оно работает на человека, но и против человека. Всего хватает в человеке: и гуманного и антигуманного. Человеку ничто не чуждо.

Человек — строитель общества. Многое в общественном устройстве зависит от объективных обстоятельств, но очень многое — от самого человека. Природа не строит общество за человека, хотя и предъявляет определенные условия. Решающее в обществе идет непосредственно от человека, а значит, от *качества его сознания.* А качество — это отличие. Человек отличается от человека. И не только индивидуально. Есть человеки и человеки. Типы людей. Типы сосуществующие и типы сменяющиеся. Исторические

типы, даже геоисторические. Общество впрямую зависит от типа (типов) людей, его образующих. Общество отличается от общества.

Можно ли говорить о качестве сознания? Можно и должно. Сознание — продукт природы вообще и человека вообще. Но оно и продукт конкретной природы и конкретного человека. Сознание зависит от обстоятельств и во многом от того, что обычно называется исторической эпохой и историческим ареалом. Сознание как природно-неприродный механизм, конечно, единообразно. Но сознание как знание, т. е. в своем содержательном наполнении, безусловно, различно. И дело здесь не столько в количестве и разнообразии знания, степени его усвоения и использования, сколько в мере осознания этого знания, т. е. в степени самого сознания, его качестве (осознания знания). Большое значение для организации общества имеют уровень и характер соответствий индивидуальных сознаний друг другу, а также общественному сознанию, осознание индивидов, степень интегрированности индивидуальных сознаний в общественное и общественного в индивидуальные.

Сознание, как и все в этом мире, противоречиво. И если быть последовательным, то сознание *сильно* противоречиво. Достаточно указать на то, с каким трудом воспитывается человек и научается обществом. Противоречия вовсю бытуют в индивиде, в отношениях людей, в обществе. Качество сознания — это и качество противоречий, их выражения и состояния, механизма и меры разрешения. Качество не только и не столько «хуже» или «лучше», хотя такого рода оценки возможны и нужны (сознание творит сознание), но оно прежде всего есть нечто *другое,* особенное, отличное. Качество сознания — это качество человека, человеческих отношений, общества. Человек, разумеется, за высокое качество, и представить такое качество можно, по крайней мере, в общих контурах. Высокое качество — идеал человека и, надо полагать, идеал природы. Остается установить: идет ли человечество по пути, ведущему его к этому высокому качеству?

2.5.4. Homo-ОРГАНИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРА

Человек — творец. Он творит себя и окружающий мир. Он творит неприроду, но из природы и вместе с природой. Создавая неприроду, человек создает и природу, приспо-

сабливая под себя ту природу, из которой он вышел. Неприрода-природа, создаваемая человеком,— это homo-природа.

Ношо-природа — очеловеченная, или искусственная, природа. Она есть *воплощенное человеческое сознание.* Материальная плоть (преобразованная материя) и идеальная плоть (материализованное идеальное). Материальная плоть — результат материальной деятельности человека, его непосредственного взаимодействия с природной материей, это материальное выражение идеального, существующее вне идеального, но оказывающее на него воздействие, а потому и в нем присутствующее. Идеальная плоть — не просто продукт сознания и не просто превращенное сознание, а как бы положенное в сторону сознание, которым человек продолжает пользоваться, *образовывая* с его помощью свое действующее сознание.

Сознание человека раздвоено: оно реализуется не только как внутриорганизменный, но и как внеорганизменный процесс. Человек оказывается в окружении вылившегося из него и получившего самостоятельную жизнь сознания, однако реализующегося непременно через человека, в обратной связи с ним. Как бы отторгнув от себя сознание, человек пользуется им, обогащая тем самым свое сознание.

Первой, а может, и последней (высшей), простейшей и в то же время сложнейшей идеальной плотью является *слово,* наполненное смыслом, существующее самостоятельно, но реализующееся через человека, им активно используемое и воспринимаемое. Слово идеально, но и материально. Оно от человека и в человеке, но и вне человека и к человеку. Идеальная плоть — не преобразованная, а созданная человеком материя. Со словом сознание легко разделяется на внутреннее и внешнее, на исходящее и входящее, на идеальное и материальное, на субъектное и объектное. Сознание субъекта становится сознанием объекта, а поскольку объектным является само сознание, то лучше сказать, что наряду с сознанием субъективным существует и сознание объективное, а точнее, *сознание объективированное,* т. е. производное от субъективного.

Ношо-природа, или воплощенное сознание, есть к у л fa-т у р а. Культура материальная и идеальная, вещественная и духовная. Культура, как и сама природа, разнообразна. Культура — это множество культур, совокупность культур, наконец, система культур.

Культура — продукт человека и природы. И именно в данной последовательности, т. е. сначала человека, а затем природы. Без человека нет культуры. И какими бы объективными мотивами ни руководствовался человек, культура — его сознание. Отсюда культура — явление субъективированное, носящее в себе субъективное начало. Но это не мешает ей быть и явлением объективным как по обусловленности, так и по своей независимости от субъекта-создателя. Культура объективирована, а для отдельного субъекта (индивидуального или общественного) она выступает как реальная объективная сила, способная повлиять на поведение субъекта. Как без человека нет культуры, так и без культуры нет человека. В культуру «вложен» человек, и в человеке «вложена» культура. Культура — субъективно-объективное явление.

Культура — воплощенное сознание. Но культура — и само сознание, сознание, оплодотворенное культурой. Культура — это еще и окультуренное сознание. Культуры нет без сознания, но и сознания нет без культуры. Сознание создает культуру и входит в культуру.

В чем же конкретно выражена культура?

Наиболее очевидно ее вещественное воплощение — предметное. Наименее очевидно — невещественное, так сказать, эфемерное. К последнему относятся понятия, знаки, язык, сигналы, нормы, правила, принципы. К невещественному воплощению относятся и человеческие отношения, но не в абстрактном, а в конкретном выражении, т. е. в своем определенном качестве. Вещественные и невещественные элементы культуры составляют различные культурные системы и механизмы. Среди таких элементов и сам человек как носитель окультуренного сознания и производитель культуры.

Культура — очеловеченный мир человека. Мир сложный, разнообразный и меняющийся. Мир, как и породившее его сознание (условно породившее, так как сознание возникло и развилось вместе с этим миром), *самоорганизующийся.*

Самоорганизация природы — самоорганизация сознания — самоорганизация культуры.

Самоорганизующаяся культура — сложный субъективно-объективный процесс. Главной движущей силой самоорганизации культуры является сознание. Будучи создателем культуры, сознание является и основным генератором ее организации. Сознание «ведет» культуру,

ориентирует ее развитие. В связи с этим в организации культуры велика роль субъективного фактора. Субъект — будь то индивид, коллектив, общество в целом — активный участник организации культуры. Но какой бы великой ни была роль субъекта, организация культуры в ее целостности как особого мира является объективной. И дело здесь не только во влиянии различных объективных факторов, но и, что особенно примечательно, в объективировании самого организационного процесса, его отдалении от участвующих в нем субъектов. Как и сама культура, организация культуры оказывается самостоятельным относительно субъекта (сознания) процессом. И в этом плане организация культуры не отличается от организации человеческого общества.

Однако есть ли культурная организация культуры, т. е. организация, идущая непосредственно от культурного начала в культуре? Да, есть. Ведь культура всегда конкретна, она имеет качественную определенность — сущностную, содержательную, формальную, атрибутивную. Культура вообще всегда выражена в конкретных культурах, отличающихся друг от друга своим внутренним смыслом, или, говоря современно, своей *парадигмой.* Культурный мир — мир культур, а соответственно и мир культурных парадигм. Есть одна культура, а есть и другая. Организация культурного мира есть организация, в которой участвуют целые культурные системы. Культуры — действующие «лица» в организации культуры, т. е. *культурные организаторы культуры.*

Конкретная культура — «живой» целостный организм, содержащий в себе все необходимые для «жизни» культуры элементы, подсистемы и механизмы. Судьба культуры,— если, конечно, отвлечься от случая ее насильственного разрушения,— в руках самой культуры. Культура должна соответствовать как исторической эпохе, так и своему историческому предназначению. Культура должна быть эффективной как с точки зрения устойчивости, так и с точки зрения изменчивости. Эффективность зависит от обстоятельств, но и от заложенного в культуре. Культура способна и к деградации, даже к самоуничтожению.

В культурном мире идет соревнование культур, их естественный отбор. Одни культуры исчезают, другие возникают. Имеют место и взаимодействия культур, их взаимное отталкивание и притяжение, переплетение, а также перемешивание, гибридизация. Каждая конкретная культура проходит обычные для живого организма стадии жизни: становление, зрелость, упадок. Все течет, все изменяется. Культуры организуют культуры, культуры организуются культурами, культуры организуют культурный мир. Культура — организатор культуры.

Любая конкретная культура состоит из культур, но не просто сосуществующих и дополняющих друг друга. Есть культура натуральная (экологическая), есть производственная, есть политическая. Есть и другие культуры: этическая, правовая, психологическая, педагогическая, лингвистическая (устная и письменная), эстетическая. Есть «знаниевая» культура, есть и научная. Культур (подкультур) множество. И все они соединены в систему. Все они нужны друг другу — для выживания и для развития, для самоорганизации культуры.

Любая конкретная культура складывается и реализуется в борьбе с некультурой, т. е. природой, и с другими культурами, в особенности с культурами-предшественницами. Но любая культура порождает и некий побочный продукт — *субкультуру,* т. е. культуру с отрицательным знаком, «культуру наоборот». Субкультура противостоит культуре, отрицает ее, искажет и даже уничтожает. Культура складывается и реализуется в борьбе с субкультурой.

Субкультура — неизбежная диалектическая противоположность культуры. Зло, без которого нет добра. Мир культуры предполагает возможность противоположных решений, причем возможность, переходящую в реальность,— в системе «культура» могут прижиться и решения со знаком «плюс» и решения со знаком «минус»; в культуре так или иначе идет процесс обновления, а следовательно, отмирания устаревшего и ненужного, отмирания, однако, далеко не всегда радикального и быстрого; в системе «культура» немало нестабильных элементов, легко превращающихся в отрицательную противоположность; для мира культуры характерны явления-имитанты, действительной культурной ценности не представляющие; спутником культуры является и просто *антикультура,* этот культурный антипод культуры (наиболее яркий пример — «культура» уголовного мира). Без учета субкультуры нельзя составить правильного представления о человеческой культуре, как нельзя сколько-нибудь достоверно судить о человеке и человеческом обществе.

Ното-организация — организация культуры и культурная (через культуру) организация. Без культуры нет

человека. Культура — феномен человека, человек — феномен культуры. Культура — средство, объект и результат человеческой организации. Организуя себя, человек организует культуру, а организуя культуру, человек организует себя.

Организация культуры, а следовательно, человека предполагает и культуру организации. Организация как действие, как отношение, как общественный процесс нуждается в определенной культуре — материальной, идейной, духовной, нравственной. И здесь обнаруживаются существенные различия, восходящие к качеству культурообразующего и окультуренного сознания. Обнаруживается и разная эффективность культуры организации, ее разные возможности, разные следствия. Особенно ярко проявляются качественные параметры и культуры организации в ситуации воздействия одной культуры на другую, когда человек одной культуры пытается воспользоваться опытом другой либо прямо «перепрыгивает» из одной культуры в другую. Вот тут-то и оказывается, что человек хотя и хочет, но не может — в силу культурной особенности — применить не соответствующую его общей культуре культуру организации. И дело здесь не в более низком уровне культуры, не в культурной отсталости, а в том, что человек *одной* культуры не всегда и не сразу может стать человеком *другой* культуры.

В системе культуры организации велика роль идеальных факторов. Материальное оснащение важно, но не определяюще: нетрудно, например, позаимствовать материальные элементы из другой культуры, но всего труднее их соответствующим образом применить, сделать эффективным орудием сознания. Для этого сознанию надо быть другим сознанием. Изменить сознание очень непросто, иногда и невозможно. Сознание весьма изменчиво, но сознание и необычайно консервативно. При переходе человека из одной культуры в другую важны изменения прежде всего в идеальной сфере, в которой бытуют идейные, психологические, нравственные установки и механизмы.

Любое деяние в области культуры есть культурное деяние, и осуществляющий такое деяние должен ему соответствовать культурно, а следовательно, качеством своего сознания.

Культура изменчива, ей свойственно развитие. Возможен *прогресс* культуры, как, естественно, и *регресс.* Однако есть ли общемировой прогресс культуры? Что касается

материальной культуры, то такой прогресс, конечно, есть: от меньшей ко все большей материальной вооруженности человека, от простой неприроды ко все более сложной. Что касается духовной культуры, то здесь дела обстоят не так просто. Прогресс в знаниях, разумеется, есть: знания не только накапливаются, но и обретают все более богатый внутренний смысл. А вот в духовных «делах» прогресс не столь определен и заметен. Особенно это касается нравственности.

Духовный прогресс непосредственно связан с прогрессом сознания. Прогресс же сознания в духовной сфере может идти только по линии осознания человека человеком, только осознания, которое направлено на разрешение свойственных человеку духовных противоречий. Движение по указанному пути предполагает все более полное признание человеком *человека* в другом человеке, равно как и признание в другом человеке *другого* человека. Идеал нравственного совершенствования человека — полное и реальное (не только идеальное) осознание индивидуальной и общественной природы человека, т. е. такое нравственное состояние человека и человечества, при котором индивид признает общество и не бежит его, а общество признает индивида и не отторгает его от себя. Причем до указанного осознания сознание должно дойти совершенно сознательно, само по себе, в результате собственного развития, *свободно.* Насильно нравственность не утверждается.

Духовный прогресс обусловлен прогрессом материальным, но не в плане удовлетворения потребностей человека, хотя это в известной мере и необходимо, а в плане физического здоровья человека и природного здоровья природы. Гармония человека с человеком, человека с обществом легче достигается при гармонии духа и тела, человека и природы.

Таков идеал. Достижим ли он?

Локально, возможно, и да. Относительно же всего человечества остается сказать только одно: даже если идеал недостижим, он все равно должен быть. В духовном развитии и идеал духовный. Важно не только, а может быть, и не столько достижение идеала, сколько стремление к нему. Стремление — сила, и сила реальная.

Мир культуры — мир культур. Культуры разнообразны, но в чем-то и единообразны. Единообразие объединяет культуры в группы — *типы.* Типов культур множество.

Достаточно одного критерия, одного признака, чтобы тип состоялся. Типов культур можно выделить не меньше, чем самих культур. Но есть основополагающие типы, без обрисовки которых нельзя составить достаточного представления об организации культуры. Выделим эти типы, взяв за критерий не что иное, как *тип культуры организации культуры.*

Тип культуры организации культуры — тип культурного механизма культуры, тип культурного механизма — тип его, этого механизма, организации.

Всякая культура — открыто-закрытая система. Открытая и закрытая прежде всего для внешней, т. е. для входящей информации, но в то же время и для внутренней, т. е. выходящей информации. Конкретная культура — he только движение, но и «банк» информации, не только производство и потребление информации, но и ее сбережение. Соотношение между открытостью и закрытостью культуры, равно как и характер открытости и закрытости,— дело пре>йде всего самой культуры. Одни культуры более открыты, а следовательно, и более качественно изменчивы, другие — более закрыты и соответственно более стабильны. Отсюда и два типа культур: *динамический* и *статический.*

Культура организации динамических культур основывается на субъективной активности индивидов, на изменчивости культурного организационного аппарата, на реальном, т. е. максимально приближенном к действительности, языке культуры. Такие культуры организации склонны к восприятию других культур, а также к передаче своих элементов другим культурам. Организаци'онная активность динамических культур предполагает неограниченное освоение (чисто культурное) окружающего пространства, постоянное обогащение .своего содержания: такие культуры в организационном отношении *экстравертны* (обращены вовне), они во многом питаются извне и находятся с внешним миром в активном взаимодействии.

Культура организации статических культур прямо противоположна. Она основывается на приоритете объективированных установок, жестких поведенческих нормативах, силе традиции. Язык в таких культурах базируется более на отвлеченных и неизменчивых образах, откровениях, символах, на опосредствованном отражении реальности. Организационная активность нацелена на самоограничение культуры, ее удержание в рамках самой себя, консер-

вацию своей целостности. Такие культуры *интравертны* (обращены вовнутрь), они стремятся отгородиться от внешнего мира, воспрепятствовать его вторжению в свое «пространство».

В динамических культурах сознание — непосредственный и активный организатор, находящийся в состоянии постоянного возбуждения, культурного созерцания и действа, в статических — опосредствованный организатор, пользующийся уже достигнутым и обеспокоенный лишь удержанием культуры в рамках утвержденной раз и навсегда парадигмы (канона).

Разумеется, деление на динамические и статические культуры весьма условно. Чистых культур не бывает. В любой конкретной культуре всегда присутствуют противоположные типы культуры, которые диалектически дополняют друг друга. Но в каждой культуре один из типов преобладает, что придает соответствующую качественную окраску всей культуре.

Рассматривая культуру по обобщающему критерию механизма ее организации, следует выделить и другие типы культур, соответствующие иным, чем открытость и закрытость, динамичность и статичность, экстравертность и интравертность, признакам. Последние обнаруживаются, если обратиться к анализу самой материи — идеальной и материальной — культурных механизмов.

Прежде всего это язык культуры. Язык культуры — идеальная, хотя и частью материализованная,система информации, обеспечивающая существование культуры в ее самом культурном выражении. Язык культуры не сводится к человеческому языку как таковому, хотя и в значительной мере им оформлен. Язык культуры — язык *мировоззренческий,* он отражает концепцию, или парадигму, культуры, характерное для нее мировоззрение. Есть культуры, идущие по пути непосредственного отражения мира, его конкретного знания,— *сциентизированные* культуры, которым свойствен и соответствующий, обеспечивающий это знание и воспроизводство культуры язык — сциентизированный язык. Есть и культуры, предпочитающие опосредствованное отражение мира, знание не мира как такового, а некоего идеального аналога мира, его образа — мифа, т. е. *мифизированные* культуры, которым соответствует и особый мифизированный язык.

Культура — это человек, люди, общество. Культурная организация не может обойтись без разнообразных *инсти-*

туциональных механизмов, организующих человека, людей, общество. Институт (институция) — социальный продукт человека, являющийся результатом и фактором его социальной организации, его культуры. В институте много от сознательного, осознанного, субъективного. Какими бы объективными ни выглядели институты, все они — продукты сознания, хотя и реализующиеся во многом объективно.

Институты бывают разными: и вполне идеальными, такими, как правила, принципы, законы, и весьма материальными — общественными учреждениями, т. е. организациями субъектов, сами являющимися субъектами, выполняющими общественные организационные функции, например, общиной, церковью, государством. Типология институциональных механизмов также разнообразна: «*обычаевые*» механизмы, когда общественная и индивидуальная жизнь регулируется на основе обычаев, преданий, культов предков, поклонения природе, и *правовые* механизмы, когда общество руководствуется им же выработанным комплексом правил (норм), определяющих все «возможности» и «невозможности» субъектов, их ответственность перед самими собой, перед другими субъектами и перед обществом, равно как и защиту субъекта от любого субъективного произвола; *непосредственно-общественные* механизмы, когда общество регулируется обществом без посредничества специальных учреждений (община общиной), и *опосредствованно-общественные* механизмы, когда общество организуется с помощью обособленных от общества специальных и специализированных институтов — личностных (вождь, совет старейшин, шаман) и аппаратных (государство, церковь); *теократические* (церковно-религиозные) и *этатократические* (светские) механизмы; *монократические* механизмы, когда управляющий институт персонифицирован в одном субъекте либо подчинен единой субъективной воле, и *плюрократические* механизмы, когда в основе деятельности управляющего института лежит общественный (коллективный) договор между субъектами; *иерархические* (вертикальной соподчиненности) и *однопорядковые* (горизонтального взаимодействия) механизмы; *подчинительные* (диктатные) и *согласительные* (диалоговые) механизмы; *субъектно-зависимые* и *субъектно-свободные* механизмы.

Из множества типов институциональных механизмов можно выделить несколько основных обобщающих типов:

во-первых, *общинный* и *цивилизационный* типы культурных механизмов; во-вторых, гео-цивилизационный и *этато*-цивилизационный; в-третьих, *центрократический* этатоцивилизационный (абсолютная монархия, диктатура) и *демократический* этатоцивилизационный типы культурных механизмов.

Но это не все. Важно также различать *гражданский* цивилизационный и *негражданский* цивилизационный типы. Гражданская цивилизация — сообщество равноправных, сознающих и уважающих свое равноправие, следующих правовому кодексу субъектов. Именно в рамках и в форме гражданской цивилизации возможно наиболее полное, соответствующее самому себе самовыражение сознания. Гражданское общество — общество свободно образуемого *порядка*, но никак не анархии, это государственное общество, в котором сами же члены общества и составляют государство. Гражданское общество — общество *граждан* — свободно соединяющихся между собой государственных (по самосознанию!) субъектов. Любые другие сообщества носят негражданский характер.

Среди идеальных институциональных механизмов следует различать *идеологический* и *политический* механизмы. Идеология — знание, культурная парадигма, идейное богатство и идейное руководство. Политика — выработка и реализация практической идеи, воплощающей конкретный субъективный интерес и имеющей конкретную практическую цель. И то и другое — продукт сознания и предназначено для сознания. Но и идеология и политика учитывают объективное, ему подчиняются. Идеологический механизм — механизм реализации идеологии, ее формирования и распространения, воздействия на субъектов и идейную культуру, человеческое общество. Это есть механизм осознания идеи и идеологизации сознания.

Политический механизм — механизм реализации практической идеи, обеспечивающий воздействие одной субъективной воли на другую. Политика — осознанный процесс. Без активной роли субъекта нет политики. Политический механизм — механизм взаимодействия субъектов.

Идеология и политика — явления идеальные. Но они всегда имеют материальное продолжение. Овладевая человеком и обществом, определяя их поведение, идеи становятся материальной силой, объективным фактором, идеи управляют сознанием, а сознание управляет миром, в том числе и миром материальным.

Идеологический и политический механизмы включают в себя помимо идеальных и вполне материальные элементы — субъектов. Отсюда эти механизмы — материальные механизмы, действующие не только в зоне неприродного, но и природного. Оба этих механизма социальны как по духу, так и по своему строению.

Создание природы, ее партнер и преобразователь — человек — не может не использовать в процессе своей организации саму природу, ее элементы и явления, как не может не включать в механизм своей организации элементы создаваемого им вещественного мира. Культура организации определяется и материально-вещественными факторами. Отсюда и деление культур на культуры *естественной* и *искусственной* ориентаций, а среди последних заслуживают быть особо выделенными культуры *индустриального* типа. В индустриальных обществах вовсю используются не просто вещественные создания человека, но и специальные механизмы и системы, непосредственно обеспечивающие организацию человека и человеческого общества. Индустриальные механизмы и системы, которыми пользуется человек, не являются нейтральными относительно сознания человека, его культуры, они активно влияют на них, придавая сознанию и культуре его организации особый индустриальный характер.

Конкретные культуры отличаются друг от друга природными и социальными особенностями их создателей и носителей. Перед природой и идеей все равны. Но равенство в обобщающем плане не означает отсутствия различий в частностях. Человек отличается от человека. Природа различна, различны и условия жизни, различны генетические корни. Есть нации (народы), есть региональные черты (регионалии). Культуры образуются и развиваются как конкретные культуры наций (народов), регионов. Абстрактной общечеловеческой культуры, не носящей национальных и региональных особенностей, нет. Человеческую культуру вообще, при всех ее общих чертах, следует рассматривать как составленную из *национальных* и *региональных* культур.

Культуры различаются и идейно, по заложенным в них парадигмам. Особенно ярко отличаются друг от друга культуры по *религиозному* признаку. Религия и ее догмы заключают в себе не только парадигму, но и саму модель культуры — культуру культуры. Аналогично отличаются культуры и по *светской* идеологии.

Культурообразующее общество всегда неоднородно. Даже в общине немало различий среди отдельных групп — членов общины. Общество состоит из сообществ, и настолько ярко выраженных, что каждое из сообществ становится создателем и носителем *своей* культуры, относящейся к культуре всего общества как ее подвид. Каждая конкретная культура — совокупность культур как подвидов конкретной культуры, совокупность *подкультур*. Подкультура дополняет подкультуру, взаимодействует с ней, но и конкурирует. Не только общечеловеческая культура — поликультура, но и каждая конкретная культура — поликультура. Атомизируясь, поликультура доходит непосредственно до индивидов, каждый индивид — *своя* культура.

2.5.5. ОБЩЕСТВЕННАЯ НОМО-ОРГАНИЗАЦИЯ: ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО

Человек — общественно организованное существо. Общественная организация реализуется как самоорганизация общества, как объективированное сознание, как институт.

Общественная организация — само устройство общества, его конструкция и механизмы. Общественное устройство отражает способ реализации индивида как общественного индивида и общества как совокупности общественных индивидов. В то же время общественное устройство отражает способ реализации индивида как индивида и общества как общества.

Общество состоит из индивидов, индивиды состоят в обществе, они его составляют и составляют по-разному: непосредственно, когда индивид неотделим от общества и общество неотделимо от индивида, и опосредствованно, когда соединение индивида с обществом осуществляется через посредника — специальный, выделенный из общества и в нем находящийся, институт — орган. В первом случае реализуется общинная организация, во втором — государственная.

Общинная и государственная организации сосуществуют, взаимодействуют и нередко составляют единые (смешанные) общественные организмы. Исторический приоритет оказался за общинной организацией, более естественной и простой. Государственная организация возникла и развивалась в борьбе с общинной, в ее отрицании и пре-

одолении. В настоящее время государственная организация преобладает над общинной, но это не означает ни вечности государственной организации, ни невозможности ее отрицания и преодоления организацией негосударственного — того же общинного — типа.

Историческая необходимость и смысл государственной организации вытекают из естественной ограниченности общинной.

Община, в особенности родовая, весьма крепкий социальный организм. Его сила в практически полном единстве индивидуального и общественного организационных начал, их свободном перетекании друг в друга, осуществлении одними и теми же агентами — членами общины. Индивид — непосредственно обществен, община — непосредственно «индивидна». Община может существовать сколь угодно долго, если... если сохраняется общинное равновесие между индивидуальными и общественными началами. Именно общинное, т. е. практически полное, равновесие. Если же *такого* равновесия нет, то община «теряется». Неравновесие — враг общины. Община не терпит ни относительного усиления индивидуального начала, ни относительного усиления общественного начала. Первое ведет к разрыву общинных связей, второе — к деградации общинного организма вследствие деградации индивидов.

Община весьма чувствительна и к своей собственной величине. Хотя число членов общины может быть разным, оно не может превышать некоторые, и весьма ограниченные, пределы. Равновесие между индивидуальными и общественными началами может поддерживаться при определенных количественных параметрах. Община — это мера, а мера общины достаточно узка. Индивид должен «видеть» общину, а община — индивида. Рост числа членов создает угрозу .«размывания» как общественного, так и индивидуального начал, затрудняет их реализацию, препятствует их совмещению и «перетеканию». Качество здесь весьма зависит от количества.

Уязвима община и перед внешним миром. Внутренняя крепость и целостность общины защищают ее от внешних воздействий, обеспечивают сохранность, но тоже до определенных пределов. Сила внутренней организации не всегда компенсирует слабость системы в целом. Возможны агрессии, против которых община оказывается бессильной. Перед грубой силой может устоять только сила, а ее-то у общины бывает не так уж много.

Гомеостазис общины высок. Она стремится ликвидировать возникающие неравновесия. Устойчивость общины велика. Но общине приходится считаться и с фактом неравновесий, приспосабливаться к ним посредством качественных нововведений. Община создает дополнительные механизмы организации, выделяя из себя и удерживая в себе особые институты (вождей, советы старейшин, дружины, знахарей), способные обеспечить равновесие системы на новом уровне, смягчая и ликвидируя раздражающее неравновесие. Такие институты выполняют посредническую роль во взаимодействии индивидуального и общественного начал, ведут к разрешению возникающего между ними неразрешимого противоречия. Община как бы передает указанным институтам-посредникам часть своей организационной энергии и силы, рассматривает их как необходимый элемент системы своей организации.

Наделенные организационной инициативой, а тем более обретя относительную самостоятельность, институты-посредники с неизбежностью вступают в противоречие с организационной ролью отдельных субъектов и общины в целом, но их противостояние индивидам и обществу оказывается предпочтительнее раздражающего общину противоречия между индивидуальным и общественным началами. Противоречие между специальными управляющими институтами и общиной имеет противоречивое следствие для общины: с одной стороны, оно служит разрешению противоречия между индивидуальным и общественным началами, а с другой — может, в случае обострения, разрешиться отрицанием самой общины, вызвать переход к новой — необщинной — общественной организации. Такая необщинная организация, возникающая посредством отрицания общины с помощью выделенных из общины специальных управляющих институтов, есть не что иное, как организация *государственная.*

Причин развала общинной организации множество. Среди них есть и такие, например, как изменение климата, но непосредственно кризис и гибель общинной организации следует связывать с развитием индивида, его сознания и организационной роли. Так или иначе, но индивиду становится *не по себе* в общине, он не находит в ней смысла, а потому стремится к другой общественной организации, которая смогла *бы* учесть индивида как уже *другого* индивида, более индивидуального индивида, каковым он мог стать уже в иной, чем община, организации.

Человек — существо общественное. Индивид общественен, общество — общество общественных индивидов. Разрывая общину, индивид должен оказаться в другой, более удовлетворяющей его индивидуалистические амбиции, организации. Решений может быть два, либо строй равноценных в социальном аспекте индивидуалов, добровольно соединяющихся в сообществе необщинного типа, либо строй неравноценных индивидов, добровольно или насильственно объединенных в иерархическое сообщество, в котором выделяются индивиды-управляющие и индивиды-управляемые, а организация осуществляется с помощью специальных и достаточно самостоятельных, персонифицирующих общество и действующих от его имени (или от имени субъекта, персонифицирующего общество) институтов.

Первый вариант оказался нежизнеспособным: он был явно неустойчивым и по существу переходным — либо назад к общине, либо ко второму варианту. Жизнеспособным стал именно второй вариант, который удовлетворял индивидуалистическим амбициям человека, но... амбициям одних людей, реализуемых за счет других. Неравновесие, которого так страшилась община, не только не исчезло во втором варианте, а, наоборот, закрепилось, получив иное выражение — *социального неравенства.* Индивид определял жизнедеятельность индивида уже не как со-деятель и даже не как носитель опыта, наставник, а как представитель внешней организующей силы, действующей сначала в интересах организатора, а затем уже в интересах организуемого. Деятельность по организации общества становилась прерогативой части общества, общество разделилось на управляющих и управляемых, отдающих команды и исполняющих команды. Теперь уже не общество как таковое *владело* организацией, а выделенная из общества группа индивидов. *Власть* на организацию перетекла от общества индивидов к группе индивидов — *классу управляющих.* Так возникло и закрепилось социальное неравенство по организации человеческого общества. Так возникла *государственная организация общества.*

Государство — это прежде всего по-государственному организованное общество. Государственная организация — *иерархическая* организация, и никакой другой она быть не может. Иерархичность отражает саму сущность государственной, осуществляемой через аппарат-посредник, организации. Разумеется, иерархия может быть выраженной по-разному, с разным направлением власти и функций по иерархическим слоям, но иерархической структуры избежать невозможно как невозможно избежать в рамках государственной организации ее устремления к центру — *централизации власти.* Без иерархии и централизации государственная организация лишена смысла.

Государство — это также сам аппарат-посредник, та система в системе общества, которая и выполняет функцию общественного организатора общества. Но, выполняя функцию общественного организатора общества, государство действует и в своих интересах, подменяя при этом общественные интересы своими собственными. Это естественно. Государству как аппарату свойственно не только выделяться из общества, но и отделяться от него, быть в обществе и вне его, располагаться *над* обществом. Государство как аппарат вольно или невольно противостоит обществу в целом, не говоря уже о тех слоях общества, которыми оно непосредственно управляет. Между государством и обществом существует противоречие, которое общество и государство призваны эффективно разрешать, если хотят оставаться обществом и государством. Государственные организации отличаются не только структурой организации, но и механизмом разрешения противоречия между государством и обществом. Нет государства, лишенного указанного противоречия, есть лишь государства с разными по сути и эффективности механизмами его разрешения.

Государство — это еще и территория. Государственная организация — явление пространственное. Без территории нет государства. Государство — общественно-территориальное целое. '

Государственная организация реализуется по-разному. Государственных форм множество, типология их обширна. Природа-неприрода разнообразна, разнообразны и государственные образования. Выделим только два основных, даже основополагающих, типа: *монократический* и *плюрократический.* Первый тяготеет к возможно более полному сосредоточению власти в единой, расположенной, естественно, в центре и наверху, точке, второй — к рассредоточению власти,— насколько это возможно при необходимой для государственной организации иерархии и централизации,— по нескольким центрам решений. Первый тип доходит в своих конкретных реализациях до

абсолютной монархии или личной диктатуры, второй — до абсолютной демократии, когда решения принимаются с согласия всех его агентов без исключения. Наиболее стабильными и эффективными оказываются системы, сочетающие монократию с плюрократией, когда все центры власти уравновешивают друг друга, когда власть действует, не вырождаясь ни во власть ради власти, ни в безвластие.

Государство как и община принадлежит к числу таких социальных' систем, которые меньше всего стремятся в рамках своей собственной организации к риску. Это и понятно. Государство и община — скрепляющие общество институты, гасители волнения, неопределенности, стихии. Храня общество, они хранят себя, а храня себя, они... хранят общество. Самосохранение — важнейшее качество и стремление такого рода институтов, как община и государство.

Самосохранение и неприятие риска ведут к тому, что при любом начальном уровне сложности указанные системы стремятся к наиболее простой форме реализации, что обеспечивает им наибольшую внутреннюю согласованность и крепость. Община и государство — противники разнообразия и гибкости. Инвариант предпочтительнее варианта. Та же забота о самосохранении ведет к возможно более полному закрытию управляющих систем от внешнего воздействия и для внешнего мира. Деятельность институтов-посредников во многом оказывается не просто скрытой, но и по-настоящему таинственной, обрастая слухами, легендами, *мифами.* Государство и община — великие мифотворцы.

Государство — это аппарат, определенная система учреждений, некое общество в обществе. Государство — это люди. Государство всегда в *ком-то* конкретно выражено, персонифицировано. И каждый «кто-то» вовсе не прочь заявить: «Государство — это я!», что вполне естественно, ибо власть государства, хочет оно того или нет, распределена по конкретным учреждениям и людям. Каждый элемент государственного аппарата — элемент власти. Но при этом ни один из элементов не является самостоятельным. Власть — это система. Стремление элемента проявить власть сочетается со стремлением системы не дать возможности элементу проявить эту власть. Отсюда весьма своеобразный выход. Властная инициатива элемента проявляется в его ... *не* инициативе, а также — в инициативе к неинициативе. Неинициатива — священный принцип государственной организации.

Однако государство действует и действует отнюдь не всегда пассивно. Каким же образом? Только «всем миром», аппаратом в целом, всей государственной машиной и непременно по инициативе верхнего уровня, центра, откуда и может «выйти» реальная инициатива. Давление верха приводит государственный механизм в движение, с неизбежностью наталкиваясь при этом на сопротивление неинициативных элементов-исполнителей. Инициатива сочетается с неинициативой. Ситуация парадоксальная, но не абсолютно безвыходная. Давление «верхней» инициативы может оказаться сильнее «нижней» неинициативности, и на время аппарат может стать конструктивно активным. Но аппарат находит и свой собственный выход, усиливая чисто фиктивную (бумажно-совещательную) деятельность, успешно сопрягая ее с фактической безынициативностью. Вся энергия ratio уходит на реализацию irratio. Аппарат служит аппарату.

Служение аппарата аппарату — первый признак бюрократии. Бюрократия — не просто власть аппарата, а аппарата, служащего самому себе. Отсюда такие великолепные черты организации, как неразбериха, «лабиринтность», парадоксальность. Бюрократическая организация настолько оригинальна, что обычному здравому рассудку просто недоступна.

Наивно думать, что бюрократ нерационален, он очень даже рационален, но для себя. В бдении своего интереса бюрократ настойчив и изобретателен. Бюрократ никогда не изменит бюрократии. Он сам себе мера, сам себе прокурор и судья.

Однако бюрократия, будучи абсолютом для себя, не является абсолютом для общества. Только общество способно ограничивать и преодолевать бюрократию. И лучше всего тогда, когда государственная система сама предусматривает систематический контакт аппарата с обществом, обеспечивает открытость аппарата во внешний мир и внешнему миру. Это достигается легче всего через *демократические* институты, отличающиеся прямым участием общества в государственных делах. Бюрократия неизбежна, но ее можно свести к минимуму.

Государственность — феномен культуры. Она развивается вместе с культурой. Как и любой другой культурный феномен, государственность реализуется не только в раз-

ных по существу самообразованиях, не только в разных формах, но и в разных исторических состояниях. Государства зарождаются, достигают зрелости, процветают, деградируют и умирают. Государства образуются обычно как продукт естественного развития общества, возникают они и под влиянием внешних обстоятельств. Аналогично обстоит дело и с исчезновением государства. Движение государственной культуры — сложнейший общественно-исторический процесс.

Узловыми моментами в данном общественно-историческом процессе являются ситуации, когда происходят смены государственных систем. Любые качественные измейения важны, но особое значение имеют те из них, которые обусловливаются логикой внутреннего развития государства, т. е. те качественные изменения, которые представляют собой самопревращение государства. Такого рода события вызываются ресурсным обеднением и культурным обесценением государственного образования, его неспособностью к решению стоящих перед ним задач, исчерпанием возможностей приспособления и развития, его несоответствием уровню развития общества, интересам динамичных социальных сил. Государственное образование противоречит в данном случае и самому себе, ибо всякие попытки изменения на своей собственной основе (в рамках своей и только своей парадигмы) лишь усугубляют положение государственного образования. Подобные ситуации самому себе обостренного противоречия суть ситуации *кризиса.*

Кризис — еще не конец, даже не катастрофа. Кризис — сигнал беды, но беды вовсе не непреодолимой, более того, кризис — сигнал к обновлению, поиску лучшего варианта организации. Кризис — всегда шанс.

Кризис ведет (может привести) к качественному скачку. Если культуру можно принять за мать нового (обновленного) явления, то кризис, несомненно, следует посчитать за отца. Без кризиса нет развития, нет качественных превращений. Скачок от одного явления (проявления) к другому предполагает и необходимость такого скачка, а необходимость эта обусловливается невозможностью дальнейшего — без качественных изменений — бытия, подвергающегося превращению явления (проявления). Кризис — непременная предпосылка и условие качественного скачка.

Выход из кризиса — свершение качественного скачка. Способ преодоления кризиса и качественного превращения может быть различным: быстрым и долгим, резким и постепенным, спокойным и бурным. Преобразование может произойти по инициативе управляющих (сверху) и по инициативе управляемых (снизу), посредством реформ, политических переворотов и революций. Но каким бы ни был способ преобразования, само преобразование с необходимостью мотивируется и направляется «духом отрицания», т. е. содержит в себе момент отрицания преобразуемого, движения к противоположности, носит переворотный характер. Сила, уровень и качество отрицания также бывают различными — от замены черт до полного превращения явления, но главное здесь в том, что новое черпается в противоположном, как правило, уже существующем, а нередко и давно существовавшем раньше, т. е. новое часто выходит из ... *старого,* безусловно, в новом, соответствующем времени, обличье.

3. ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИИ — ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

3.1. ПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОИЗВОДСТВО

Человек — неприродный продукт природы. Выделившийся из природы и в природе же остающийся. Существующий в природе, через природу, вместе с природой. Но существующий и вне природы, над ней и рядом с ней. Существующий по-природному и не по-природному, в природном и неприродном взаимодействии с природой, как ее часть и как ее контрагент.

Как часть природы человек — у-часг-ник обмена веществ, происходящего в природе, он вполне природный феномен; как контрагент природы он — созидатель своего, очеловеченного обмена веществ, в котором природа у-*част*вует как часть глобального неприродно-природного процесса — человек потребляет природу, превращает ее, но при этом разрушает, портит, уничтожает. Сознание переделывает под себя природу. Природа очеловечивается, превращаясь в другую природу — homo-природу.

Деятельность человека по переделыванию природы, ее вещества и ее организации, по превращению природы в homo-природу, по созданию своей, из сознания выходящей, неприроды — homo-неприроды — есть труд.

В природе нет свободных мест, нет их даже в неприроде как чистом продукте сознания, а потому всякое сознание, будь оно чисто природное или чисто сознательное, сопряжено с разрушением. Труд — созидательно-разрушительный процесс, делание нового из «старого», уже существующего.

Труд — непременное условие существования человека, способ его природно-неприродного бытия. Без труда нет человека. Человек — это труд, жизнь человека — труд, возвышение человека — тоже труд. Отношения между людьми — труд, функционирование сообщества — труд, организация общества — труд. Труд — само бытие человека, его реализация. Все равно: индивида, сообщества, общества. Чисто материальный или чисто идеальный, переделывающий вещество или организацию, организацию живого или общественного. Труд — необходимость и потребность, обусловленные внешне и внутренне, вынужденные и добровольные, осознанные и неосознанные.

Труд — неотъемлемое качество человека. Труд не создал человека, как человек не *создал* труд. Человек и труд неразрывны, а потому один из них не может быть предшественником другого. Человек и труд — сами по себе причины и следствия, обусловливающие друг друга в прочном единстве. Труд не создал человека, но зато труд *создает* человека, равно как человек не создал труд, но зато *создает* труд.

Труд, как и сама человеческая жизнь, одновременно индивидуален и обществен. Не может быть только индивидуального труда, но не может быть и только общественного труда. Труд — сложный процесс взаимодействия индивидуального и общественного начал. Равным образом труд всегда субъективен и всегда объективен. Труд — изъявление субъекта, но такое изъявление, которое объективно обусловлено, взаимодействует с объективным, сталкивается с ним, его преодолевает и с ним же считается. Труд — *субъективно-объективный* процесс.

Труд — явление сознательное, осознанное и сознательно организованное. Неосознанного труда просто не может быть. Подсознание, конечно, участвует в труде, но лишь соседствуя с сознанием, с его помощью, а в чем-то и через него. Участие подсознания не отрицает, а предполагает, не снимает, а подтверждает ведущую роль сознания в человеческом труде. Труд — это сознание, а сознание — труд!

Общая и конечная цель труда — сам труд. Труд ради труда. Труд — это жизнь, а жизнь существует ради жизни.

Если труд удовлетворяет потребность, то только одну — потребность в труде.

Однако труд, реализуясь ради труда, должен обеспечить саму возможность труда, причем как непрерывного жизненного процесса.

Труд обусловливает труд, создает условия для труда, а соответственно для жизни. Труд создает *условия жизни*, именно жизни, а не выживания, он создает то, что требует жизнь, во всех своих позитивных и негативных потенциях и проявлениях. Выживание — лишь момент жизни, а потому не может быть обобщающей целью труда. Условием жизни является и смерть, а потому труд создает и условия смерти.

Условия жизни человека разнообразны. Природные и неприродные, материальные и духовные, вещественные и организационные. И любые условия должны созидаться природой и трудом, их взаимодействием и разнодействием.

Есть условия чисто природные, есть природно-неприродные, а есть и чисто неприродные. Все обусловленные трудом условия суть *производные* условия, про-*изводные* от человека. Созидание таких условий есть не что иное, как п р о и з в о д с т в о. Однако производство не только человеческое (из сознания), но и природное, обусловленное природой, производное и от нее. Человеческое производство есть производство и природного и неприродного, а в зависимости от производимых условий жизни — материальное и духовное, вещественное и организационное.

Производство — это и *произведение* производного, и результат, т. е. само *производное*. Производство охватывает все производство, весь про-извод-ческий процесс и весь его результат. Охватывает независимо от того, что производится, какова природа производимых условий жизни. В жизни нет непроизводческих сфер, все в жизни есть производство.

Природа, производя неприроду, произвела человека, а человек, производя неприроду и производя себя, производит вместе с природой по-природному и не по-природному природу, но уже очеловеченную природу. Производство не оторвешь от природы, но и не сведешь к природе. Производство — живой, трепещущий, искрящийся контакт неприроды и природы, процесс их взаимных переходов друг в друга, результат совместных усилий.

3.2. Организация производства и производство организации

Производство — сложный организационный процесс. Он сложен, как сложна сама жизнь. Жизнь — это производство, а производство — жизнь. Однако и в производстве есть нечто свое — производственное, то, что непосредственно связано с явлением производства, -изводства, -извода, т. е. образования того, чего не было раньше, того, чего желает человек. Организация производства как такового — это организация *про-извед-ения* желаемого.

Производить — значит еще и управлять, организовывать. Организовывать сознательно. Производить, вести дело и вести за собой. Вести превращение веществ и водить превращением, вести человека, водить человеком, вести сознание и водить сознанием. Организовать производство — организовать движение вещества и поведение человека; организовать сознание и организовывать сознанием. Производство — поток вещества, но и поток сознания, поток предметов и поток идей.

Организовать производство — значит *пере* организовать природу и неприроду, человека и его сознание, его культуру. Простое повторение частично исключает переорганизацию, но не отменяет ее совсем. И воспроизводство предполагает организацию, хотя и не новую. Организация сопряжена с переорганизацией, с воздействием на уже имеющуюся организацию, с взаимодействием с ней. Объектом организации является организация, которая, обладая гомеостазисом, с неизбежностью сопротивляется инициативной организации, стремится сохранить себя или уж, по крайней мере, навязать свои условия инициатору. Организацию природы не отменить, как не отменить организацию сознания.' Есть законы природы и законы неприроды, и с ними приходится считаться. Переорганизуя нечто, нужно учесть и имеющуюся организацию этого нечто, ее понять и использовать.

Организация производства сопряжена с производством организации. Чтобы произвести нечто, необходимо произвести организацию — организацию этого нечто и организацию производства этого нечто. Организация производства — разнообразный, разноцелевой и разнопоточный процесс.

Организация производства — дело человека и только человека. Без человека нет производства, нет и его

организации. Но, организуя производство и производя организацию, человек считается с объективными условиями, наличием других организаций, закономерностями своей собственной организации. Организация человека и человеческого общества — такая, как есть, со всеми своими атрибутами — вступает во взаимоотношения с организацией внешнего мира, не менее оснащенной собственными атрибутами. Организация производства — организация взаимоотношения миров: неприродного и природного, организация как состояние и организация как действие.

Организация производства, сопряженная с производством организации, есть постоянно рождающийся и непрерывно разворачивающийся по инициативе человека процесс *импровизации*, поиска, выбора и отбора. Нечто из произведенного в ходе производства и организации оказывается наиболее подходящим для реализации собственно цели производства, это нечто и «выпадает в осадок», становясь организационной опорой человека, его конструкционным опытом, организационным знанием. Человек организует самого себя, свое сознание и поведение, вполне оказываясь *человеком производственным* — сознательным организатором производства и производителем организации.

Обретаемое знание оформляется в нормы, нормы организуют знание. Импровизация опирается на нормы, нормы оттеняют импровизацию. Нормы ведут импровизацию, импровизация оттачивает нормы. Нормы сдерживают импровизацию, импровизация изменяет нормы. Организационный процесс — процесс нормативно-импровизационный, а потому «жизненно» организованный процесс. Организация скрепляющая, стабилизирующая, конструкционная сочетается с организацией раскрепляющей, динамизирующей, изменяющей. Организация производства — *самоорганизующийся* процесс.

Особое значение в жизни человека имеет производство материальное, обеспечивающее природное бытие человека. Человек не просто потребляет природу, но и преобразует эту природу, приспосабливает ее к себе и своему потреблению. Производство удовлетворяет потребление, потребление направляет производство. Непотребительское производство бессмысленно. Потребление и производство неразрывны.

Как человек может приспособить природу к потреблению, изменить ее? Только непосредственным материальным воздействием, исходящим прежде всего от самого человека, его организма. Материальным средством воздействия на природу, находящимся в распоряжении человека как такового, может быть только какая-то часть человеческого организма, способная преобразовывать природный материал. Такой частью является не что иное, как *рука.* Именно рука способна выполнить миссию непосредственного материального (вещественного) организатора материального (вещественного) преобразовательного процесса.

Рука — организатор. Она разъединяет и соединяет, перевоплощает. Она организует и организуется. Организуется посредством обратной связи с организуемым, учета его воздействий. Но организуется и всем организмом человека, его сознанием и подсознанием.

Рука — энергетический и силовой механизм. Это позволяет ей вмешиваться в природные энергетические и силовые поля, перераспределять и преобразовывать энергию, изменять ее потенциалы и соотношения. Рука способна вызвать несоответствия (неравновесия), необходимые для реконструкции природы, но она способна и установить необходимые для этого соответствия (равновесия).

Рука и сознание, сознание и рука — вот главные составляющие сложнейшего физио-био-социо-механизма, способного противопоставить себя природе как ее подсистема-антипод, ее преобразователь, ее потребитель и созидатель.

Рука — это непременно рукм. Одна рука — всего лишь абстракция. Природу преобразуют руки, и не две руки индивида, а руки сообщества индивидов. Рука — механизм общественный-, могущий возникнуть и реализоваться в обществе, и механизм общества, могущий быть эффективным только в массовом и совместном применении. Рука — общество рук.

Возможности руки при всей ее способности к манипуляциям ограничены. Рука может многое, но не все. Как же преодолеть ограниченность руки? Только посредством... природы, сочетания руки с природными предметами, а поскольку готовых предметов, годных для такого сочетания совсем немного, то сочетания с предметами из природы", т. е. природы преобразованной. Производство с необходимостью сочетается с производством предметов

(механизмов, систем), предназначенных для осуществления производства,— *орудий труда.*

Организация производства как производительного процесса есть организация взаимодействия не только человека и природы, но и человека и орудий труда. Производство в целом есть процесс производительного взаимодействия человека, орудий труда и природы.

Человек — это общество. Рука — это руки, масса рук. Производство есть также взаимодействие рук, людей. Отсюда организация производства есть обязательно организация взаимодействия людей, а в целом организация людей — организация орудий труда, их взаимодействия между собой и с человеком — организация взаимодействия человека, орудий труда и природы.

Между всеми участниками производственного процесса устанавливаются и воспроизводятся *отношения*: «человек — человек», «коллектив — коллектив», «сообщество — сообщество»; «человек — коллектив», «человек — сообщество»; «человек — общество»; «человек — орудие труда», «орудие труда — природа», «орудие труда — орудие труда», «человек — природа». Отношений множество, множество комплексов отношений, множество и их типов.

Отношения, о которых идет речь, суть отношения *производственные,* они реализуются в сфере производства, имеют организационный характер, служат организации производства, ее осуществляют. Естественно, что указанные производственно-организационные отношения качественно разнообразны. Какие же специфические отношения (типы отношений) целесообразно выделить?

1. **Технологические отношения.** Данные отношения возникают по поводу непосредственно производства продуктов, их изготовления (все равно, чисто ли материальных—предметов или условно материальных—услуг). Такие отношения отражают техническую логику производственного процесса. Техника — не только орудия труда и их производительное применение, но также и человек, орудия труда применяющий, делающий дело, и природа, с человеком и орудиями взаимодействующая, участвующая в деле. Технология — организация производства со стороны его техники. Если роль орудия труда выполняет природа, то именно она оказывается системообразующим фактором технологии. Аналогично обстоят дела и с человеком: в определенной ситуации человек (с его навыка-

ми и приемами) может оказаться технологообразующим фактором, основным моментом самой техники.

Технологические отношения, встроенные в механику производства, осуществляются в разном облике. Здесь и чисто технические отношения, непосредственно входящие в изготовленческие системы как имманентные технические элементы, и чисто организационные отношения, обеспечивающие управление (самоуправление) изготовленческими системами и их комплексами, и социальные, связанные с человеком как субъектом общества, опосредствующие становление и функционирование изготовленческих систем как систем общественных, и психологические, связанные с человеком как личностью, раскрывающие взаимозависимости и поведение людей в изготовленческих системах как носителей индивидуального сознания.

Технологических отношений множество. И во всех участвуют люди. Даже отношения между орудиями труда и предметами труда опосредствованы человеком. Человек — главный субъект технологических отношений. И выступает он сразу во многих лицах: как элемент техники, как участник организации, как социальный агент, как личность. Человек — целый спектр отношений.

2. **Организационные отношения.** В чем их специфика, если все производственные отношения являются организационными? Наверное, в их непосредственно организационном характере. Любую технологию надо организовать, надо организовать технику, людей, взаимоотношения в коллективе и взаимоотношения коллективов. Любая организация есть производство организации, ее инициация и реализация. В любой организационной системе есть организаторы и исполнители, организующие и организуемые. В любой системе есть действия по организации. Отношения, непосредственно обеспечивающие организацию, и являются собственно организационными отношениями. Такие отношения трудно выделить из сонма организационных отношений, но они есть — эти отношения организации и только организации.

3. **Социальные отношения.** У каждого человека, хочет он того или нет, свое место в обществе, своя социальная роль. Можно сменить место и изменить роль, но нельзя существовать без места и без роли. Общество — это организм со свойственными ему разнообразными функциональными органами, а не масса одинаковых, социально безличных и безликих индивидов. Выделение мест и ролей, их

спецификация — *необходимое условие и результат организации человеческого общества.* Разумеется, социальное распределение людей вершится не без участия «злых» и «добрых» сил, но сама необходимость такого распределения совершенно объективна.

Социальное распределение ведет к социальным отношениям, ими обусловливается и реализуется. Социальное отношение — отношение по поводу положения в обществе и социальной роли, взаимозависимости и взаимодействия.

Социальные отношения разнообразны. Уже в самой простой производственной ячейке их можно обнаружить немало, что же тогда говорить об обществе, особенно цивилизованного типа? Отношения управляющих и управляемых, например, отнюдь не только технологические и организационные, они еще и социальные: разное положение в обществе (ячейке), разные социальные роли, разный образ жизни и действий, разные сознание и культура, разные возможности, разные характер и состав потребления. Слишком много разного, чтобы не быть социальной разности, а соответственно и особой общности — через отношения раз-ушч-ностей, их — этих различностей — соединения в целое, но уже вовсе не единообразное целое. Социальные отношения — отношения социального разделения-объединения, Это касается, конечно, не одних управляющих и управляемых. Это касается любых субъектов, любых агентов производства, любых коллективов и сообществ.

Среди социальных отношений, возникающих по поводу производства, есть особые отношения, связанные не с технологией и организацией как таковой, а с явлением, которое называется *при-свое-нием,* т. е. приведением к своему. Как показывает история, *«освое*образить» можно *все:* природу, технику, человека. В присвоении никаких границ нет, кроме, разумеется,... самого присвоения. Границы присвоению может поставить — при условии неограниченности ресурсов — только *другое* присвоение, не считая культуры и инициируемых ею запретов.

Явление присвоения вполне естественно. Без присвоения нет потребления, без потребления нет жизни. Присвоение — момент жизни. И проблема состоит не в факте присвоения, а в принципах и содержании присвоения, механизме его реализации, размерах. Именно этим отличаются одни отношения присвоения от других.

Присвоение и потребление — не одно и то же. Без присвоения нет потребления, но присвоение возможно и без потребления. Присвоение относительно самостоятельно. Оно может, не теряя цели потребления, и самому себе послужить целью, достигая в то же время и другие, кроме потребления, цели. Присвоением ведь определяется не только уровень потребления, но и положение в обществе, не только материальное, но и духовное благополучие, не только факт жизни, но и ее вариант, ее свобода.

Присвоить — сделать своим, а сделать своим — обособить. Сделать своим и обособленным — сделать собственным. Присвоение — акт *собственничества,* результат присвоения — собственность, отношения по поводу присвоения — *отношения собственности.*

Присвоить можно любой фактор производства, любой процесс производства, любой результат. Присвоить может и любой социальный агент — индивид, коллектив, сообщество, государство, общество в целом. Собственность разнообразна и многолика. Разными бывают и отношения собственности. Но при всей их поликонкретности они сводятся к двум абстрактным отношениям: «собственник — несобственник» и «собственник — собственник».

Социальные отношения по поводу производства не исчерпываются собственническими. В качестве социального субъекта человек выступает во многих ипостасях: как субъект этики, как субъект политики, как субъект права. И каждой социальной роли соответствует особый тип социальных отношений, а каждый особый тип играет свою особую роль в организации производства.

Этика, например, регулирует человеческие отношения в соответствии с существующими в обществе внешними для отдельного субъекта нормами и правилами поведения, и от того, какова эта этика, насколько люди ей следуют, насколько общество способно побудить человека следовать этой этике, насколько сильна и действительна антиэтика, непосредственно зависят организация производства, ее «человечность» и «бесчеловечность», ее технологическая, социальная и экологическая эффективность. Без этического момента нет производственных отношений, нет организации производства, нет его социальных механизмов.

То же самое можно сказать и о праве. Право — жизненная необходимость организации общественного производства, самих производственных отношений. Право —

это возможности и границы, гарантии и ответственность. И какое оно, это право, чьим интересам оно служит, как реализуется, способно ли к эффективной самоорганизации и самоконтролю — все это далеко не безразлично для дела организации производства.

Организация производства непосредственно зависит от государственного устройства общества и культивируемых в нем политических отношений. Равнодушных к общественному производству государств не бывает, как не бывает и свободных от политического влияния организаций общественного производства. Каждое государство и каждое правительство проводят свою политику относительно производства, свою политику проводят и разные социальные и политические силы. В любом политическом обществе организация производства *политизирована,* производственные отношения имеют политическую окраску, в сфере производства действуют политические механизмы. И здесь важно, кто, как и в чьих интересах ведет политику, какого рода политику, каких результатов добивается.

4. Психологические (личностно-поведенческие) отношения. Организация производства, как и любая социальная организация, немало зависит от личностных качеств участвующих в этой организации субъектов, мотивов и манеры их поведения. Отсюда и целый комплекс отношений, весьма сложных и запутанных, во многом неявных: приязни и неприязни, соперничества и товарищества, лидерства и покровительства, доверия и подозрительности. Разные личности — разные отношения. Разные отношения — разный характер организации производства, ее эффективность.

* * *

Организация производства есть производство организации. То и другое — дело субъектов. *Субъекты производят отношения, а отношения производят организацию.* Организация идет от субъекта к субъекту, от отношения к отношению. Каждый субъект многозначен, многозначно и каждое отношение. В одном отношении «субъект — субъект» целая гамма отношений, каждое из которых имеет свой особый смысл и свою функцию. Реальные производственные отношения, т. е. отношения «субъект — субъект», всегда «многочленны»: в них реализуются различные по качеству отношения, а в каждом из особых по

качеству отношений всегда присутствуют другие по качеству отношения, т. е. каждый из компонентов «многочлена» качественно полифоничен. Отсюда общественная система производственных отношений — это система, с одной стороны, разных по качеству и качественно полифоничных отношений, а с другой — разных по качеству и качественно полифоничных общественных систем отношений. Организация производства качественно разнообразна, разнообразно и производство организации.

3.3. Организация производства как самоорганизация культуры

Производство — феномен культуры. Производство — культура, но производство есть и производство культуры. Культура — предпосылка и результат производства, а производство — факт и фактор культуры. Производство — момент культуры.

Культура — созидаемый человеком мир человека. Человеческое мироздание. Обязанное сознанию, но живущее своей жизнью. Организованная человеком самоорганизующаяся организация.

Производство — функция от культуры, культура — функция от производства. Нет культуры без производства, но нет и производства без культуры. Производство и культура равноценны и равновелики. Производственный процесс — культурный процесс, но в то же время процесс культуры, ее дело — дело всей культуры. Производство — *общекультурный* процесс, организация производства — самоорганизация *культуры.*

Самоорганизация означает, что культура *сама* организуется. Культура слишком сложна, чтобы *не быть* самоорганизующейся. Но самоорганизация культуры такова, что ее основной движущей силой является не сама культура, а человек, причем не только как создатель культуры, но и как ее создание. Культура — всегда культура человека, а человек — всегда человек культуры. Одно без другого не существует.

Самоорганизация культуры — процесс не просто культурный, но еще и осознанный, ведомый сознанием и им опосредствованный. Сознательный характер самоорганизации культуры не исключает объективного характера организации самого сознания и соответственно объективности творческой воли сознания и объективности им созданного. Насколько сознание сознательно, настолько оно

и несознательно, насколько упорядочено, настолько и стихийно. Самоорганизация культуры — процесс, направляемый сознанием, но сознанием организующимся и объективно не без участия самой культуры.

Сознание и культура неразделимы. Но при всей «культурности» сознания, сознание все же не культура, как и культура — не сознание. Они не сводимы полностью друг к другу- Сознание производит культуру, присутствует в ней, выражается в ней, но полностью собой не заменяет. Культура — продукт сознания, но такой продукт, который существует и сам по себе, уже независимо от сознания. Культура — и нечто внешнее по отношению к сознанию, самосуществующее.

Самоорганизация культуры — сознательно-культурный процесс.

Культура разнообразна. Разнообразны и культуры. Производство — дело сложной культуры и разных культур, равно как и культура — дело сложного производства и разных производств. Общество — сложное культуро-производственное образование, а учитывая поликонкретность общества — система сложных культуро-производственных образований (как взаимодействующих, так и изолированных друг от друга).

Культуро-производственное образование — не только сложная, но и *достаточно* сложная система, способная к самоорганизации и самовоспроизводству. Система, в меру закрытая и в меру открытая, гомеостатическая и приспосабливающаяся, сохраняющаяся и изменяющаяся. *Самодостаточная и самонедостаточная система.*

Как явление реальности культуро-производственное образование всегда конкретно. Это всегда целостная, качественно определенная, особенная система. Таких систем множество. Одно образование соседствует с другим, одно сменяет другое. Человеческое общество — мир культуро-производственных образований, а история человечества есть история возникающих и исчезающих культуро-производственных образований.

Природа, как и неприрода, весьма расточительна, но она же и экономна. Жизнь допускает множество — и множество неограниченное — культуро-производственных образований, но при этом только необходимых образований, уважая их специфику ровно настолько, насколько она необходима для утверждения общего, т. е. самой Жизни. Действует двойная взаимная экономия: экономия

на общем ведет к специфике, а экономия на специфике подтверждает общее. Допуская разнообразие, природа не упускает единообразия, не останавливаясь при этом и перед использованием однообразия, и делает это не столько ограничением числа специфических образований, сколько приданием этим специфическим образованиям общих черт.

Диалектика разнообразия и единообразия приводит к наличию *типов* культуро-производственных образований, утверждающих общее в особенном, но в то же время и подтверждающих особенное в общем.

Коль скоро мы рассматриваем производство как феномен культуры, а организацию производства как функцию самоорганизующейся культуры, то главным критерием для типологизации культуро-производственных образований может быть только культуро-организационный критерий, раскрывающий не что иное, как *культуру организации производства.*

Однако это слишком общий критерий, он содержателен, но слишком неопределенен, а точнее, не имеет собственного типового определения. Одна культура должна отличаться от другой, один тип — от другого. Искомый критерий должен нести в себе собственное особенное, общее всем культурам, но способное отличить одну культуру от другой.

Производство — это взаимодействие человека, техники и природы, а по более определенной, но и более узкой квалификации — труда, орудий труда и предметов труда. Организация производства — организация взаимодействия указанных факторов производства. Культура организации производства — культура организации взаимодействия факторов производства, или, иначе, *производительных сил общества.*

То,.что данная культура организации есть система, сомнения не вызывает. Не вызывает сомнения и то, что эта система включает в себя человека и его культуру. Включает она в себя и различные отношения, возникающие между людьми, между элементами производительных сил, между компонентами культуры. Рассматриваемая система вбирает в себя все, что необходимо для организации производительных сил.

Культура организации есть одновременно и система организации культуры. Система организации... организации культуры, однако в ее — этой системе — определительной определенности, в ее сущности и знаковом оформлении. Выделив из всей относящейся к производству культуры ее организационную «начинку», да так, чтобы можно было выполнить указанную выше типологическую задачу, и рассматривая эту «начинку» как самостоятельное организационное явление, мы с необходимостью придем к заключению, что искомый нами культуро-организационный феномен есть не что иное, как *способ организации производства,* являющийся одновременно культурным моментом организации и организационным моментом культуры.

Способ организации производства — *организационная характеристика производства, его организационная сущность.* Но такая характеристика, которая восходит к определению общего из особенного и особенного из общего, т. е. к определению типа.

Если мы квалифицируем организацию производства как способ А, то это означает, во-первых, что данный способ есть общая.характеристика конкретных систем ряда А, т. е. А|, Аг, Аз ... (Ai, А2, А3 ... $А_п$ является лишь вариантами А) и, во-вторых, что конкретные системы, выходящие за пределы ряда А, относятся к другим способам организации — В, С ... Х, т. е. составляют другие вариантные ряды, например Bi, В2, Вз ... $В_п$. Способ относится к сущностному уровню характеристики явления, тому уровню, который доходит до общего в разных явлениях. Способ — абстракция по отношению к конкретности, но в то же время и конкретность по отношению к другой — того же уровня — абстракции.

Утверждение «есть способ А и есть способ В» означает, что система А на сущностном уровне отличается от системы В и что каждая из систем, т. е. А и В, может иметь неограниченное число конкретных воплощений, но как воплощений сущностей А и В и только.

Способ организации производства — способ (тип) самоорганизации культуры по поводу производства. Само слово «способ» указывает на то, что культура может самоорганизоваться по-разному — одним способом (А) и другим способом (В) — с учетом всего конкретного разнообразия природно-неприродного мира (через варианты А и В). Способ самоорганизации означает, что самоорганизация непременно реализуется в способах самоорганизации.

Чем же конкретно один способ может отличаться от другого? Ответ надо искать в характере культуры и в ха-

рактере ее самоорганизации, но обязательно на уровне типового обобщения.

Центральное положение в организации производства занимает человек. Именно человек является инициатором производства, именно он «придумывает» организацию производства, именно он организует взаимодействие производительных сил. Однако человек — это люди, сообщества, институты, т. е. разнообразные субъекты производства, как и их не менее разнообразные системы и системы систем. Задавая организацию производства, человек задает и организацию самого себя как субъекта этой организации, а следовательно, организацию общественной системы субъектов.

Человек задает вовсе не любую организацию общественной системы субъектов, а лишь ту, которая является его органичным продолжением и органичным элементом которой он сам является, с одной стороны, и которая наилучшим образом отвечает объективным условиям общей жизнедеятельности человека — с другой. Но прежде чем оказаться умелым и неумелым, хорошим или плохим организатором, человек должен оказаться «человеком располагающим» — располагающим всем необходимым для производства и его организации, т. е. обладать самой возможностью организации производства.

Такая возможность может представиться, если человек (общество) будет иметь возможность *распоряжаться по своему усмотрению* не чем иным, как производительными силами. И здесь возникают следующие варианты: субъект организации сам является производителем и сам же владеет условиями производства; субъект организации владеет материальными условиями производства, производителем не является, но непосредственно организует производство (трудится к^к организатор); субъект организации владеет производительными силами, в том числе и самим производителем, и является организатором их взаимодействия; субъект организации не реализует себя как субъект-организатор, а передает возможность быть организатором другому субъекту.

Из сказанного видно, что собственно производительной организации производительных сил предшествует их *организация по собственности*, а последняя раздваивается на организацию (распределение) самих производительных

сил и на организацию людей (субъектов) по поводу распределения производительных сил.

Способ организации производства — это прежде всего способ организации производительных сил, а способ организации производительных сил — это прежде всего *способ организации производительных сил по собственности.* Именно этим, т. е. способом организации производительных сил по собственности, и отличаются *в первую очередь* способы организации производства. Собственность и ее отношения лежат в основе типологизации способов организации производства.

Охарактеризовать собственность, ее агентов и отношения — определить способ организации производства, его обозначить. А при характеристике собственности главным является социальное положение непосредственного производителя, его отношение к используемым им условиям производства. Характер социального отношения непосредственного производителя диктует и характер организации его взаимодействия с техникой и природой, а также характер отношения производителя к производству и его результатам. Так способ организации производства раскрывается в своей целостности.

Разумеется, способ-организации производства зависит не только от собственности, но собственность является, бесспорно, его главным основанием и отличительным признаком. Характер собственности задает характер организации производства со стороны организации самих людей, социальных субъектов и общества в целом. Именно из собственности выходит организация производительных сил. Но не только. Организация производительных сил зависит и от самих производительных сил. Владеть производительными силами важно, но не менее важно и то, *какими* по качеству производительными силами владеть. Характер производительных сил также влияет на способ их социальной организации, определяя в известной мере и характер самой собственности. Собственность — функция и от производительных сил. Способ организации производства — нечхо, идущее от человека, общественных отношений, но одновременно и от производительных сил, с которыми человек и общество взаимодействуют.

Собственность — принадлежность культуры, культуры человека и культуры культуры. Собственность и сама образует культуру, представляя собой в реальности весьма сложную материально-социальную систему. В такой

системе есть место всему — от самого материального до самого духовного, от обыкновенного захвата средств производства до утонченной идеи о его божественном предопределении. Собственность культурообразована, да так, что сама культура является объектом собственности, ее результатом. Собственность — феномен культуры, а культура — феномен собственности.

3.4. Способ производства и способ хозяйства

Способ организации производства — главный организационный параметр общественного производства. Каков способ организации, такова и вся организация, такова и система производства в целом. Система общественного производства, соответствующая конкретному способу организации, его отражающая и выражающая, в себе содержащая, есть способ производства.

Способ производства — это и способ организации" производства и само производство, по этому способу организованное. Способ производства — не только организованное, но и материальное явление, сама, так сказать, «природа» со всеми своими элементами, ячейками, комплексами, подсистемами, отношениями, агентами, т. е. со всей своей содержательной плотью. Без плоти нет организации, нет и ее способа. Но и без организации нет плоти, без организации плоть — ничто. А коль скоро всякая организация, как и всякая плоть, конкретна, то конкретным является и производство с его организацией, а первейшей, основополагающей, центральной организационно-производственной конкретностью как раз и является способ производства.

Способ производства — самая абстрактная конкретность и самая конкретная абстракция, то явление и та сущность, на которые непременно наталкивается исследователь при любом направлении поиска: как от конкретного к абстрактному, так и от абстрактного к конкретному.

Конкретность понятия «способ производства» важна: нет способа производства вообще, т. е. способа производства, не имеющего конкретной качественной определенности, а есть конкретные способы производства, обладающие особой качественной характеристикой. Способ производства вообще — всего лишь абстракция от конкретного, существующая в конкретном и выделяемая из конкретного. Если бы не было *различных* способов производства,

то не было бы основания вообще говорить о способе производства. В самом понятии «способ» уже заложен момент отличия, особенности, качественности.

Главное в способе производства — собственность. Какую бы качественную окраску ни придавали системе производства производительные силы, политическая структура или религия, все равно решающее слово за собственностью. Именно собственность придает способу производства первичную и отличительную определенность. Однотипные производительные силы, однотипные политические структуры или одна и та же в истоках своих религия могут обслуживать *разные* способы производства, причем разные *противоположно.* Данный факт служит наилучшим доводом в пользу ведущей роли собственности в детерминации способа производства.

Придавая собственности столь большое значение — быть сущностью сущности способа производства, обозначать его, даже именовать, нужно иметь в виду, что способ производства конструируется не собственностью как таковой, а обществом и культурой в целом. Собственность, будучи сама продуктом развития общества и культуры, служит становлению способа производства не более как посредник между обществом и культурой, с одной стороны, и способом производства — с другой. Произвольное и насильственное внедрение в общественно-культурную среду каких-либо конкретных отношений собственности вовсе не гарантирует развития в данной среде адекватного этим отношениям способа производства, наоборот, среда обычно отторгает постороннюю инициативу, порождая или фактически другой способ производства, или, в лучшем случае, совершенно искаженный псевдо-аналог «задуманного» способа производства. Первое и последнее слово всегда за обществом и культурой, их естественным развитием.

Диалектика взаимоотношения культуры и собственности непроста. Собственность — концентрированное выражение культуры, ее главной идеи, ее внутренних стремлений и пределов. Собственность — важнейший показатель культуры, ее знак, но в то же время и фактор реализации культуры. И какой бы большой значимостью ни обладала собственность, первичным в отношении «культура — собственность» является культура, а не собственность. Не культура — продукт собственности, а собственность — продукт культуры, хотя влияние собственности

на культуру трудно переоценить. Первичность культуры по отношению к собственности не мешает последней не только обозначать и определять первую, но и самую ее делать субъектом и объектом собственности.

Культура вообще и культура присвоения культуры — не одно и то же. Второе — момент первого, его свойство, характерная черта. Учитывая важность собственности для качественного определения культуры, можно, конечно, заявить в запале, что собственность есть основополагающий момент культурной системы в целом, т. е. ее *базис*, но, утверждая так, нужно не забывать, что этот базис произведен... самой этой культурой. Базис от культуры, а не культура от базиса!

Организация взаимодействия производительных сил по собственности — первичная и основная их организация. Но какой бы важной ни была эта организация, она теряет смысл, если не осуществлена другая организация — *производительная*, т. е. та, которая непосредственно обеспечивает *производительный эффект* от взаимодействия производительных сил. Любая организация по собственности непременно дополняется организацией производительной, а организация производства предстает как двойственная организация: собственническая и производительная.

Производительная организация обусловлена собственнической организацией, взаимодействием ее основных агентов: собственников и производителей (собственников, несобственников, распорядителей собственности, равно и производителей, непроизводителей, производителей-посредников). От социального положения агентов производства и их взаимоотношений непосредственно зависит производительная организация как организация социальная. Но производительная организация выходит за рамки социальной, она есть и организация технологическая. Агенты производства вынуждены соблюдать законы технологии. Производительная организация — социально-технологическая организация. И это не все: она является организацией... организационной, в том смысле, что обеспечивает организацию производственного процесса, учитывая и социальный и технологический аспекты. Организация производства предполагает самые что ни на есть организационные действия, акции и реакции.

У производительной организации имеются свои агенты-реализаторы: собственники и несобственники. Главная

роль принадлежит организаторам-собственникам. Именно они выступают инициаторами производительной организации, именно они вершат организацию производства, вовлекают в нее организаторов-несобственников.

Практическая реализация агентами производства производительной организации есть хозяйствование. Каждый агент-организатор есть хозяйствующий субъект. Социально-технологические отношения, возникающие в ходе производительной организации,— хозяйственные отношения. Производство, рассматриваемое со стороны производительной социально-технологической организации, или,иначе,производство как процесс социально-технологической организации, есть хозяйство.

Хозяйствовать — значит производительно организовывать, организовывать производительное взаимодействие производительных сил. Хозяйствовать можно по-разному. Качественно определенный тип хозяйственной деятельности, находящий воплощение в соответствующей этому типу системе хозяйствования, т. е. в образующих единое функциональное целое агентах и отношениях, принципах, средствах и методах, есть способ хозяйствования.

Общественное производство можно организовать по-разному, т. е. по-разному выразить его как хозяйство, а следовательно, по-разному организовать само хозяйство. Организовать в субъективном и объективном аспектах. Качественно определенный тип организации хозяйства, находящий выражение в соответствующей этому типу системе общественного хозяйства (агентах и отношениях прежде всего), есть способ хозяйства.

Способ производства и способ хозяйства — целое и часть, первичное и вторичное, основное и производное. Оба существуют вместе и только вместе, складываются и реализуются одновременно. Однако способ производства шире, именно он включает в себя способ хозяйства, а не наоборот. Способ производства содержательнее способа хозяйства, он есть *сумма способа хозяйства и способа собственности.*

Способ производства — единство способа собственности и способа хозяйства. Система общественного производства — единство системы собственности и хозяйственной системы. Производство — производство и хозяйство. Организация производства — организация распределения производительных сил и организа-

ция производительного взаимодействия производительных сил. Производство — собственность и производство.

Способ хозяйства — подсистема способа производства, его органичная часть. Качественная определенность способа хозяйства непосредственно зависит от качественной определенности способа производства. И тем не менее может ли способ производства иметь по крайней мере не один способ хозяйствования?

Способ производства A_c, должен, безусловно, иметь и соответствующий ему способ хозяйствования A_{cx}. Такое соответствие абсолютно необходимо — иначе нет единства. Но наличие единства на сущностном уровне не исключает вариаций на уровне явлений. В практической жизни способ производства может без особого для себя риска осуществиться как в разных по форме системах организации собственности, так и в разных по форме хозяйственных системах. Отсюда способ производства A_{cn}, заключая в себе ряд своих собственных реализаций, может иметь и разные реализации способа хозяйства A_{cx}, т. е. $A_c'x$, A_c^2x, ..., $A_c''x$, но такие реализации, которые не отрицают в существе своем существа способа производства и соответствующего ему способа хозяйства.

3.5. Социальный и технологический способы производства

Способ собственности и способ хозяйства относятся к социальной сфере организации производства. Они выражают организацию человека, общества и выражают со стороны человека и общества. Они представляют homo-организацию производства, а вместе — *социальный способ производства*.

Но ведь есть и технологическая организация, диктуемая техникой и технологией, взаимоотношением техники, природы и человека. И такая организация всегда реализуется в какой-то качественной определенности, т. е. в способе, но уже в *способе технологическом*. Наряду с социальным способом производства всегда существует и действует технологический способ.

Один технологический способ производства отличается от другого своей технико-организационно-производительной характеристикой, а коротко — *парадигмой*, т. е. внутренним смыслом вкупе с внешними его проявлениями

(без внешних проявлений внутренний смысл — вещь в себе, да и только!).

Парадигма — сложное, полисмысловое явление. В каждой конкретной парадигме может «сидеть» сразу несколько парадигм, отражающих ту или иную типическую парадигму, как и каждая конкретно-историческая парадигма может быть представлена рядом еще более конкретных парадигм. Но так или иначе каждый технологический способ производства имеет *свою* парадигму.

Парадигма — явление культурное. Охарактеризовать парадигму — охарактеризовать культуру, но не всю культуру по частям и элементам, а суть культуры, ее дух. Однако дух деятельный. Парадигма — существенное и деятельное в культуре.

Парадигма — «идейная начинка» культурной системы, ее наиболее емкая по смыслу и наиболее простая по форме оценка, сконцентрированная и сжатая до «точки» мера, способная «обозреть» и «измерить» качественное бытие системы.

В парадигмах, относящихся к технологическим способам производства, сосредоточивается сущностная и функциональная характеристика производительных сил, их организации. Для выделения парадигмы достаточно указать на наиболее характерную, отличительную черту производительных сил, но полное раскрытие парадигмы предполагает многосторонний анализ.

Рассмотрим пример.

Существуют индустриальные производительные силы, центральное место в которых занимают машина и машинно-фабричная технология. Индустриальные производительные силы являются выражением индустриальной, т. е. машинно-фабричной, парадигмы. Можно судить и иначе: индустриальная парадигма воплощена в индустриальных производительных силах. Главная отличительная черта индустриальной парадигмы — машинное орудие труда, производные — машинный труд, фабричная организация труда, подчинение труда машине, способность машины к неограниченному развитию, рост производительности, подчинение природы и ее неограниченное потребление, возможность полного удовлетворения потребительского спроса, глобализация (планетизация) производства.

Индустриальная парадигма практически выражается в ряде индустриальных парадигм, что связано с этапами (уровнями) развития, конкретно-историческими особен-

ностями внедрения индустриальной парадигмы. Так, индустриальная парадигма может быть реализована как парадигма: а) простых машин и технологий, б) сложных машинно-технологических систем, в) суперсложных машин и технологических систем.

История развития человечества — это не только история развития социальных, но и технологических способов производства.

Технологический и социальный способы производства не существуют раздельно, а сочетаются вместе в рамках человеческой культуры, того или иного пространственно-временного ее воплощения. Взаимодействие технологического и социального способов производства очевидно, гораздо менее очевидны характер и способ этого взаимодействия.

То, что технологический и социальный способы производства должны качественно соответствовать друг другу, как и то, что они качественно влияют друг на друга, не вызывает сомнения. Труднее ответить на вопрос о степени, тесноте, жесткости соответствия обоих способов производства, равно как и о степени и характере зависимости одного от другого.

Вряд ли можно отрицать, что индустриальный технологический способ может реализоваться в рамках индустриального же социального способа производства. Но ничто не мешает утверждению, что индустриальный социальный способ может быть вовсе не один, мало того, индустриальные социальные способы могут отличаться друг от друга прямо противоположно. Все это вполне вероятно, ибо соответствует общим представлениям о разнообразии общественной жизни и культуры. Вероятно и другое: индустриальные социальные способы могут иметь немало общего и с ... неиндустриальными способами, что также весьма согласуется с разнообразием мира, витиеватой и возвратной логикой его развития, консерватизмом сознания и культуры.

Между технологической и социальной организациями нет жесткой качественной связи. Крепостничество жизнеспособно и в индустриальных системах, а демократия возможна в архаических обществах. Технология не настолько требовательна, чтобы осуществляться в одной и только одной социальной оболочке, ей могут соответствовать — и соответствовать весьма эффективно — *разные* отношения собственности и хозяйства.

Логика развития технологии и логика развития социума — разные. Разумеется, развитие технологии влияет на социум, а социум — на развитие технологии, но влияют они друг на друга не тем, что качественные изменения одного непосредственно требуют соответствующего качественного изменения другого, а тем, что изменение одного дает возможность изменения другого, но изменения уже и по *его* — этого другого — логике. Технологическое качество и социальное качество — разные по природе качества. Они должны соответствовать друг другу, ибо реализуются совместно в рамках общего целого — культуры, но соответствовать они должны не непосредственно, а через ту же культуру, т. е. как части общего целого.

Характер собственности на производительные силы связан, конечно, с характером производительных сил, но не настолько, чтобы одно непосредственно предопределило другое. Техническая парадигма не так уж прямо соответствует социальной, а тем более одной и только одной социальной парадигме. Ручной труд, например, применялся и применяется во всех известных истории социальных способах производства, хотя, разумеется, у ручного труда разное соответствие всем этим социальным способам. *Соответствие между техникой и социумом реализуется в разных соответствиях.* Таков закон общественной жизни, вполне естественно перекликающийся с соответствующим законом природы вообще.

Социальный способ производства задается культурой, обществом, человеком, а не технологией, хотя последняя и не остается к нему безучастной. Социум не только реагирует на технику, но и направляет ее развитие, контролирует и определяет. И если уж ставить вопрос о приоритете во взаимоотношениях техники и социума, то предпочтение надо отдать^ социуму. Именно социум ответствен за технику, и ответствен тем, что он ответствен... за сам социум.

Составляют ли технологический и социальный способы производства единство? Да, составляют: один без другого не существует. Но можно ли считать, что они составляют единство как качественно однозначные составные части способа производства вообще? Нет, нельзя. Единство технологического и социального способов производства более сложное, чем единство одного качества. Это качественное единство качеств, т. е. единство качественно разных систем. В таком единстве находится место и неедин-

друг друга: одна форма является формой другой, т. е. является не только формой, но и подформой. Все это допускается реальным бытием, допускается и анализирующим это бытие сознанием.

Типологизировать формы можно по-разному. Вот один из вариантов.

1. Формы способа производства, отражающие способ производства в целом. Речь может идти как о сосуществующих, так и сменяющих друг друга конкретно-исторических воплощениях способа производства. В первом случае речь может идти о региональных, страновых или даже национальных формах способа производства, во втором — о формах, обозначающих развитие способа производства, например его становление, зрелость, упадок, а также его приспособление к изменяющимся обстоятельствам. Все эти формы отражают некий *образ* способа производства, его конкретно-историческую реализацию.

2. **Формы способа производства, выражающие его отдельные части или подсистемы.** Каждый способ производства способен реализоваться по-разному в рамках своей конкретно-исторической системы, т. е. реализоваться как бы в ряде способов, относящихся друг к другу уже не как самостоятельные способы производства, а как *подспособы* одного способа производства. Такого рода подспособы способа производства суть его уклады. Наиболее распространенными формами укладного типа являются, например, сельские и городские формы способа производства, часто весьма значительно отличающиеся друг от друга.

Уместно заметить, что конкретная общественно-культурная система редко ограничивается одним способом производства. И дело здесь не только в том, что главенствующий в системе способ производства не может физически устранить другие способы производства, а в том, что общественно-культурной системе, как часто и самому главенствующему способу производства, в общем-то выгодно сохранять другие способы производства, разумеется, в качестве второстепенных, вспомогательных. Такие сопутствующие способы производства также выступают как уклады, но уже другого свойства, как находящиеся не внутри способа производства, а рядом с ним. Сосуществование способов производства — обычный феномен общественной жизни. Добиваться стопроцентной победы основного для общественно-культурной системы способа производства совсем не обязательно.

ству. Способ производства вообще является единством технологического и социального способов производства, но таким единством, при котором возможно сочетание одного технологического способа с разными социальными и соответственно одного социального способа с разными технологическими. Решающая роль в определении способа производства всегда за социальным способом, а в пределах последнего — за собственностью.

3.6. Разнообразие воплощений способа производства

Сосредоточим анализ на одном-единственном, качественно определенном способе производства, т. е. способе производства, отобранном по критерию собственности. Логично предположить, что способ производства будет иметь не одно-единственное конкретное воплощение. В пользу такого предположения — и многообразие мира, и поликонкретность культуры, и неодинаковость внешних условий становления и реализации способа производства. В пользу такого вывода и... сам способ производства, его собственный «интерес»— интерес выживания, выбора и отбора. Способ производства не просто копирует свою культуру, приспосабливается к обстоятельствам, а потому реализуется по-разному, он еще «заинтересован» в «переборе вариантов», поиске всех возможных «решений». Способ производства — в общем-то живая, думающая, решающая система. И как всякая подобная система он стремится к разнообразию. Разнообразие дает возможность эволюировать, позволяет развиваться нужному, передовому, жизнеутверждающему.

Все это подтверждается практикой. Какой бы способ производства ни попал в поле нашего зрения, мы увидим только одно — разнорбразие. Однообразия нет и быть не может. Однообразие — смерть, и если оно кем-то исповедуется, то не более как иллюзия, могущая, правда, иметь и реальные роковые следствия.

Каждый способ производства имеет множество конкретных воплощений. Каждое конкретное воплощение, отличаясь какой-то качественной особенностью, есть не что иное, как форма способа производства.

Формы способа производства существуют как сами по себе, так и в структурной, генетической и логической взаимозависимости, составляя не только набор, но и систему форм. Многие формы субординированы относительно

Переход от одной исторической формы к другой, осуществляющийся как результат собственного развития способа производства или его приспособления к внешним изменившимся обстоятельствам, есть трансформация (смена формы).

Трансформация — это и факт смены формы, и сам переход от одной формы к другой. Трансформация — это и ряд переходов, постоянный процесс эволюции, развития. Трансформация — качественный скачок, переход от одного качества к другому. Характерно, что способ производства не может вообще существовать без трансформаций. Трансформация — закон жизнедеятельности и условие жизнеспособности способа производства. Разумеется, это не значит, что чем больше трансформаций, чем они глубже, тем лучше. Трансформаций должно быть ровно столько и они должны быть именно такими, сколько их пожелает и какими удовольствуется естественный ход вещей.

Трансформации могут происходить по-разному: и как относительно спокойный и медленный процесс, и как взрывной, быстрый, воистину переворотный. Они могут пройти безболезненно, почти незаметно для сознания, а могут сопровождаться коллизиями, безжалостно потрясающими общество. Трансформации могут осуществиться практически стихийно, без особого участия сознательной воли, но могут произойти и при активном участии субъекта-преобразователя. Они могут случиться вовремя, а могут и с опозданием или, наоборот, с опережением, имеющим подчас не меньше, а даже больше отрицательных последствий. Трансформации могут быть всеохватывающими, глубокими, а могут быть частичными и весьма поверхностными. Иногда им удается обрести и фиктивный характер, лишь сымитировав действительные изменения.

Возникает вопрос: *связаны ли трансформации способа производства в целом с изменениями его сущности?* Вопрос непростой, так как речь идет об изменении сущности... в пределах самой сущности. Повод для недоумения есть, и повод немалый.

Чтобы ответить на вопрос, нужно принять во внимание, что форма и сущность взаимосвязаны. Сущности нет без формы, как формы нет без сущности. Форма всегда существенна, а сущность формальна. Конечно, одна и та же сущность может быть выражена в разных формах, а одна форма обслуживать разные сущности, но

все это никак не отменяет факта неразрывности формы и сущности, присущих конкретному явлению (в каждый момент бытия у явления одна сущность и одна форма). И коль скоро форма и сущность неразрывны, если сущность не имеет другой формы выражения, кроме той, которая ее выражает, то трансформация может сопровождаться изменением сущности. *И такое изменение сущности может быть только изменением сущности в пределах самой сущности,* т. е. обретением сущностью нового для себя образа, нового содержания, новой. интерпретации (живое существо, например, сохраняет свою сущность на протяжении своего существования, но разве сущность эта не изменяется в процессе жизни существа, разве сущность молодого, зрелого и старого существа одна и та же?).

Признавая сущностную трансформацию явления, следует заметить, что такая трансформация может случиться как по инициативе самой сущности, потребностей ее саморазвития, так и по инициативе формы, если последняя устаревает либо не может удовлетворять явлению при изменившихся обстоятельствах.

Бытие способа производства всегда разнообразно как в пространстве, так и во времени. Способ производства — явление поликонкретное.

3.7. От способа к способу

История любого ареального общественно-культурного образования — история возникновения, становления, расцвета и гибели разных способов производства, их смены друг другом, сосуществования и борьбы.

Возникновение нового способа производства сопряжено с отрицанием и исчезновением старого. Один способ производства появляется на месте другого. И если новый способ производства не привносится из другого ареала, т. е. внедряется извне, а также если старый способ не разрушается в результате военной агрессии, то новый способ должен выйти из недр старого способа производства. Предпосылки нового способа вызревают в старом. Зачатки нового способа производства могут появиться спонтанно, как результат поиска новых организационных форм, технических и социальных нововведений. Ростки нового в общем-то имеют место всегда. Для становления нового способа производства и замены им старого важно не наличие ростков, а возможность их развития вширь и

вглубь. А такая возможность появляется только с устареванием действующего способа, его разложением. Только при разложении старого способа может реально появиться и победить новый.

Состояние устарелости и разложения есть состояние *кризиса* способа производства, причем кризиса не временного, не приспособительного, не трансформационного, а кризиса всеобщего и окончательного. Такой кризис наступает в жизни любой социальной системы. Рано или поздно, но приходит момент, когда далее система уже не может существовать, исчерпав все ресурсы развития и приспособления. Наступает умирание и гибель. Omnia orta cadunt [1].

Причина гибели системы — при исключении внешних разрушительных сил — в самой системе. Всякая система самодостаточна и самоограничена. Возможности любой системы не беспредельны. Как возможности роста и развития, так и возможности приспособления. Наступает момент исчерпания ресурсов. Растет энтропия. Но дело не только в этом. Рост и развитие системы, равно как и ее приспособление к внешним обстоятельствам, осуществляются посредством и ценой самоотрицания, превращения в другое, противоположное. Такова плата за жизнь.

Каждый качественный скачок, если это действительно скачок, а не простое подтверждение уже имеющегося качества, всегда есть пре-враи<-ение, перевертывание, выворачивание. Изменяясь, система воспринимает что-то из противоположного, и возможности такого органичного восприятия не бесконечны. Имеются и пределы, по достижении которых возникает кризис, знаменующий гибель отжившей системы и становление системы, идущей ей на смену.

Разложение и гибель способа производства, как соответственно зарождение и становление другого способа производства, т. е. переход от одного способа производства к другому,— дело и самих способов производства, и всей культуры, тех культур, атрибутами которых являются оба способа производства, это грандиозный культурный процесс, заключающийся не только в отдельных культурных переменах, но и в смене культур, в замене одной культурной парадигмы на другую. Не орудия труда, не

[1] Все, что возникло, гибнет (лат.).

организация непосредственного трудового процесса и даже не появление новой собственности приводят к смене способов производства, а могучие культурно-исторические процессы, выражающиеся в пре-вра^-ениях культур.

Смена способов производства, бесспорно, объективный и, бесспорно, стихийный процесс. Это процесс самоорганизации культуры, ее саморазвития. Но все же это не мешает субъективному фактору играть в данном процессе значительную роль и даже придавать ему характер субъективно направленного процесса. Многое зависит от силы и сознательности субъективного фактора, его организованности, а многое — и от сопутствующих обстоятельств. Роль субъективного фактора может быть весьма и весьма велика, даже стать определяющей, что означает, конечно, не ликвидацию стихийности, но ее переориентацию, в известной мере и подчинение.

Столь значительная роль субъективного фактора далеко не всегда благо. Где гарантия, что субъект-преобразователь избежит иллюзий и не наделает роковых ошибок? Субъективное сознание такой гарантией не располагает, не слишком им располагает и сознание объективное. Единственная гарантия — сама жизнь, но гарантия, к сожалению, нередко чересчур апостериорного характера: плата за ошибки может быть громадной, а исправление их — запоздалым. Преобразовательная активность субъективного фактора хороша лишь тогда, когда эффективно работает обратная связь с объективным, когда действия субъективного фактора вовремя, достаточно полно и действенно корректируются жизнью.

Смена способа производства может произойти постепенно, шаг за шагом, эволюционно, но может осуществиться и быстро, одним ударом, революционно. И тот и другой варианты имеют свои сильные и слабые стороны. Один не лучше другого, ни один не является явно предпочтительным. Все зависит от обстоятельств.

Главное при переходе от одного способа производства к другому — готовность субъектов, тех субъектов, которые являются или могут стать носителями новых организаций и новых отношений. Если таковые имеются или достаточно скоро появятся в нужном числе, если они вполне соответствуют новому способу организации производства, если они его понимают и жаждут, то успех нового способа производства обеспечен. Дело именно в субъектах: собственниках и несобственниках, организаторах и организуемых, управляющих и управляемых, а не в орудиях труда и технологиях, хотя, конечно, и это весьма важно.

Часть вторая

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйство — сама жизнь!

Хозяйство — сфера жизнедеятельности человека, его взаимодействия с природой, создания и потребления материальных благ. Хозяйство — организация производства, ее система; организуемое и организованное производство; производство, рассматриваемое со стороны организации. Хозяйство — материальный и духовный мир человека, его культуры.

1. ЧЕЛОВЕК ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ

1.1. Организация производства— предприятие

Человек — вершитель производства, его организатор. Производство — не только сфера жизнедеятельности человека, но еще и организация этой жизнедеятельности — труд по организации труда. Производить — производить не только потребительное благо, но и организацию, которая тоже есть благо, но уже благо ради блага.

Человек производящий является непременно и человеком организующим. Производство есть процесс производства и процесс организации. Деятельность человека по организации производства, выливающаяся в организацию производительного взаимодействия производительных сил, есть предприятие. А поскольку такая деятельность сопряжена с организацией и функционированием целостной системы взаимодействующих производительных сил, призванной обеспечить создание потребительных благ, то предприятие есть не только организационная деятельность человека, но и целостная система взаимодействующих производительных сил. Но это не все. Предприятие есть

такая организационно-производительная система, которая способна и к производству потребительных благ, и к производству самой себя, т. е. к воспроизводству и даже само-воспроизводству. Предприятие — самовоспроизводящаяся система, способная поддерживать себя как... предприятие, а следовательно, она достаточно велика и достаточно мала, достаточно единообразна и достаточно разнообразна, достаточно открыта и достаточно закрыта, достаточно на себя замкнута и достаточно разомкнута, достаточно интровертна и достаточно экстравертна, чтобы самоопределить себя и постоянно самоопределяться как самостоятельная организационная и социально-технологическая единица, осуществляющая полный процесс производства потребительного блага, необходимого обществу.

Предприятие — не только организованная человеком, но и организующая человека и общество система, не только объект, но и субъект организации; это такая социально-технологическая единица, которая позволяет ее организатору быть *полноценным хозяйствующим субъектом,* способным не только производить продукт, но и определять его судьбу, а посредством этого — и свою собственную судьбу. Предприятие — хозяйствующий субъект, который способен участвовать в общественной организации производства как представитель производимого в обществе продукта, обеспечивающий жизнедеятельность общества и жизнедеятельность самого себя. Предприятие либо само производит все необходимое для жизни, либо обеспечивает получение всего необходимого через обмен продуктами. Предприятие воспроизводит не только производство, не только себя, но и человека, в нем участвующего.

Облик предприятия может быть различным: община, поместье, ремесленная мастерская, фабрика, объединение фабрик, но при любом облике предприятие есть самоорганизующийся и самовоспроизводящийся социально-производственный организм, автономный центр производственных, хозяйственных и социальных решений. Предприятие может быть простым, сложным, суперсложным, может быть маленьким, большим, гигантским. Главное — не количественные, а качественные параметры, отражающие некую «завершенность» производственного, хозяйственного и социального процессов, их целостность, обра-

щенность в себя и от себя, возобновляемость. Предприятие — типичная ауто-эго-тропийная организация.

Предприятие сопряжено с *разделением труда.* Последнее реализуется как технологическое и как социальное, а на базе того и другого — и как хозяйственное.

Технологическое разделение диктуется разнообразием природы, предметов и орудий труда, а также самого труда как физического процесса, различиями в трудовых приемах и навыках.

Социальное разделение труда обусловлено необходимостью, с одной стороны, распределения различных трудовых функций по различным исполнителям (полифункциональные возможности одного человека, как и единой группы лиц, весьма ограниченны и довольно скоро преодолеваются), а с другой—закрепления исполнителей за определенными трудовыми функциями. Само по себе социальное разделение труда естественно и нормально. Несовершенной и ненормальной может оказаться лишь его практическая реализация, если указанное закрепление, во-первых, осуществляется насильно, во-вторых, ведет к физической и духовной деградации человека.

Хозяйственное разделение труда реализуется двояко: как внутрипроизводственное («внутрипредприятийное») и как межпроизводственное («межпредприятийное»). Хозяйственное разделение труда несет в себе черты технологического и социального, оно связано с конкретными видами труда, привязано к определенной производственной специализации. Хозяйственное разделение труда демонстрирует также, что труд в обществе разделен не только по специализации, но и по организации труда. Организовать производителей труда можно, лишь *обособляясь* в предприятие, создавая' особый социально-производственный организм, существующий в обществе, но в то же время как бы и вне общества, рядом с ним, параллельно. Это уже обособление не вида труда, а самого *цикла* труда, его организации, его *системы.* Предприятие—социально-технологическая система труда, имеющая специфику не только по характеру и месту труда, но еще и по его *целостности.*

Труд целостен дважды: как труд общества, или как *общественный труд,* и как труд части (частицы) общества, или *частный труд.* Общественное целое состоит из частных целых, оно реализуется через взаимодействие последних. И важно то, что общественное именно состоит из частных

элементов, а не распадается на них. Целое из разделения, а не разделение из целого. Хозяйственное разделение труда, выражающееся, с одной стороны, в специализации труда, а с другой — в его организационной обособленности, обязано своим наличием не тому, что производители-организаторы не дотягивают до неразделенной общественной организации, а тому, что организация производства не может не быть частью обособленной, оно идет от частного и в частном же осуществляется, и, только осуществившись в частном, она может осуществиться в общественном. Общественное от частного, а не частное от общественного. Предприятие как раз и есть то частное целое, которое оказывается в своей реализации элементом общественного целого.

Указывая на то, что предприятие есть выражение разделения труда, т. е. реализатор обособленности одного труда от другого, одной организации труда от другой, важно не забыть и то, что предприятие есть средство соединения разделенного труда, реализатор его единства. Таковым предприятие предстает в рамках своей внутренней организации и в пределах своих взаимоотношений с другими предприятиями. Предприятие — это не только разделенный, но и объединенный труд, не только труд, выделенный из общественного труда, но и труд, вводимый в общественный труд. Предприятие — единственно возможное средство (способ) разрешения противоречия между разделением труда, его обособленностью, и объединением труда, его общностью. Обособляясь, предприятие объединяет (внутри и вовне себя), а объединяя, обособляется. Предприятие — механизм разъединения и объединения, характерных для сферы производства, егр. организации.

1.2. Предприятие как хозяйствующий субъект

Организуя производство, человек организует предприятие. Предприятие же, воплотившись в особую социально-технологическую систему, организует производство, организует и человека. Предприятие — производитель, оно и организатор. Будучи единицей и системой хозяйства, предприятие является также и единицей и системой хозяйствования. Предприятие — хозяйствующий субъект.

Хозяйствующим субъектом можно стать при условии владения (распоряжения) факторами производства.

Коль скоро предприятие есть хозяйствующий субъект, то предприятие есть владелец (распорядитель)... самого себя. В этом факте заключен великий смысл, переходящий и в великую ценность. Предприятие — собственник предприятия. Собственник в чисто хозяйственном смысле, как хозяйствующий, а не просто производящий и потребляющий, а также присваивающий субъект.

Речь идет об особой собственности — хозяйственной, той собственности, которая позволяет социально-производственному субъекту быть субъектом именно хозяйствующим, организующим производительное взаимодействие производительных сил. Изначально производительные силы могут и не принадлежать предприятию, могут они, как и произведенные с их участием продукты, не принадлежать предприятию и в конечном счете, но в процессе производства и его организации они *обязательно* должны принадлежать предприятию, находиться в возможно более полном его распоряжении. Социальная и хозяйственная собственность могут не совпадать, быть представленными разными субъектами, но социальная собственность должна непременно переливаться в хозяйственную, а хозяйственная должна непременно выступать как самостоятельная. Лишь при таком условии возможен процесс хозяйствования, во всяком случае, как процесс вполне хозяйственный.

Хозяйственная собственность ведет к хозяйственной самостоятельности, позволяющей реализовать производство как целостный и эффективно самонастраивающийся процесс. Без самостоятельности нет собственных *решений,* а без собственных решений нет и хозяйствования. Решение хозяйствующего субъекта может быть вынужденным, но это должно быть *его* решение. Если же решение *не его,* то это уже решение не хозяйствующего субъекта, а хозяйственного агента-исполнителя. Хозяйствующий субъект всегда активен. Активен как агент решений. Для этого хозяйствующий субъект должен быть субъектом реальной, а не фиктивной хозяйственной собственности.

Хозяйствующий субъект принимает хозяйственные, т. е. связанные с процессом организации производства, решения. Такие решения могут быть направлены как вовнутрь, в сферу непосредственного производства, так и вовне, в сферу межпроизводственных отношений. Характер решений различен: здесь и технологические, и чисто организационные, и социальные решения, но все они являются

решениями хозяйственными, так как имеют хозяйственные цели и способствуют реализации хозяйствования.

Решение — важнейший момент хозяйствования. В решении концентрируется все: отблеск прошлого, горение настоящего и сияние будущего, трезвый расчет и «нетрезвая» надежда, а в итоге — успех или неуспех предприятия. Нет большей ответственности, чем ответственность за решения, в особенности если от них зависит сама реальность.

Решение всегда обусловлено интересом и целью. Интерес — то, что движет решением, цель — то, к чему решение стремится.

Хозяйствующим субъектом движет потребность жизни, а следовательно, потребность деятельности и потребность потребления. Интерес хозяйствующего субъекта — интерес удовлетворения жизненных потребностей человека, среди которых, надо заметить, *не только* сугубо материальные. Предприятие — не просто хозяйственная, но социально-хозяйственная ячейка. Это общество (мини-общество). Предприятие позволяет удовлетворить — при соответствующей целевой установке и организации дела — самые различные потребности человека и, заметим, далеко не примитивного свойства: творчества, общения, психологического комфорта, физического и морального здоровья. Предприятие — средство, способ и механизм жизни.

Хозяйствующий субъект, осознанно или нет, преследует одну обобщающую цель — максимальное удовлетворение своих потребностей, а потому и наибольший хозяйственный эффект. Наибольший эффект — вот цель хозяйствования.

Реплика. При определенных обстоятельствах «наибольший эффект» бывает либо недостижимым, либо нежелательным. Когда мы говорим о «наибольшем эффекте», то имеем в виду, безусловно, абстрактный принцип, а также абстрактное стремление чистого, т. е. самому себе предоставленного и самому себе соответствующего, предприятия-хозяйствующего субъекта.

Предприятие взаимодействует с предприятиями, другими агентами, с природной и социальной средой, обществом в целом. Собственные интересы и цели предприятия сталкиваются с интересами и целями, исходящими из внешнего для предприятия мира. Предприятие может считаться и не считаться с этими внешними интересами [11] Целями, может воспринять их и противостоять им, "о оно не может их игнорировать. И лучше, если пред-

приятие способно органично сочетать свои и «не свои» интересы и цели, тем более что среди последних есть и обусловленные общеприродными и общечеловеческими ценностями.

И вот что интересно. Как бы предприятие ни основывалось на собственных интересах, как бы ни стремилось к достижению собственных целей, оно вынуждено (и хорошо, если эта вынужденность добровольная) не просто учитывать «не свои» интересы и цели, но в значительной мере им еще и споспешествовать, как посредством качественного исполнения дела, так и посредством следования внешним обстоятельствам.

Производство — это затраты, но это и возмещение затрат, да еще и с прибавлением. В интересах предприятия минимизировать затраты, ускорить их возмещение и максимизировать прибавление. Это аксиома, хотя и не всегда сознаваемая, как и не всегда реализуемая. И тем не менее это важнейший принцип производительного хозяйствования.

Данный принцип реализуется и в условиях, когда предприятие находится на полном самообеспечении, и в условиях, когда предприятие предпочитает обмен продуктами. В первом случае количественное определение затрат осуществляется непосредственно в натуре, т. е. в потребляемых в производстве продуктах, во втором — в продукте-оценщике, его, а не потребляемых продуктов, количествах. Но главное все же не в способе определения количеств, а в самом факте сравнения расходов и доходов. Такое сравнение очень важно для хозяйствующих субъектов, ибо делает их хозяйственно расчетливыми. Субъект уже не просто хозяйствует, а хозяйствует, считая и рассчитывая, стремясь обеспечить превышение доходов над расходами, а потому хозяйствует экономно.

Хозяйствовать — значит действовать *экономно*, сводить, как минимум, концы с концами, т. е. добиваться соответствия расходов и доходов, а лучше — превышения вторых над первыми. Экономность — внутренний момент хозяйствования, имманентный ему смысл. Хозяйствовать неэкономно — фактически не хозяйствовать, а точнее, антихозяйствовать. Хозяйствование, рассматриваемое само по себе, в *своем* наиболее хозяйственном выражении, есть обязательно хозяйствование *экономное*.

Экономность хозяйствования, хотя и основывается на соответствии (превышении) доходов и расходов, к такому

соответствию (превышению) *не* сводится. Если экономия идет за счет хозяйствующего субъекта, как и привлекаемых им производителей, то рано или поздно оно оборачивается деградацией человека и самого хозяйствования. Точно так же обстоит дело и в случае с природой. Равным образом нельзя экономить на человеческих взаимоотношениях, нравственном благе, красоте жизни и деятельности. Экономия — явление *оптимизационное*. Здесь прежде всего нужна мера, а в основе меры — все же человек в своем единстве с природой, а не производство как таковое, тем более не максимизация превышения доходов над расходами в своей непосредственности. Экономность — м'ногофакторная, гуманистическая и экологическая мера.

Экономность определяет *экономичность* хозяйствования. Экономичность — степень экономности, ее фактическая реализация, выраженная в сравнении одного хозяйствования с другим. Наиболее экономичным является хозяйствование, ведущееся с наименьшими (в оптимизационном ключе) затратами человеческой и природной энергии, не переходящее «порога деградации» человека и природы, обеспечивающее союз человека с природой, их взаимосоответствие и единство.

Нетрудно заметить, что само понятие экономности, как и оценка экономичности, выходит за рамки собственно производственного аспекта. Произвести — не только сделать что-то, сделать из чего-то и не только для чего-то, произвести — сделать ради чего-то, а именно ради жизни, жизни вообще, памятуя о том, что произвести это не только создать, но и уничтожить, что жизнь существу дается один раз, но что жизнь завтра непосредственно зависит от жизни сегодня, что человек является человеком лишь в контексте со всем окружающим миром, что человек — явление не моментное, а «длящееся», временное, историческое.

Хозяйствование, основанное на *экономии*, т. е. расчете, ведущем к оптимизации взаимодействия человека, техники и природы, их взаиморасходования и взаимовосстановления, есть *хозяйствование экономное*. Такое хозяйствование может реализоваться различным образом и в различном образе. Например, общинное хозяйство, крестьянское индивидуальное или помещичье хозяйство могут вполне отвечать требованиям экономии. Экономными могут быть и ремесленное хозяйство цехового устройства, и хозяйство свободного мелкого товаропроизводителя, капиталистического предпринимателя, социалистического

агента. Но если экономия хозяйств, в основе своей самообеспечивающихся и не прибегающих к обмену потребительными благами, является внутренним делом этих хозяйств, то экономия хозяйств, предпочитающих обмен потребительными благами, уже не может быть только их внутренним делом, так как существенно зависит от отношений хозяйств друг с другом. Здесь оказываются важными внешние обстоятельства и механизмы: экономия частная должна сочетаться с экономией общественной.

Соответствующий принципам экономии обмен потребительными благами должен происходить с соблюдением принципа *эквивалентности обмена*, т. е. взаимного соответствия обмениваемых благ по их потребительной и социальной значимости: затратам труда, техники, природных ресурсов; полезности; культурной ценности. Игнорирование принципа эквивалентного обмена, конечно, возможно, но с точки зрения экономности, реализуемой в общественной системе обменивающихся агентов и через эту систему, такое игнорирование бессмысленно. Не может быть никакого рационального расчета без *общественного определения общественной значимости* потребительных благ, а следовательно, без эквивалентного обмена. Эквивалентный обмен — это и оценка блага, и механизм этой оценки, это и условие и механизм экономного ведения хозяйства, мало того, это еще и способ организации хозяйствующих субъектов в общественную систему экономного ведения хозяйства.

Хозяйствование, осуществляемое посредством эквивалентного обмена производимыми потребительными благами, есть хозяйствование не просто экономное, но хозяйствование экономическое, а хозяйство, ведущееся экономическим образом, есть не что иное, как экономика. Таков строгий смысл «экономического». Быть экономическим — быть эквивалентно обменным. Отходить от эквивалентного обмена — отходить от хозяйствования экономического, отходить от экономики. Это не значит делать лучше или хуже, это значит хозяйствовать неэкономически, не в рамках экономики.

Хозяйствующие субъекты различаются по характеру собственности, но они различаются и по характеру хозяйствования: есть субъекты (предприятия) хозяйствования экономического, а есть субъекты (предприятия) хозяйствования неэкономического. Данное хозяйственное

различие хозяйствующих субъектов имеет принципиальное, основополагающее значение.

Примечание I. В экономической науке, а тем более в обиходе понятие «экономическое» обыкновенно употребляется как синоним производственного и хозяйственного. Такое синонимическое употребление вполне допустимо, но до того предела, когда появляется необходимость четкого представления о производстве как о сложной, полифонической системе, в которой достает всего: и производительного, и хозяйственного, и экономического.

Примечание II. Эквивалентность нельзя представлять лишь как полное соответствие, а тем более равенство. Эквивалентность хороша не столько полными соответствиями, сколько стремлением к этим соответствиям, она хороша и своими несоответствиями, поскольку последние заставляют искать и сами ищут соответствия, причем не только прежние, уже бывшие, но и новые, ранее не существовавшие, но ставшие необходимыми. Эквивалентность — это и неэквивалентность!

1.3. Организация производства — учреждение

Предприятие — основной хозяйствующий субъект, имеющий непосредственное отношение к организации производства, его физическому осуществлению. При этом предприятия могут быть как непосредственно производительные, так и опосредствованно производительные: фабрика, например, погружена в производительный процесс, торговая фирма обслуживает данный процесс в сфере обмена, а банк — на уровне движения денег. Все эти агенты — предприятия, каждый из них — производитель продукта или услуги, хотя характер и функции каждого из агентов существенно различны.

Предприятия организуют производство посредством своей внутренней организации и посредством взаимоотношений друг с другом. Предприятия необходимы, без них нет процесса производства. Предприятие — узел производственного процесса, его реализатор. В то же время производство не может не выразиться в форме предприятия, имманентной себе организационной системе. Производство — это предприятие, а предприятие — производство.

Но как бы ни была велика роль предприятия для производства, общественный производственный процесс не может обойтись без участия в его организации агентов «непредприятийного» типа, агентов, способных выполнить то, что не могут выполнить предприятия, не могут именно потому, что они являются ... предприятиями. Пред-

агента. Но если экономия хозяйств, в основе своей самообеспечивающихся и не прибегающих к обмену потребительными благами, является внутренним делом этих хозяйств, то экономия хозяйств, предпочитающих обмен потребительными благами, уже не может быть только их внутренним делом, так как существенно зависит от отношений хозяйств друг с другом. Здесь оказываются важными внешние обстоятельства и механизмы: экономия частная должна сочетаться с экономией общественной.

Соответствующий принципам экономии обмен потребительными благами должен происходить с соблюдением принципа *эквивалентности обмена*, т. е. взаимного соответствия обмениваемых благ по их потребительной и социальной значимости: затратам труда, техники, природных ресурсов; полезности; культурной ценности. Игнорирование принципа эквивалентного обмена, конечно, возможно, но с точки зрения экономности, реализуемой в общественной системе обменивающихся агентов и через эту систему, такое игнорирование бессмысленно. Не может быть никакого рационального расчета без *общественного определения общественной значимости* потребительных благ, а следовательно, без эквивалентного обмена. Эквивалентный обмен — это и оценка блага, и механизм этой оценки, это и условие и механизм экономного ведения хозяйства, мало того, это еще и способ организации хозяйствующих субъектов в общественную систему экономного ведения хозяйства.

Хозяйствование, осуществляемое посредством эквивалентного обмена производимыми потребительными благами, есть хозяйствование не просто экономное, но хозяйствование экономическое, а хозяйство, ведущееся экономическим образом, есть не что иное, как экономика. Таков строгий смысл «экономического». Быть экономическим — быть эквивалентно обменным. Отходить от эквивалентного обмена — отходить от хозяйствования экономического, отходить от экономики. Это не значит делать лучше или хуже, это значит хозяйствовать неэкономически, не в рамках экономики.

Хозяйствующие субъекты различаются по характеру собственности, но они различаются и по характеру хозяйствования: есть субъекты (предприятия) хозяйствования экономического, а есть субъекты (предприятия) хозяйствования неэкономического. Данное хозяйственное

различие хозяйствующих субъектов имеет принципиальное, основополагающее значение.

Примечание I. В экономической науке, а тем более в обиходе понятие «экономическое» обыкновенно употребляется как синоним производственного и хозяйственного. Такое синонимическое употребление вполне допустимо, но до того предела, когда появляется необходимость четкого представления о производстве как о сложной, полифонической системе, в которой достает всего: и производительного, и хозяйственного, и экономического.

Примечание II. Эквивалентность нельзя представлять лишь как полное соответствие, а тем более равенство. Эквивалентность хороша не столько полными соответствиями, сколько стремлением к этим соответствиям, она хороша и своими несоответствиями, поскольку последние заставляют искать и сами ищут соответствия, причем не только прежние, уже бывшие, но и новые, ранее не существовавшие, но ставшие необходимыми. Эквивалентность — это и неэквивалентность!

1.3. Организация производства — учреждение

Предприятие — основной хозяйствующий субъект, имеющий непосредственное отношение к организации производства, его физическому осуществлению. При этом предприятия могут быть как непосредственно производительные, так и опосредствованно производительные: фабрика, например, погружена в производительный процесс, торговая фирма обслуживает данный процесс в сфере обмена, а банк — на уровне движения денег. Все эти агенты — предприятия, каждый из них — производитель продукта или услуги, хотя характер и функции каждого из агентов существенно различны.

Предприятия организуют производство посредством своей внутренней организации и посредством взаимоотношений друг с другом. Предприятия необходимы, без них нет процесса производства. Предприятие — узел производственного процесса, его реализатор. В то же время производство не может не выразиться в форме предприятия, имманентной себе организационной системе. Производство — это предприятие, а предприятие — производство.

Но как бы ни была велика роль предприятия для производства, общественный производственный процесс не может обойтись без участия в его организации агентов «непредприятийного» типа, агентов, способных выполнить то, что не могут выполнить предприятия, не могут именно потому, что они являются ... предприятиями. Пред-

агента. Но если экономия хозяйств, в основе своей самообеспечивающихся и не прибегающих к обмену потребительными благами, является внутренним делом этих хозяйств, то экономия хозяйств, предпочитающих обмен потребительными благами, уже не может быть только их внутренним делом, так как существенно зависит от отношений хозяйств друг с другом. Здесь оказываются важными внешние обстоятельства и механизмы: экономия частная должна сочетаться с экономией общественной.

Соответствующий принципам экономии обмен потребительными благами должен происходить с соблюдением принципа *эквивалентности обмена*, т. е. взаимного соответствия обмениваемых благ по их потребительной и социальной значимости: затратам труда, техники, природных ресурсов; полезности; культурной ценности. Игнорирование принципа эквивалентного обмена, конечно, возможно, но с точки зрения экономности, реализуемой в общественной системе обменивающихся агентов и через эту систему, такое игнорирование бессмысленно. Не может быть никакого рационального расчета без *общественного определения общественной значимости* потребительных благ, а следовательно, без эквивалентного обмена. Эквивалентный обмен — это и оценка блага, и механизм этой оценки, это и условие и механизм экономного ведения хозяйства, мало того, это еще и способ организации хозяйствующих субъектов в общественную систему экономного ведения хозяйства.

Хозяйствование, осуществляемое посредством эквивалентного обмена производимыми потребительными благами, есть хозяйствование не просто экономное, но хозяйствование экономическое, а хозяйство, ведущееся экономическим образом, есть не что иное, как экономика. Таков строгий смысл «экономического». Быть экономическим — быть эквивалентно обменным. Отходить от эквивалентного обмена — отходить от хозяйствования экономического, отходить от экономики. Это не значит делать лучше или хуже, это значит хозяйствовать неэкономически, не в рамках экономики.

Хозяйствующие субъекты различаются по характеру собственности, но они различаются и по характеру хозяйствования: есть субъекты (предприятия) хозяйствования экономического, а есть субъекты (предприятия) хозяйствования неэкономического. Данное хозяйственное

различие хозяйствующих субъектов имеет принципиальное, основополагающее значение.

Примечание I. В экономической науке, а тем более в обиходе понятие «экономическое» обыкновенно употребляется как синоним производственного и хозяйственного. Такое синонимическое употребление вполне допустимо, но до того предела, когда появляется необходимость четкого представления о производстве как о сложной, полифонической системе, в которой достает всего: и производительного, и хозяйственного, и экономического.

Примечание II. Эквивалентность нельзя представлять лишь как полное соответствие, а тем более равенство. Эквивалентность хороша не столько полными соответствиями, сколько стремлением к этим соответствиям, она хороша и своими несоответствиями, поскольку последние заставляют искать и сами ищут соответствия, причем не только прежние, уже бывшие, но и новые, ранее не существовавшие, но ставшие необходимыми. Эквивалентность — это и неэквивалентность!

1.3. Организация производства — учреждение

Предприятие — основной хозяйствующий субъект, имеющий непосредственное отношение к организации производства, его физическому осуществлению. При этом предприятия могут быть как непосредственно производительные, так и опосредствованно производительные: фабрика, например, погружена в производительный процесс, торговая фирма обслуживает данный процесс в сфере обмена, а банк — на уровне движения денег. Все эти агенты — предприятия, каждый из них — производитель продукта или услуги, хотя характер и функции каждого из агентов существенно различны.

Предприятия организуют производство посредством своей внутренней организации и посредством взаимоотношений друг с другом. Предприятия необходимы, без них нет процесса производства. Предприятие — узел производственного процесса, его реализатор. В то же время производство не может не выразиться в форме предприятия, имманентной себе организационной системе. Производство — это предприятие, а предприятие — производство.

Но как бы ни была велика роль предприятия для производства, общественный производственный процесс не может обойтись без участия в его организации агентов «непредприятийного» типа, агентов, способных выполнить то, что не могут выполнить предприятия, не могут именно потому, что они являются ... предприятиями. Пред-

приятие как организационная система ограниченно, такая система может многое, но не все. Ни одно предприятие, например, не может сбалансировать все общественные доходы и расходы, как не может сбалансировать общественный экспорт и импорт, или, скажем, повлиять на соотношение производства и потребления в обществе.

Есть задачи, которые должен выполнить какой-то другой, отличный от предприятия, агент, такой, который не занят производством продуктов и производственных услуг, не «исторгает» из себя производства, не пропускает его через себя, не является его непосредственным носителем и реализатором, агент, который стоит над производством, видит и воспринимает его в целостности, обладает способностью повлиять на движение общественных структур и товарно-денежных потоков, на поведение предприятий. Обществу, а также самим предприятиям нужны агенты, которые могут устанавливать правила хозяйственной жизни, следить за их исполнением, обеспечить согласование действий предприятий, наконец, провести в жизнь то, что соответствует интересам общества в целом. Обществу нужна организация хозяйственной жизни, которую не могут осуществить сами предприятия. Отсюда необходимость в «непредприятийных» хозяйствующих субъектах — представителях общественных интересов и общественных масштабов. Речь, таким образом, идет о хозяйствующих субъектах — общественных учреждениях".

Такие хозяйственные агенты-учреждения могут быть образованы и самими предприятиями, и государством, и обществом в целом. Они могут быть отраслевыми, секторальными, региональными, национальными, международными, мировыми. Они могут в чем-то напоминать предприятия, но могут и не иметь с предприятиями ничего общего. Их деятельность может быть законодательно оформленной, но может и не иметь юридического оформления, такие агенты могут располагать директивной властью, но могут ограничиться и рекомендательной функцией. Такие агенты могут обладать материальной мощью, т. е. быть держателями производственных факторов, но могут располагать лишь духовным потенциалом.

Особое значение среди агентов-учреждений имеют, безусловно, государственные и полугосударственные агенты, либо прямо являющиеся частью госаппарата (администрации), либо действующие от имени и под эгидой государства. Пока государственных агентов большинство,

НО главное здесь не количественная, а качественная сторона, то эти агенты являются так или иначе обладателями власти — не только хозяйственной, но и политической, а также опираются на большие материальные, идеологические, информационные и законодательные возможности государства. Государство есть государство. Оно не только ориентирует и побуждает, оно еще и принуждает.

Агенты-учреждения не менее необходимы обществу, чем агенты-предприятия, хотя вторые, безусловно, «основнее» первых. Общество хозяйствующих субъектов включает в себя оба типа агентов. Среди реализаторов хозяйственной жизни — не одни предприятия, есть среди них и учреждения.

Учреждения, как и предприятия,— центры хозяйственных решений, и среди учрежденческих решений немало таких, проектировать и принимать которые предприятия просто не могут. Учреждения решают для общества и, как правило, за общество, а нередко и против общества. Они решают для предприятий, но часто и за предприятия и против предприятий. Учреждения решают не для себя, но и для себя. Учреждения могут решать и только для себя. Практика не мешает существованию и фиктивных учреждений, единственной задачей которых является самосохранение и самолюбование.

Интересы учреждений и предприятий могут совпадать, могут расходиться, могут и противостоять друг другу. Действия учреждений способны вызвать противодействия предприятий. Все это совершенно естественно. Общность взглядов не мешает их особенности, как и различность взглядов не отрицает их единства. Учреждения на то и учреждения, чтобы действовать в иной сфере и иначе, чем предприятия.

Учрежденческое хозяйствование, в отличие от «предприятийного», совсем не может быть само себе мерой, хотя оно к этому и активно стремится. Мерой учрежденческого хозяйствования должны быть общая социально-природная эффективность общественного хозяйства, уровень и качество жизни людей, состояние и развитие предприятий, т. е. внешняя для учреждений мера. Критерий качества деятельности учреждений — за пределами учреждений. Цивилизованное общество должно это сознавать и всячески препятствовать тому, чтобы учреждения существовали ради ... учреждений.

Особую опасность для общественного хозяйства пред-

ставляет тенденция к обюрокрачиванию учрежденческого хозяйствования. Без бюрократов и бюрократизации, к сожалению, не обойтись, но ограничивать бюрократию необходимо. Противовесом бюрократии может служить только хозяйственная самостоятельность предприятий и регионов, а также общее демократическое устройство общества.

1.4. Способ хозяйствования

Каждый хозяйствующий субъект — не только собственно субъект, т. е. лицо, но и весьма сложная организационная система, обладающая пространственно-временным воплощением, полная внутренней жизни и разнообразных контактов с внешним миром. Каждому хозяйственному субъекту свойственны свои задачи, свои приемы и методы.

Хозяйствующий субъект — качественно определенная система, механизм, образ действий, а взятый в единстве качества и воплощения этого качества в системе, механизме, образе действий — способ хозяйствования.

Каждый хозяйствующий субъект есть еще и способ хозяйствования, но при условии, что второй рассматривается как свойство, проявление, функция первого, а более полно — как качественно определенный *образ бытия* хозяйствующего субъекта.

Способ хозяйствования — функциональное самоопределение хозяйствующего субъекта, но такое самоопределение, которое реализуется в субъекте во всей его функциональной и структурной полноте. Способ хозяйствования, будучи внутренним смыслом действующего субъекта, является в мир не сам по себе, а в субъекте, его строении и деятельности, его движении и развитии.

Способ хозяйствования проявляется во всей системе хозяйствования субъекта. Прежде всего он воплощается, а одновременно и отражается в хозяйственных *интересах, решениях* и *акциях* субъекта. Воплощается и отражается он нехозяйственных отношениях, но с той поправкой, что не все хозяйственные отношения суть производные от хозяйствующего субъекта — носителя данного способа хозяйствования.

Хозяйствующие субъекты опираются в своей деятельности на материальные параметры хозяйствования, выполняющие функцию хозяйственных ориентиров и рычагов, носителей *хозяйственной информации.* Параметры служат, с одной стороны, средством принятия решений, с другой — объектом акций. Они имеют материально-вещественную основу, восходя к производительным силам и продукции. Среди параметров — величины и структура материальных факторов производства, их затраты, структура продукции, пропорции продуктообмена. Наличие материальных параметров и их использование в хозяйственной практике (учет динамики параметров и воздействие на них со стороны хозяйствующих субъектов) означают реализацию хозяйствования, всей хозяйственной организации как материальных процессов, разворачивающихся на материальной основе и в материальной среде. Параметры служат также для выработки и применения различных критериев хозяйствования, т. е. показателей (как правило, в относительном выражении) состояния и течения хозяйственной деятельности, ее эффективности. Параметры лежат в основании, а критерии активно используются для ведения систематического *хозяйственного анализа.*

Хозяйственная деятельность строится на соблюдении принципов хозяйствования, т.е. правил, которым следуют хозяйствующие субъекты, организуя производство и вступая в хозяйственные отношения. Такие правила могут базироваться на традиции, исполняться добровольно, но могут иметь законодательное оформление, быть принудительными.

В распоряжении хозяйствующих субъектов находятся разнообразные средства хозяйствования, образующие материальное и нематериальное обеспечение хозяйственной деятельности, т. е. ресурсы и факторы, которыми агенты могут воспользоваться для реализации своих целей.

Хозяйствующие субъекты применяют различные методы хозяйствования — орудия достижения целей хозяйствования. По функции они подразделяются на методы: сбора и переработки информации; принятия хозяйственных решений и реализации хозяйственных акций; установления и поддержания хозяйственных отношений и воздействия на агентов общественного производства; влияния на движение материальных параметров. По сфере применения методы могут быть производственными (с учетом всех четырех моментов производства) и непроизводственными; по характеру — экономическими, административными, информационными; по способу реализации — прямыми и косвенными, текущими и перспективными; по форме — имеющими и не имеющими правовое

(документальное) выражение; по результату — простыми (с одним следствием) и сложными (со многими следствиями), кратковременными и долговременными, с угасающим и нарастающим эффектом.

Хозяйствующие субъекты воплощаются в различных *формах*, как сложных (агрегативных) и абстрактных (обобщающих), так и простых, конкретных.

В составе хозяйствующих субъектов прежде всего *производственные* и *непроизводственные* агенты. Первые являются непосредственными участниками общественного производительного процесса (предприятия и их объединения), вторые лишь воздействуют на этот процесс — управляют им со стороны (государственные учреждения, общественные институты). Имеются также *частные* агенты, действующие «от себя» и выполняющие частные задачи, и *общественные* агенты, действующие от лица общества и преследующие общественные цели. Для сферы производства характерны агенты производства и агенты обращения, агенты-производители и агенты-посредники. В непроизводственной области, т. е. за пределами собственно производительного процесса, функционируют центральные и локальные управляющие агенты, среди которых агенты-руководители и агенты-исполнители. Есть простые хозяйствующие субъекты, так сказать, элементные (например, отдельные производители), а есть сложные, совокупные, представляющие целые структурные образования (объединения предприятий и т. п.). Имеются самостоятельные и зависимые субъекты, либо подчиненные какому-либо социально-хозяйственному агенту, либо непосредственно входящие в его состав.

Способ хозяйствования непосредственно сопряжен с механизмом хозяйствования: второй является внутренним механизмом и реализатором первого, но может рассматриваться и как механизменная интерпретация первого. Смысловая нагрузка понятия меняется в зависимости от цели и контекста его употребления.

1.5. Хозяйственные отношения хозяйствующего субъекта

Ни один хозяйствующий субъект, исключая разве лишь Робинзона, не может обойтись без хозяйственных отношений, устанавливаемых и поддерживаемых с различными социально-хозяйственными агентами. Среди отношений, обслуживающих хозяйствование, есть как отношения собственно хозяйственные, так и отношения по природе своей нехозяйственные, но необходимые для осуществления хозяйственного процесса. Хозяйствование — реализующаяся система разнообразных отношений, а каждый хозяйствующий субъект — узел отношений и узелок в сети отношений.

Без отношений — внутренних и внешних — нет хозяйствующего субъекта. Нет хозяйствующего субъекта без отношений с другими хозяйствующими субъектами. Хозяйствование — дело всегда совместное, оно реализуется через хозяйствования, взаимодействие хозяйствований, в отношениях между хозяйствованиями.

Отношения между хозяйствующими субъектами — *основные отношения* в рамках *любого* общественного хозяйства, включающего в себя, разумеется, хозяйствующих субъектов.

Отношения между хозяйствующими субъектами субъективны и объективны одновременно. Нельзя недооценивать ни субъективности, ни объективности этих отношений. Легко впасть в крайность: либо посчитать, что хозяйствующие субъекты делают, что хотят, либо, наоборот, признать их бессилие перед неотвратимостью бытия. Диалектика субъективного и объективного в хозяйственных отношениях сложна, она реализуется и проверяется как чисто практически, так и идеально. При всей важности материальной практики отвергать идеальные мотивы деятельности человека ни в коем случае нельзя.

Хозяйственные отношения как таковые устанавливаются вполне сознательно. Один субъект вступает в отношения с другим субъектом. Одно сознание — с другим сознанием. Однако взаимоосознанность конкретного отношения не исключает возможной неосознанности действительного характера устанавливаемого отношения, его природы и значения. Осознанность «поверхности» может совершенно спокойно сочетаться с неосознанностью «глубины». Так, как правило, и бывает: функциональная осознанность далеко не всегда сопровождается осознанностью сущностной. Сущностная же неосознанность дает основание для вывода не только об объективности отношений (их содержательной независимости от субъектов), но и о стихийной реализации отношений, т. е. ее независимости от долженствующего порождать и поддерживать эти отношения сознательного сущностного порядка. Ничего надуманного в данном выводе нет: хозяйственные отношения

сколь осознанны, столь и неосознанны, сколь субъективно-упорядоченны, столь и объективно-стихийны. Приоритет того или иного из перечисленных начал зависит от конкретных созидателей и носителей отношений, возникшей вокруг них объективной ситуации, общего культурно-исторического фона,

Каждое отдельное отношение устанавливается сознательно. Но вправе ли мы говорить о сознательной реализации всей совокупности отношений в обществе? Наверное, нет, ибо поведение массы отношений (за исключением, быть может, небольших и изолированных общественных образований) не подчиняется только сознательному общественному порядку, какой бы утверждающей силы ни был этот порядок. *В массе* отношения носят более объективно-стихийный, чем субъективно-упорядоченный характер, подчиняясь одновременно как разным порядкам, так и разным стихиям.

Важно иметь в виду, что стихийное прямо противостоит не сознательному, а особого рода порядковому, при котором всякое «беспорядочное» исключается, т. е. механическому порядку. Стихийное противопоставляется сознательному в случае, когда речь заходит о сознательном общественном порядке, а более точно, либо при необходимости преодолеть разошедшуюся стихию с помощью сознательного общественного порядка, либо о невозможности удержать сознательный общественный порядок в собственных рамках под напором расходящейся стихии. Стихийное противостоит не сознательному как таковому, а сознательному порядку, что далеко не одно и то же, тем более если учесть, что само сознание вовсе не чуждо стихии как внутри себя, так и во взаимоотношениях с другими сознаниями, во взаимоотношениях со всем миром.

Говоря о хозяйственных отношениях между хозяйствующими субъектами, необходимо обязательно подчеркнуть их «взаимность», то, что эти отношения должны быть, если их рассматривать как полноценные, отношениями взаимодействия. Простое исполнение приказа — тоже, конечно, хозяйственное отношение, но столь оригинальное, что и отношением-то его не назовешь. При таком «раскладе» у одного из субъектов практически исчезают черты хозяйствующего субъекта, из организатора-инициатора он превращается в организатора-исполнителя, а потому отношение «приказ-исполнение» — уже не совсем отношение, а тем более отношение между хозяйствующими субъ-

ектами, которых мы почитаем все же за инициаторов.

Всего ближе к взаимным, а потому и полноценным хозяйственным отношениям стоят отношения экономические. Базируясь на *возмездной эквивалентности*, ею опосредуясь и ее же реализуя, экономические отношения замечательны тем, что, выполняя сразу целый комплекс разнообразных функций — обмена, оценки, согласования, ориентации, они способны самостоятельно, сами по себе, в процессе самореализации эффективно реализовать сообщество хозяйствующих субъектов, а в рамках и на основе сообщества — и каждого хозяйствующего субъекта. Можно ли найти в природе (и неприроде) что-либо белее простое и ясное, а вместе с тем ...более сложное и загадочное? Разве лишь механизм всемирного тяготения или механизм наследственности живых организмов?

Эквивалентная оценка — необходимый момент экономического отношения. Она осуществляется как путем прямого сравнения обмениваемых результатов труда, так и посредством приравнивания результатов труда к одному оценочному фактору. Экономическое отношение опосредуется отношением результатов труда либо отношением результатов труда с оценочным фактором, а потому оказывается весьма сложным отношением, в котором наряду с хозяйствующими субъектами участвуют «внешние» («нечеловеческие») факторы. И само оно разлагается на ряд отношений: «субъект — субъект», «субъект — фактор», «фактор — фактор», «фактор — субъект», «субъект — субъект». Экономическое отношение — система отношений.

«Внешние» факторы, о которых идет речь, заслуживают особого внимания. Будучи продуктами сознания, как, разумеется, и объективности, они обретают самостоятельность, отрываются от сознания, объективируются. Оценка, в которой они участвуют, оказывается и их «деянием». Сознание субъектов — вольно или невольно — ориентируется на поведение «несознательных» факторов. Создав эти факторы как посредников в отношениях между людьми, человек сам становится посредником в отношениях между факторами. Организуя факторы, человек сам организуется ими. Таково действие «закона взаимности».

«Внешние» факторы можно условно определить как вещные хозяйственные посредники. Название, возможно, и не самое удачное, но во всяком случае

позволяющее выделить несубъектных участников экономических отношений, а также указать на их функциональную роль.

Экономические отношения между предприятиями, равно как и между продавцами и покупателями, бесспорно, самые что ни на есть экономические отношения. Однако существуют отношения, которые сами по себе не являются обменными отношениями, но связаны с обменными, базируются на них и от них отталкиваются. Относятся такие отношения главным образом к сфере взаимодействия учреждений и предприятий, в которой практически нет обмена, нет эквивалентности, нет и взаимной оценки. Здесь хозяйственные отношения имеют тенденцию осуществляться как неэкономические, в лучшем случае — как «полуэкономические». Отсюда возникает проблема сочетания собственно экономических отношений с отношениями неэкономическими и «полуэкономическими». Решение данной проблемы видится в налаживании эффективной обратной связи между учреждениями и предприятиями, позволяющей обеспечить приоритет экономических отношений. Именно экономические отношения должны ориентировать и оценивать неэкономические отношения, придавая им тем самым и некий экономический характер (как бы инъектируя в них экономическую сущность).

Наилучшим образом данную миссию выполняют смешанные «учрежденческо-предприятийные» институты, способные совместить две культуры — экономическую и неэкономическую, служить переводчиками с одного языка на другой — с экономического на административный и наоборот, генерировать совместные организационные процессы. Именно такого рода смешанные образования всего более подходят к тому, чтобы побуждать учреждения следовать при разработке и •принятии решений *экономическому расчету.*

Реплика. В литературе бытует точка зрения, что экономическое начало равнодушно в целом к человеку, обществу, природе. Отсюда-де следует, что экономическая эффективность — не лучший, а может и просто вредный показатель эффективности хозяйства. В подобных сентенциях многое, на наш взгляд, от недоразумения. Без экономического механизма обществу не обойтись, как не обойтись и без экономической эффективности. Без уважения экономического не может быть и уважения социального, природного, гуманистического. Совсем другое дело — *что* вкладывается обществом в экономическое, *что* оказывается объектом и результатом экономической оценки. И нравственность может иметь приоритет в рамках экономического механизма — все зависит от человека, его культуры, его отношения к природе и самому себе. Экономическое — вовсе не торгашеское, вовсе не аморальное. Соединенное органически с гуманистическим началом, экономическое способно удовлетворить самым высоким духовным требованиям.

2. ОБЩЕСТВО ХОЗЯЙСТВУЮЩЕЕ

Человек хозяйствует как общественное существо. Он хозяйствует в обществе и через общество. Общество — не просто совокупность хозяйствующих субъектов и любых других хозяйственных агентов, не просто хозяйственная система, а по-своему и хозяйствующий субъект, правда, заметно отличающийся от обычного, т. е. частного или индивидуального, хозяйствующего субъекта.

2.1. Общество как хозяйствующий субъект

Общество как хозяйственная система есть прежде всего совокупность различного рода хозяйственных агентов, среди которых решающая роль принадлежит хозяйствующим субъектам. Именно сообщество взаимодействующих друг с другом хозяйствующих субъектов делает общество не только хозяйственной, но и хозяйств*ующей* системой. Именно хозяйствующие субъекты, функционирующие в обществе и через общество, делают общество хозяйствующим субъектом. Хозяйствование в обществе непременно обращается в хозяйствование общества!

Хозяйствование общества — процесс взаимодействия частных хозяйствований, а потому процесс прежде всего объективный и в основе своей стихийный. Объективность и стихийность общественного хозяйствования, конечно, не исключают участия в нем общественной сознательной воли, как и ее большой значимости, в особенности если эту волю изъявляют такие субъекты, как государственные хозяйственные органы.

Сообщество хозяйствующих субъектов, лежащее в организационном основании хозяйствующего общества,— не просто коллективный субъект и даже не просто субъект общества, а субъект-процесс, субъект-жизнь. В бытии общества как хозяйствующего субъекта есть свои слабые и сильные стороны. Общество не так динамично и оперативно как индивид, но зато более основательно, более надежно и ответственно. Главное достоинство общества, наверное, в том, что оно, обладая целостностью и большим разнообразием, большой массой и значительной неопределенна

ностью, способно иногда и весьма эффективно корректировать как свои ошибки, так и ошибки любого из входящих в него субъектов, в том числе и такого мощного и нередко весьма неразумного, как государственный аппарат.

Общество — это глобальная целостность: социальная, культурная, хозяйственная. Общество как хозяйствующий субъект способно действовать в интересах воспроизводства общества, культуры, хозяйства в целом. Ни один, пусть и самый мощный, и самый общественный, и самый авторитетный хозяйствующий субъект-индивид никогда не сможет объять социальные, культурные, хозяйственные процессы в их целостности. Это может сделать только общество.

Как и любой хозяйствующий субъект, общество тоже решает, но решает особенным образом, объективно, самим ходом вещей. Решения общества могут быть ошибочными, несоответствующими перспективным потребностям жизни, но эти решения всегда являются решениями самой жизни, пусть и отставшей от самой себя, пусть самой себе противоречащей, а потому решениями в чем-то обоснованными и оправданными. Консервативность хозяйствующего общества далеко не всегда и не во всем подлежит порицанию, бывают моменты, когда консервативность оказывается спасительной. Великое достоинство общества как хозяйствующего субъекта состоит и в том, что его решения, обусловленные целостностью и экологичностью общественной жизни, исключительно важны для ориентации частных хозяйствующих субъектов, определения ими направлений и рамок своей деятельности.

2.2. Механизм хозяйствования общества — хозяйственный механизм

Общественное хозяйство — хозяйственная система общества — хозяйствующее общество — общество как хозяйствующий субъект — хозяйствование общества. Нетрудно установить, что в данном категориальном ряду не хватает категории, которая относилась бы к организации самого хозяйствования общества, организации деятельности общества как хозяйствующего субъекта, а следовательно, и организации общественного хозяйства. Речь может идти только о *механизменной* категории, отражающей ту подсистему любой самоорганизующейся системы, которая есть не что иное, как система организации системы, т. е. ее — этой самоорганизующейся системы — *механизм.*

Нам необходимо рассмотреть, таким образом, механизм хозяйствования общества, а более точно, хозяйственный механизм. Без рассмотрения хозяйственного механизма наш анализ общественного хозяйства останется не только неполным, не только однобоким, но и просто ложным, ибо за пределами анализа окажется, бесспорно, самое главное и самое существенное в системе общественного хозяйства — ее организация.

2.2.1. ПОНЯТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

В самом общем виде хозяйственный механизм есть система организации общественного хозяйства. Такое определение правомерно, но ограничиваться им нельзя, ибо, указывая на предмет, оно его не раскрывает. Поэтому предпочтительнее дать некоторое более емкое определение хозяйственного механизма, достаточно емкое, чтобы охватить содержание явления, и достаточно узкое, чтобы отразить в этом явлении самое существенное.

Трудность содержательного определения хозяйственного механизма состоит в том, что ёго нужно определить, с одной стороны, как систему (это механизм!), а с другой — как работающую систему (ведь это механизм!). Не меньшая трудность возникает и в связи с тем, что хозяйственный механизм встроен в систему общественного хозяйства, воплощен в ней и ею выражен. Механизм неотделим от системы, его абстрагирование предполагает ... неотделимость механизма от системы.

Механизм — это система, целостная и функционирующая система. Общественная система. Система материальная, с «человеческой» и «нечеловеческой» субстанцией. Включающая в себя человека хозяйствующего, но и сама хозяйствующая. Разумная и одухотворенная, «думающая» и решающая. Субъектная система. Система с сознанием. Система-культура. Объективная система. Самоорганизующаяся социальная система.

Если принять все это во внимание, то можно сделать решающий шаг от слишком абстрактного определения хозяйственного механизма как системы организации общественного хозяйства к его более конкретному и более содержательному определению: сначала как *общественной системы хозяйствующих субъектов,* а зад-ем уже, с учетом

того, что каждый хозяйствующий субъект обладает своим механизмом хозяйствования, а также ориентируется на регулирующие его деятельность общественные хозяйственные институты (обычаи, правила, законы, административные нормы), как *общественной системы хозяйствующих субъектов с присущими им механизмами хозяйствования и присущими всей системе общественными хозяйственными институтами, регулирующими деятельность хозяйствующих субъектов.*

Отличительная особенность данного определения — его субъектная ориентация, основанность на субъектах и их деятельности. Хозяйственный механизм выступает действительно живой системой, наделенной сознанием, способной думать и решать. Он предстает как система (сеть) взаимодействующих информационно-решающих центров, распространенная на все общество, на его центр и периферию, способная снимать информацию с любой точки и наделять информацией любую точку общественного хозяйственного пространства, обеспечивая тем самым движение информации и выраженных в ней решений по всему общественному хозяйству. Перед нами действительно активная, инициационная, работающая система — в полном смысле слова механизм и механизм в полном смысле слова человеческий, общественный и культурный.

Однако нет ли в предложенном подходе все же чрезмерного акцента на субъектном, а следовательно, и субъективном начале? Не умаляется ли здесь роль объективного начала в организации системы организации общественного хозяйства?

Вопросы естественные, ибо предложенная трактовка и впрямь отличается субъектностью, но и ответ естествен: чрезмерного акцента на субъективности, как и недооценки объективности, здесь нет, поскольку нет такой деятельности субъекта, как и такого функционирования общественной системы субъектов, которые не были бы объективно обусловлены. Говорить об объективности хозяйственного механизма в рамках его собственного определения — то же'самое, что ломиться в открытую дверь. Все в этом мире так или иначе объективно и все так или иначе подчиняется объективным закономерностям.

Разумеется, для характеристики хозяйственного механизма можно воспользоваться и его «закономерностным» определением, сказав, например, что хозяйственный механизм есть организационная система с такими-то и такими-то структурными и функциональными закономерностями. Такой подход вовсе не исключается, но, во-первых, мы не получим определения этой системы как собственно материального механизма; во-вторых, данная характеристика будет характеристикой только «части» системы, ее отдельных свойств; в-третьих, выявление «закономерностных» особенностей хозяйственного механизма вряд ли позволит обойтись без обращения к сути хозяйственного, а суть хозяйственного как раз и состоит прежде всего в ... субъективной, хотя и объективно обусловленной деятельности субъекта.

Примечание. Определяя самое существенное в хозяйственном механизме, необходимо раскрыть, памятуя о том, что хозяйственный механизм — самоорганизующаяся система, источник организационной энергии и инициативы, заключенный в самом механизме, равно как и установить потребителя энергии и реализатора инициативы, также входящих в систему механизма, т. е, найти то, что составляет деятельную материю механизма, его разум, представляет его дух, что разрешает противоречие между природой и неприродой, делая хозяйственный механизм неотъемлемой принадлежностью культуры. Вряд ли можно обнаружить что-либо более замечательное и подходящее, чем хозяйствующего субъекта, а точнее, хозяйствующих субъектов, консолидированных в жизнеутверждающее общественное целое.

2.2.2. СОДЕРЖАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Приведенное выше определение хозяйственного механизма позволяет довольно легко установить содержимое системы, которую мы называем хозяйственным механизмом, если, конечно, постараться не забыть о том, что хозяйственный механизм есть во всех смыслах общественная система, находящаяся в обществе, из общества состоящая и на общество распространенная,— *система-общество.*

Основными содержательными (структурными) элементами хозяйственного механизма являются, как уже было показано, хозяйствующие субъекты и отношения, которые хозяйствующие субъекты устанавливают и поддерживают между собой, т. е. не все хозяйственные отношения, реализуемые в обществе, в частности и самими хозяйствующими субъектами, а именно те из отношений, которые осуществляются непосредственно между хозяйствующими субъектами, иначе — хозяйствующие отношения, т. е. отношения, активно участвующие в организации общественного производства, ее определяющие. *Хозяйствующие субъекты и хозяйствующие отношения* —

вот основополагающие элементы, составляющие структурный каркас хозяйственного механизма.

В составе хозяйственного механизма имеются различного рода обслуживающие хозяйствующих субъектов элементы, о которых шла речь выше, т. е. материальные параметры, критерии, принципы, методы хозяйствования, а также *конкретные формы хозяйственных отношений:* непосредственные (неовеществленные) отношения, такие, как соглашения, прямая кооперация или руководство, или опосредствованные (овеществленные) отношения, т. е. продуктообмен; прямые отношения (двусторонние отношения и прямой продуктообмен) и косвенные (субподряд или продуктообмен, осуществляемый с помощью всеобщего эквивалента); производственные (непосредственно производственные) отношения, реализующиеся в сфере производительного процесса как такового, и непроизводственные (опосредствованно производственные), осуществляющиеся в непроизводственной «зоне» хозяйства; отношения взаимодействия, возникающие между независимыми агентами, и отношения воздействия, применяемые для ориентации деятельности зависимых агентов; отношения производства, обмена, распределения и потребления. Входят в структуру хозяйственных механизмов и вещные хозяйственные посредники (продукты, участвующие в обмене).

Хозяйствующие субъекты, как известно, пользуются разнообразными средствами хозяйствования, т. е. ресурсами и факторами, необходимыми в хозяйственном организационном процессе,— производительными силами и продуктами труда, а также природой, знаниями, информацией. Сами по себе такие ресурсы и факторы в хозяйственный механизм не входят, они находятся вне механизма. Эти ресурсы и факторы являются либо объектами действия хозяйственного механизма, как, например, производительные силы, либо средством достижения целей хозяйствования, способствующим принятию хозяйственных решений и осуществлению хозяйственных акций, как, например, информация. Не являясь непосредственно элементами хозяйственного механизма, ресурсы и факторы, о которых идет речь, как бы становятся таковыми в той мере, в какой они используются хозяйствующими субъектами в процессе своей деятельности.

Каждый хозяйствующий субъект осуществляет как внутреннюю (внутрипроизводственную), так и внешнюю

(за рамками собственно производства) организационную деятельность. Оба потока деятельности взаимообусловлены, они влияют друг на друга, частично сливаются.

При описании содержательного состава хозяйственного механизма неизбежно возникает вопрос о судьбе внутренней организации хозяйствующих субъектов: входит ли она в хозяйственный механизм общества, а точнее, целесообразно ли включать внутреннюю организацию в состав хозяйственного механизма? Ответ может быть таков. Если исходить из того, что хозяйственный механизм общества есть система взаимодействующих хозяйствующих субъектов, то для такой системы в принципе безразлична (в содержательном плане) внутренняя организация субъектов, поскольку для хозяйственного механизма важен (опять же в содержательном плане) сам хозяйствующий субъект, а не его внутренняя организация. Отсюда вывод: внутренняя организация хозяйствующих субъектов не должна включаться в содержание хозяйственного механизма.

Вывод вполне обоснованный, но должно ли ему следовать всегда и во всех случаях? Видимо, нет. И вот почему. Среди хозяйствующих субъектов есть сложные и даже очень сложные, представляющие собой, по сути, целые комплексы субъектов, например объединения предприятий, а потому их внутренняя организация частью является и внешней, т. е. входящей в хозяйственный механизм общества. Придерживаясь в принципе тезиса о невключенности внутренней организации в хозяйственный механизм, следует не забывать, что внутренняя в одном отношении организация может быть внешней в другом. Неопределенность пограничных ситуаций требует более гибкого подхода, а соответственно и разных решений.

Аналогичная проблема возникает и с хозяйственными отношениями, реализующимися между хозяйствующими субъектами, с одной стороны, и не хозяйствующими, но хозяйственными субъектами — с другой, например конечными потребителями чисто потребительской продукции. Включать или не включать в содержательный состав хозяйственного механизма такого рода хозяйственные отношения? Здесь также нельзя дать однозначного ответа. Исходя из тезиса, что в основании хозяйственного механизма лежат хозяйствующие субъекты, т. е. реальные организаторы производства, отношениями хозяйствующих субъектов с нехозяйствующими субъектами можно пре-

небречь при определении содержания хозяйственного механизма, но в то же время нельзя игнорировать того факта, что нехозяйствующие агенты способны принимать хозяйственные решения хотя бы своим стихийно-массовым поведением, не говоря уже о сознательной активности институциональных образований типа потребительских обществ. Отсюда напрашивается следующий вывод: обсуждаемые отношения и входят и не входят в состав хозяйственного механизма, и зависит это от их реального участия в процессе организации общественного производства. Соответственно может быть решена и судьба самих нехозяйствующих контрагентов хозяйствующих субъектов, хотя при этом не следует забывать, что все эти контрагенты не являются непосредственными организаторами производства, а потому и не могут составить самого основания хозяйственного механизма, его субъектного «ядра».

Механизм есть механизм. Все, что необходимо для механизма, должно в нем быть. Раскрывая содержание механизма, нельзя обойти ничего, что является элементом (узлом, деталью) механизма, даже если тот или иной его элемент представляется слишком поверхностным, периферийным, функционально не важным, даже не очень хозяйственным и не очень механизменным. Механизм должен работать, а работать он может только в полном содержательном составе, при необходимой структурной целостности.

Хозяйственный механизм — подсистема общества и явление культуры. Он включает в себя самые разнообразные элементы социума — от чисто производственных до чисто непроизводственных. И если наличие производственных элементов не вызывает сомнения, то присутствие непроизводственных компонентов обычно вызывает вопросы, хотя, надо заметить, без этих вопросов можно вполне обойтись, если не забывать о целостности механизма, его принадлежности обществу и культуре в их самом широком понимании. Сфера хозяйственного — сфера социума в целом, а не одного лишь производства. В механизме содержится то, что необходимо, в чем сам механизм нуждается. И если ему будет потребна, например, красота, то он и ее воспримет, придав себе соответствующий облик или манеру поведения.

У хозяйственного механизма весьма сложные отношения с политической системой общества. Дело в том, что

хозяйствующие субъекты волей-неволей подвергаются влиянию со стороны политических движений и партий. Такое влияние в чем-то напоминает влияние хозяйствующих субъектов-учреждений, но сами движения и партии хозяйствующими субъектами не являются. Отсюда включать политический фактор (именно политический, а ие государственный) в систему хозяйственного механизма вряд ли было бы правильно, скорее, надо учитывать его как активный элемент среды функционирования хозяйственного механизма. Данный вывод, правда, не исключает в отдельных случаях и обратного решения: правящие партии, а точнее, их органы могут фактически выполнять функции хозяйствующего субъекта, а потому оказаться в структуре хозяйственного механизма как хозяйствующие субъекты-учреждения.

Обращаясь к описанию содержательного состава хозяйственного механизма, нужно помнить, что границы системы, которую мы называем хозяйственным механизмом, неопределенны, размыты, да еще и подвижны. У «краев» механизма чего только нет: и полумеханизмеяные, и псевдомеханизменные, и «двуликие» элементы, которые сегодня и в одном ракурсе могут быть вполне механизменными, а завтра и в другом ракурсе — вполне немеханизменными. Главное — это содержательное ядро механизма, куда входят явно механизменные компоненты,, буквально держащие на себе механизм, его реализующие и определяющие.

2,2.3. НЕМЕХАНИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Хозяйственный механизм — сложная общественная система. для которой характерна высокая степень неопределенности имманентных связей и отношений, а также общего поведения. Это открытая, во многом вероятностная, изменяющаяся система, отличающаяся относительно подвижными, гибкими, часто неустойчивыми в их конкретной реализации внутренними и внешними связями. В таком механизме нет ничего собственно механического. Нет большего заблуждения, чем представление о хозяйственном механизме как о машине., пусть особенной, но все-таки машине.

Не следует забывать, что хозяйственный механизм — социальная система, что он принадлежит культуре, что он служит организации общественных процессов, является системой организации общества как вершителя произво-

ла

дительного процесса. Считать хозяйственный механизм механическим — значит механистически квалифицировать и общество.

Важно уразуметь, что хозяйственный механизм есть система организации общества, реализуемая самим обществом. Хозяйственный механизм не существует сам по себе, вне организационной и производственной деятельности людей, общества. Он подчиняется определенным объективным (при всей их возможной субъективной реализации) общественным закономерностям.

Возникает вопрос: насколько правомерно употреблять слово «механизм» при обозначении столь немеханической системы? Думается, что помимо собственно языковой традиции, которая не всегда считается с соображениями «чистой науки», в пользу применения термина «механизм» говорит сам смысл понятия «система организации». Последняя ведь есть не что иное, как, с одной стороны, «система организации системы», т. е. система системы и одновременно система в системе, с другой — «организация организации системы», т. е. организация организации и одновременно организация в организации. «Система организации» — система, обеспечивающая организацию, функционирование, жизнедеятельность системы; это даже не подсистема, а именно система в системе, распространенная на всю организуемую ею систему, причем система активная — организующая. «Система организации» неотделима от системы, она встроена в нее органически. Это «организация организации» системы, организация в квадрате, или, иначе, *механизм системы.* Всякая система, которую можно рассматривать как самостоятельную и самоорганизующуюся, обладает таким механизмом.

Хозяйство — это система, но это система-процесс, система-организм, система-жизнь. Как есть жизнь общественная, так есть и жизнь хозяйственная. Хозяйственный механизм — нечто, управляющее этой жизнью, однако в самом процессе жизни. Механизм, присущий общественному хозяйству, есть одновременно и предпосылка и результат функционирования, а значит, и организация хозяйственной системы общества.

Хозяйственная деятельность — сложная деятельность, и не только по причине качественного разнообразия, но и вследствие значительной изменчивости. Хозяйствовать — значит изменять и изменяться, приспосабливать и приспосабливаться. Разумеется, бывают случаи, когда

деятельность хозяйствующего субъекта достаточно долго практически не изменяется, т. е. имеет место стабилизация хозяйствования, но это не снимает общего принципа изменчивости. Хозяйствовать — значит менять тактику и стратегию, а иногда и сам характер хозяйствования.

Движение хозяйства — сложное движение. Это не только движение «по кругу» в процессе продуктообмена, но и движение *от одной хозяйственной ситуации к другой.* В наборе следующих друг за другом хозяйственных ситуаций есть, конечно, и идентичные, повторяющиеся, даже довольно регулярно повторяющиеся, но тем не менее важно, что одна ситуация сменяет другую, а повторяющиеся оказываются не полностью адекватными друг другу. Это — спиралевидное движение.

Хозяйству и хозяйствованию свойственно обновление. Обновляемость, т. е. возникновение новых состояний, показывает *необратимость* хозяйственного процесса, невозможность его движения вспять, тем более повторения в обратном порядке уже пройденного. Только движение вперед, к новым ситуациям. И как бы хозяйствующие субъекты ни пытались предвидеть и определить будущие ситуации, они могут их предусмотреть лишь в общих чертах и создавать лишь отчасти. Обновляемость хозяйства — процесс в основе объективный.

Насколько бы самостоятельной и сознательной ни была деятельность хозяйствующих субъектов, насколько бы ни было велико влияние отдельных субъектов на хозяйственную жизнь общества, общественный хозяйственный результат всегда оказывается по отношению к хозяйствующему сознанию каким-то «не таким», «не своим», «посторонним». Совпадение между объективным результатом и предшествующим субъективным намерением часто и в определенной степени является случайностью. Хозяйственная ситуация в обществе не всегда и не во всем зависит непосредственно от субъективной воли (хотя, конечно, иногда такая зависимость весьма ощутима, особенно если это воля сильного центрального субъекта) и отличается большой изменчивостью.

Все это лишний раз показывает немеханический характер общественного производства и хозяйственного механизма. Ничего механического в строгом смысле слова в хозяйственной деятельности нет, как нет ничего механического и в работе всего хозяйственного механизма.

Хозяйственный механизм не подлежит механическому описанию. Он относится к системам, с трудом поддающимся языку обычной логики. В механизме и его поведении есть что-то, выходящее за рамки логики, что-то, превосходящее ее и для нее недостижимое. Мало описать механизм, мало его представлять, его надо, по-видимому, еще и как-то по-особому чувствовать.

Определяя хозяйственный механизм, нельзя допускать и такого, близкого к механистическому, его толкования, согласно которому механизм предстает лишь как система поверхностных или «явленческих» элементов производственной организации. Ничто поверхностное не существует без глубинного, ничто в явлениях не происходит само по себе, без связи с сущностным. Хозяйственный механизм, как и любое другое явление в природе и обществе, не может не иметь своего глубинного уровня, сущностных процессов. Хотя на поверхности действие хозяйственного механизма представлено взаимодействием «явленческих» элементов, отсюда вовсе не следует, что в пределах механизма не действуют сущностные силы, глубинные внутренние закономерности. Отрывать явление от сущности вообще нельзя, а при анализе такой системы, как хозяйственный механизм, в особенности, так как на сущностном уровне как раз и реализуется прежде всего органическая связь хозяйственного механизма с собственностью, со способом производства в целом.

Немеханический характер хозяйственного механизма не снимает возможности и потребности квалифицировать этот последний именно как механизм. Попытки представить хозяйственный механизм лишь как «систему производственных отношений» или как «систему законов» фактически лишают механизм необходимых механизмеиных признаков: хозяйственный механизм предстает как бы «бестелесным», эфемерным, неким комплексом отношений или свойств, а не социально-материальных элементов, связанных между собой в единый работающий организм. Получается механизм без механизма.

Хозяйственному механизму, как и всякой социальной, да и вообще природной системе, присущи определенные отношения и закономерности. Установить такие отношения и закономерности необходимо, как необходимо и учитывать их при описании механизма. Сводить же содержание механизма только к системе отношений или законов нельзя: мы получаем тогда не механизм, а лишь нечто от него, что само по себе механизмом не является.

Хозяйственный механизм — активная самоорганизующаяся система. Он тоже «мыслит» и «решает», воспринимает и выдает информацию.

Механизму свойственна «ячейковая» организация, воплощенная в охватывающей все производственное пространство сети самоорганизующихся *информационно-решающих* центров (хозяйствующих субъектов прежде всего). Целостное сообщество информационно-решающих центров создает систему, способную к выбору, решениям и действиям глобального характера. «Ячейковая» организация, обеспечивающая съем и выдачу информации по всему организационному полю, придает с учетом взаимозаменяемости аналогичных центров высокую степень гибкости, приспособляемости и устойчивости всему хозяйственному механизму. Каждый центр поведенчески мобилен, а выход любого центра из строя не влечет за собой остановки всего организационного процесса. Всякий хозяйственный механизм есть целостное единство автономных и взаимодействующих хозяйственных единиц-центров. Материальной основой образования и функционирования этих единиц-центров служит реальный процесс труда — производство продуктов и их выход в сферу взаимодействия хозяйственных агентов, а материальной основой данного взаимодействия субъектов является общественная кооперация труда, соединение производств в общественное производство.

Нет ничего более иллюзорного, чем убеждение, что механизм сам по себе организационно нейтрален, что ему можно предложить какую угодно программу и добиться от него каких угодно результатов. Механизм, бесспорно, воспринимает внешнюю информацию, в том числе и прямые команды, но, реагируя на них, предлагает и свой вариант исполнения, борется за него. Это естественно: механизм стремится к оптимальному для себя функционированию, а потому приспосабливает под себя любые внешние, в том числе и директивные, влияния. При этом хозяйственный механизм проявляет удивительную способность рационализировать нерациональные воздействия, исправлять ошибки субъективной организующей воли, правда, не всегда, не во всем и не в полной мере.

Хозяйственный механизм — социальная система. Его главные компоненты — хозяйствующие субъекты, а это

люди и институты. Для них характерна поведенческая форма существования, обусловленная интересами, выбором, изменчивостью. Хозяйствование — особый образ поведения. Поведенческим характером отличается и функционирование всего хозяйственного механизма.

Хозяйственная организация осуществляется во времени: между первой и последней точками — цепь следующих друг за другом действий и событий. Этих промежуточных звеньев настолько много, и они настолько подвержены влиянию извне, что часто начальный импульс организации мало предопределяет ее конечный результат. Исход хозяйствования, как и функционирование хозяйственного механизма, всегда в той или иной степени вероятностен. Все это важно иметь в виду для понимания немеханической природы механизма, его реальных возможностей и фактических последствий функционирования.

2.2.4. ЗАРОЖДЕНИЕ — СТАНОВЛЕНИЕ — РАЗВИТИЕ

Каждая' самоорганизующаяся система зарождается, достигает зрелости, стареет и умирает. Каждая имеет возможность развиваться, совершенствоваться, достигать более высоких качественных уровней, но каждая имеет возможность и застыть, окостенеть, деградировать. Одни системы сравнительно быстро заканчивают свой путь, другие растягивают его на века. У каждой системы *своя* судьба, каждая вольна или невольна распоряжаться ею, но все системы так или иначе переживают нечто общее — жизненный цикл. Перед ним все равны.

Как зарождается и формируется хозяйственный механизм? Как и любая социокультурная система. Постепенно и «разом», «клеточно» и целиком, путем перерождения уже существующего и посредством предварительной гибели предшественника (на «чистом месте»). Но обязательно в переборе вариантов.

Каждый хозяйственный механизм возникает по-своему, следуя разным генетическим закономерностям. Для науки важно выделить более или менее чистые пути развития, те, которые располагаются по краям спектра всех реально возможных путей, отличаясь прямо противоположными характеристиками.

Хозяйственный механизм — сообщество хозяйствующих субъектов. Генезис механизма — генезис субъектов. Становление механизма — дело субъектов.

Субъект-созидатель хозяйственного механизма может занимать разные позиции, в соответствии с которыми сыграть разные роли: либо находиться внутри формирующегося механизма, быть одним из его элементов, созидать хозяйственный механизм общества посредством созидания механизма своего собственного функционирования и установления функциональных связей с себе подобными, тоже находящимися внутри механизма субъектами; либо располагаться как бы вне хозяйственного механизма, над ним, создавать его сразу и целиком, учредительствовать. В первом случае механизм образуется естественным путем, сам по себе, природно, во втором же — искусственно, по инициативе и замыслу центрального субъекта, неприродно. Правда, огромная созидательная роль субъективного фактора во втором варианте не исключает известной объективности процесса формирования хозяйственного механизма, той объективности, с которой субъект-инициатор вынужден считаться, которая навязывает ему свои условия, заявляя о себе как до, так и в ходе строительства механизма. Нельзя сказать, что субъективный фактор волен делать все, что хочет, но в то же время нельзя забывать и того, что зависимость формирующегося механизма от субъективного фактора может быть настолько велика, что объективность не сможет выполнить необходимую корректирующую роль, и созидание механизма может принять явно или скрыто волюнтаристский, питаемый самонадеянной умозрительностью характер.

Для общества и культуры более приемлем, видимо, естественно-эволюционный путь зарождения и становления хозяйственного механизма. Такой путь более долгий, но и более надежный. Сначала возникают клеточки (микросистемы), затем их соединения, соединения соединений, наконец, весь организм (макросистема). Сформированный в процессе борьбы за жизнь и путем естественного отбора, механизм способен в наибольшей степени соответствовать обществу и культуре, его порождающим. Подобным образом возникший механизм обладает, бесспорно, и наивысшей устойчивостью.

Субъекты-инициаторы непосредственно входят в ткань естественно образованного механизма. Клеточки — это хозяйствующие субъекты,' их механизмы. Соединения — соединения субъектов и их механизмов. Хозяйственный

механизм в целом — общественная система соединившихся субъектов и их механизмов.

Роль субъективного фактора в естественно-эволюционном становлении хозяйственного механизма может быть и более значительной, и более объемной, если достаточно сильный «сторонний» субъект (например, государство) выполнит функцию либо общего стимулятора, а в какой-то мере и направителя происходящего в целом независимо от него созидательного процесса, либо конструктора, но лишь отдельных частей формирующегося хозяйственного механизма, например системы общественной регламентации хозяйствования.

Создание хозяйственного механизма искусственным, а следовательно, и революционным путем имеет свои преимущества — оно может идти быстрее и качественно чище, во всяком случае с формальной стороны. Но, будучи так или иначе встречным по отношению к естественному развитию общества, имеет опасность больших социокультурных потерь, а главное, делает проблематичным соответствие построенного механизма действительным потребностям общества и его культуре. Искусственный путь значительно сложнее и опаснее естественного, но он имеет хотя и трудно достижимый, но очень привлекательный шанс на успех, если субъект-креатор оказывается способным открыть дорогу самоорганизации общества, т. е. не будет безоговорочно настаивать на своей и только своей, заранее предусмотренной модели механизма.

Становление хозяйственного механизма может происходить как относительно спокойно, без крупных социокультурных коллизий, так и очень бурно, в ходе гигантских социокультурных пертурбаций. Для реальной жизни характерны в основном смешанные варианты.

Возникновение нового механизма — отнюдь не простая смена форм и методов хозяйствования, это переделка всего общества, всей культуры. Это переделка людей. И лучше, если люди сами хотят такой переделки. Однако надежда на массовое сознание и общее желание «переделаться» далеко не всегда бывает оправданной — становление нового хозяйственного механизма, как правило, трудный, нередко мучительно трудный, а подчас и просто жестокий социальный процесс.

Новое не возникает на пустом месте. Новое — это, как минимум, переделываемое старое. Но новое еще и нечто, возникающее на месте старого, либо естественно

отжившего и умершего, либо волевым образом уничтоженного. Становление хозяйственного механизма — борьба нового со старым, и старым, как правило, сопротивляющимся, а потому борьба, могущая быть весьма упорной и даже, что, к сожалению, не исключается, кровопролитной.

Хозяйственный механизм, как и сам человек, рождается в муках, и для просвещенного общества важно, чтобы эти муки были не только наименьшими, но и не выходили за пределы гуманизированных сознания и культуры.

Смена одного хозяйственного механизма на другой обычно обусловливается, как и смена одной культуры на другую, физическим или моральным устареванием действующего хозяйственного механизма. Правда, это не является строго обязательным: замене может подвергнуться и процветающий механизм, но уже по внешним для него причинам, например вследствие войны. В истории всякое бывало, но если говорить о закономерном процессе, то в основе перемен все же лежит устаревание действующего механизма, что проявляется в учащающихся ошибках механизма, его инертности, низкой эффективности. Иными словами — в его кризисе.

Кризис может быть явным, но может носить и неявный характер. Непросто опознать кризис, еще труднее его осознать, непросто найти пути выхода из кризиса, а уж всего сложнее — идти по пути преобразований. Характер кризиса, в равной мере и характер его преодоления в решающей степени зависят от характера социокультурной среды, в которой существует и действует механизм. Выход из кризиса — дело всего общества и всей культуры, а не одного лишь хозяйственного механизма. Чрезвычайно важный момент, далеко не всегда принимаемый во внимание!

Существует ли какая-либо качественная закономерность в смене одного механизма на другой? Имеется ли в происходящих при такой смене качественных изменениях какая-нибудь логика?

Думается, что логика есть, и логика диалектическая, да к тому же еще логика сложнейшего, разнообразного, многофакторного, пронизанного вероятностями и случайностями, полного внутренней и внешней борьбы, процесса. В таком процессе есть все: противоположные движения, колебания, наступления и отступления, победы и поражения, подъемы и спады, нововведения и рецидивы, реалии

и миражи, рывки и пробуксовки. Чтобы заметить логику, надо обязательно иметь в виду, что выход из тупика всегда предполагает ... движение в обратном направлении. Движение назад — главное условие движения вперед.

Что значит «назад» в превращенческом процессе? Это движение к противоположности. А такое «назад» легко переходит во «вперед», ибо противоположность может располагаться и «позади» и «впереди» одновременно. Движение к противоположности есть не что иное, как погружение в противоположность, ее — этой противоположности — восприятие. «Назад» — совсем не обязательно к бывшему, это движение к тому, что будет, но уже качественно противоположному, как бы и «отступительному» по отношению к существующему.

Что означает, например, переход от общинного хозяйства к феодальному или, скажем, переход от цехового ремесленного хозяйства к капиталистическому мануфактурному, как не движение к противоположности? Даже переход от рабовладельческого хозяйства к феодальному и тот содержит в себе обращение к противоположности, хотя и не столь явное и общее, как тот же переход от феодального к капиталистическому. Какой бы пример мы ни взяли, всюду обнаруживается факт диалектического отрицания.

Учет факта диалектического отрицания позволяет не только многое понять в превращенческих процессах, но и в известной мере предвидеть надвигающиеся качественные изменения. Разумеется, самого нового качества можно и не уловить, но общее направление изменений, как и отдельные черты нового качества, можно обнаружить, если достаточно изоморфно смоделировать исторический процесс.

Развитие хозяйственного механизма не исчерпывается его зарождением и становлением: по завершении становления, когда механизм уже функционирует на собственной основе, достаточно «осознав» себя, только начинается его «настоящая» история, а в ее рамках — и история развития механизма. Какой же момент в истории развития механизма, равным образом и способа производства в целом следует почитать за момент их становления?

Однозначно ответить непросто, и вот почему: в истории любой социальной системы всегда есть по крайней мере два момента становления — первичный (предварительный) и вторичный (окончательный). Первичный наступа-

ло

ет, когда система в целом складывается как целое, но в своем, так сказать, отрицательном облике (варианте), т. е. облике, противоположном облику отвергнутой системы-предшественницы; вторичный момент становления наступает, когда система оказывается в своем, если так можно сказать, положительном облике (варианте), т.е. облике, уже в значительной мере противоположном своему первичному — отрицательному — облику. Становление системы, таким образом, идет по пути двойного диалектического отрицания, или, что то же самое, отрицания отрицания.

Такое отрицание отрицания происходит в разные сроки для той или иной конкретной системы, но происходит обязательно. Откуда эта обязательность? Она идет от необходимости сначала отойти, елико возможно далеко, от отрицаемой системы, оторваться от нее, а затем уже от необходимости преодолеть однобокость возникшей в результате столь последовательного отрицания новой системы, т. е. как бы вновь приблизиться к отринутой системе, ее качеству. Возврат такого рода неминуем, так как в противном случае новая система останется качественно несбалансированной, без необходимого единства противоположностей. Вторичное отрицание как раз и обеспечивает поиск эффективного сочетания противоположностей, смягчая «перегиб» первичного отрицания. Только двумя диалектическими отрицаниями, каждое из которых может произойти по-своему, «одним махом», или посредством ряда скачков, новая система может обрести настоящую диалектическую целостность.

Два диалектических отрицания, два момента становления. Какой же из них решающий: первый, с которого начинается отрыв от старого и прорыв к новому, или второй, с которого начинается целостное бытие нового? Видимо, каждый из моментов по-своему решающий, но так как окончательное становление происходит со вторым, то его-то и надо, вероятно, квалифицировать как момент, завершающий этап становления системы.

По свершении вторичного отрицания система, естественно, продолжает развиваться, переживать новые отрицания и изменения, находить новые структурные соотношения, новые формы своего бытия, приспосабливаться к изменяющемуся контексту, но уже в рамках достигнутого в результате вторичного отрицания соответствия противоположностей (качественного сочетания качеств).

Становление и развитие любого хозяйственного механизма сопровождаются его кризисами и трансформациями. Кризис — атрибут бытия не только старого, отжившего и умирающего, разрушающегося механизма, но и нормальное явление в жизни механизма нового, зарождающегося и становящегося, развивающегося. В то же время трансформации свойственны не только молодым, но и старым организмам, вот только перспективы и роль трансформаций у каждого из таких организмов различны.

Неразвивающихся хозяйственных механизмов нет, хотя есть и временно застывшие механизмы. Подобная «застылость» может продолжаться сколь угодно долго, но и прекратиться может внезапно. Развитие всегда происходит: либо оно идет медленно, скрыто и практически незаметно, либо оно «сидит» в системе как возможность в ожидании своего часа, либо очаг развития находится рядом с системой, но ее пока не коснулся. Развитие — закон жизни, и от развития ничто и никто уклониться не может.

2.2.5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Как и любой природно-неприродной системе, хозяйственному механизму свойственны свои закономерности и противоречия. Прежде всего следует отметить закономерности и противоречия, которые можно было бы обозначить как *качественно-структурные.* Это как раз те закономерности и противоречия, которые определяют качество механизма, его строение.

Качество механизма — сущность механизма, его специфика, то характерное, что отличает один механизм от другого. Рассматривая хозяйственный механизм вообще, т. е. не обращаясь к анализу конкретно-исторических механизмов, о закономерностях, определяющих качество механизма можно сказать весьма немногое, сосредоточившись главным образом на раскрытии общих обстоятельств, обусловливающих качество механизма, а также на отношениях, в которых механизм находится с этими обстоятельствами.

Обстоятельств, от которых зависит качество хозяйственного механизма, большое множество, но все они составляют то, что можно назвать *средой* механизма. И поскольку любой механизм зарождается в среде, ею «питается», из нее «выходит» и в ней же существует, то роль среды и взаимоотношения с ней являются, безусловно, важнейшими для качественной характеристики механизма.

Что есть среда хозяйственного механизма? Это окружающий механизм социальный и природный мир, но не весь, конечно, мир, а та его часть, которая находится в эффективном контакте с хозяйственным механизмом.

Наибольшее значение для механизма, его качественной определенности, имеет мир социальный, а в его рамках— культура. Культура социальная, т.е. культура личности и культура общественных отношений; культура духовная, т. е. культура идей, знаний, ценностных установок и ориентиров; культура материальная, т.е. культура предметов, техники, труда.

Качество культуры — это и качество человека, его сознания и социальной активности. Качество культуры и качество человека — качество собственности, а качество собственности — качество хозяйствующего субъекта и хозяйствования, всего хозяйственного механизма.

Качество механизма зависит не только от качества культуры, но и от состояния качества культуры, т. е. от ситуации, в которой находится культура в момент зарождения и становления хозяйственного механизма. Культура может быть в спокойном состоянии, а может испытывать потрясения и катаклизмы; может свободно развиваться, а может подвергаться притеснению. От полноценности бытия культуры зависит и полноценность хозяйственного механизма. Важное значение имеет и тот факт, насколько общество, «питающее» хозяйственный механизм, культурно однородно по этническому, религиозному и идеологическому признакам. Неоднородность культуры не слишком способствует восприятию обществом единого механизма.

Нельзя сбрасывать со счета и активность субъективного фактора, участвующего в созидании хозяйственного механизма. Достижение того или иного механизма весьма обусловлено наличием в обществе деятельной сознательной воли, представляющей себе, что и как делать, ради чего и во имя чего бороться. Культура культурой, но важен и носитель культуры, ее наиболее динамичных с точки зрения исторического момента начал. Между культурой и ее реализаторами должно существовать необхо-

димое единство, а последнее — залог становления хозяйственного механизма соответствующего качества.

Определенную, а иногда и весьма значительную роль в качестве механизма играют *природный* и *географический* факторы. Хозяйственному механизму, как и самому обществу, небезразличны ни характер окружающей природы (климат, ресурсы); ни пространственное (континентальное или островное, центральное или периферийное, узловое или «стороннее») расположение генерирующей механизм культуры.

Таков общий фон, на котором развивается хозяйственный механизм, таков материал, из которого он «вылепливается», такова среда, которая определяет качество механизма. Сам факт зависимости хозяйственного механизма от среды очевиден — это безусловная закономерность. Гораздо менее очевидно другое: зависимость данного конкретного механизма от да ой конкретной среды, ибо в генерировании механизмов участвуют одновременно не просто многие факторы, не только разные среды, но и разные созидающие воли. Возникновение конкретного механизма — результат взаимодействия, а то и откровенной борьбы, разных сознательных и бессознательных течений и стихий, из которых решающую роль могут сыграть вовсе не самые «закономерностные», и даже не самые сильные и здоровые, а самые активные, целеустремленные и последовательные (нередко и просто самоуверенные, не стесняющиеся в средствах, беспардонные). Происхождение того или иного механизма бывает весьма и весьма туманным, генетические корни — надежно скрытыми. Между механизмом и средой как бы располагается зона неопределенности, некая «нейтральная полоса», «неизвестное звено». И в этом нет ничего удивительного, если учесть всю сложность и неоднозначность процессов, о которых идет речь.

Рассматривая, уже возникший, т. е. «вышедший» из среды, механизм, мы, определяя его качество, обращаемся к характеру основного хозяйствующего субъекта, а квалифицируя этот характер, стараемся заметить в первую очередь собственническое качество основного хозяйствующего субъекта, во вторую организационное. *Раскрытие качества основного хозяйствующего субъекта позволяет раскрыть и качество всего хозяйственного механизма.* Именно субъект, будучи продуктом культуры, ее носителем, и реализатором, с одной стороны, и главным структурным элементом хозяйственного механизма, его созидателем и осуществителем — с другой, служит необходимым материально-духовным орудием взаимоотношения качеств — среды, с одной стороны, и механизма — с другой.

Хотя само по себе соответствие хозяйственного механизма среде и является законом, но это соответствие вовсе не должно быть абсолютным; не менее «законным» является и несоответствие хозяйственного механизма среде, как правило, в частностях, а временами и в целом.

Соответствие и несоответствие — два проявления взаимоотношения хозяйственного механизма со средой; закон такого взаимоотношения диалектичен и выражен в противоречии «соответствие — несоответствие». Оба соотношения нужны, они лежат в основе качественного развития механизма, его перехода в другой механизм.

Сами по себе несоответствия не страшны. Все зависит от ситуации. Бывает так, что несоответствия оказываются даже менее «страшными», чем соответствия, например когда механизм, будучи в общем-то плохим, тем не менее соответствует среде. В таком случае совершенствование механизма непременно обусловливается изменением среды, а изменить среду куда как труднее, чем переиначить сам механизм.

Зависимость механизма от среды исключительно велика. Ошибочно думать, что можно менять хозяйственные механизмы, не затрагивая общества: собственности, сознания, культуры. Да и вообще полезно исходить из правила, что в плохой работе механизма повинен не только и не столько сам механизм, сколько вся пользующаяся этим механизмом общественная система.

Особенно следует указать на зависимость хозяйственного механизма от собственности. Качественно изменить хозяйственный механизм, не изменяя столь же качественно собственности,— нонсенс, в лучшем случае — иллюзия. При этом не стоит забывать, что собственность может меняться в пределах своей сущности, т. е. меняться, сохраняясь.

Еще более важно указать на необходимость изменения сознания и если не всей, то хотя бы более или менее имеющей отношение к хозяйствованию культуры. Любая сколько-нибудь коренная перестройка хозяйственного механизма должна сопровождаться переделыванием (лучше — самопеределыванием) человека, практически всего социокультурного контекста.

Перестройка хозяйственного механизма — преобразование (самопреобразование) общества в целом.

Что наименее подвержено случайностям и прихотям, так это структура. Структура хозяйственного механизма, т. е. его элементный состав, выраженный в пространственном, временном и функциональном взаиморасположении элементов, соответствует качеству механизма, его идее, и структура всегда «полностью полна», — «неполной» она вообще быть не может, так как «неполный» механизм не может попросту функционировать. Формирующийся механизм заполняет собой все отведенное ему пространство, достигая при этом необходимого качественного и количественного разнообразия элементов и свойств. Главный структурный закон механизма — *закон необходимого качественного и количественного разнообразия структуры.*

Развертывая себя, структурообразуясь, хозяйственный механизм, являясь подсистемой общества и культуры, захватывает все необходимые для своего осуществления слои и элементы общественно-культурной системы. В таком ответственном деле строгих пределов нет, если не считать грани, которые устанавливает он сам для себя. Экспансия механизма ограничивается его целостностью, а с учетом потребности в запасе прочности, структурообразование, конечно, выходит за пределы формально необходимого,— *структура механизма всегда избыточна по отношению к самой себе,* что также является важной закономерностью механизма.

Обе структурные закономерности — разнообразия и избыточности — естественным образом испытывают сопротивление противоположных тенденций — к единообразию и к недостаточности. Данное сопротивление обусловлено внешними обстоятельствами и внутренними организационными процессами: с одной стороны, среда ограничивает экспансию структуры, а с другой — сам механизм стремится к единообразию своих элементов (образованию масс однотипных элементов) и лимитированию своего собственного структурного роста (ради утверждения, например, административной централизации). Так или иначе, но структурные закономерности реализуются в противоречивой форме.

Рассматривая такую систему, как хозяйственный механизм, небезынтересно различать три типа (три слоя) структурных элементов: *основной,* которому соответствуют явно выраженные и обычно выделяемые при характеристике механизма элементы, представляющие механизм, его конституирующие и скрепляющие: хозяйствующие субъекты, хозяйственные отношения, весь набор функциональных элементов, в том числе хозяйственное законодательство и система общественной регламентации; *поверхностный,* которому соответствуют представительские, образные, мистифицирующие элементы, выполняющие роль своеобразной вывески, прикрытия, камуфляжа; *скрытый,* которому соответствуют элементы неофициальной, обходной, теневой хозяйственной деятельности, среди которых, например, и вполне допустимая коммерческая тайна, и формально недопустимый преступный бизнес. Наличие указанных трех типов (слоев) элементов очень важно учитывать любому эксперту-аналитику, а в особенности субъекту-преобразователю. Следя за работой хозяйственного механизма, легко совершить ошибку, приняв элемент одного типа за элемент другого, равным образом легко ошибиться в попытках реконструировать хозяйственный механизм, принимая черное за белое, кривду за правду, миф за реальность.

Каждый хозяйственный механизм фактически состоит из трех механизмов: основного (собственно механизма), поверхностного (надмеханизма) и скрытого (подмеханизма). Любой хозяйственный механизм выступает, таким образом, в трех лицах, что дает ему возможность, противоречиво сочетая явное с неявным, реальное с мифическим, культуру с антикультурой, обеспечивать себе необходимую степень гибкости и устойчивости, приспособляемости и выживаемости. И как бы субъект-создатель ни пытался избежать такого расслоения механизма, последнее всегда имеет место. Таков закон формирования и функционирования социальных систем и механизмов. И пользуясь услугами своих неизбежных спутников — надмеханизма и подмеханизма, основной механизм обязан удерживать их в определенных рамках, соблюдая приличествующую меру — для них и для себя. А отсюда потребность в самоконтроле, эффективных обратных связях, периодических реконструкциях и трансформациях.

Для любого хозяйственного механизма полезно выделять *основные элементы механизма,* составляющие его основание, его «ядро», на котором и вокруг которого «разрастаются» все элементы механизма. Ясно, что такими характерными, а одновременно и инициативными, элементами могут быть прежде всего *хозяйствующие субъекты,* не-

сущие механизм «на себе» и в себе, пропускающие его через себя, олицетворяющие и оживляющие основную идею механизма, раскрывающие и утверждающие его смысл, а также *отношения,* которые эти хозяйствующие субъекты устанавливают в процессе хозяйствования, т. е. отношения, *реализующие хозяйствующих субъектов, скрепляющие их в единую общественную систему, обеспечивающие организационный процесс.*

Характер отношений непременно соответствует характеру хозяйствующих субъектов. Последнему соответствует и характер всех остальных элементов хозяйственного механизма. Необходимость соответствия не исключает возможности несоответствия. Любой механизм живет так или иначе стремлением к внутреннему качественному оптимуму, т. е. качественному взаимосоответствию элементов, его стабилизации, но также и стремлением — вольным или невольным — к нарушению этого оптимума, обусловленным потребностями приспособления и развития, вмешательством внешних разрушающих сил, собственной эрозией.

Хозяйственный механизм — система *многоуровневого строения.* Одна группа уровневых сочетаний нами уже выделена: основных и неосновных элементов (слоев) механизма, т. е. сочетаний, отличающихся взаимным соотношением уровней, как первичных и вторичных. Можно указать и на другие уровневые сочетания: группу сочетаний, характеризующихся соотношением уровней части и целого, а также группу сочетаний, отличающихся соотношением уровней центра и периферии. Все взаимообусловленные уровни находятся между собой в отношении «соответствие-несоответствие», взаимного приспособления.

Хозяйственный механизм — система инициативная, деятельная, работающая. Ей свойственны различные *функциональные* закономерности и противоречия. Среди таковых следует прежде всего выделить *целе-функциональные* закономерности и противоречия, относящиеся непосредственно к реализации основной целевой функции механизма — организации общественного производительного процесса.

Организация общественного производительного процесса — общая и весьма абстрактная функция. Она нуждается в конкретизации, способной раскрыть функциональную роль хозяйственного механизма в необходимой полноте.

Первое, на что следует указать,— это функция *обеспечения взаимодействия производительных сил общества,* осуществляющегося как в рамках конкретного производственного процесса (на предприятии), так и в межпроизводственной сфере (между предприятиями). Организация взаимодействия производительных сил общества предполагает не только взаимодействие труда со средствами производства, но и людей (агентов) друг с другом. Организация взаимодействия людей-агентов, главным образом хозяйствующих субъектов,— важнейшая организационная функция хозяйственного механизма. Не нужно забывать, что сам хозяйственный механизм есть не что иное, как по-особому организованное общество. Организация людей — цель хозяйственного механизма, но и его средство, а также собственное содержание.

Задача хозяйственного механизма — устанавливать и поддерживать определенный порядок в обществе, среди людей, между субъектами, однако порядок, заданный ему самим обществом (как объективно, так и субъективно, осознанно и стихийно). Механизм реализует функцию упорядочения общественного производительного процесса, а значит, в рамках хозяйствующего общества действует и важнейший функциональный закон — *закон хозяйственного порядка, или закон превращения хозяйственного хаоса в хозяйственный порядок.* Правда, повинуясь диалектике мироздания, хозяйственный механизм склонен соблюдать и обратный закон — превращение порядка в хаос, и делает это временами весьма успешно.

Хозяйственный механизм организует производство ради производства, а следовательно, ради произведения продукта. Продукт — главный результат функционирования хозяйственного механизма, а произведение продукта — главный функциональный закон механизма. Продукт, конечно, неоднозначен: он может быть полезным и нужным, но может быть и бесполезным, вредным. Он может быть по существу и антипродуктом (отходами, например). Продукция может стать избыточной, а может быть и недостаточной. Механизм выдает разные результаты, но чего он не может сделать, так это регулярно выдавать столько и таких продуктов, сколько и каких в точности необходимо обществу.

Организуя общественное производство, любой хозяйственный механизм обязан обеспечить его сбалансированность. Без сбалансированности всех частей и эле-

ментов системы производства, видов и потоков деятельности, всех происходящих в производстве процессов не может быть нормального процесса общественного производства, его воспроизводства. Учитывая, однако, что абсолютно сбалансированная система мертва, что самоорганизующиеся системы не могут быть полностью сбалансированными, что несбалансированность не менее важна и ценна, чем сбалансированность, что последняя вообще не может осуществиться без «взаимодействия» с несбалансированностью, не забудем указать на диалектическое единство сбалансированности и несбалансированности, их противоборство, в котором победу одерживает то одна, то другая сторона, что несбалансированность может оказаться не менее логичным результатом функционирования хозяйственного механизма, чем сбалансированность, что закон сбалансированности реализуется в конечном счете во взаимодействии с законом несбалансированности.

Всякое общественное производство, хотя и не повсюду и не всегда, стремится к расширению. Рост производства — нормальное явление хозяйственной жизни. Функция хозяйственного механизма — обеспечить этот рост. Расширение производства — закон хозяйственной организации, но закон не абсолютный, ему противостоит антипод — закон сокращения производства. В любой хозяйственной системе действуют две противоположные тенденции: к росту и сокращению объемов производства.

Закон расширения производства сочетается с законом роста разнообразия продукции, хотя и этому закону противостоит отрицательный двойник в виде закона сокращения разнообразия продукции. Оба противостоящих закона легко уживаются друг с другом даже в пределах деятельности одного хозяйственного механизма, не говоря уже о преобладании действия одного из законов в работе того или иного конкретного механизма. Все зависит от внутренней, а иногда и внешней настроенности хозяйственного механизма, заложенной в нем идеи.

Для производства весьма характерно развитие, хотя, разумеется, не для всякого производства. Тем не менее в человеческом обществе вообще действует закон развития производства, а следовательно, он проявляется и в деятельности хозяйственных механизмов. Обеспечение развития, т. е. качественного совершенствования производства, его прогресса,— одна из важнейших задач инициативного хозяйственного механизма. Конечно, действие данного закона наталкивается на сопротивление контртенденции — к регрессу, деградации, упрощению, но наличие противоположной тенденции не отменяет, а лишь усложняет проявление закона развития. Накопление знания, его качественное совершенствование, т. е. развитие культуры вообще, служат залогом действия закона развития производства, а для некоторых хозяйственных механизмов подобным залогом служит и их внутренняя организация.

Рассматривая качественно-структурные и целе-функциональные закономерности хозяйственных механизмов, мы с неизбежностью касались противоречий, как имманентных самим закономерностям, так и проявляющихся в наличии противодействующих этим закономерностям тенденций. Отсюда напрашивается вывод о том, что *сама противоречивость механизма*, т. е. противоречивость его строения и функционирования, его организации и результатов деятельности, является законом хозяйственного механизма. И хотя в таком выводе нет ничего поразительного с общефилософской точки зрения, он важен для всякого, кто анализирует хозяйственный механизм, его структуру и функционирование.

Работа хозяйственного механизма, его реализация и «развертывание» — диалектически организованный организационный процесс. Укажем на некоторые *организационно-функциональные* закономерности-противоречия, характерные для хозяйственных механизмов.

Вследствие того что в организации общественного производства большая роль принадлежит субъективному фактору, в процессе организации не может не возникнуть противоречия *между субъективными и объективными началами организации.* Фактический приоритет того или иного начала в какой-либо исторический момент может вызвать преобладание тенденции либо к субъективной, либо к объективной организации. Требуется, видимо, оптимальное сочетание, при котором могли бы иметь место и достаточная активность субъективного, и необходимое «давление» объективного. Слишком большие отклонения в ту или иную сторону могут спровоцировать ненужные напряжение и «шум» в организующей и организуемой системах.

Субъективный фактор стремится к сознательной организации производства. Эта последняя является сознательной не только потому, что у ее истоков находится сознание, что она осуществляется сознательно, но и потому, что сознанию удается навязывать свои условия, обеспечивать

свою организацию организуемого процесса (создавать некое организационное «поле», в котором господствует сознательное). Сознательному противостоит стихийное. Стихийная организация та, которая реализуется «сама по себе», не по сознанию. Борьба *между сознательным и стихийным началами* — важный диалектический процесс общественной организации. Заметим, что общественная организация не может быть только сознательной, как и не может быть только стихийной. Однако возможны механизмы, в которых одно из начал явно преобладает (например, при цеховой организации средневекового городского хозяйства преобладало сознательное начало, при раннем капитализме — стихийное).

Организация всегда есть взаимодействие целого и части. Поведение части определяется поведением целого, поведение целого зависит от поведения частей. Среди частей хозяйственного механизма — хозяйствующие субъекты и различные частные механизмы. Действия агентов, как и функционирование частных механизмов, находятся в противоречивом единстве с ходом организации целого — всего общественного производства. *Организация, идущая от части, соответствует и не соответствует организации, идущей от целого.* Степень скоординированности частей и целого имеет прямое отношение к эффективности всего организационного процесса.

Для хозяйственных механизмов характерно и диалектическое противоборство *централизованного и децентрализованного начал организации.* Некоторые системы тяготеют к централизации, другие — к децентрализации. Но в тех и других присутствуют оба начала, порождающие и две противоположные тенденции в самом процессе организации. Между центром и периферией должно поддерживаться приемлемое с точки зрения общей эффективности производства и организации соотношение.

Мы выявили четыре пары противоположных начал и тенденций в системе организации производства, составляющие четыре диалектических единства. Тем самым мы установили и четыре противоречия хозяйственного механизма как системы о р г а н и з а-ц и и, или *организационных противоречия:* между действием субъективного фактора и объективным ходом организации; между сознательной и стихийной организациями; между организацией, идущей от целого, и организацией, идущей от части; между централизованной и децентрализованной организациями.

Характеризуя диалектические пары организационных начал и тенденций, рассматривая их как реальные противоречия организации, мы обращали внимание на необходимость оптимальных соотношений между противоположными организационными началами и процессами. Там, где организация общественного производства приближается к такому оптимуму (трактуемому, конечно, абстрактно, так как конкретный, действительный оптимум неизвестен), там и возникают условия для наиболее эффективного функционирования хозяйственного механизма. Обострение же указанных противоречий ведет к снижению эффективности и сбоям в работе механизма, а значительное обострение может привести и к его кризису.

Наличие организационных противоречий, как и возможность их обострения, позволяет сделать вывод о существовании *тенденции к дезорганизации,* противостоящей тенденции к организации,— очень важный вывод! Система организации является одновременно и системой дезорганизации. Именно в борьбе организации и дезорганизации осуществляется организация. Дезорганизацию, правда, не следует путать с реорганизацией, связанной с изменением качества и структуры производства, самой системы организации. Дезорганизацию не нужно рассматривать и как нечто сугубо негативное. Она имеет и позитивное значение, являясь необходимым моментом организационного и реорганизационного процессов. Главное не в самом факте дезорганизации, а в ее степени, конкретных причинах и роли, возможных последствиях. Сильная дезорганизация может вызвать разрушительные процессы, застопорить производство, прервать нормальный ход воспроизводства. За такой дезорганизацией следует, как правило, кризис производства, а временами и кризис хозяйственного механизма. Однако без дезорганизации нет организации. Признавая это, следует иметь в виду, что дезорганизация должна испытывать ограничения, задаваемые общим процессом организации, которая должна поддерживать определенный уровень порядка как в производственной системе, так и в рамках хозяйственного механизма.

Организация есть «динамическое снятие» дезорганизации, ее некое внутреннее отключение. Организация — преодолеваемая, но не отмененная совсем дезорганизация, а это означает их вечное столкновение, порождающее конфликты, характер и исход которых различны — от «замин-

ки» в процессе организации до краха действующего механизма.

Противоречие *между организацией и дезорганизацией,* обобщающее изложенные выше противоречия, является, на наш взгляд, основным противоречием хозяйственного механизма как системы *организации,* или *основным организационным противоречием.*

Определяя вышеуказанные противоречия, мы обращали главное внимание на организационный аспект. Но мы имеем дело не просто с механизмом, а с механизмом, обеспечивающим производство, непосредственно в нем расположенным и через него реализующимся. Продолжая выявление противоречий механизма, обратимся теперь к его производственной стороне.

Для общественного производства характерно противоречие *между индивидуальным и общественным трудом,* восходящее к несоответствию, возникающему между характером и затратами индивидуального (коллективного) труда, с одной стороны, и реально признаваемым общественным трудовым вкладом индивидов (коллективов) в совокупный общественный труд — с другой. Данное противоречие присуще любой общественной производственной системе, базирующейся на общественном разделении труда, но особенно проявляется там, где имеются ясно выраженные социально-производственные различия в труде индивидов и коллективов, где трудовые вклады в общественный труд неодинаковы, где есть необходимость измерения и поощрения индивидуальных (коллективных) трудовых затрат, не говоря уже о системах, в которых наличествует частная или коллективная собственность на средства производства.

Отмеченное противоречие выражается в ряде конкретных противоречий: между индивидуальной и общественной полезностью продукта; между затратами труда на продукт и пропорцией его обмена на другие продукты (общественной оценкой затрат); между полезностью продукта и затратами труда на его производство.

Противоречие между индивидуальным и общественным трудом — основное противоречие хозяйственного механизма как системы организации *производства,* или *основное производственное противоречие.*

Основное производственное противоречие, как и все от него производные, имеет непосредственные следствия для хозяйственного механизма: организация индивидуального

труда не может не отличаться и не противоречить организации общественного труда, причем как по своему характеру и содержанию, гак и по принципу включения в общественную систему организации.

Организуя индивидуальный труд, хозяйствующий субъект следует по преимуществу своему собственному, частному интересу и расчету, предполагает эквивалентный обмен продуктами, превышение доходов над расходами и т. п., т. е. все то, что не характерно или не так обязательно для организации общественного труда, осуществляемой в соответствии с иными критериями — общественной пользой, сбалансированностью общественного производства и т. п. Соединение индивидуального труда с общественным есть соединение не только общего, но и различного, мало того — противоположно различного; такое соединение сопровождается обязательным превращением в противоположное, иногда весьма болезненным и мучительным. Организация индивидуального труда предполагает диалектический переход в организацию общественного труда, а организация общественного труда строится с учетом индивидуальных организаций, их диалектического положения и отрицания.

Организация разделенного общественного труда происходит в рамках свойственных ему противоречий, приспособлена к ним, и ее система включает соответствующие механизмы разрешения противоречий, например, такие, как всеобщий эквивалентный продуктообмен (продуктообмен с использованием всеобщего эквивалента) или сознательная организация общественного производства из центра.

Характеризуя противоречия хозяйственного механизма, необходимо обратить внимание и на противоречия, непосредственно связанные с субъектами и характером их деятельности. Есть хозяйствование, которое реализуется в самом производительном процессе, имеет эндогенный для хозяйствующих производителей характер, но есть также хозяйствование, которое осуществляется вне производительного процесса, обладает экзогенной для производителей природой. В первом случае имеет место непосредственно производственное хозяйствование, во втором — опосредствованно производственное. Оба типа хозяйственной деятельности дополняют друг друга, но дополняют как диалектические противоположности, ибо если для производительного агента хозяйствование есть организация производства *у себя,* от себя и ради себя, то для непроиз-

водственного,— хотя и от себя, но уже не только ради себя (еще и ради общества, например), а главное, не у себя, а *у других,* что существенно меняет дело. Самоорганизация одних противостоит в данном случае организации одних другими, а производственная организация — непроизводственной (косвенно производственной) организации.

Противоречие *между производственным* (непосредственно производственным) и *непроизводственным* (опосредствованно производственным) *хозяйствованием,* а соответственно между производственной и непроизводственной организациями общественного производства — важное *хозяйственное противоречие,* которое можно посчитать за основное противоречие хозяйственного механизма как *хозяйственной* организации, или за *основное хозяйственное противоречие.*

Данное противоречие обычно дополняется другим хозяйственным противоречием: между хозяйствованием, реализуемым в рамках (для производительных агентов) и посредством (для непроизводительных агентов) продуктообмена, и хозяйствованием, реализуемым вне продуктообмена или без его посредничества (для непроизводительных агентов). На макроуровне такое противоречие выступает как противоречие между «продуктообменной» и «непродуктообменной» общественными хозяйственными организациями. Невозможность поддержания оптимального соотношения между «продуктообменным» и «непродуктообменным» хозяйствованием приводит к напряжению в работе хозяйственного механизма, падению динамичности и эффективности производства.

Часть третья

ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВО

Не существует такой вещи, как «хорошая организация» в каком-то абсолютном смысле.

У. Эшби

Вечный перебор вариантов.

1. ТИПОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВ

Природа разнообразна, разнообразна и неприрода. Разнообразна культура, разнообразно хозяйство. Есть хозяйство и хозяйство. Мир хозяйств. Качественно определенных и качественно независимых.

Жизнь производит разные хозяйства. Пределов здесь нет. Производя разное, не забывает и об общем. Она производит *типы,* наделяя отдельные — и качественно независимые — хозяйства общими чертами.

Выявим сначала эти общие черты, манипулируя которыми жизнь создает — сознательно или бессознательно — конкретные хозяйства и их конкретные типы. Будем при этом помнить, что речь идет о чертах и типах *общественных* хозяйств, т. е. хозяйств, основанных так или иначе на разнообразии конкретного труда и обмена деятельностью между членами общества.

Социальные черты. Хозяйства различаются прежде всего по характеру *собственности* на производительные силы и производимые продукты. Есть хозяйства, основанные на частной (личной, коллективной, государственной) собственности, а есть хозяйства, основанные на *общественной* (коллективной, государственной, общенародной) собственности. Оба вида собственности противостоят друг другу не столько по форме субъектов, сколько по заложен-

ным в собственности началам, смыслам, по «самосознанию».

В рамках частной собственности реализуется приоритет частного интереса и частной инициативы, всего того, что основано на «части» и идет от «части», хотя ни одна частная собственность не обходится без «общественности», проявляющейся как во взаимодействии частных систем, так и в свойствах самих этих частных систем. В рамках общественной собственности реализуется приоритет общественного интереса и общественной инициативы — всего того, что основано на «целом» и идет от «целого», хотя ни одна общественная собственность не обходится без «частности», проявляющейся как в наличии «частей», так и в их активности.

Собственность, хотя и представлена субъектами и отношениями, количественными параметрами, словесными обозначениями, осуществляется согласно своему самоопределению, своему внутреннему смыслу. Этот-то смысл и не должен ускользать от познающего и анализирующего, а тем более созидающего субъекта.

Собственность различается не только как частная и общественная, но и как *частичная* и *всеобщая,* если за критерий деления взять состав производительных сил, объемлемых собственностью, равно как и массу продукта — весь продукт или только его часть, находящуюся в собственности. Владеть можно либо только орудиями труда, либо всеми средствами» производства, либо только трудом, либо производительными силами в целом. Владеть можно частью продукта, а можно и всем общественным продуктом.

Для квалификации собственности важен, конечно, ее субъект. И здесь необходимо знать, является ли субъект собственности субъектом труда, и если да, то какого труда — производительного или управленческого, а для управленческого —«предприятийного» или учрежденческого.

Другой знаменательной, кроме собственности, социальной чертой хозяйства является *социальное разнообразие труда,* наиболее ярким выражением которого является *общественное разделение труда:* по видам деятельности и по «деятельским сообществам» (предприятиям, учреждениям, регионам). Социальная разобщенность труда, равно как и соответствующее этой разобщенности обобществление труда, не может не влиять на способ организации

общественного производства, его бытие как общественного хозяйства.

Технологические черты. Степень развития орудий труда и технологии, их господствующий тип определяют организацию хозяйства, особенно если речь идет о принципиально разных по парадигме технологических способах производства, в частности *ручном* и *индустриальном* способах. Значительные изменения в хозяйственную организацию вносят и технологические перемены, осуществляющиеся в рамках господствующего типа технических средств производства: имеются разные исторические варианты как ручного, так и индустриального способов.

Экономические черты. Как уже отмечалось, не всякое производство, как и не всякое хозяйство, является собственно экономическим. Таковыми являются только те из хозяйств, организация которых основана на *эквивалентном* обмене продуктами труда (обмене «трудами»), общественной оценке данной эквивалентности с помощью и в рамках действия *товарно-денежного механизма.* Наряду с экономической существует и неэкономическая организация общественного хозяйства, отличающаяся действием *непосредственно-натурального* обменного механизма.

Культурные черты. Влияние культуры на формирование и функционирование общественного хозяйства трудно переоценить. И дело здесь не только в хозяйственной и технической культурах, но и в *общем культурном типе человека и общества,* в культуре идеологической, социальных отношений. Недаром существуют понятия «Запад» и «Восток», «Север» и «Юг». Недаром общества не желают расставаться с «архаичными» способами производства, отказываются воспринимать «передовые» или стараются их приспособить «под себя».

Институционально-политические черты. Речь идет о роли государства и любых других общественных институтов в организации общественного производства, о роли политики. Огосударствленные и ополитизированные системы хозяйства сочетаются в мире хозяйств и с неогосударствленными и неополитизированными.

Организационные черты. Хозяйства различаются по образу организации, по месту и роли тех или иных организационных начал в системе хозяйства. Частное и общественное, субъективное и объективное, сознательное и стихийное, центральное и периферийное — вот те начала,

которые присутствуют в хозяйственной организации, ее реализуют и определяют. Здесь уместно вспомнить и о степени открытости и закрытости хозяйства, его статичности и динамичности. Каждое конкретное хозяйство демонстрирует то или иное сочетание и соотношение указанных организационных начал и свойств и соответственно имеет тот или иной организационный характер.

Обозначенные нами черты хозяйств позволяют, во-первых, обрисовать любое из имеющихся конкретно-исторических хозяйств, дать ему достаточно полную характеристику, во-вторых, вывести некоторые типы хозяйств, и не только по отмеченным группам черт, что сделать в общем-то нетрудно, а и по некоторым исторически фактическим сочетаниям черт, что сделать заметно сложнее, ибо речь идет о совмещении черт из разных групп, о соответствии выведенных типов реальной исторической действительности, наконец, потому, что все это связано с опасностью смешения сущностных типологий с формальными (весьма легко принять формальные различия и сходства за существенные и наоборот).

Типология хозяйств — совсем не новое занятие для экономической науки. В зависимости от взятой цели, принятого ракурса или избранного критерия она может быть различной. Нам представляется наиболее подходящим исходить из применяемой в марксистской науке типологии способов производства, во-первых, потому, что хозяйственные системы являются в общем подсистемами способов производства, во-вторых, потому, что у типологии способов производства есть достаточно четкий общий критерий — характер собственности. Правда, учитывая, что наша цель состоит в типологии не собственности, а хозяйств, мы должны дополнить критерий собственности хозяйственной «частью», т. е. привлекая собственность как исходное условие хозяйствования, отдавать критериальный приоритет не собственности как таковой, а развертывающемуся на ее основе хозяйствованию. От собственности к хозяйствованию, от субъекта собственности к хозяйствующему субъекту, от собственнического отношения к хозяйственному."

Памятуя о том, что нас интересуют общественные, т. е. общественного масштаба, хозяйства, основанные на обмене деятельностью, а также о том, что способы производства реализуются в разных конкретных образах, что существуют международные и «межспособные» хозяйственные отношения, мы можем предложить следующие известные истории способы хозяйств:

— *общинное непосредственно-натуральное хозяйство,* основанное на общинной собственности и непосредственно-общественной трудовой ассоциации, управляемой единым общественным хозяйствующим субъектом — общиной, реализующее в качестве основного хозяйственного отношения непосредственное управление сотрудничающими производителями и обменом их деятельностью (заметим, что община, реализующая подобное хозяйство, должна быть достаточно крупной по своей численности и объему хозяйственной деятельности; такая община близка к крупному, многоотраслевого типа предприятию);

— *общинное натурально-товарное хозяйство,* основанное, с одной стороны, на общинной собственности и непосредственно-общественной трудовой ассоциации, управляемой единым хозяйственным центром — общиной, а с другой — на частной собственности и общественном разделении труда, на опосредствованно-общественной ассоциации товаропроизводителей (семей,общин), управляемой товарообменом; в рамках данного хозяйства реализуются как бы два основных хозяйственных отношения: непосредственного управления из центра и товарообмена, причем ни одно из этих отношений не является для другого ни формой, ни механизмом реализации, они сосуществуют как бы параллельно;

— *феодальное непосредственно-натуральное хозяйство,* основанное на феодальной собственности и непосредственно-принудительной общественной трудовой ассоциации производителей, управляемой из центра феодалом; в рамках феодального хозяйства реализуется отношение принудительного управления непосредственными производителями, обменом их деятельностью; феодальное хозяйство сочетается с индивидуальным крестьянским, а также общинным крестьянским (отметим, что такое феодальное хозяйство должно быть достаточно большим, чтобы попасть в категорию общественных хозяйств);

— *феодальное натурально-товарное хозяйство,* сочетающее натуральное хозяйствование с товарным, субъектами которого оказываются как феодал (само феодальное хозяйство), так и непосредственные производители— крестьяне; принудительное управление непосредственными производителями дополняется товарным отношением, реализующимся параллельно (товарная организация осу-

ществляется здесь во внешних контактах феодального хозяйства);

— *рабовладельческое непосредственно-натуральное хозяйство,* основанное на полном владении всеми производительными силами и на непосредственно-принудительной общественной трудовой ассоциации, управляемой из центра; в таком хозяйстве реализуется отношение принудительного управления непосредственными производителями и обменом их деятельностью (заметим, что рабовладельческое хозяйство должно быть достаточно крупным, чтобы соответствовать разряду общественного);

— *рабовладельческое натурально-товарное (товарно-натуральное, товарное) хозяйство,* сочетающее натуральную организацию с товарной, субъектами которого являются как рабовладелец (само рабовладельческое хозяйство), так и непосредственные производители — рабы (товарная организация осуществляется здесь в контактах с внешним для хозяйства миром);

— *мелкотоварное общественное хозяйство,* основанное на частной собственности на средства производства и личном труде собственников, на опосредствованной товарообменом ассоциации производителей (такое хозяйство характерно более всего для сельского производства, отличается неопределенностью, неустойчивостью, подвижностью отношений и границ);

— *мелкотоварное цеховое общественное хозяйство,* основанное на частной собственности на средства производства и личном труде собственника, на непосредственно-общественной ассоциации товаропроизводителей-ремесленников, реализующее отношение сознательно организованного в общественных масштабах (общественно регламентируемого) товарообмена (данное хозяйство характерно для городского производства; сочетается с аналогичной организацией торговли и денежного хозяйства);

— *крупнотоварное международное общественное хозяйство,* сочетающее свободную товарную организацию с общественно регламентируемой (цеховой) товарной организацией (такое хозяйство характерно для зон международного обмена);

— *государственно-непосредственно-натуральное хозяйство,* основанное на государственной собственности и соответствующей принудительно организованной общественной ассоциации производителей, реализующее

отношение принудительного управления из единого центра или ряда государственных центров непосредственными производителями и обменом их деятельностью (данное хозяйство характерно для деспотий восточного типа, сочетается с частными рабовладельческим и феодальным хозяйствами, а также' с крестьянскими, ремесленными и общинными хозяйствованиями);

— *государственно-натурально-товарное (товарно-натуральное) хозяйство,* основанное, с одной стороны, на **принудительной** общественной ассоциации производителей, а с другой — на товарной общественной ассоциации производителей, сочетающее принудительное управление хозяйственной деятельностью с отношениями свободного и регламентируемого товарообмена (такое хозяйство сочетается с частными рабовладельческим и феодальным хозяйствами, с крестьянскими, ремесленными и общинными хозяйствованиями, товарными хозяйствами различного типа, цеховой организацией).

Такова возможная типология хозяйств, ставших достоянием истории.

Картина, правда, не полна. В рамках данной типологии нет капиталистического и социалистического типов хозяйств, но их отсутствие связано с тем, что они будут рассмотрены нами особо. В приведенном типологическом списке находятся хозяйства, являющиеся историческими предшественниками хозяйств, соответствующих *нашему,* т. е. индустриальному, времени. Будучи неполной по составу, представленная типология все же весьма полна по смыслу, так как объемлет типы хозяйств, из которых и посредством отрицания которых вырастали интересующие нас современные типы хозяйств, такого отрицания, при котором отвержение сочеталось с сохранением, различие — со схожестью, умирание — с продолжением. Взгляд на лидирующие сегодня типы хозяйств в контексте с типами-предшественниками (родственными типами и типами-антиподами) более чем полезен.

Выведенные выше в рамках типологического ряда типы хозяйств весьма условны; они показаны в известной абстрагированности от реальной жизни, т. е. в возможно более чистом виде. Исторически конкретные хозяйства на самом деле не так чисты и определенны. Как правило, они существуют в сочетаниях как комбинационного, так и конгломерационного типа. Это важно иметь в виду и не только потому, что жизнь богаче любой научной схемы, но

и вследствие того, что жизнь нуждается сразу в разных и сосуществующих выражениях, да и каждое выражение нуждается во взаимодействии с другими. Глядя внимательно на конкретно-исторические воплощения хозяйств, замечаешь, что ни одно хозяйство не может полностью и долго соответствовать только одному типу хозяйства, равным образом основываться на одном организационном начале, игнорируя противоположное. Жизнь многообразна и диалектична, а отсюда и многоликость и «противо-ликость» конкретных хозяйственных систем.

Примечание. В марксистской экономической науке большое значение при анализе логики исторического развития общественного производства (хозяйства), т.е. смены способов производства (хозяйства), придается, как хорошо известно, феномену соответствия производственных отношений (хозяйственного социума) развивающимся производительным силам (хозяйственной технокультуре). Возникающие в обществе собственность и манера хозяйствования определяются характером и уровнем развития (производительностью) орудий труда, а также и самого труда. Наличие данной зависимости мы не отрицаем, но с теми существенными оговорками, что, во-первых, это всего лишь одна из зависимостей, хотя и очень важная, во-вЧ-орых, далеко не всегда однозначно срабатывающая, в-третьих, подтверждающая не столько смену одного исторического способа производства другим, сколько общую историческую тенденцию смены определенных **типов** способов производства и хозяйства (по техническому критерию — от способов производства и хозяйства ручного труда к индустриальным способам производства и хозяйства, например), в-четвертых, особо продуктивно действующая на этапе индустриального развития человечества. Возникновение того или иного по качеству способа производства и хозяйства, как и замена одного способа другим — результат развития общества в целом, а не одной лишь хозяйственной технокультуры. Вряд ли стоит придавать развитию орудий труда столь универсальное (монистическое) значение. Дело куда как сложнее.

2. капиталистическое хозяйство

Капитализм — это конкуренция, конкуренция — это капитализм

2.1. Общие основания

Капиталистическое хозяйство вышло из товарной организации. Без товарообмена, а в особенности без денег, не может быть никакого капитала, не может быть и никакого капиталистического Хозяйствования, основанного на движении капитала *(Д — Т — Д')* и в нем выражающегося.

Капиталистическое хозяйство основано на *частной собственности на капитал* и на *частной,* реализуемой на

базе и в рамках движения капитала *инициативе.* Вся прелесть капитала *(Д — Т — Д')* состоит именно в том, что он должен быть индивидуально частным явлением хозяйственной жизни, а затем уже, отталкиваясь от частного, его отрицая и его же интегрируя, явлением общественным.

Капиталистическое хозяйство предполагает свободу хозяйствования, т.е. возможность действовать самостоятельно, как того хочет хозяйствующий субъект-капиталист (владелец и распорядитель капитала, его организатор). Без такой свободы не может быть капитала, вся соль которого состоит в собственном преумножении, или, как выражался К. Маркс, самовозрастании.

Товарность, «частность» собственности и хозяйствования, свобода хозяйствования — три кита, на которых базируется капиталистическое хозяйство. Нет одного из них — нет и капиталистического *(Д — Т — Д')* хозяйства.

Капиталистическое хозяйство не может быть натуральным (нетоварным), непосредственно-общественным (нечастным), несвободным (для частного организационного начала). Другое дело, что товарность собственности и хозяйствования, их «частность» и свобода могут быть выражены *по-разному,* в том числе иметь и весьма общественные выражения, но избежать товарности, «частности» и хозяйственной свободы капитализм не может.

2.1.1. МИКРОУРОВЕНЬ: КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И КОНКУРЕНЦИЯ

С учетом того что капиталистический способ производства базируется на частной собственности и организация взаимодействия производительных сил осуществляется на частной основе — посредством превращения их в капитал, предпочтительнее начать с анализа частного капиталистического хозяйствования и только после этого перейти к рассмотрению капиталистического хозяйства в целом. Таким образом действовал К- Маркс, раскрывая в «Капитале» экономический строй капитализма. Но, преследуя цель раскрыть тайну прибавочной стоимости, Маркс начал анализ непосредственно с товара, мы же начнем с основ-

ного действующего лица в капиталистической хозяйственной жизни — предпринимателя.

Предприниматель, которым может быть как отдельное лицо, так и группа лиц, фирма, объединение, т. е. любой по форме субъект капитала, осуществляет соединение средств производства, которыми он владеет (распоряжается), с рабочей силой посредством купли последней и ее использования (распоряжения ею) в процессе производства. Произведенный продукт принадлежит собственникам средств производства и реализуется как товар. Носители рабочей силы необходимые потребительные блага получают посредством их купли у собственников продуктов.

Такой способ хозяйствования возможен только в условиях развитого товарообмена, когда не только все продукты и средства производства, но и рабочая сила являются товарами, когда продукты, средства производства и рабочая сила получают единообразную форму выражения в деньгах, а последние, являясь мерилом общественной ценности каждого из товаров,— всеобщим эквивалентом, непосредственно представляя и воплощая в себе ценность товаров — стоимость, могут служить отправным моментом и средством организации производства потребительных благ, а также ее материальной целью и результатом. Такой способ хозяйствования может быть только экономическим.

Организация производства начинается с авансирования денег *(Д)* и приобретения средств производства и рабочей силы *(Д — Т<* $^{Сп}_{Рс}$*)* и заканчивается после прохождения фазы производства *(...П...)* возвращением денег в результате реализации произведенного продукта-товара *(Т — Д),* однако возвращением денег в увеличенном размере, с приростом *(Т'—Д', Д'=Д-\-д),* что как раз и есть реальная цель и итог движения *Д,* а следовательно, и самой частной организации производства.

Организация производительного процесса выступает, с одной стороны, как оргализация, имеющая товарную форму, реализующаяся через стоимость, в ее движении, а с другой — имеющая целью и результатом возрастание стоимости (Д — *Д').* Отсюда организация производства есть также организация *самовозрастания стоимости,* или

организация *капитала* *(Д — Т <L*^{Сп} *... П ... Т'— Д').*

Собственность на средства производства и организацию производства лежит в основе *хозяйственной автономии* предпринимателя. Он хозяин и действует в собственных интересах и по-своему. Но коль скоро вся жизнедеятельность предпринимателя и прежде всего реализация главного интереса — возрастания стоимости — обусловлены обменом товарами, то предприниматель обязательно вступает в товарные отношения с другими предпринимателями. Поэтому хозяйственная автономия предпринимателей непременно сочетается с их *хозяйственной кооперацией.*

Цель каждого предпринимателя — максимизация прироста капитала (прибыли), а следовательно, и расширение масштабов хозяйственной деятельности. Это с неизбежностью приводит к взаимной *борьбе* предпринимателей за лучшие условия и рост объемов производства, и они выступают по отношению друг к другу как соперники, или конкуренты.

Хозяйствование предпринимателя есть борьба за возможность организации производства, ее осуществление и наилучший результат. Это «борьба за организацию» и «организация в борьбе». Предприниматель борется с природой, обществом, другими предпринимателями — со всем окружающим миром. Предпринимательство — выделение частной организации из организованного мира, ее противопоставление ему, другим организациям, защита от внешнего окружающего воздействия. Но одновременно это и наступление на внешний мир, взаимодействие с другими организациями, проникновение в организованную среду.

Предприниматель в отличие, например, от цехового ремесленника сначала противопоставляет себя хозяйственному миру, а затем уже идет на контакт с ним, но, находясь в контакте, продолжает оберегать свою обособленность от мира.

Предпринимательство, выражаясь гегелевским языком, это «для-себя-существующее» хозяйствование, что выражается в борьбе не только с внешней организацией, но и с *самим собой,* ибо вследствие индивидуализма и борьбы с внешним миром предпринимательство несет в себе «для-себя-неосуществление», возможность не реализоваться, не достичь цели.

Предприниматель является конкурентом, но не только по отношению к другим предпринимателям, но и по отношению к самому себе — вот что примечательно!

Хозяйствовать для предпринимателя означает *вести конкуренцию:* организуя производство, он должен конкурировать, а конкурируя, организовать производство. У предпринимателя нет иного выхода, кроме конкуренции. Это естественный и единственно возможный для него *способ хозяйствования.*

Вести конкуренцию — вести борьбу за безграничный прирост стоимости. Конкуренцию нельзя отделить ни от стоимости, ни от ее прироста. Конкуренция и капитал неразрывны. Организация капитала, точнее, организация капитала ради капитала, а еще точнее, организация капитала ради капитала посредством капитала (в борьбе!) — вот что такое конкуренция.

Конкуренция не сводится к отношению между хозяйственными агентами — это сама организация производства, и начинается конкуренция прямо с помещения капитала, приобретения средств производства и рабочей силы. Уже с первого шага предприниматель выступает как конкурент — за возможность хозяйствовать, за правильность выбора, за будущий успех, за наименьшие издержки.

Осмысливая конкуренцию, К. Маркс называл ее внутренней природой капитала, его существенным определением [1]. Маркс показал не только неразрывность конкуренции и капитала: конкуренция есть образ действия капитала, а капитал соответственно есть материальное воплощение конкуренции, но и то, что конкуренция представляет собой *способ существования капитала,* и такой способ, при котором капитал соперничает с капиталом, и соперничает сложно — с другим капиталом, как с самим собой, и с самим собой, как с другим капиталом.

Отнюдь не всякое частное хозяйствование, обладающее состязательными чертами, можно квалифицировать как конкурентное. Конкурентным следует считать только такое хозяйствование, в ходе которого состязание (соперничество, соревнование) имеет *частную экономическую реализацию в виде свободного прироста доходов над расходами,* т. е. в прибыли. Достичь такой реализации возможно в рамках постоянно повторяющейся операции *Д — Т — Д',* т. е. посредством движения капитала. Всякое другое, т. е. не обусловленное капиталом состязание, не может быть конкурентным, т. е. не может быть свойством особого типа хозяйствования — конкуренции, ибо не имеет адекватных основ, форм выражения и способов оценки самого себя, не имеет собственного экономического механизма.

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 391.

Встав на позицию капитала, надо стать конкурентом, а встав на позицию конкуренции, надо стать капиталистом. Другого здесь не дано. Конкуренция служит капиталу, а капитал — конкуренции. Оба явления настолько взаимообусловлены, что одно представляет для другого внутреннюю цель и внутренний механизм. Нельзя оставить капитал без конкуренции, как нельзя оставить и конкуренцию без капитала. Вряд ли можно найти что-либо более фантастическое и нелепое, чем капитал, очищенный от конкуренции, и конкуренцию, очищенную от капитала. В реальности, конечно, возможно квази-раздельное существование квази-капитала и квази-конкуренции, но либо в уродливых формах, либо очень ненадолго: предоставленные сами себе, оба явления обязательно сойдутся вместе, образовав в конечном итоге вполне благопристойную монаду —«капитал-конкуренцию».

2.1.2. МАКРОУРОВЕНЬ: КОНКУРЕНЦИЯ И РЫНОК

Предприниматель — самостоятельный, но не полностью обособленный хозяйствующий субъект. Он функционирует рядом и вместе с другими предпринимателями, находясь с ними в тесных и активных взаимоотношениях. Предприниматель действует в обществе предпринимателей.

Общество предпринимателей — целостная общественная система, базирующаяся на общественной кооперации разделенного труда. Каждый предприниматель — элемент этой системы. Он воспроизводится, с одной стороны, сам по себе, а с другой — как элемент общественной системы. Предприниматель — функция от системы предпринимателей.

В общественное целое предпринимателей скрепляют их отношения, в первую очередь отношения товарообмена. Каждый предприниматель выступает как комплекс отношений, целая хозяйственная система, а по отношению к обществу — как микросистема. Общество предпринимателей — органическое единство хозяйственных микросистем. Это система систем, или макросистема. Ее струк-

турный каркас состоит из тех же «материалов», что и каркас микросистем: агентов, отношений, товаров.

Каждый предприниматель ведет конкуренцию, и отношения, которые складываются между предпринимателем и другими участниками хозяйственного процесса, являются конкурентными. Это отношения соперничества, борьбы, но также и сотрудничества. Заблуждаются те, кто представляет конкуренцию лишь как «борьбу всех против всех», а конкурентные отношения как отношения вражды и только. Конкуренция, разумеется, далека от миротворчества, а отношения, с ней связанные, не отнесешь к отношениям дружбы. Но конкуренция невозможна без сознательного взаимодействия предпринимателей, а потому и без сотрудничества, правда, реализующегося в борьбе.

Каждый предприниматель ведет свою конкуренцию. Конкуренция противостоит конкуренции и реализуется во взаимодействии с конкуренциями. Хозяйственная макросистема — система конкуренций. Сосуществование конкуренции, вызывая всеобщее напряжение, ставит каждому из предпринимателей некоторые ограничивающие и ориентирующие пределы. Хозяйствование предпринимателя оказывается результатом не только его собственной инициативы, но и инициативы всего общества предпринимателей. *Хозяйствование в обществе дополняется хозяйствованием общества* (как объективным процессом).

Между отдельным предпринимателем и обществом предпринимателей существует деятельное взаимодействие. Общество — организованная и организующая среда для предпринимателей. Но то, что для отдельного предпринимателя является средой, перестает быть таковой для всей массы предпринимателей. Это уже не среда, а общественная система в своей целостности.

Общество предпринимателей — особая хозяйственная и особая *хозяйствующая* система. Это не только система предпринимателей, но и предпринимательская система, система-предприниматель. Предприимчивость лица сочетается с предприимчивостью общества.

Если основой частного ггредпринимательства является частный капитал, то основанием общественного предпринимательства служит общественный капитал, составленный из самоорганизующихся и взаимодействующих частных капиталов и в силу этого сам являющийся самоорганизующимся.

Хозяйствование в обществе, или микрохозяйствование, сочетается с хозяйствованием общества, или макрохозяйствованием. Причем макрохозяйствование есть результирующая микрохозяйствований, их взаимодействий, а каждое микрохозяйствование в то же время — функция от макрохозяйствования.

Общество предпринимателей как целостная самоорганизующаяся система, выполняющая функцию общественного организатора общественного производства, осуществляющая макрохозяйствование, есть рынок, а с учетом того что предприниматели являются агентами капитала, то рынок капиталистический. Поскольку каждый предприниматель — это сложная материально-социальная система: и капитал, и товар, и совокупность отношений, в структуру рынка входят не просто и не одни предприниматели, но и вещные хозяйственные посредники, разнообразные отношения, которыми связаны предприниматели и через которые они действуют.

Трактуя капиталистический рынок как систему предпринимателей, мы, безусловно, упрощаем его содержание. В реальности это более сложное явление. В состав рынка входят и работники, продающие свою рабочую силу, и конечные потребители, приобретающие товары у капиталистов, и ссудные капиталисты, превращающие в товар капитал. Но, упрощая, мы указываем, бесспорно, на самое главное в капиталистическом рынке, на то, что составляет его основополагающее ядро и делает рынок рынком.

Хозяйствование предпринимателя совершается посредством рынка. Предприниматель выходит на рынок, противостоит ему, борется с ним. Предприниматель конкурирует на рынке и с рынком, его конкуренция есть конкуренция рыночная, а хозяйствование — рыночное хозяйствование.

Хозяйствование общества предпринимателей — хозяйствование рынка. Рынок противостоит предпринимателю, конкурирует с ним. Конкуренция — это еще и конкуренция рынка, а рынок — общественный конкурент. Квалифицируя деятельность рынка как конкуренцию, мы имеем в виду, конечно, ее особенность: это некая производная, отраженная конкуренция, существующая не сама по себе, а как следствие другой, основной, первичной конкуренции, т. е. конкуренции, ведущейся предпринимателями.

Функционирование рынка — процесс постоянного выбора, а среди вариантов выбора есть приближающие и

отдаляющие самоорганизующуюся систему от имманентной ей цели. Поэтому движение к цели идет в борьбе между противоположными тенденциями. Наличие и борьба противоположных тенденций — яркое свидетельство конкурентной природы рынка, его борьбы *с самим собой.*

2.1.3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЕЩЕ РАЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

Конкурентно-рыночное хозяйство осуществляется в рамках и на основе производства и обмена товаров и не только *потому,* что конкуренты должны быть агентами капитала — самовозрастающей стоимости, но и потому, что хозяйственная сомоорганизация частных агентов и соответствующая ей самоорганизация общественного производства в принципе возможны лишь в условиях всеобщего товарообмена. Конкурентно-рыночное хозяйство — хозяйство товарное, а соответственно *экономическое.*

Движение обменивающихся продуктов преодолевает с участием всеобщего эквивалента — денег — ограниченность частной организации производства и, объединяя частных агентов в единую хозяйственную систему, позволяет реализовать общественную организацию производства. Подчиняясь действию законов стоимости (эквивалентного обмена продуктами труда посредством общественной оценки их ценности) и соответствия спроса и предложения, товарообмен через цены, выражающие пропорции обмена в деньгах, и движение продукта обеспечивает каждого его участника необходимой хозяйственной информацией, отражающей потребности всего общественного производства. Товарообмен направляет деятельность хозяйствующих субъектов, он превращает конкуренцию в в предметный, количественно определенный и материально ориентируемый процесс. В свою очередь конкуренция, обеспечивая реализацию товарообмена, воздействует на товарообмен таким образом, чтобы обеспечить предпринимателям возмещение затрат капитала с прибылью независимо от сферы приложения капитала, т. е. реализует товарообмен в соответствии с законами цены производства и средней нормы прибыли. -

В капиталистическом хозяйствовании велика роль денег. Последние не только обеспечивают товарообмен, выполняя для этого все необходимые функции: меры стоимости, средства обращения, сокровища, средства платежа,— не только придают капиталу единственно возможную для

него форму выражения и бытия, но и являются фактором хозяйственной организации общества. Капиталистическое хозяйствование — д е н е ж н о е х о з я й с т в о в а н и е. Движение капитала начинается с авансирования денег и заканчивается возвратом денег с приростом. В денежной форме предстают основные хозяйственные параметры и критерии хозяйствования. Деньги обслуживают весь общественный товарообмен и воспроизводство общественного капитала. От количества денег в обращении, их потоков, скорости движения непосредственно зависят ход товарообмена и воспроизводство капитала, а соответственно вся организация общественного производства.

Особое место в системе организации производства потребительных благ в условиях рыночного конкурентного хозяйства занимает *механизм ценообразования,* составляющий важную подсистему всего товарно-денежного механизма. Выражая и определяя конкретные пропорции товарообмена, цены обеспечивают координацию воспроизводства хозяйствующих субъектов и сбалансированность всей хозяйственной системы. Несмотря на влияние субъективного фактора, цены в их динамике и взаимном соотношении не произвольны: они тяготеют к объективно необходимым величинам, соответствующим потребностям функционирования частных и общественных капиталов. Все цены, с одной стороны, «привязаны» к материальным условиям производства (через издержки производства и редкость продукта) и объективным условиям товарообмена (через соотношение спроса и предложения), а с другой — взаимозависимы, они входят друг в друга, дополняют и определяют друг друга. При условии равенства спроса и предложения, отсутствия давления редкости и нейтральности субъективного фактора, цены соответствуют сумме общественно необходимых издержек производства и средней прибыли. В стремлении цен к объективно обусловленному воспроизводственному уровню проявляют свое действие законы стоимости и цены производства.

Цена — *центральный хозяйственный параметр,* которому принадлежит главная посредническая и регулирующая роль. Она служит: условием капиталистического хозяйствования, ибо обеспечивает товарообмен и воспроизводство капитала (с возмещением затрат капитала с прибылью); ориентиром хозяйствования, поскольку, подвергаясь влиянию материальных условий производства, спроса и предложения, субъективного фактора, синтезируя

все эти влияния, реагируя на них, направляет деятельность хозяйствующих субъектов; рычагом хозяйствования, так как, будучи объектом субъективного воздействия и орудием конкурентной борьбы, используется хозяйствующим субъектом для организации воспроизводства капитала.

Исключительное значение для капиталистического хозяйства имеет *прибыль.* Последняя является не только его главной целью, но и важнейшим параметром. На величину и динамику прибыли ориентирована вся хозяйственная деятельность предпринимателей-конкурентов. Получение прибыли — залог выживания капиталиста, расширения масштабов его деятельности, а увеличение нормы и массы прибыли обусловливает возможность процветания. Бесприбыльное хозяйствование, если оно достаточно длительное время является таковым, ведет к хозяйственному краху —банкротству. Капитал имеет тенденцию сосредоточиваться в тех сферах общественного производства, где прибыль наиболее высока. Норма прибыли ориентирует движение капиталов, влияет на образование и перестройку производственной структуры общества.

Хозяйственная деятельность предпринимателя и организация общественного производства в целом регулируются движением *спроса* и *предложения,* их конкретным стоимостным соотношением. При наличии спроса, его увеличении производство расширяется, при отсутствии и уменьшении — сужается. О движении спроса судят как по размерам продаж и запасов продукции, так и по динамике цен и прибыли. Превышение предложения над спросом — при исключении сильного влияния субъективного фактора — вызывает тенденцию к понижению цен и сокращению размеров прибыли; недостаток же предложения ведет к росту цен и прибыли. Хозяйствование капиталиста — хозяйствование, ориентированное на спрос. Предприниматель стремится, с одной стороны, удовлетворять имеющийся спрос, а с другой — всячески создавать спрос, стимулировать его расширение.

Предъявляя спрос на определенные потребительные блага и предлагая другие, предприниматели, ориентируясь прежде всего на цены, издержки производства и прибыль, а также на ход и итоги реализации продукта, обеспечивают своим массовым, но при этом и групповым поведением поиск необходимых общехозяйственных пропорций, отвечающих объективным условиям и потребностям

производства нужных человеку потребительных благ. Нахождение общехозяйственных материальных и стоимостных пропорций является необходимым условием воспроизводства общественного капитала, а через него и воспроизводства каждого предпринимателя.

Реагируя на движение материальных хозяйственных параметров, конкурирующие агенты стремятся к производству максимально возможной прибыли, вносят изменения в процесс производства, воздействуют на затраты капитала (труда) и его распределение по сферам производства. Таким путем конкуренция, действуя во внутриотраслевом и межотраслевом направлениях, обеспечивает не только поиск необходимых воспроизводственных пропорций, но и расширение масштабов производства и развитие производительных сил. Борьба за самовозрастание стоимости ведет к необходимости капитализации части доставляемой капиталом прибыли, т. е. увеличению объема производства, а также к необходимости совершенствования производительных сил ради снижения затрат капитала и получения дополнительной прибыли. Общее стремление агентов к расширению масштабов деятельности создает возможность расширения масштабов общественного производства. Развитие производительных сил усиливает интенсивность такого расширения.

2.1.4. КОНКУРЕНТНО-РЫНОЧНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Дать сколько-нибудь целостную характеристику любого хозяйственного механизма — непростая задача. И осложняется она не только содержательной объемностью механизма, обилием элементов, подсистем и закономерностей, но и тем принципиальным обстоятельством, что любое целостное описание требует по крайней мере ... не одного целостного описания. Хозяйственный механизм принадлежит к такому классу систем, раскрытие которых предполагает множество характеристик: материальную и идеальную, статическую и динамическую, равновесную и неравновесную, пространственную и временну́ю. И каждая характеристика требует специфического языка, особого категориального аппарата. И это при самом абстрактном — чисто системном — выражении. Что же тогда говорить о более конкретных аспектах: производственном и непроизводственном; социальном и технологическом; экономическом и административном; «предприятийном» и уч-

режденческом; правовом и политическом; этическом и психологическом? А в рамках любого из этих аспектов? Разве можно осуществить описание какой-либо стороны механизма, не проделав при этом ряда описаний и не прибегнув к ряду языков?

Приняв все это во внимание, поставим перед собой самую скромную задачу: дать предельно сжатое целостное описание капиталистического хозяйственного механизма, рассматривая его на производственном уровне, преимущественно с экономической стороны, в социально-организационном ракурсе и в структурно-закономерностном аспекте.

При описании любого существующего в природе механизма возможны два подхода: от части к целому и от целого к части. В первом случае на передний план выходят элементы, детали, части, и целое предстает как составленное из них; во втором же — сама целостная система, аппарат, машина, а элементы, детали и части уходят на задний план, они рассматриваются как принадлежность целого и привлекаются к его характеристике только по мере необходимого. Оба подхода — микроописание и макроописание — не только возможны, но и необходимы, поскольку лишь *вместе* дают достаточную полноту описания.

Сначала подведем краткий итог уже сказанному нами о капиталистическом механизме, памятуя о том, что хозяйственный механизм вообще есть социальная система организации производительных сил для производства потребительных благ, или система организации производящего общества.

Капиталистический хозяйственный механизм есть такая общественная система организации производительных сил, при которой их функционирование и развитие обеспечиваются и реализуются: а) действующими самостоятельно частными хозяйствующими субъектами-предпринимателями, являющимися агентами капитала (самовозрастающей стоимости), его собственниками и организаторами, приобретающими на деньги средства производства и рабочую силу, организующими их производительное взаимодействие (производство) и реализацию произведенных продуктов как товаров, добивающимися прироста вложенного денежного капитала — прибыли; б) стремящимися к максимизации прибыли и увеличению размеров функционирующего капитала субъектами-предприниматёлями, ведущими конкуренцию и вступающими в

конкурентные отношения — отношения борьбы за возможность и наилучшие результаты хозяйственной деятельности (приложения капитала); в) взаимосвязанными товарообменом, который обусловлен общественной кооперацией разделенного труда,субъектами-предпринимателями, составляющими вкупе с капиталами и товарами капиталистический рынок, функционирующими на рынке и через рынок, борющимися с рынком, ему подчиняющимися, а потому организующимися рынком; г) самоорганизующимся в процессе и посредством конкуренции и всеобщего товарообмена рынком, обеспечивающим и регулирующим общественную кооперацию производительных сил, их взаимодействие и развитие, а также определяющим структуру общественного производства, его пропорции и изменения, обеспечивающим расширенное воспроизводство совокупного общественного капитала.

При характеристике механизма здесь использованы оба подхода — микроописания и макроописания, но акцент сделан на первом — от микроуровня к макроуровню, что более соответствует честнохозяйственной системе организации капиталистического производства.

Теперь дадим более полную — более структурную и более закономерностную — характеристику капиталистического хозяйственного механизма, но прибегнув к раздельному его описанию — микроописанию и макроописанию, ибо дать целостное описание механизма сразу (одновременно) с разных точек зрения и на разных языках невозможно (с микроуровня механизм видится иначе, чем с макроуровня, и видится заметно другим, что вполне объяснимо, так как структура и закономерности механизма на микроуровне качественно отличаются от структуры и закономерностей механизма на макроуровне, как и отдельный хозяйствующий субъект отличается от общества субъектов).

Более подробное описание капиталистического механизма требует некоторых предварительных уточнений:

1) конкуренция как способ хозяйствования в реальности осуществляется в двух аспектах: внутриотраслевом, т. е. в связи с аналогичными производствами, и в межотраслевом — в связи с качественно различными производствами;

2) предприниматели в действительности неодинаковы, что связано с их различным участием в воспроизводстве капитала, их разной общественной функцией: различа-

ются промышленные предприниматели, ведущие непосредственно производство потребительных благ, кредитно-финансовые предприниматели, занятые организацией ссудного капитала, и торговые предприниматели, действующие непосредственно в сфере обращения товаров и организующие торговлю;

3) рынок структурно не однообразен: помимо того, что он структуризован по отраслям и подразделениям, он структуризован по видам предпринимателей, типу капиталов, характеру товаров (различаются рынки продуктов, ссудных денег, труда, технологии).

Чтобы облегчить описание сложной системы, а также его восприятие читателем, мы прибегнем к схематическому, точнее, табличному способу отображения. Соответственно двум способам описания — *микро* — и *макро*—хозяйственный механизм капитализма представлен в табл. 1 и 2.

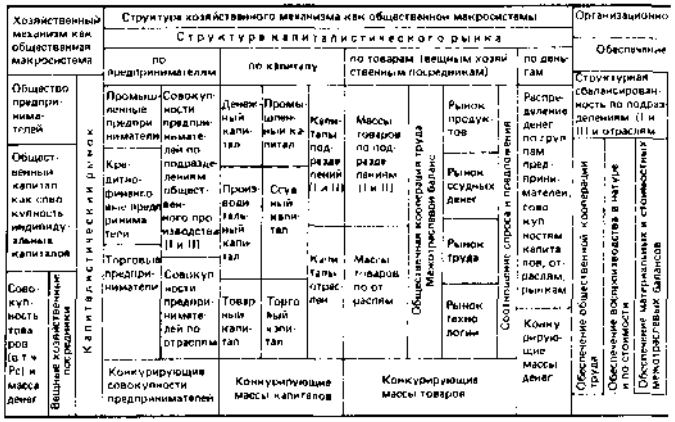
Приведенное в табл. 1,2 описание — не простая иллюстрация, а содержательная характеристика. Именно так мы представляем себе капиталистический хозяйственный механизм: в сложном единстве производства, капитала и хозяйственной организации, всех материальных и «нематериальных» аспектов. Хозяйственный механизм — это организм с «плотью» и «душой». «Плоть» его состоит из хозяйствующих субъектов и вещных хозяйственных посредников, «душа» — из интересов, стремлений, закономерностей. Единство «плоти» и «души» проявляется в действиях, отношениях, поведении. Без «плоти» и «души» нет механизма.

Может возникнуть вопрос: не слишком ли широко здесь трактуется хозяйственный механизм? Мы полагаем, что нет. Механизм рассмотрен в его погруженности в процесс производства и движение капитала, в товарооборот, в его выраженности этими последними. Вне производства, движения капитала и обращения товаров механизма просто нет — вот что важно уяснить.

Не менее важно уяснить и другое: механизм — подсистема способа производства, но подсистема, распространенная на все пространство способа производства, и в механизм так или иначе входит подавляющая часть элементов способа производства. Выделение хозяйственного механизма — ни в коем случае не «откалывание» от способа производства какой-то части, а лишь «срезовое» рассмотрение способа производства, выявление в нём некоей

ОПИСАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА НА МИКРОУРОВНЕ

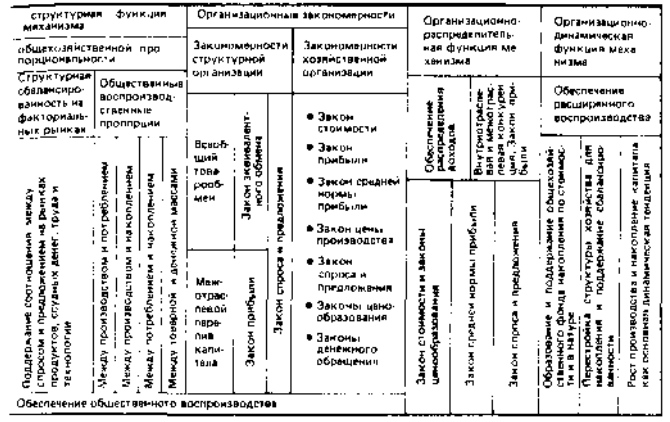
	Хозяйствующий субъект	Способ хозяйствования и хозяйственные отношения	Закономерности хозяйствования	Цель и результат хозяйствования
Предприниматель	• Частный, самостоятельный хозяйствующий субъект • Агент товарного производства и обмена ($Т - Д - Т_1$) • Собственник капитала, самовозрастающей стоимости (Д) • Собственник средств производства (Сп) • Организатор движения капитала ($Д - Д^1$), покупатель и пользователь Сп и рабочей силы (Рс) ($Д - Т \sim \begin{matrix} Сп \\ Рс \end{matrix}$), организатор производства (...П...) и реализации продукта-товара ($Т^1 - Д^1$)	Конкурент	Конкуренция как способ хозяйствования	• Смена форм капитала ($Д - Т...П...Т^1 - Д^1$) • Превышение доходов над расходами • Разность возмещения затрат капитала (основной и оборотный капиталы) • Совершенствование производительных сил и продуктов	• Максимизация прибыли • Накопление капитала • Концентрация производства и капитала
		Внутриотраслевая конкуренция $T \sim T_1$ $T \sim$	Внутриотраслевая конкуренция • Экономия на издержках капитала • Максимизация продаж • Минимизация цены	
		Межотраслевая конкуренция $T - T_1$	Межотраслевая конкуренция • Максимизация продаж • Максимизация цены • Минимизация спроса • Перелив капитала	



особенной структуры, одного из механизмов, неотделимой от него «половины».

При рассмотрении капитала как такового мы видели, что конкуренция есть его свойство, внутренний момент и механизм, а при рассмотрении собственно конкуренции находили; что капитал есть ее основание, отправной пункт, форма бытия и даже ее механизм. В систему капитала входит конкуренция, а в систему конкуренции входит капитал. Точно так же в систему общественного производства входит хозяйственный механизм, а в систему хозяйственного механизма — общественное производство; в систему общественного капитала входит хозяйственный механизм, а в систему хозяйственного механизма — общественный капитал; в систему товарного хозяйства входит хозяйственный механизм, а в систему хозяйственного механизма — товарное хозяйство. Производство, капитал, товарооборот — все это сопряжено с хозяйственным механизмом, и без них хозяйственного механизма просто нет.

Давая целостную характеристику капиталистического хозяйственного механизма, нельзя еще раз не обратить внимания на то, что это механизм самоорганизации, причем даже не в кибернетическом, а в сугубо хозяйственном смысле. Это «самохозяйствующий» общественный механизм. Для такого механизма лучше всего подходит гегелевская характеристика «свободного механизма», такого механизма, который есть сам себе причина и цель, сам себе



осуществление, движущая сила, начало и результат, т. е. «сам себе механизм».

2.1.5. МЕХАНИЗМ РАЗРЕШАЮЩИХСЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Уже предшествующее описание капиталистического хозяйственного механизма показало его противоречивость: достаточно указать на саму суть конкуренции и рынка, их взаимодействие.

Противоречия бывают разные: противоречия существования, выражающиеся в одновременном полагании и отрицании явления; противоречия взаимодействия, когда два или более явления находятся во взаимном напряжении, столкновении, борьбе; наконец, противоречия превращения, когда одна противоположность не только противостоит другой, но и превращается в эту последнюю, обеспечивая при этом сохранение себя и всего явления в целом.

Конкурентно-рыночная система организации несет в себе любые из указанных противоречий: самоотрицания (конкуренция сама себя отрицает), взаимодействия (конкуренции с конкуренцией, например), превращения (конкуренции в рынок и рынка в конкуренцию).

Приступая к анализу, полезно учесть, что основные хозяйственные явления капиталистической системы — конкуренция и рынок — исключительно сложны. Они заклю-

чают в себе разные моменты: производственный, собственнический и хозяйственный; товарный и «капитальный». В них и в их взаимодействии противоречиво проявляются характерные для хозяйственных организаций противоположные начала — субъективное и объективное, сознательное и стихийное, частное и общественное.

Предприниматель — собственник капитала, средств производства, создаваемого продукта; рабочий — собственник рабочей силы; непосредственный потребитель — собственник денег. Хозяйственные отношения, а соответственно и вся хозяйственная организация общества обусловлены собственностью, непосредственно от нее зависят. Между собственниками идет борьба за собственность, ее реализацию и результат — идет конкуренция.

Борьба собственников имеет прямое отношение к хозяйственной организации, определяя ее характер, течение и итоги. Причем борьба эта — не просто борьба индивидуумов, а борьба их социальных совокупностей — классов (капиталистов и рабочих) и подклассов (например, предпринимателей-промышленников и предпринимателей-торговцев). Каждый класс противостоит обществу в целом, а общество выступает как классовое целое. Конкуренция — явление класса, рынку же свойственна классовая структура. Реализация конкуренции и рынка связана с *классовой борьбой,* т.е. конкуренцией классов, и классовые противоречия следует учитывать при характеристике капиталистического хозяйственного механизма, анализе принципов, хода и результата его функционирования.

Хозяйственный механизм — организатор производства. Однако производство — не только объект и среда хозяйственной организации, но и ее активная организующая сила. Хозяйственный механизм не свободен от условий, сообщаемых ему производством, его структурой и закономерностями движения.

Общественное производство представляет собой совокупность производств: индивидуальных, т. е. относящихся к отдельному продукту, и отраслевых, относящихся к однотипным продуктам. Все производства связаны между собой обменом. Разделение общественного производства на отдельные производства сопряжено с общественной кооперацией этих производств.

Наличие разделения общественного производства приводит к противополаганию отдельного хозяйствования по поводу производства конкретного блага, с одной стороны,

и общественной организации всех хозяйствований на основе их производственной кооперации — с другой. В этом противополагании выражено реальное противоречие, которое непременно учитывается хозяйственным механизмом, самим его строением и процессом функционирования. Назовем это хозяйственное противоречие *производственным.* Хозяйственный механизм так организован и так организует сам, чтобы постоянно разрешать возникающее производственное противоречие.

Хозяйственный механизм капитализма — товарный механизм. Естественно, что ему свойственны *товарные* противоречия, которые можно свести к общему противоречию между организацией производства потребительных благ и организацией производства стоимости. Вся деятельность «товарного» хозяйствующего субъекта опосредствована стоимостью,ее движением, стоимостными оценками, как и хозяйственная организация товарного общества опосредствована стоимостью, стоимостными отношениями и потоками. Стоимость активна, в известной мере самостоятельна, деятельна: она организует, хозяйствует. Недостаточно производить потребительные блага и обмениваться ими, надо производить стоимости и обмениваться стоимостями, а стоимость как явление и величина — нечто одновременно частное и общественное, идущее изнутри и извне, зависимое и независимое. Стоимость связывает агентов и продукты в целостную систему. Несоблюдение стоимостных условий вызывает коллизии, пренебрежение же ими заводит в тупик и провоцирует крах.

Базирование капиталистической хозяйственной организации на *капитале* ведет к наличию особых противоречий, в основе которых лежит противоречие между организацией производства потребительных благ и организацией производства капитала. Хозяйственная деятельность оказывается ориентированной на капитал и ориентируемой капиталом. Главное не продукт и даже не стоимость, а прибыль и накопление капитала — возрастание стоимости. Хозяйственная организация в обществе должна быть такой, чтобы обеспечить не только производство необходимых потребительных благ, но и воспроизводство капитала, причем воспроизводство расширенное.

Смещение целей хозяйствования от потребительных благ к капиталу создает возможность отрыва движения капитала от движения потребительных благ. Организация производства ради капитала, да и самого капитала

ради капитала чревата отклонениями от чисто производственных задач, а отсюда и осложнениями хозяйственной жизни.

Субъективное и сознательное начала представлены в рамках конкурентно-рыночной организации частными хозяйствующими субъектами-предпринимателями и выражены в характерном способе ведения хозяйствования — конкуренции; соответственно объективное и стихийное начала представлены обществом придпринимателей и выражены в хозяйствовании рынка. Выходит, что субъективное и сознательное начала выступают в системе организации как частные, а объективное и стихийное — как общественные. Это позволяет сформулировать следующие противоречия: *между частным сознательным началом в организации производства и общественным стихийным, а также между частным субъективным началом в организации производства и общественным объективным.* Можно выделить и такое противоречие: между субъективной волей предпринимателя и объективной детерминацией его деятельности самоорганизующимся рынком.

Частная собственность приводит к хозяйственной самостоятельности предпринимателей, но одновременно и к хозяйственной самостоятельности общества предпринимателей. *Самостоятельность конкуренции* непременно сочетается с *самостоятельностью рынка.* Отсюда противоречие: между самостоятельностью хозяйствующего субъекта (предпринимателя) и самостоятельностью хозяйствующего общества субъектов (рынка).

Обобщающим противоречием капиталистического хозяйственного механизма является противоречие между конкуренцией и рынком. В этом противоречии так или иначе отражены все рассмотренные нами противоречия, прежде всего противоречия превращения. Это, бесспорно, ведущее противоречие капиталистического хозяйственного механизма, корнями своими уходящее в основное противоречие капиталистического способа производства — между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения.

Противопоставляя конкуренцию и рынок, важно не упускать из виду их единство, ибо конкуренция и рынок не только входят в единый механизм, но и имеют сущностную взаимообусловленность. Конкуренция рыночна, рынок конкурентен. Конкуренция есть рыночное хозяйствование, а хозяйствование рынка есть конкуренция. Без учета того, что одна противоположность определяется другой, представление о единстве конкуренции и рынка не может быть правильным.

Выявление противоречий капиталистического хозяйственного механизма важно для уяснения организации, а точнее, самоорганизации общественного производства. Обратимся теперь к движению противоречий, чтобы понять, как работает рассматриваемый нами хозяйственный механизм.

Капиталистическое производство, а вместе с ним и система его организации базируются на приоритете частного начала. Это означает, что организация осуществляется «от частного», а не «от общественного», что ее постоянным и ведущим инициатором является частное и все то, что на нем основывается и из него выходит (единичное, субъективное, сознательное; товар, капитал, конкуренция). Противоположное, т. е. общественное и все то, что на нем основывается и из него исходит (всеобщее, объективное, стихийное; совокупность товаров, общественный капитал, рынок), оказывается производным от частного. Частное не просто переходит в общественное, но и создает это общественное.

Не менее знаменательно и то, что общественное, будучи производным от частного, как бы отделяется от него, становится в какой-то мере независимым, обретает свободу. Частное как бы растворяется в общественном, а общественное, поглощая частное, выступает как самостоятельный антипод частного. Общественное получает тем самым возможность не просто противостоять, но и активно воздействовать на частное, и частное поэтому становится в известной мере производным от общественного.

Хозяйственная организация капиталистического производства — целостная система, но ее целостность определена не только и не столько самим целым, сколько его частями. Не часть от целого, а целое от части, и только затем уже целое от целого и часть от целого.

Всякого, кто осмысливает работу конкурентно-рыночного механизма, поражает способность механизма к самоорганизации — далеко не тривиальной, а необычайно сложной, умеющей «думать», принимать решения, приспосабливаться, делать все необходимое для организации и развития производства. Поражает, что в этой самоорганизации участвуют «мириады» частных начал, а единое общественное начало является от них производным. Но

самое удивительное, пожалуй, что вся эта самоорганизация происходит настолько внутри себя, настолько скрыто и, мы бы сказали, таинственно, что к ее многочисленным эпитетам вполне подходит и такой — непостижимая!

Признание непостижимости вовсе не свидетельствует о слабости науки, наоборот, это говорит о ее силе, так как констатация тайны есть и констатация знания об этой тайне, ее известности и уже потому определенной разгаданности, снятии с нее сверхъестественного покрова.

Конечную скрытость организационных процессов в суперсложных самоорганизующихся системах давно осознали кибернетики, введя специальное понятие — *«черный ящик»*. Все, что происходит внутри этого «ящика», недоступно для наблюдения, но поверхность «ящика» способна тем не менее давать некоторую информацию о внутренних процессах. Наблюдателю остается лишь следить за «входом» в этот «черный ящик» и «выходом» из него, анализируя входящую и выходящую информацию, процессы, разворачивающиеся у «входа» и «выхода».

Мы можем и должны воспользоваться идеей «черного ящика», можем установить и расположение «черного ящика» — на стыке микрохозяйствования и макрохозяйствования, т. е. там, где хозяйствование предпринимателя переходит в хозяйствование рынка.

Почему именно здесь помещается «черный ящик»? Да потому, что переход от микрохозяйствования к макрохозяйствованию есть не просто смена уровней хозяйствования, а переход от одной системы капиталистического хозяйствования к другой, от одних принципов и закономерностей организации к другим, от одного информационного языка к другому. Микрохозяйствование и макрохозяйствование — р а з н ы е хозяйствования, дополняющие друг друга, но одно к другому не сводящиеся. Переход от качественно одного способа деятельности к качественно другому — процесс сложный, неявный и трудно уловимый. Именно этот процесс и обозначен нами как «черноящечный».

«Черный ящик» — не более как условный образ. Реально существуют лишь микрохозяйствование и макрохозяйствование. «Черный ящик» — некий способ их взаимодействия друг с другом, взаимопроникновения и взаимопревращения. Роль «черного ящика» так или иначе играют сами хозяйственные системы — одна для другой, но в обязательном сопряжении, в сцепке.

Связующая и главная функциональная роль во взаимодействиях микро- и макрохозяйствования принадлежит основным экономическим параметрам конкуренции и рынка — предложению, ценам и спросу, в игре и взаимопревращениях которых от уровня к уровню и скрывается в конечном счете тайна конкурентно-рыночного хозяйственного механизма.

Замечательная способность переходить от микрохозяйствования к макрохозяйствованию и обратно позволяет конкурентно-рыночному механизму так или иначе разрешать имманентные противоречия и, разрешая их, обеспечивать хозяйственную организацию общества. Только разрешение это всегда остается неокончательным. Полного разрешения быть не может: система организации не может своим собственным функционированием отвергнуть свойственные ей начала и противоречия; перестать быть тем, чем она является. Для нее необходимо лишь такое разрешение противоречий, которое позволяет организации осуществляться, а осуществившись, сохранить противоречия, а следовательно, и самою себя.

2.1.6. БЕСПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ

Воспроизводство требует соответствий, равенств, сбалансированности. Это ясно, но не менее ясно и то, что в реальности всего этого нет, а если и есть, то не более как исключение и случайность. На поверку оказывается, что повсюду имеют место как раз несоответствия и неравенства, хозяйству в целом свойственна несбалансированность. Б е с п о р я д о к более характерен, чем порядок, если под последним понимать полностью равновесное состояние системы.

Иного и не может быть. В хозяйственной системе беспрерывно действуют две противоположные тенденции: к равенству и неравенству, к равновесию и неравновесию, к сбалансированности и несбалансированности, т. е. к порядку и беспорядку. Обе тенденции необходимы. И если необходимость тенденции к порядку ясна: без нее не может быть всеобщего товарообмена, а следовательно, воспроизводства капитала, то необходимость тенденции к беспорядку требует объяснения.

Почему существуют неравенства? Не только потому, что каждый хозяйствующий субъект действует сам по себе, не имея никакого предварительного согласования с другими предпринимателями; что само достижение равенства

является исключительно сложным процессом, а потому и маловероятным; что всегда находятся силы, как субъективные, так и объективные, нарушающие сложившиеся равенства.

Дело в том, что неравенства, причем неравенства движущиеся, изменяющиеся, превращающиеся в равенства, а затем в другие неравенства, т. е. неравенства колеблющиеся, преобразующиеся, абсолютно необходимы для самой организации — стихийной организации! — воспроизводства капитала. Именно при неравенствах и через неравенства идет самоприспособление хозяйственной системы, определяются направления, а затем и границы ее перестроения. Движущиеся неравенства служат ориентиром хозяйствования, источником информации для хозяйствующих субъектов, объектом приложения хозяйственной инициативы и ее результатом.

Ни в начальной стадии хозяйствования, ни в любой момент его продолжения капиталистическое производство не может быть полностью сбалансированным, ибо в основе его организации, а лучше — самоорганизации, лежат *неравенства*, а *не равенства*. Первичны неравенства, равенства же вторичны. Последние к тому же реализуются как действительные равенства лишь случайно, а в общем они являются практически недостижимыми, во всяком случае на длительное время. Равенства возникают в динамике неравенств, представляя собой среднюю постоянных колебаний, а не соотношение, от которого идут колебания в ту или другую сторону.

Особенность стихийной организации как раз и состоит в наличии и активной роли неравенств, неравновесий, несоответствий, одним словом, несбалансированности. Колебательная динамика величин и пропорций — важнейший принцип самоорганизации. Соотношение спроса, предложения и цен — постоянно меняющееся соотношение. Посредством этого динамичного соотношения и обнаруживается необходимое для реализации воспроизводственного процесса соответствие между спросом, предложением, ценами, а также всеми другими параметрами и пропорциями. Взаимообусловленная" динамика колеблющихся относительно друг друга хозяйственных параметров — вот что присуще стихийной организации, ее механизму.

Для производства, организуемого конкурентно-рыночным механизмом, характерна постоянно меняющаяся структура. Такая изменчивость свидетельствует, что структура является не просто объектом организационных воздействий, но и непосредственной основой самоорганизационного процесса. Организация не только проявляется в структурных перестроениях, но и реализуется этими последними. Динамика структуры тесно связана с организацией, а организация неосуществима без изменений структуры.

Для всякой производственной системы, основанной на общественном разделении труда и всеобщем продуктообмене, исключительно важным является складывающееся в обществе соотношение пропорций. Данное соотношение может быть различным. Для характеристики и оценки конкретных соотношений нужно выделить некое эталонное соотношение, которое следовало бы считать *пропорциональным*. Таковым, по-видимому, является соотношение, которое присуще такому состоянию производства, когда приравниваемые в ходе воспроизводства величины близки к равенству, уравновешиваемые процессы — к равновесию, взаимодействующие факторы и параметры — к соответствию, т. е. когда производственная система близка к состоянию сбалансированности. Всякое состояние, отклоняющееся от сбалансированного, будет считаться *диспропорциональным*.

Абсолютной пропорциональности в реальности нет: такая пропорциональность невозможна в самоорганизующихся системах. Что действительно есть, так это тенденция к пропорциональности, а в отдельных случаях, когда общественное производство в наименьшей степени подвержено различным возмущающим ход и структуру воспроизводства воздействиям (например, в условиях «спокойной» конкуренции, относительной изолированности от внешнего рынка, медленного технического прогресса), тенденция к пропорциональности достигает максимального развития, обнаруживая в сформировавшихся пропорциях значительное приближение к пропорциональности как таковой. Вообще же имеются две противоположные тенденции: к пропорциональности и диспропорциональности. Тенденции к пропорциональности и диспропорциональности ведут бесконечную борьбу между собой, в которой на время побеждает то одна, то другая тенденция. Отсюда пульсирующий ход капиталистического производства: оно оказывается то более, то менее пропорциональным, а следовательно, то более, то менее сбалансированным.

Движение капиталистического воспроизводства уже в

силу особенностей его организации является *неравномерным.* Степень интенсивности хозяйствования меняется во времени, периоды активного развития производства уступают место-периодам застоя. Интенсивность хозяйствования неодинакова и в пространстве: если в одних отраслях происходит подъем деловой активности, то в других возможен ее спад. Но следует заметить, что неравномерная динамика хозяйствования во времени и в пространстве — не просто следствие, но и важное условие конкурентно-рыночной организации. В неравномерности, через нее, даже с ее помощью осуществляется самоорганизация производства.

Неравномерность динамики — существенная черта по-капиталистически организованного производства. Предприниматели стремятся к максимуму производительного эффекта, они заинтересованы в неограниченном расширении масштабов деятельности. Конкуренция покоится на стремлении к неограниченности. Но предприниматели встречают сопротивление других предпринимателей, рынка. Конкуренция сталкивается с конкуренцией. Однако эти ограничения, пусть и оправданные, возникают не сразу, не априорно, т. е. не до принятия начальных хозяйственных решений, а через определенное время, апостериорно, уже в процессе реализации исходных решений. В этом-то запаздывании ограничений и коренится возможность неравномерной динамики хозяйствования и воспроизводства.

И то, что характерно для отдельного предпринимателя, характерно и для массы предпринимателей, как в рамках отрасли, так и в масштабе всего хозяйства. Конкурировать — не значит действовать только по-своему, не так, как остальные, это еще и делать как все, одинаково со всеми. Отсюда и мощные по силе и по масштабам импульсы хозяйственной деятельности, провоцируемые открывающимися для конкурентов перспективами. Пределы таким импульсам никто заранее не устанавливает, они должны быть обнаружены в самом процессе и самим ходом хозяйствования. И появляются эти пределы всегда неожиданно. За подъемом хозяйственной активности одного предпринимателя, группы предпринимателей, отрасли, хозяйства в целом с неизбежностью рано или поздно следует спад, что служит сигналом к корректировке, переориентации, перестроению.

Будучи заинтересованным в получении возможно большей прибыли, предприниматель-конкурент стремится, с

одной стороны, к увеличению размеров функционирующего капитала и объема производства, с другой — к экономии затрат капитала на производство потребительных благ, уменьшению издержек производства. Выходит, что предприниматель предпочитает предложение спросу, т. е. направляет усилия на максимизацию своего предложения, накапливая капитал в производительной форме и увеличивая выход продукции на рынок, и на минимизацию своего спроса, причем сдерживая спрос не только на средства производства, но и на предметы потребления, путем ограничения заработной платы рабочих, а также лимитирования своей личной покупательной способности.

Капиталистическое хозяйствование, ведомое конкуренцией и рынком, покоящееся на товарообмене и капитале, реализуется в рамках реального хозяйственного противоречия — между предложением потребительных благ (товаров) и платежеспособным спросом на них, которое в конечном счете выражается в тенденции превышения предложения над спросом, конкретно проявляющейся в *перенакоплении, перепроизводстве* и *относительном перенаселении.*

Стремление больше накоплять и производить и соответственно меньше потреблять приводит к тому, что капиталистическое хозяйствование реализуется в условиях избытка факторов производства — капитала, труда, товаров. Потенциальные возможности предпринимателей в целом выше, чем фактический результат их деятельности. Для капитализма характерно наличие свободных капиталов, чрезмерных товарных запасов, неиспользуемых производственных мощностей, незанятой рабочей силы. Капиталистическое хозяйствование — хозяйствование «с избытком», или *избыточное хозяйствование.* Хозяйственные избытки — логическое следствие конкуренции, организации производства по-капиталистически, но это еще и средство такой организации, ибо избытки выполняют функцию хозяйственного резерва.

Реализация противоречивой организации не может не иметь следствием различного рода неурядицы, которые принято для краткости и ясности образно именовать одним обобщающим словом — «шум». Такой «шум» абсолютно неизбежен (как трение в машине), и как факт он не страшен. Негативную значимость представляет лишь чрезмерный «шум», поскольку свидетельствует об обострении противоречий, их неразрешении, разбалансированности хозяй-

ственного механизма, его «блуждании в потемках». «Шум» — не только следствие, но и показатель работы самоорганизующейся системы. Человеку надо уметь слушать «шум», понимать его причины, не допускать усиления.

«Шум» неравномерен, он то усиливается, то ослабевает. Природа и сила «шума» зависят от состояния противоречий системы, которые то обостряются, то возвращаются к нейтральному положению. Движение противоречий флуктуативно, но не только в силу определенного разрыва между моментом полагания противоречия и его разрешения, а вследствие изменения самого состояния противоречия — от обострения к нейтральности (если система не терпит окончательного краха).

2.1.7. ОРГАНИЗАЦИЯ БЕСПОРЯДКА: КРИЗИСЫ

Противоречивость самоорганизации приводит к тому, что капиталистический механизм функционирует в борьбе с самим собой, в постоянном *самопреодолении.* Такое самопреодоление бывает более успешным и менее успешным. В первом случае «шум» затихает, стремится к нулю, во втором — нарастает, устремляясь к бесконечности. С усилением «шума» самопреодоление затрудняется, и наступает момент, когда самопреодоление не самопреодолевается, тогда-то и возникает необходимость в «передышке», достигаемой приостановкой производственного процесса, во время которой «шум» снижается и воспроизводственный порядок восстанавливается.

Беспорядок организации — этот обнаруживающийся через «шум» неизбежный спутник самоорганизующихся систем,— не может не выливаться в организацию беспорядка, его если не постоянное, то периодическое нагнетание. В момент такого нагнетания беспорядок в системе способен перейти в беспорядок системы. Хозяйство в таких случаях переживает не просто «шум», но настоящее расстройство. Подобное состояние расстройства есть состояние кризиса. Хозяйственной организации свойственны *хозяйственные кризисы*

Кризис может затронуть любую хозяйственную систему, а соответственно иметь и специфическую обусловленность. Что касается конкурентно-рыночного механизма, то возможность кризисов таится уже в несоответствиях, порождаемых стихийным товарообменом, игрой спроса, предложения и цен, конкуренцией. Превращение данной

возможности в действительность, т. е. достижение особенно значительного и всеобщего избытка товаров и вложенного в производство капитала, связано с развитием свойственного капиталистическому хозяйствованию противоречия между неограниченным расширением предложения товарной продукции и ограниченным расширением спроса на нее. Совокупное предложение оказывается динамичнее совокупного спроса, наступает момент, когда предложение уже не встречает на рынке соответствующего спроса, и затраченный капитал перестает нормально возмещаться. Предприниматели тогда резко сокращают спрос на средства производства и рабочую силу, еще более ограничивают совокупный спрос, предложение «зависает», воспроизводство «срывается» и хозяйство оказывается в кризисе.

Кризис — момент резкого обострения противоречий воспроизводства капитала, его конкурентно-рыночной организации, всего капиталистического способа производства. Но кризис одновременно и момент разрешения,— конечно, временного,— этих противоречий, ведущий к восстановлению сбалансированности, перестройке производства и перегруппировке капитала. Он — следствие и средство саморегулирования капиталистической системы, разрушительно-созидательный принцип ее функционирования.

В зависимости от того, с какими конкретными процессами в производственной системе связано возникновение кризиса, какой уровень им затрагивается, какова степень расстройства системы, каковы характер и глубина приспособления производства, его перестроения, осуществляемого в результате и в ходе кризиса, производственные кризисы, по нашему мнению, бывают различными, различными не только по форме, но и по содержанию. Нам представляется, что капиталистическая практика выявила три типа хозяйственных кризисов.

Первый тип — **конъюнктурный кризис,** который непосредственно связан с нарушением пропорциональности в сфере обращения, на рынке, а точнее, с превышением рыночного предложения над рыночным спросом, что выражается прежде всего в росте товарных запасов и сокращении заказов. Конъюнктурный кризис длится, как правило, недолго. Это кризис, который проявляется как кризис чистого перепроизводства, товарных излишков.

Другой тип кризисов — **кризис воспроизводства.** Как и предыдущий, он также проявляется в превышении предло-

жения над спросом, но в отличие от конъюнктурного кризиса связан с более глубинными процессами, захватывающими непосредственно сферу производства. Такой кризис вызывается несоответствием объема и структуры производства объему и структуре потребления. Выход из кризиса связан в данном случае не с простым приспособлением предложения к спросу, не затрагивающим основ производства, как это характерно для конъюнктурного кризиса, а со значительной перестройкой производства, изменением его структуры и технической базы, межотраслевым переливом капитала и рабочей силы, развитием новых технологий, производством новой, более разнообразной продукции. За перестройкой производства происходит и перестройка потребления.

Кризис воспроизводства, имея явно выраженный структурный характер, длится дольше конъюнктурного, растягиваясь на год, полтора, а иногда и более. Такой кризис служит сигналом к массовому обновлению основного капитала, оказывающегося к моменту кризиса значительно изношенным физически и морально. Структурная перестройка производства и потребления требует широкого обновления производственной базы, технических нововведений. Кризис воспроизводства, как и конъюнктурный, является кризисом перепроизводства, но в отличие от конъюнктурного он является и кризисом перенакопления — количественного и качественного — производительного капитала.

Третий тип кризисов — **кризис производства.** Он возникает в случае, когда спрос в длительной перспективе оказывается насыщенным, а капитал перенакопленным, когда тенденция к перепроизводству превращается в хроническую угрозу воспроизводству. Проявляется кризис в устойчивом и значительном замедлении темпов роста производства и капиталовложений, в долговременном понижении цен (при условии нейтральности инфляционных факторов), нормы прибыли и ставки ссудного процента, в обесценении капитала, в хроническом избытке факторов производства, в стабильной и растущей безработице. Такой кризис длится многие годы. Расширенное воспроизводство не прекращается, но затормаживается. Подобный кризис связан с исчерпанием возможностей развития и расширения производства на сложившейся материально-технической основе, даже если она и является относительно новой.

Дело в том, что к моменту кризиса производства материально-техническая основа достигает такой точки развития, когда она либо не может далее развиваться в рамках своей конкретной технической сущности (парадигмы), исчерпав во многом свою производительную потенцию, не находя необходимого спроса на себя и на многие виды производимой ею продукции, либо оказывается в конфликте с существующими общественными структурами — системой собственности и хозяйственным механизмом, отставшими от нее по уровню обобществления и препятствующими ее нормальному развитию. И в том и в другом случаях имеет место специфическое моральное устаревание либо материально-технической основы производства, либо его социальных форм.

Выход из кризиса производства связан либо с изменением технического характера производительных сил, их новым распределением, со структурной ломкой производства и потребления, либо с преобразованием социальных систем — собственности и хозяйственного механизма. Бывает и так, что выход из кризиса обусловливается изменениями в технической и социальной сферах одновременно.

Кризис производства — кризис долговременного перенакопления производительного капитала, причем не столько количественного, сколько качественного, т. е. в морально устаревшей форме, не обеспечивающей и не могущей обеспечить в перспективе активного роста производства. Кризис производства — кризис самой системы производства, ее конкретно-исторической формы, и в широком смысле он может рассматриваться как *кризис способа производства в целом.* Кризисы производства, затяжные по времени и глобальные по охвату экономической системы, суть глобальные затяжные кризисы.

Факт наличия хозяйственных кризисов говорит о том, что капиталистическая организация есть организация кризисная, осуществляющаяся с кризисами. Все отмеченные кризисы являются конкурентно-рыночными. Однако кризисы производства есть еще и кризисы конкуренции и рынка, т. е. самого хозяйственного механизма общества.

2.1.8. ОТ КРИЗИСА К КРИЗИСУ: ЦИКЛЫ

Ведомое конкуренцией и рынком, капиталистическое производство движется от кризиса к кризису одного и того же типа или от кризиса одного типа к кризису другого типа.

Происходит чередование, с одной стороны, однотипных, а с другой — разнотипных кризисов.

Однотипные кризисы повторяются, обнаруживая тенденцию к регулярности. Регулярное чередование кризисов одного типа дает основание квалифицировать движение капиталистического производства, а следовательно, и течение хозяйственной организации как циклическое. Конкурентно-рыночное хозяйствование носит циклический характер: от кризиса к кризису.

Конъюнктурным кризисам соответствуют краткосрочные циклы (до пяти лет), кризисам воспроизводства— среднесрочные (около десяти лет), кризисам производства — долгосрочные (около пятидесяти лет). В среднесрочном цикле, как известно, разделяют четыре фазы: собственно кризис, застой, оживление и подъем. В краткосрочном цикле, по-видимому, достаточно различить три фазы: кризис, оживление и подъем. Что касается долгосрочного цикла, то целесообразно его делить на следующие долговременные фазы: кризис, стабилизации, подъема и дестабилизации. При этом важно учитывать, что долговременные фазы не всегда бывают отчетливо выраженными.

Кризисы и определяемые ими циклы взаимозависимы, что выражается не только в непосредственных влияниях друг на друга, но и в самом факте сосуществования разнотипных кризисов и циклов. Разнотипные кризисы и циклы усложняют реализацию самих себя, взаимно корректируют возникновение и ход кризисов, течение циклов. Так кризисы воспроизводства уже своим существованием снимают часть конъюнктурных кризисов, которая по логике вещей должна приходиться на время кризисов воспроизводства, и Превращают краткосрочные циклы во внутренние периоды для среднесрочного цикла (недаром в литературе конъюнктурные кризисы именуются обычно промежуточными, т. е. возникающими в ходе среднесрочного цикла) . Конъюнктурные кризисы часто отодвигают во времени кризисы воспроизводства, замедляют их вызревание, а тем самым растягивают среднесрочные никлы. Достаточно глубокий и длительный кризис воспроизводства может смягчить и укоротить по времени кризис производства, обеспечить более быструю стабилизацию производства и более быстрое его вхождение в фазу подъема. Наоборот, кризис производства оказывает доформирующее воздействие на конъюнктурные кризисы и кризисы воспроизводства, как и соответствующие им циклы, смягчая или обостряя их в зависимости от обстоятельств.

Кризисы разных типов и соответствующие им циклы не реализуются сами по себе, а накладываются друг на друга, взаимно переплетаются. Отсюда и движение капиталистического производства является в циклическом аспекте весьма сложным и запутанным. На реализацию циклов оказывают влияние различные внешние факторы: научно-технический прогресс, состояние мирового капиталистического хозяйства, империалистическое соперничество, погодные условия, милитаризация производства, войны и т. п. Каждый конкретный кризис или цикл чем-то непременно отличается от своих однотипных предшественников. Однообразие в цикличности сочетается с разнообразием. Иного и быть не может в чрезвычайно сложной, саморегулирующейся, противоречивой системе, функционирующей в постоянно изменяющейся среде.

Неравномерная динамика капиталистического производства, ее флуктуативность связаны с неравномерным движением структуры производства. Превышение спроса над предложением дает стимул производству, и оно идет на подъем. Падение спроса, вызывая превышение предложения над спросом, тормозит рост производства, провоцирует спад. Каждому моменту воспроизводства соответствует то или иное состояние структуры производства, характеризующееся определенным соотношением пропорций. Кризис свидетельствует о таком нарушении пропорций, которое обычным ходом воспроизводства не преодолевается, а исчезает лишь в результате «приостановки» воспроизводства. Именно кризис и дает основание говорить о серьезном нарушении пропорциональности.

Структура производства, характерная для некризисного состояния воспроизводства, его оптимального хода, является нормальной структурой. Нормальная структура — не значит равновесная, равномерно изменяющаяся. Нормальной структуре свойственны неравновесия и неравномерность движения, но такие, которые не обусловливают «срывов» воспроизводства. Структура производства, характерная для кризисного состояния воспроизводства, момента его расстройства, является структурой, можно сказать, антивоспроизводственной. Задача кризиса и состоит в возвращении структуре производства нормального воспроизводственного состояния.

Структура производства непосредственно связана с его организацией. Структура — объект, средство и основа организации. Следует различать организацию структуры (воздействие на структуру производства хозяйственных сил), структурную организацию (организацию производства через структуру, в ходе движения структуры, структурных изменений) и организационную структуру (как основу самого организационного процесса). Структура производства выполняет в связи с организацией сразу несколько функций. В динамике структуры заложено все: и стремление к новой структуре (цель), и реализация этого стремления, осуществляемая через деструктуризацию и реструктуризацию (средство), и сам способ организации изменения структуры, заключающийся в колебательном движении структурных соотношений, во взаимном соответствии и напряжении всех структурных элементов и отношений (механизм).

Хозяйственная организация насквозь структурна. Процесс организации есть процесс изменения структуры от одного ее состояния к другому, в том числе и от воспроизводственного к антивоспроизводственному. Организация капиталистического воспроизводства, будучи в конечном счете стихийной самоорганизацией, предполагает действие противоположных тенденций: к структурному равновесию и к структурному неравновесию, а в итоге — чередование неравновесия воспроизводственного с неравновесием антивоспроизводственным.

2.1.9. КРИЗИС — ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЙ ОРГАНИЗАТОР

Кризис — момент дезорганизации производства. В то же время, стимулируя переориентацию хозяйствования и перегруппировку капитала, ослабляя противоречия производства и его организации, кризис обеспечивает преодоление дезорганизации, восстановление воспроизводственного порядка. Кризис — момент борьбы с дезорганизацией.

Отсюда кризис нужно рассматривать и как фактор организации производства. Последняя не только подвергается кризисам, но и осуществляется через них, с их помощью. Кризис — естественный атрибут самоорганизации, способ ее подстройки и выживания.

Организация капиталистического производства заключает в себе тенденцию к дезорганизации. Эта тенденция всегда имеет место, но не всегда побеждает, если же и побеждает, то не абсолютно и не окончательно. Победа дезорганизации может быть только относительной и временной, а оттого повторяющейся от кризиса к кризису.

Организация должна иметь и имеет возможность преодолевать дезорганизацию, пусть и в чрезвычайных обстоятельствах. Такие обстоятельства возникают во время кризисов. Кризис — разрушитель, но он и созидатель.

Дезорганизация приготовляется конкурентно-рыночным механизмом, она им организуется, но дезорганизация создает возможность преодолеть дезорганизацию, она сама организует, выступает моментом и средством хозяйственной организации. Конкурентно-рыночный механизм, будучи противоречиво устроенным механизмом стихийной самоорганизации, не может не вызвать расстройства производства и самого себя, обеспечивая тем самым возможность дальнейшего существования, функционирования и развития производства и самого себя. Деятельность хозяйственного механизма нужно обязательно рассматривать во времени — как процесс, смену состояний. Без такой смены нет организации.

Взаимоотношения между организацией и дезорганизацией сложны. Последняя есть противоположность первой, но в то же время ее внутренний момент, фактор и форма выражения.

Чем же отличаются друг от друга организация и дезорганизация? Нам представляется, что критерием здесь может служить только характер последствий от деятельности хозяйственного механизма для производства и для самого механизма. Если механизм работает на воспроизводство и на реализацию самого себя, то имеет место процесс организации, если же против воспроизводства и самого себя —-то процесс дезорганизации. В связи с этим получается, что дезорганизация, как и организация, двойственна — она выступает то как чистая дезорганизация и противостоит организации, является ее антиподом, то как организация и является лишь ее особым, хотя и «странным», выражением.

Дезорганизация постоянно присутствует в организационном процессе, но на первый план в этом процессе выступает лишь периодически, в моменты кризисов. Кризис — апогей дезорганизации, но одновременно и время возрождения организации, появления «новой» организации, бо-

рющейся с возникшей дезорганизацией. Кризис необходим, чтобы создавать постоянно нарушаемую пропорциональность. Он — нормальная ненормальность, не слишком приятный, но нужный способ реорганизации производства, настройки хозяйственного механизма, их взаимоприспособления.

Кризис — средство избежать паралича хозяйственной организации, всего процесса производства. Это необходимый механизм в механизме, позволяющий ему действовать посредством «бездействия», торможения, приостановки. Кризис — это механизм организации механизма, атрибут конкурентно-рыночной организации, ее реализации во времени.

2.2. Эволюция в отрицании

Капиталистический хозяйственный механизм сложился в борьбе с хозяйственной несвободой. Предпринимательство разрушило феодальные и цеховые оковы, низвело до минимума государственное вмешательство. Власть привилегий и регламентаций уступила место власти частной инициативы. Наступила эра хозяйственной свободы.

2.2.1. ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ СВОБОДЫ

Отрицая несвободу, конкурентно-рыночный механизм устремился к свободе, а достигнув ее, сам стал свободным. Была обеспечена полнота хозяйственной свободы, что выразилось не только в свободе хозяйствования, т. е. в самостоятельности агентов и возможности выбора, но и в хозяйствовании свободы, т. е. в такой конкурентно-рыночной организации, при которой конкуренция ограничивалась только конкуренцией, а рынок — только рынком. Свобода ограничивалась только свободой!

Хозяйствование свободы — не произвольное и не беспорядковое хозяйствование. Это хозяйствование организованное, но таким образом, что оно не подвергается никакому управляющему воздействию, кроме того, которое им самим предполагается. Это хозяйствование, свободное от внешней, навязанной несвободы.

Однако будучи хозяйствованием упорядоченным, оно осуществляется через несвободу, но не ту, которая была отвергнута капитализмом, а через новую, исходящую уже от самой свободы. Хозяйствование свободы — это хозяйствование свобод, их борьба и взаимное ограничение. В этой борьбе и рождается упорядочивающая свободу несвобода.

Хозяйствование свободы — противоречивое единство свободы и несвободы.

Отметим, что несвобода, порождаемая свободой, не только упорядочивает и направляет свободу, но и служит сохранению этой последней. Тут нужно уразуметь нечто парадоксальное: в условиях полной свободы самую главную угрозу свободе представляет ... сама свобода! Это происходит от того, что свобода и только она творит несвободу, и в этом творчестве может зайти слишком далеко: чересчур большая свобода может породить и чересчур большую несвободу. Ограничение несвободы связано с ограничением свободы; между свободой и несвободой необходимо определенное соотношение — мера, чтобы свобода, постоянно превращаясь в несвободу, не вызвала бы такую несвободу, которая бы уничтожила саму свободу.

Нетрудно догадаться, что в мире хозяйствующих свобод должно быть некоторое достаточное распределение сил, такое, при котором возможно пусть и подвижное, но равновесие между свободой и несвободой. Только при более или менее равномерном распределении энергии свободы по всем центрам решений функционирование свободного хозяйственного механизма будет нормальным.

Не всякая конкурентно-рыночная система соответствует требованиям полной свободы. Таковой может быть только система, при которой, во-первых, ни один из конкурирующих агентов не влияет на решения других агентов, движение общественных хозяйственных параметров и развитие хозяйственной системы иначе, как через воздействие на собственный спрос, на цену и предложение собственного продукта; во-вторых, ни один из агентов не контролирует объем производства, достаточный для осуществления целенаправленного влияния на других агентов, рыночные параметры и всю хозяйственную систему; в-третьих, соглашения между хозяйствующими субъектами, координирующие и направляющие их деятельность, не ведут к устойчивому господству одних агентов над другими, постоянному контролю над общественными хозяйственными параметрами и всей хозяйственной системой общества.

Свободный механизм — не только механизм со свободой хозяйствования, но и со свободой самого механизма. Хозяйствование свободы предполагает свободу как предпринимателя, так и общества предпринимателей. Единичная свобода сочетается со свободой всеобщей. Отсюда

принципиальная негосударственность механизма свободной конкуренции и свободного рынка. Государство не является его атрибутом. Функция организатора общественного производства из центра выполняется самим свободным механизмом.

Хозяйствование свободы — идеал капиталистической организации производства. Это соответствует самому последовательному, самому конкурентному и самому рыночному варианту конкурентно-рыночного механизма, тому варианту, который объективно возник в противовес докапиталистической несвободе как до конца развившаяся ее противоположность. Однако идеал требует и идеальных условий, таких условий, при которых соблюдается равновесие между свободой и несвободой, а также между совокупным предложением продуктов и совокупным спросом на них.

Предоставленный самому себе, конкурентно-рыночный механизм развивается и развивает организуемое им производство не в пользу указанных равновесий. В самом деле, свобода хозяйствования есть и свобода накопления капитала, а вместе с ним накопления самой свободы; скорость накопления в условиях всеобщей конкуренции не может быть одинаковой; предприниматели дифференцируются по силе и степени своей свободы; отсюда неравномерное распределение энергии свободы по центрам решений и угроза равновесию между свободой и несвободой. Свобода хозяйствования, двигая вперед технический прогресс и норму эксплуатации производительных сил, вызывает также усиление тенденции к превышению предложения над спросом. Свободное накопление ослабляет контроль над предложением со стороны спроса, делает его более свободным.

Угроза хозяйствованию свободы исходит ... и от самой свободы. Рано или поздно свободноопределяющаяся система свободного хозяйствования сталкивается со свободной ... дезорганизацией. Особенно когда тому способствуют внешние обстоятельства. Исторически такими обстоятельствами-катализаторами расстройства свободнокапиталистической организации стали промышленный переворот и вызванное им развитие крупного промышленного производства.

Результатом радикальных технических изменений, возникших на основе машины и фабрики, стали ускорение накопления капитала, рост концентрации производства и капитала, увеличение производительности и быстрое освоение старых, унаследованных от предшествующих капитализму способов производства, и новых, возникших уже при капитализме, рынков. Резко усилилась дифференциация предпринимателей: все отчетливее выделялись крупные капиталы. Эластичность предложения заметно повысилась, чего нельзя было сказать о спросе.

Первым серьезным сигналом надвигавшегося неблагополучия стал общехозяйственный кризис 1825 г. Он указал на историческую ограниченность свободного капиталистического хозяйствования, подтвердил наличие острого противоречия между крупным промышленным производством, с одной стороны, и свободной буржуазной собственностью и свободным конкурентно-рыночным механизмом — с другой. Кризис лишь на время разрешил противоречия воспроизводства и его организации, ненадолго ослабил конфликт между производительными силами и производственными отношениями. За кризисом 1825 г. последовали другие кризисы, ставшие регулярными.

Получилось нечто весьма своеобразное. Сначала был совершен буржуазный социальный переворот, приведший к системе свободного хозяйствования. Затем произошел буржуазный технический переворот, который вызвал развитие крупного машинного производства. Созданное в результате обоих переворотов производство не только не гармонировало со своей социальной оболочкой, но стало ее последовательно и усиленно отрицать.

До 70-х гг. XIX в. конфликт между крупной промышленностью и системой ее организации не выходил за рамки периодических кризисов воспроизводства. Это объяснялось прежде всего обстановкой общего и длительного обновления структуры производства и потребления, вызванного промышленной революцией, обновления, обусловившего возможности расширения не только предложения, но и спроса, а также быстрого восстановления возникающих в ходе периодических кризисов диспропорций. Но как только волна промышленного обновления пошла на убыль вследствие морального устаревания характерных для того времени орудий труда и полного насыщения спроса продукцией, соответствовавшей характеру созданных к тому времени производительных сил, так сразу же обнаружились трудности воспроизводства долгосрочного свойства, не преодолеваемые обычным кризисом воспроизводства. Тенденция к перепроизводству и перенакоплению

настолько усилилась, что темпы роста производства надолго снизились, а избыток факторов производства, увеличившись, стал хроническим. Ясно обозначилось устойчивое понижение нормы прибыли. Капитал обесценивался. Хозяйствование свободы испытывало все большие трудности, теряло инициативу и эффективность, его принципы оказались не столь жизнестойкими, как это могло казаться на заре капитализма. Свободноорганизующееся капиталистическое хозяйство попало в состояние затяжного всеобщего кризиса.

2.2.2. ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕСВОБОДЕ

Для капитализма характерна тенденция к расширению производства и увеличению его разнообразия. Рост размеров производства в сочетании с усиливающейся специализацией означает возрастание взаимозависимости хозяйствующих субъектов, превращение совокупного общественного труда во все более единый и взаимоувязанный, а тем самым во все более общественный процесс. Переход производства на более высокий уровень обобществления сопровождается и соответствующими переменами в системе его организации.

В последней трети XIX в. в капиталистическом способе производства как раз и сложилась ситуация, когда производительные силы и капитал, их объемлющий, обогнали по уровню обобществления как систему хозяйственной организации, основанную на свободном частном предпринимательстве, так и систему собственности, которая базировалась на свободной (индивидуализированной, автономной, обособленной) буржуазной собственности.

Кризис свободного частнокапиталистического хозяйствования, обусловленный ростом обобществления производства и усилением взаимозависимости частных хозяйств, заставил капитализм искать новое для себя устройство собственности и хозяйствования, основанное на более общественных и более сознательных, чем это было ранее, формах и механизмах. Потерпев поражение на путях частной свободы, капитализм был вынужден согласиться ... на возврат общественной несвободы.

От конкуренции и рынка как основных начал хозяйственного механизма капитализм отказаться не мог (иначе он перестал бы быть капитализмом), но он мог попытаться качественно их изменить, придать им более несвободный характер, снабдив дополнительными механизмами реализации.

Несвободные конкуренция и рынок допускали, в отличие от свободных, сознательное корректирующее воздействие на хозяйствующих субъектов и всю систему общественного хозяйства. Конкуренция и рынок, оставаясь конкуренцией и рынком, становились более общественными, они как бы обрастали общественными чертами.

Сознательное целенаправленное влияние на действие хозяйствующих субъектов, движение рыночных параметров и поведение всей хозяйственной системы, т. е. влияние, выходящее за пределы того, которое предполагалось условиями хозяйствования свободы, лежит в основе особой дополнительной организации воспроизводства капитала — регулирования. Превращение свободных конкуренции и рынка в несвободные означало, таким образом, развитие *регулируемых конкуренции и рынка.*

Переход к регулируемым конкуренции и рынку был вызван не только изменением характера капиталистического производства, ставшего крупным фабричным, но и развитием самого конкурентно-рыночного хозяйства, его самоотрицанием.

В конкурентной борьбе всегда есть победители и побежденные. Первые, поглощая вторых, становятся все более могущественными. С неизбежностью наступает момент, когда эти сильные агенты-конкуренты оказываются в особом, лидирующем положении перед остальными, получают возможность изменить способ своего хозяйствования, своей конкуренции. Конкурировать можно поразному. Совсем необязательно, а иногда и просто невыгодно и даже невозможно вести безудержную эгоистическую борьбу. Можно пойти и на соглашение, естественно, не всегда и не во всем добровольное, сохраняя при этом свою конкурентную природу. Управляемая конкуренция оказывается нередко предпочтительнее.

Вступив в соглашение, т. е. перестав на время и по какому-либо параметру быть конкурентами, предприниматели оказываются конкурентами «связанными», ведущими, с одной стороны, согласованную конкурентную борьбу с другими агентами, и с другой — опосредованную, ограниченную, неявную борьбу между собой. Разумеется, не каждое соглашение меняет характер конкуренции, но если его роль достаточно велика, чтобы существенно скорректи-

ровать процесс хозяйствования, то соглашение знаменует собой переход к конкуренции несвободной.

Вступить на путь регулирования мог в принципе любой крупный капиталист, если он располагает для этого необходимой мощью. Но таковых практически не было. Поэтому крупные предприниматели становились агентами регулирования не по отдельности, а группами, либо вступая между собой в достаточно прочные соглашения, либо частично или полностью объединяя капиталы, создавая сверхкрупные капиталы, способные осуществить регулирование. Появились новые капиталистические хозяйствующие субъекты — *объединения предпринимателей.*

Все объединения, о которых идет речь, а именно: картели — при простом соглашении, синдикаты — при частичном соединении капиталов, тресты — при полном слиянии капиталов, не только получили возможность регулировать воспроизводство капитала, но и стали обладателями *монополии на регулирование,* ибо никакие другие частные агенты не могли осуществить такое регулирование. Монопольное обладание возможностью и преимуществом регулирования превратило новых хозяйствующих субъектов в *конкурентов-монополистов,* а реализуемый ими способ хозяйствования — в монополистическую конкуренцию. Так произошел переход, а в более широком историческом аспекте— возврат к монополии.

Частная капиталистическая собственность как собственность на обособленный «капитал-индивид», осуществляющий свободный кругооборот, не соответствовала более потребностям высокообобществленного производства. На смену «капиталам-индивидам» пришли «капиталы-ассоциации», осуществляющие уже не свободный, а регулируемый кругооборот. Такой несвободный кругооборот сопровождался и получением «несвободной» прибыли превышающей по размерам ту прибыль, которая могла бы быть следствием свободного кругооборота. Регулируемое воспроизводство сопровождалось прибылью на регулирование, или *монопольной сверхприбылью.*

Получение монопольной сверхприбыли означало изменение характера частного капитала: появились предприниматели, которые производили не просто прибыль, но прибыль с дополнительной прибылью, с премией за регулирование, т. е. *монополистическую прибыль.* Возник, таким образом, особый вид буржуазного дохода, не существовавший ранее, как возник и новый ориентир капиталистического хозяйствования, его особая цель. Собственность, базирующаяся на «капиталах-ассоциациях»,— монополистическая собственность — нашла реализацию в специфическом доходе — монополистической прибыли, а хозяйствование, приносящее эту прибыль, обрело монополистические черты и в собственническом аспекте.

Изменение капиталистической собственности и конкурентного хозяйствования в связи с монополией означало не просто появление у капитализма новых свойств на определенном этапе развития, а настоящую трансформацию капиталистического способа производства, вступление его в особую стадию развития. На смену старому свободному капитализму пришел капитализм новый — несвободный, монополистический. Капитализм остался, и на это всегда указывал В.И.Ленин, капитализмом, ибо сохранилось производство прибавочной стоимости и прибыли, сохранились конкуренция и рынок, но капитализм стал другим, так как, породив конкуренцию и монополию, он обрел новый способ производства прибыли, новый способ конкурентного хозяйствования, новый способ организации рынка.

Поражение, постигшее свободное конкурентно-рыночное хозяйствование, заставило капитализм обратиться к несвободе, но несвободе особого рода. Это была несвобода, порожденная свободой, но не ради свободы, как это было ранее, а против нее, т. е. это была несвобода несвободной, а не свободной конкуренции. Обращение к такой несвободе означало в известном смысле и возврат к отвергнутой ранее капитализмом несвободе: в хозяйственную организацию общества вновь вошла монополия. Правда, это была качественно другая монополия, не отрицавшая абсолютно конкуренцию и рынок, но все же это была монополия.

Самоорганизация производства с появлением монополий не исчезла, как не исчезла и хозяйственная свобода. Угасла не вообще свобода, а та «свобода в квадрате», воплощением которой было как раз хозяйствование свободы. Капиталистические агенты продолжали оставаться достаточно свободными, чтобы не утратить самостоятельности и возможности выбора. Но все они уже были ограниченно и по-разному свободными. Появились агенты более свободные и менее свободные, а уменьшение свободы для конкурентов вообще компенсировалось возрастанием свободы для отдельных конкурентов, ставших монополистами.

Развитие капиталистической организации шло путем отрицания отрицания. Сначала было отрицание несвободы свободой, а затем, по достижении расцвета свободы, стало фактом новое отрицание, но уже свободы несвободой. Произошло то, что Л. Фейербах назвал «выворачиванием вывернутого». В итоге произошел своеобразный возврат к докапиталистическим формам и механизмам, но уже в новом, т. е. капиталистическом, воплощении.

Переход от свободного капиталистического хозяйствования к несвободному был ознаменован развитием не *только частного, но и общественного регулирования воспроизводства капитала.* Коль скоро возникла объективная потребность в сознательном воздействии на деятельность хозяйствующих субъектов, движение хозяйственных параметров и развитие всего общественного производства, то это значило, что такое воздействие могло осуществляться не только на микроуровне, но и на макроуровне, тем более что организация взаимодействия крупных индустриальных производительных сил, достигших национальных и сверхнациональных пределов обобществления, требовала именно общехозяйственных координирующих усилий.

Ведущая роль в реализации регулирования воспроизводства капитала на макроуровне исторически оказалась отведенной государству, что объясняется его особым положением и специфической функцией в обществе: государство является общественным агентом — носителем законодательной и административной власти, располагает большой материальной и финансовой мощью и возможностью ее относительно быстрого и значительного расширения, занимает позицию общественного центра. Все это дает государству возможность достаточно сильного, масштабного и разнообразного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Нужно заметить, что государство всегда проявляет интерес к освоению хозяйственной сферы, что связано с рядом обстоятельств: давлением отдельных классов и социальных слоев, стремящихся с помощью государства решать собственнические и хозяйственные проблемы, укреплять господство или, наоборот, добиваться равенства и социальной справедливости; выполнением государством общественных функций, требующих крупных материальных и финансовых затрат, а иногда и действенного контроля над производством (например, в связи с обороной и ведением войн); стремлением самого государства к усилению своего влияния в обществе, в том числе и посредством контроля над хозяйством. Государство всегда готово к внедрению в сферу производства, тем более, если потребность в огосударствлении хозяйственной системы исходит от самой этой системы.

Капитализм — негосударственный способ производства. В существе своем он возникает и существует без государства, последнее не лежит в его основании. Это, разумеется, не мешает буржуазным государствам играть заметную хозяйственную роль, а во многих странах настолько значительную, что дает повод говорить о существовании этатизированных — даже в условиях свободной конкуренции — хозяйственных систем. Государство также всегда и везде остается крупным субъектом собственности.

Участие государства в хозяйственной жизни капитализма на протяжении всей его истории свидетельствовало, что на рубеже XIX—XX в. произошло не зарождение, а усиление государственно-капиталистических тенденций, что буржуазное государство было в целом готово к широкому и последовательному огосударствлению производства, системы его организации.

Поначалу государство активизировалось во внешней сфере, стремясь ослабить противоречия капиталистического хозяйства за счет внешней экономической и политической экспансии. Буржуазные власти приняли участие в вывозе капитала и его стимулировании, в обретении новых рынков сбыта, в экономическом и территориальном разделах мира.

Внутренняя сфера оставалась до поры до времени не столь подверженной государственному влиянию. Это и понятно. Капитализм пытался выйти из своего глобального кризиса прежде всего за счет частной инициативы, посредством широкого развития частного регулирования, что было более естественным для негосударственного способа производства. Ограничение свободы частного предпринимательства в пределах отношений между предпринимателями было предпочтительнее ограничения этой свободы со стороны государства. Ведь признать огосударствление — признать еще одну несвободу. Частному капиталу, в том числе и монополистическому, еще нужно было осознать необходимость огосударствления, а для этого требовались время и новое подтверждение этой необходимости.

Несмотря на повышенную активность государственной власти во внешней сфере, вмешательство государства в процесс общественного воспроизводства, хотя и медленно, но также развивалось, главным образом в кредитно-денежной сфере. Усиление милитаризации в связи с подготовкой и ведением империалистических войн привело к увеличению доли национального дохода, перераспределяемого через правительственные каналы. Активно расширялся казенный рынок, на котором единственным заказчиком и потребителем было государство.

Устанавливались и бурно развивались отношения между государственным и монополистическим капиталом. Промышленные и банковские монополии, финансовый капитал, все более укрепляя свое главенствующее положение в буржуазном обществе, проявляли неуклонное стремление к подчинению государственной власти для обеспечения и упрочения своего господства.

Союз между монополиями и государством становился все более тесным. Складыванию такого союза не помешала и «борьба» с монополиями, которую правительства были вынуждены вести под давлением немонополистической буржуазии. Государство и само проявляло заинтересованность в прочных союзнических отношениях с монополиями — лидерами частнокапиталистического хозяйствования эпохи империализма.

Объективная обусловленность усиления хозяйственной роли государства восходит к кризису свободного капитализма, и такое усиление должно было произойти в любом случае — и с монополиями и без монополий. За крахом свободного хозяйствования стояла потребность не только в микрорегулировании, но и в макрорегулировании воспроизводства капитала. Это полагалось самим уровнем обобществления производства, „новым характером производительных сил. Однако в силу повышенного сопротивления буржуазной системы всякой несвободе, исходящей от государства, огосударствление не могло осуществляться с той же степенью интенсивности и в те же сроки, что и монополизация. Но объективная потребность в огосударствлении уже существовала, она^должна была обязательно преодолеть рано или поздно инерцию буржуазных традиций.

Мощный стимул к развитию огосударствление получило от очередного глобального затяжного кризиса капиталистического производства, случившегося в 30-е гг. текущего столетия. Для полной победы огосударствления потребовался, таким образом, не один, а два кризиса производства, а следовательно, и два кризиса хозяйственного механизма капитализма. Первый кризис был кризисом свободной конкуренции, он ясно обнаружил необходимость огосударствления, второй — кризисом монополистической конкуренции, сочетавшейся с ограниченным для обычных условий вмешательством государства в ход воспроизводства. Второй кризис подтвердил необходимость огосударствления капиталистической системы хозяйства и открыл этому огосударствлению дорогу. Так, постепенно, с приливами и отливами, противоречиво осуществлялся переход к регулированию всей хозяйственной жизьи из одного центра. Монополистический капитализм превратился в итоге в огосударствленный монополистический капитализм, или государственно-монополистический капитализм. Окончательно последний сформировался на рубеже 50—60-х гг. XX в.

Так завершился растянувшийся более чем на полстолетия процесс возврата огосударствления хозяйственного механизма. Как и в случае с монополизацией, это было отрицанием отрицания — «выворачиванием вывернутого». Новое огосударствление было вместе с тем и другим по существу, оно предполагало, в отличие от докапиталистического, наличие конкуренции и рынка, сохранение определенной хозяйственной свободы. Оно было буржуазным, осуществленным капитализмом для себя, в целях самосохранения. Огосударствление означало дальнейшее после монополизации отрицание свободы хозяйствования. Монополистическое микроотрицание было теперь дополнено государственным макроотрицанием. Круг замкнулся: отрицание свободы стало всесторонним.

Выделяя два наиболее существенных направления развития капитализма, последовавших за кризисом свободного хозяйствования, было бы справедливо обратить внимание и на третье, которое получило не менее бурное развитие, чем два первых, но которое всего менее отмечалось в марксистской литературе, а именно *немонополистическую* и *негосударственную* координацию деятельности капиталистических хозяйственных агентов, осуществляемую как посредством локальных соглашений, так и посредством создания и функционирования различного рода общественных ассоциаций производителей и потребителей, промышленников, торговцев, банкиров, трудящихся. Осо-

бую роль в подобном ассоциационном движении играют союзы предпринимателей и профессиональные союзы.

В итоге развития всех видов собственнического и хозяйственного обобществления капитализм перешел к особой исторической форме своего бытия — своеобразному общественному капитализму, когда частное начало получило, оставаясь частным, общественные формы выражения и реализации; когда общественно организованный капитал взаимодействует с общественно организованным трудом; когда частная организация реализуется как организация общественная; когда собственническая и хозяйственная свободы осуществляются через несвободу.

Произошло величайшее в истории капиталистического способа производства событие: самопревращение на путях самоотрицания. И рассматривая это событие, мы приходим к важнейшему выводу, что эра свободного хозяйствования не могла быть в истории капитализма ни чем иным, как особым историческим эпизодом, имеющим более переходное, чем самостоятельное, значение. Период свободного хозяйствования был объективно необходим, так как только через полное (возможно, более полное) отрицание хозяйственной несвободы капитализм мог стать капитализмом. Однако, развившись, капитализм не мог оставаться в лоне свободной организации, обернувшись вследствие своей стихийности и анархичности несвободой. Встав на одну «ногу» — хозяйственной свободы, капитализм с неизбежностью был вынужден встать и на другую — хозяйственной несвободы. Волевым образом отведенный слишком далеко в одну сторону — к свободе, он должен был рано или поздно устремиться в обратном направлении — к несвободе. Историческая потребность в таком возврате к несвободе (возврате, не надо забывать, диалектическом) возникла не совсем и не только в конце XIX в., она возникла гораздо раньше — уже с момента отрицания капитализмом некапиталистической несвободы. На одной ноге долго не устоишь. Равновесие требует по крайней мере не одной опоры. Возврат к несвободе и утверждение в капиталистической системе хозяйства несвободного начала и были объективно направлены к поиеку равновесия (разумеется, динамического) между хозяйственными свободой и несвободой.

Несвобода нашла воплощение в регулировании, но не заменяющем вовсе конкуренции и рынка, а лишь их дополняющем, и дополняющем не механически, находясь как бы

рядом, а органически, став имманентным фактором. Переход произошел не от конкуренции и рынка к монополистической и государственной организациям, а от свободных конкуренции и рынка к монополизированным и огосударствленным конкуренции и рынку. Свобода оказалась ограниченной, подправленной, но не утраченной полностью. Свободный конкурентно-рыночный механизм превратился в несвободный конкурентно-рыночный механизм а следовательно, в «несвободный свободный» механизм.

Трансформация свободного хозяйства в несвободное, или нерегулируемого в регулируемое, логически и исторически вылилась в две — по сути и по времени — качественные мутации. Первой стала монополизация хозяйства, второй — огосударствление. Превращение капиталистического хозяйства в государственно-монополистическое произошло посредством перехода *сначала в монополизированное конкурентно-рыночное хозяйство, а затем уже в огосударствленно-монополизированное конкурентно-рыночное хозяйство.*

2.2.3. ПРОТИВОРЕЧИЯ ОСТАЮТСЯ И УСЛОЖНЯЮТСЯ

Возврат к несвободе разрешил противоречие между хозяйственной свободой и порождаемой ею хозяйственной несвободой, но вследствие сохранения капитала, конкуренции и рынка он не мог снять вообще противоречий конкурентно-рыночной организации, как не мог не породить и новых для нее противоречий — противоречий уже регулируемой конкурентно-рыночной организации, сочетающей хозяйственную свободу с хозяйственной «несвободой».

Монополист, как и любой предприниматель, действует в рамках противоречий, присущих конкурентному хозяйствованию. Его хозяйствование также подвержено самоотрицанию, хотя и самоотрицанию иного рода — посредством монополистического регулирования. Влияние же регулирования противоречиво: с одной стороны, оно сопротивляется самоотрицанию, с другой — его поощряет. Все дело в направленности и конкретном содержании регулирования, а главное — в мере.

Внутренняя противоречивость конкурентного хозяйствования обретает более сложное выражение, оно дополняется новым механизмом и обрастает новыми противоречиями. Это уже противоречие не просто конкуренции самой конкуренции,а монополистической конкуренции моно-

полистической конкуренции, но выраженное также в противоречиях конкуренции и монополии,конкуренции и регулирования, а в результате монополии самой монополии, регулирования регулированию.

Отрицание монополией свободной конкуренции компенсируется получением монополией свободы регулирования, расширяющего сферу и возможность конкурентного — в монополистической форме — хозяйствования. Но свобода регулирования с неизбежностью оборачивается несвободой как конкуренции, так и самого регулирования. Монополия наталкивается на ограничения, идущие от монополии. Ограничения свободы хозяйствования снимаются монополией путем введения новых ограничений. Снимая противоречия свободной конкуренции, монополия возрождает их как противоречия несвободной конкуренции.

Аналогично обстоит дело и с противоречиями взаимодействия, характерными для взаимоотношений хозяйственных субъектов. Здесь повторяется та же картина, что и в случае с внутренней противоречивостью: противоречия воспроизводятся, но уже в новом обличье, с усложненным механизмом реализации, вместе и посредством новых противоречий.

Борьба одинаковых по характеру конкуренций превращается в борьбу *разных* конкуренций: монополист против немонополиста, монополист против монополиста, немонополист против немонополиста. Теперь уже не просто конкуренция противостоит конкуренции, а монополия и регулирование одного предпринимателя противостоят конкуренции — либо обычной конкуренции, либо с монополией и регулированием — другого. Конкуренции теперь противостоит и регулирование, но регулирование в то же время противостоит и ... регулированию.

Конкуренция конкуренций выступает теперь как конкуренция монополии с конкуренцией, как конкуренция регулирования с конкуренцией, а одновременно с этим и как конкуренция монополий, и как конкуренция регулирований. Конкуренция как единство и борьба конкуренций переходит в единство и борьбу конкуренции и монополии, конкуренции и регулирования, но также в единство и борьбу монополий (регулирований).

Усложненной реализацией отличаются и противоречия превращения. Монополистическое хозяйствование включает в себя два взаимоисключающих способа хозяйствования: свободный, исходящий собственно от конкуренции,

и несвободный, идущий от монополии. Оба способа уживаются вместе, в рамках более общего способа, реализующегося в особом типе конкуренции — монополистической.

Монополия и регулирование являются следствием самой конкуренции. Хозяйствование монополиста начинается как конкуренция (вложением капитала) и заканчивается как конкуренция (приростом капитала). Но в процессе своей реализации конкуренция порождает монополию и регулирование, которые оказываются не более чем ее внутренними моментами. Один способ хозяйствования порождает другой, и что удивительно — противоположный, т. е. порождает в самоотрицании. И такое самоотрицание не приводит к'гибели конкуренции, наоборот, обеспечивает ее выживание. Превращение одного способа в другой обязательно сопровождается обратным превращением. Новый способ не отделяется от старого, а как бы возвращается в него, остается в нем, чтобы и изменить и сохранить его.

Самоотрицание конкуренции, безусловно, вынужденно. Без помощи исходящей из нее противоположной организации конкуренция уже не может себя реализовать ни как просто конкуренция, ни как конкуренция со сверхприбылью. В то же время самоотрицание сопряжено с риском. Оно не только мешает реализации конкуренции, но может и спровоцировать ее полное отрицание, подорвав устои и стимулировав гибель.

Сохранение конкуренции в условиях и за счет самоотрицания говорит о том, что превращение конкуренции в свою противоположность всегда является неполным, как бы временным и моментным.

В какой же способ хозяйствования превращается конкуренция? Отвечая на вопрос, заметим, что в движении к противоположности в данном случае есть момент возврата к прошлому, к тому способу организации, который был ранее отвергнут капитализмом, а именно к цеховому строю. Сознавая, что полного возврата к цеховой организации нет и быть не может, мы, однако, должны учесть то специфическое, что отличает цеховой строй от конкурентного, т. е. то, к чему устремляется конкуренция в процессе самоотрицания. В цеховой системе такой противоположностью конкуренции является общественная регламентация хозяйства, представляющая в цеховой системе специфический аналог планомерной организации.

Отсюда заключаем, что самоотрицание конкуренции есть движение в сторону планомерности. На это, как известно, обратили внимание классики марксизма. Но движение *в сторону* планомерности вовсе не является переходом к *собственно* планомерной организации. Превращение конкуренции в свою противоположность не является и не может быть уничтожающим саму конкуренцию. Оно может быть превращением не в планомерность как таковую, а лишь в нечто ее представляющее, и обязательно приспособленное к конкуренции, оказывающееся ее моментом.

Монополистическое регулирование «не дотягивает» даже до цеховой организации, оно есть совершенно особый, квазипланомерный способ организации, находящийся в единстве с конкуренцией. Утверждая, что конкуренция превращается в противоположность, мы имеем в виду, что она, идя к противоположности, воплощается в конечном итоге в своеобразной «полупротивоположности». В движении вперед, от конкуренции заложено и движение назад, к конкуренции.

Монополистическое регулирование не может осуществить действительно планомерной организации общественного производства. Оно не может выйти за пределы конкуренции, занимая подчиненное по отношению к ней положение, обслуживающее, а потому являясь более конкурентным, чем неконкурентным фактором. Планомерность же может восторжествовать только при условии полного уничтожения конкуренции.

Реальностью при капитализме стал особый «полупланомерный-полуконкурентный» механизм сознательной организации конкуренции и рынка — *монополистическое регулирование,* этот специфически капиталистический при всей его «антикапиталистичности» способ хозяйствования. Если капитализм и породил планомерность, то уж слишком искаженную, такую, которую можно назвать только «непланомерной планомерностью». Все сказанное о планомерности применительно к монополиям можно с неменьшим основанием отнести и к «планомерности», обусловливаемой государственным хозяйствованием. И в рамках государственной организации реализуется не более как «непланомерная планомерность».

Хозяйствующие субъекты, осуществляющие регулирование, т. е. монополистические агенты или государство, стремятся, конечно, привнести в хозяйственный процесс планомерную организацию, для чего составляют различного рода планы, проекты, программы. Но, начиная свою регулирующую деятельность в планомерной форме, они не могут ее реализовать до конца, поскольку сталкиваются с базисной для капиталистического хозяйственного механизма конкурентно-рыночной организацией, упорно поглощающей в себе планомерные акции, «обращая их в свою веру», превращая в конечном итоге в атрибуты конкурентно-рыночной организации.

В монополистической и государственной организациях (как и в любой другой организации, несущей в себе планомерность) сосуществуют, переплетаются и борются между собой противоположные сущностные начала, и осуществляются все эти организации в рамках противоречия *между тенденцией к планомерной организации и ее фактической конкурентно-рыночной реализацией.* Отсюда регулирование следует трактовать не как управление, а всего лишь как ориентацию, побуждение, стимулирование, т. е. трактовать как сознательную деятельность, имманентно входящую в систему самоорганизующегося на основе конкуренции и рынка хозяйства.

Обусловленные развитием микрорегулирования и макрорегулирования противоречия капиталистического хозяйственного механизма приняли новый облик, усложнились, умножились.

Упрочение регулирования" привело прежде всего к усилению и изменению роли сознательного и субъективного начал в организации производства, которые, выйдя за пределы, отводимые им системой свободного хозяйствования, стали более активными и значимыми. Если ранее они выступали как частные и только частные, то теперь, обретя определенные общественные функции, стали выступать как общественные начала.

Отсюда и изменение механизма реализации общественного начала. Теперь это уже не сугубо стихийный и сугубо объективный механизм, а более сложный — стихийно-сознательный и объективно-субъективный. В итоге произошло как бы перевоплощение противоречий капиталистического хозяйственного механизма. Так, противоречие между частным сознательным и общественным стихийным началами, а также противоречие между частным субъективным и общественным объективным началами получили более сложное выражение: как противоречие между частно-общественным сознательным и стихийно-созна-

тельным общественным началами и как противоречие между частно-общественным субъективным и объективно-субъективным общественным. Появились и новые противоречия, отражающие новое состояние самих организационных начал: между частным сознательным и общественным сознательным, между сознательным общественным и стихийным общественным, между частным субъективным и общественным субъективным, между объективным общественным и субъективным общественным.

Регулирование повлияло на механизм реализации товарного хозяйства, а следовательно, и присущих ему противоречий. Дополнительное воздействие на цены, спрос и предложение, т. е. превращение их в регулируемые параметры, не могло не внести коррективы в пропорции обмена, ход всеобщего товарообмена, осуществление закона стоимости и закона спроса и предложения. Искажая и нарушая «течение товарной жизни», регулирование может вызвать обострение свойственных товарно-денежному механизму противоречий, а став структурным фактором этого механизма, оно порождает и новые противоречия, восходящие к антитоварному характеру регулирования. В самом деле, регулирование, будучи направленным на стоимостные параметры, на движение товара и денег, уменьшает зависимость хозяйствующих субъектов от поведения вещных хозяйственных посредников, ослабляет то, что принято называть товарно-денежным фетишизмом. В то же время регулирование, будучи направленным непосредственно на потребительную стоимость, действует против стоимости, в определенной мере ее отрицает. Во всем этом проявляется тот самый подрыв товарных отношений, о котором говорил В. И. Ленин. Выходит, что регулирование обусловливает развитие противоречия между товарным и нетоварным началами в организации производства, а в более широком смысле — между экономической и неэкономической (административной) организациями общественного производства.

Регулирование вмешивается также и в движение хозяйственных противоречий, связанных с капиталом. Добывание прибыли и накоплеггие капитала становятся регулируемыми процессами. Отсюда появляется соблазн наибольшего благоприятствования производству прибыли и накоплению капитала в ущерб производству потребительных благ и сбалансированности общественного производства. Излишний акцент на капитале и прибыли может спровоцировать кризисные явления в экономике и вызвать напряжение в обществе.

Регулирование модифицирует форму и механизм движения противоречия между микрохозяйствованием и макрохозяйствованием: каждому из потоков хозяйствования противостоят потоки микрорегулирования и макрорегулирования. Взаимопереходы микрохозяйствования и макрохозяйствования усложняются и весьма противоречиво: с одной стороны, участие регулирования будто бы приоткрывает завесу над «черным ящиком», а с другой стороны — еще более затемняет дело, запутывая и без того сложные процессы, делая работу «черного ящика» еще более таинственной и непостижимой. Недаром же в марксистской науке возникла проблема «действия-недействия» основных экономических законов капитализма, вызвавшая немало недоумений и дискуссий.

Регулирование порождает и специфические противоречия самого регулирования.

Прежде всего регулирование противоречит хозяйству, которое оно регулирует, поскольку данное хозяйство организуется собственным механизмом, действующим независимо от регулирования. Отсюда любое регулирование есть не что иное, как борьба с регулируемой системой, в которой не столько субъект регулирования, сколько его объект, т. е. само хозяйство, навязывает в конечном счете подходящий для него способ реализации регулирования. Тяготение регулирования к планомерности не спасает его от рыночности, конкурентности, более того, вызывает нежелательные последствия для регулируемой системы, обостряя свойственные ей самой противоречия.

Регулирование оказывается, кроме того, зараженным собственным внутренним противоречием: между микрорегулированием и макрорегулированием. Обе системы регулирования дополняют друг друга, но единого организма не составляют. Более того, оба регулирования реализуются так, что одно в другое почти не переходит. Первое осуществляется в рамках микрохозяйствования, второе — макрохозяйствования. И только через посредство микрохозяйствования и макрохозяйствования, их взаимоотношений и происходит взаимодействие и взаимопревращение обоих потоков регулирования.

Микрорегулирование и макрорегулирование имеют и свои собственные внутренние противоречия. Между элементами их систем — однопорядковыми (например, между

целями) и разнопорядковыми (например, между целями и методами) — существуют несоответствия. Всегда бывает так, что в системе находятся хотя бы два элемента, совместное применение которых вызывает противоположные, взаимоисключающие эффекты. Каждый элемент — прямой или косвенный соперник остальных. Один отрицается другим.

Кроме противоречий регулирования целесообразно выделить противоречия конкуренции.

Государственно-монополистическому капитализму свойственна конкуренция регулируемая. Но наряду с ней существует и нерегулируемая конкуренция, близкая в чем-то свободной конкуренции,— «квазисвободная конкуренция» (не свободная полностью в силу сосуществования с регулируемой конкуренцией). Оба вида конкуренции тесно переплетены, являясь, как правило, формами хозяйственной деятельности одних и тех же агентов. Обе конкуренции дополняют и обеспечивают друг друга, но в то же время противодействуют и мешают друг другу. Они составляют единство противоположностей.

Следующее противоречие конкуренции — противоречие между конкуренцией и монополией на регулирование. Специфика данного противоречия состоит в монопольности регулирования: в том, что оно существует для монополии и как монополия. Отсюда произвол регулирования, его излишняя свобода, которые нередко оказываются разрушительнее произвола и свободы самой конкуренции.

Превращение капитализма в государственно-монополистический не избавило хозяйственный механизм от присущих ему классических противоречий, хотя и заметно усложнило их реализацию. Возникли и новые противоречия. Иного и не могло быть в диалектически устроенной системе, переходящей на новый уровень развития и обретающей новую — более сложную — форму бытия.

3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сказать, что эра социальной революции началась...—мы скажем. Но, чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм,— мы этого не знаем,

В. И. Ленин. 1918 г.

Социализм — это прежде всего и д е я. Социализм пока не возник сам собой как результат естественного превращения общества, а вот идея социализма уже давным-давно стала принадлежностью идеального мира человека. Идея — чистое создание чистого разума, но далеко не всегда выдумка. Социализм — не выдумка, а предчувствие, великое предчувствие, спровоцированное не голой фантазией, а размышлением над духовной сутью человека и его пути в неведомом, но осваиваемом им мире. Идея социализма — плод воображения, но воображения, примеривающего человека к самому себе и миру, к прошлому и грядущему, рожденного духом в процессе самопознания и решающем задачу бытия духа. Социализм как идея — ответ на вечные вопросы: кто мы, откуда и к у д а идем?

Если не социализм, то что же?

Идея. Идея — идеал. Идея — ориентир. Идея — руководство. В начале — *слово.* А слово объединяет людей и сотворяет народы. Слово сильнее тверди, если, конечно, слово выношено духом и одобрено интуицией, которые умнее любого человеческого расчета. Социализма еще нет, но он уже есть. В реальности — как возможность, в идее — как данность. Феномен бытия, но бытия *культурного.* Социализм — это потенция, смысл, воля. Воля разума и духа, воля жизни.

Социализм и социалистическое начало — не одно и то же. Последнее объективнее, реальнее, фактичнее. Уже потому, что существует — в сознании и вне его — как антипод несоциалистического. Социалистическое может существовать среди несоциалистического. Социализм может существовать только в среде социалистического. Социализм — не просто начало, а начало, развернутое в целостную общественную систему. И если социалистическое начало зачастую возникает и присутствует в социуме само по себе (любая община, как и любой ее аналог, в чем-то существенно социалистична), то социализм сам по себе, т. е. без опосредствования его генезиса предшествующим словом, не возникает, не возник и возникнуть *не может.* Социализм без идеи — не социализм. Социализм — это к у л ь т у р а.

Культура сначала и прежде всего идеальна. Культура — замысел, материализующийся сознанием и в сознании. Это — не просто идея и даже не множество идей, а *целая культура идей.* Только приняв облик культуры, социализм может удержаться в сознании и развиться до Целостного миропонимания. Социализм, как и любая обобщающая социальная идея,— *саморазвивающаяся культура,* способная к *самообновлению.* Она рождает противоречия и разрешает их, переживает подъемы и спады, кризисы и расцветы. Как и любая развивающаяся

культура, социализм перебирает варианты, попадая в тупики и выходя из них, пробуя и утверждаясь. Социализм проверяется жизнью, но также и самим социализмом. Социализм диалогизирует с социализмом, точка зрения — с точкой зрения, концепция — с концепцией.

Ища себя, свое место в мироздании, свое самоопределение, человек ищет и социализм. Социализм — душа Человека, его стремление, его истина и опора. Человек — весь в сознании и культуре, весь в идеях и Идее!

Любой анализ социализма начинать должно с идеи.

3.1. Социализм как идея

Объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом.

Ф. Энгельс

Что такое социалистическое? Это прежде всего общественное. Socialis — общественный. Socialisme — общество, устроенное на началах общественности, общественное общество. Однако не любая общественность может быть признана социалистической. Таковой может быть лишь общественность, которая, во-первых, выходит из самого общества, а не навязывается ему со стороны; во-вторых, осуществляется самими трудящимися и в их интересах; в-третьих, является результатом свободного творчества свободных индивидов. Это такая общественность, которая свободно признается индивидами, которой индивиды свободно следуют и которая вне воли свободных индивидов не существует и не реализуется.

В производственном аспекте социалистическое выражено в *сотрудничестве свободных индивидов,* таком сотрудничестве, при котором *индивидуальный труд непосредственно и свободно включен в общественный, а общественный непосредственно и свободно выражен в частном.* Непосредственность сочетания частного и общественного трудов при социализме не означает ни их растворения друг в друге, ни снятия их противополагания. Частное и общественное начала никуда не исчезают. Они остаются, причем- в единстве противоположностей, но получают иной, чем это имеет место в несоциалистических системах, способ разрешения свойственного им противоречия.

Особенность данного способа состоит в том, что он обеспечивает разрешение противоречия без характерного для несоциалистических образований *насильственного посредничества* специальных социально-организационных структур и механизмов, противостоящих труду, как частному, так и общественному. При общинном строе, например, это традиция и адекватный ей архаический (освященный глубоким прошлым) порядок; при рабовладельческом строе — система рабовладения; при феодальном — феодальное землепользование и крепостничество; при капитализме — капитал; в азиатских обществах — государственная организация. Что же касается социализма, то в его рамках нет ничего, что в социально-организационном плане мешало бы частному труду *самому* включиться в общественный и *самому* стать общественным, а общественному труду быть общественным по *свободному волеизъявлению* частных трудов. Именно такого рода разрешение противоречия между частным и общественным трудами присуще — в идеале, конечно,— социалистическому сотрудничеству.

Общественное при социализме не самодовлеет, оно реализуется через *полностью* развитое частное (индивидное!), такое частное, которое самостоятельно и свободно признает себя общественным (переводит себя в общественное). Социализм — это общественное, но это и частное: приоритет общественного реализуется через приоритет частного. Понять социализм — понять это сочетание несочетаемого.

Социалистическое сотрудничество предполагает и наличие особого общества, особых технологической и социальной культур. Речь идет о воистину высококультурном обществе: высокопроизводственном, высокоэкономическом, высококоммуникативном, высокосамоорганизационном, а главное, высокосознательном, обладающем высокой этикой, такой, при которой уже не возникает сомнения в полезности и естественности свободного, а потому и возвышающего каждого человека сотрудничества.

В воображении мы можем представить хотя бы в общих чертах общество социалистического сотрудничества, но мы не можем такое общество увидеть: такого общества нет, человечество к нему еще не пришло. Самое большее, что есть,— это тенденция к такому обществу- Социализм не реален, ибо социализма, адекватного самому себе, пока в действительности нет, но социализм реален, ибо в мире есть движение к социализму.

Социализм сейчас — более цель, чем реализация, более познание, чем осуществление, более судьба, чем свершение, но и дело, практика, факт — попытка!

3.2. Социализм как реальность

Новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

В. И. Ленин

Стремление к социализму долго оставалось лишь стремлением. Практика разрушала практику. Но идея жила, ибо соответствовала чаяниям человека — существа, может быть, и «заблудшего», но ищущего реализации самого себя, человеческого в человеке, гуманистического в природе и неприроде, всеобщей гармонии. Идея жила и выжила. Наступил девятнадцатый век, а за ним и двадцатый, а вместе с ним — и время выхода практического социализма.

Социализм — особое, еще только возникающее общество. Настолько особое, насколько существующее *не* особо. Социализм — общество, отрицающее любое существующее общество, ибо любое существующее общество ниже по уровню организации, чем социалистическое идеальное, а раз *ниже,* то и любое реальное движение к социализму вызывает не менее реальное сопротивление любого существующего общества. Сопротивление тотальное — на всех уровнях и во всех направлениях, во всех точках. Сопротивление естественное, и не только потому, что предшествующее не хочет уходить с исторической арены, а и потому, что предшествующее не может уйти с исторической арены, ибо оно более соответствует *нынешней* реальности, чем надвигающееся социалистическое. Сопротивление предшествующего выглядит естественным и потому, что переход к социализму обусловлен не физическим устранением предшествующего (наиболее подошедшего к социализму), а преобразованием, мало того, ссшопреобразованием предшествующего, хотя и не исключающего сознательного, волевого стимулирования. Победа социализма — это победа саморазвивающегося человечества, саморазвивающейся культуры. Победа социализма — не захват, не разрушение, а итог исторического развития, качественного самопреобразования. Социализм требует времени, попыток, выдержки. Это поистине историческое дело, функция от самой истории.

Продвигается ли человечество по пути социализма? Да.

Каким образом? XX век демонстрирует три пути-варианта. Первый — посредством естественной социализации, т. е. вызревания и развития социалистических качеств в социокультурной плоти человечества (естественная эволюция, не исключающая и естественных качественных скачков). Второй — посредством искусственной социализации, т. е. внедрения (и даже насильственного) социалистических качеств в социокультурную плоть человечества (сопровождается революциями — социальными, хозяйственными, культурными). Третий — посредством сознательного стимулирования естественной социализации, т. е. ускорения развития социалистических качеств в социокультурной плоти человечества (путь реформ, не чуждый при необходимости и революций).

Все три пути реальны, они имеют место в действительности. Самым надежным является, конечно, первый, хотя и самым медленным. Наиболее быстрым является второй, но зато и наиболее «затратным» (дорогостоящим), наиболее рискованным и наименее эффективным по конечному результату («посев» социализма на исторически неподготовленную почву не может не сопровождаться разрушениями и жертвами, не может не приводить к «неожиданным», т. е. неприемлемым для идеи социализма, итогам). Наиболее подходящим является, видимо, третий путь, который уважает естественность исторического развития, создает условия для его ускорения и полной самореализации в социалистическом образе.

История, "однако, не чурается ни одного из путей-вариантов, даже в самом разрушительном и жертвенном, в самом, с точки зрения цивилизованного человека, бессмысленном исполнении. История действует по-своему и по-разному, но действует она через человека. Дела истории — деяния» человека. Все хорошее и все плохое — от человека, а не от истории. Каким бы объективным ни представлялся нам исторический процесс, субъективной ответственности человека перед человеком история не снимает, и если мы говорим, что история не чурается ни одного из путей-вариантов движения к социализму, то это означает, что не чурается этого сам человек.

Здесь важно сделать одну оговорку: мы обязаны учитывать, что далеко не всякое на словах социалисти-

ческое преобразование есть действительно социалистическое. Стремление человечества к социализму может быть, к сожалению, использовано для достижения вовсе не социалистических целей, и тогда мы получаем не социализм, а некий псевдосоциализм, а нередко и нечто такое, что и псевдосоциализмом не назовешь. Отсюда далеко не все, что провозглашается социалистическим, следует почитать за социалистическое. Социальная мимикрия сильна, она легко вводит в заблуждение, соблазняет, а потому от человека-реализатора требуется здесь немало зоркости и бдительности.

Псевдосоциализм — реальность. И от нее не отмахнуться. Единственное, что остается, признавая существование псевдосоциализма, определять его именно как псевдосоциализм, а иногда и просто как несоциализм. «Незаконное дитя» движения к социализму, псевдосоциализм не имеет ничего существенно общего с социализмом, равно как и с гуманизмом вообще, а потому должен квалифицироваться и как антисоциализм, питаемый злом, цинизмом и антикультурой. Не могут быть признаны за социализм ни «казарменный», ни «военный», ни «лагерный» социализмы, ни «феодальный» или «азиатский», ни тем более «социализм» национал-социалистического толка.

Псевдосоциализм может возникнуть и не по злому умыслу, он может появиться и по недомыслию, в попытке обогнать время, в романтическом увлечении идеей. И какой бы доброжелательной ни выглядела подобная попытка социалистического переустройства общества, она с неизбежностью обращается во зло, тем более страшное, если в довершение к свершенному предпринимаются усилия внушить, что псевдосоциализм и есть настоящий социализм.

Обратясь к реальным социалистическим процессам, мы с неизбежностью разделим их на два типа: первый тип отражает процессы социализации, имеющие место в рамках номинально и по существу несоциалистических общественных систем; второй тип характеризует процессы социализации, происходящее в общественных системах, определяемых номинально как социалистические.

Что касается первого типа, мы замечаем его известное воплощение в современной капиталистической практике. Ныне капитализм настолько обобществлен, настолько развил общественное начало и общественный механизм

своей реализации, что во многом созрел для самоотрицания в пользу социалистического устройства общества. Разумеется, современный капитализм есть капитализм, а не социализм, но капитализм уже частично социализированный, особенно в тех соционациональных системах, которые характерны для ряда западноевропейских, в частности скандинавских, стран.

Что касается второго типа, то он воплощается в практике социалистического строительства в странах, вставших на путь социализма, прежде всего в СССР — исторически первой социалистической стране. Не все, что делается в социалистических странах, можно отнести к реальной социализации. Ьаряду с ней имеют место и псевдосоциализация, и своеобразная предсоциализация, могущая воплотиться не более как в некотором прообразе действительного социализма. Процесс социализации общества в социалистических странах сложен, и эту сложность следует непременно учитывать. В одном и том же событии, в одном и том же факте может осуществиться как реальная социализация, так и предсоциализация, наконец, псевдосоциализация. Разве не многозначна в данном отношении та же общественная собственность? Разве не несет она одновременно все три,отмеченных смысла?

Если в условиях социализма социализация идет естественным путем, в чем-то благодаря, а во многом и вопреки капитализму, посредством стимулирующих реформ, то в условиях формального (провозглашенного) социализма она тяготеет более к искусственным, чем естественным, методам, не столько к реформам, сколько к революциям (переворотам), не столько к ходу вещей, сколько к волевому давлению субъективного фактора. В странах, пошедших в XX в. по пути социалистического переустройства, оказалась исключительно великой роль субъекта-ускорителя, принявшего одновременно две роли-функции: субъекта-разрушителя (старого, несоциалистического) и субъекта-созидателя.

Но для успеха столь масштабного и глубокого переустройства общества, каким является переустройство социалистическое, потребно особо полное и эффективное взаимосоответствие желаемого и возможного, созидательной энергии и созидающего времени, т. е. такое соответствие, которое иначе, как чудесным и не назовешь. Ну, а коль скоро чудес не бывает, то переустройство с неиз-

бежностью сопряжено с трудностями, ошибками и потерями, так называемыми перегибами и деформациями, которые культурный и тактичный субъект-устроитель стремится не допустить и уж тем более никогда не посчитает за необходимую и даже благостную плату. Никакие великие цели не могут оправдать низких и злокачественных средств. И как бы цель ни казалась вернее средства, последнее всегда важнее и значительнее цели.

Попыток социалистического переустройства имеется достаточно. Идеал пока не достигнут и к сегодняшнему дню достигнут быть не может. Человечество еще не подошло к состоянию, адекватному социалистическому идеалу. Но попытки, если отбросить в сторону явно псевдосоциалистические, имеют реальную ценность, ибо свидетельствуют, что общество уже не может не переходить к социализму, с одной стороны, и не может не перебирать варианты — с другой. Движение к социализму — это поиск социализма, его подготовка и испытание. Современная эпоха — эпоха социализма, но ищущего себя социализма, это эпоха становящегося, но не ставшего социализма; эпоха перехода к социализму.

Некоторым устроителям социализма вполне может казаться, что социализм уже построен. Но это не более, как частное мнение. Социализм не построен, и даже не потому что не достигнут идеал, а потому, что социализм — и это нужно понять! — не может быть просто «построен», да еще и разом, быстро, одним ударом, он может только саморазвиться — материально и духовно. Если что сейчас и построено, так это не более как некоторые предобразы социализма. Не надо забывать, что наличие таких предобразов — это уже очень многое, очень!

Попыток перехода к социализму много, много и вариантов социализма, его моделей и форм. Социализм зарождается и реализуется разнообразно. Нет и не может быть одного социализма. Социализм — это социализмбг.

Рассматривать все социализмы — не наша задача. Для нас важно уяснить, идет ли человечество по пути социалистического переустройства, каковы итоги и ближайшие перспективы движения за социализм? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к примеру страны-первопроходца — СССР.

3.3. СССР: укрощение идеи

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

В. И. Ленин

Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, то есть принуждения для перехода от капитализма к социализму... Никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктатуры власти отдельных лиц нет.

В. И. Ленин

Социализм — великая идея, требующая и великих свершений. Сначала главным образом сало-свершений. Без самосвершений, т. е. без качественного саморазвития человечества в сторону и в аспекте социализма, не может получиться истинного социализма. Но истинный социализм требует и осознанного стремления к нему, целенаправленного воплощения идеи. За самосвершениями и на их основе обязательно должны развернуться и свершения — действия переустраивающей воли.

Успех субъективных свершений прямо зависит от масштабов, глубины и качества самосвершений, от того, насколько подготовлен ими втягивающийся в горнило социалистических преобразований социум. Успех субъективных решений непосредственно зависит и от соответствия этих свершений ис+орическому времени, т. е. от соответствия их преобразуемому социуму и от соответствия му мпмрнту ппепбпязовяния.

Успех социалистического переустройства общества определяется своевременностью переустройства. Таков важнейший закон, который, быть может, и не всем хочется признавать, но действие которого приходится испытывать на себе всем без исключения участникам социалистических переустройств. И вот проблема: кто и как определит момент преобразования, тот самый критический момент, когда критическая необходимость вполне совпадает с критической возможностью, объективное соответствует субъективному, и когда сознание не искажает реальности, а воля не противостоит ходу вещей? Только общество и только в процессе своей жизнедеятельности, только опытом и в опыте, только практически. С помощью не столько априорно заданной, сколько апостериорно нащупываемой меры. И только при действии эффективной

обратной связи между субъектом-преобразователем и обществом.

Но сознание человека активно и деятельно, оно имеет свою свободу маневра, свою сверхзадачу и волю. И если субъект видит перед собой уже «обремененную» социализмом реальность, жизнь, наполненную страданием, эксплуатацией и потрясениями, отрицанием существующего порядка и желанием нового, более справедливого и лучшего, если идея уже есть, а ее противники идейно повержены, если, наконец, идет бесконечно кровопролитная мировая война, бесстрастно уничтожающая остатки гуманизма, то почему бы ему не приступить к решительному переустройству общества, не ускорить приход неизбежного и долгожданного социализма, а заодно — но уже для некоторых — не захватить власть, не перераспределить в свою пользу богатства, не обернуть недовольство в довольство, не стать новой аристократией, не удовлетворить свои не очень возвышенные, но очень притягательные амбиции? Почему бы нет? Соблазн велик, не менее велик, чем сама идея социализма, чем освященная древностью мечта, соблазн и силен — не менее силен, чем человеческий эгоизм и его безграничные притязания.

Момент в конце концов наступил. Подобралось и мест:» 1917 год. Россия. Петроград. Натянутая до предела струна лопается. Февральская революция. Октябрьский переворот. Начало новой эры — эры целенаправленной и широкой социализации общества.

Готова ли была Россия к социализму, хотя бы к его первичному восприятию? Тогда казалось, что готова, а сегодня...? Удалось ли в конце концов выполнить великую задачу — построить в России социализм? Еще вчера мы были уверены, что да, а сегодня...?

Глядя на историческую ретроспективу, мы склонны сегодня заключить, что человечество, объемлемое Россией 1917 г., не было готово к восприятию социализма как реальной общественной системы. Не только подавляющая часть общества не могла тогда воспринять социализм как нечто для себя естественное и жизненно необходимое, но и вряд ли в России вообще был сколько-нибудь значительный и влиятельный слой населения, даже в среде пролетариата, вполне сознающий, что такое социализм и насколько нужен немедленный к нему переход. Определенные материальные и идеальные предпосылки социализма в России, конечно, были, но не настолько значительные,

чтобы обеспечить достаточную восприимчивость обществом нового образа жизни и хозяйствования.

Неготовность российского общества к социализму предопределила, по-видимому, весь необычайный драматизм развернувшегося социального переустройства, с одной стороны, и его весьма и весьма противоречивые и ограниченные результаты — с другой. Переустройство, во-первых, осуществлялось беспредельно насильственным образом при практически полном забвении гуманистических принципов, во-вторых, далеко не во всем преследовало собственно социалистические цели.

По причине своей общей неготовности общество не смогло само стать субъектом преобразования, а было вынуждено роковым образом стать объектом преобразования, осуществляемого и направляемого внешней по отношению к обществу субъективной волей. Неготовность общества сказалась и на неготовности субъекта-преобразователя, оказавшегося не слишком способным, да и не очень желающим по-настоящему понять и оценить реальность, составить реалистическую программу развития общества и его продвижения к социализму. Неготовность общества, неготовность цели и неготовность средств ее достижения.

Именно из-за общей неготовности общества стало возможным рассматривать его как безликую массу, объект для эксперимента, материал. Именно из-за этой неготовности стали возможными самонадеянность и максимализм субъекта-преобразователя, его небывало жестокая решительность и своеволие (тот факт, что это было характерно лишь для меньшей части «личного состава» субъекта-преобразователя, не очень утешает, ибо в конечном счете именно эта меньшая часть определила стиль преобразования). Именно из-за неготовности общества возникла потребность в колоссальных жертвах и в далеко не оправданной массовой жертвенности. Именно поэтому стала возможна сталинщина.

Трудно представить себе более трагическую ситуацию, чем ситуация взаимного непонимания общества и его преобразователя, когда общество вовсе не склонно к тому, чего хочет добиться от него реконструктор, когда переделыватель исходит не из реальности, а из образа, да еще и весьма смутного.

Всякая новая форма общества бывает оправдана только тогда, когда она соответствует новому человеку.

Но ни нового человека, ни возможного соответствия ему новой общественной формы в России 1917 г. не было. Отсюда и тяжелейшие роды социализма; отсюда и весьма скромные, совершенно не соответствующие грандиозным замыслам и гигантским жертвам, результаты; отсюда и малопривлекательный облик построенного социализма. Отсюда и необходимость его *пере*-стройки.

Главное: надо трезво уметь смотреть, где... ошибки допущены, и переделывать все сначала.

В. И. Ленин.

Реплика. Сознаем ли мы, право, весь замечательно глубокий смысл и все историческое значение собеттия, которое мы привычно и уже где-то походя называем «перестройкой»?

Общая неготовность общества, именовавшегося некогда Россией, к *симо*-преобразованию в общество социалистическое определило то, что движение к социализму пошло по пути не столько воплощения, сколько укрощения социалистической идеи, а где укрощение, там и насилие, перегибы, несуразности, там украшения и мистификации, там укорочения и упрощения. Там много и такого, что к социализму вообще не имеет никакого отношения.

Ни поймать, ни приручить Жар-птицу нельзя; пойманная или прирученная Жар-птица — уже не Жар-птица; Жар-птица прилетает с а м а, и горит она только **в** с в о б о д н о м полете!

3.4. СССР: воплощение идеи

Выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

В. И. Ленин. 1921 г.

Мы страдаем и беспокоимся, замечая, что нынешние попытки коллективизации человечества приводят вопреки предвидениям теории и нашим ожиданиям лишь к упадку и порабощению сознаний.

Тейяр да Шарден

Какому же социализму мы есть современники?

Если одним словом, то *социализму административному,* а если тремя — то *бюрократическому, централизованному, патриархальному.* Можно бесконечно спорить, почему именно такому, а не другому по качеству социализму мы оказались современниками. Можно винить во всем субъекта-преобразователя, «расейские традиции», геополитический фактор, тайные силы, а можно и просто ... зарубежье. Но дело не в том, чтобы непременно найти виноватого, а в том, чтобы понять, что ни к какому другому варианту социализма мы и не могли прийти, коль скоро встали на путь волевого интенсивного преобразования, не подготовленного к восприятию социализма, т. е. еще не выстрадавшего социализм и его не созидающего, общества.

Не очень соответствуя идеалу, наш социализм зато весьма соответствует исторической реальности, из которой он вышел. И он не является ни ошибочным, ни специально искаженным, ни деформированным. Он таков, каков есть, каким только и мог стать. Была ли реальная альтернатива возникшему социализму? Конечно, нет. Чтобы победа досталась другому социализму, требовалось совсем немного — всего лишь ... другая история. А могла ли она оказаться другой? Допустим, что и могла, но ведь не оказалась.

Неготовность общества к социализму потребовала насильственных действий по насильственному переустройству общества, а это потребовало соответствующего аппарата, а аппарат потребовал безграничной власти, такой власти, при которой н и ч е г о бы не м о г л о п о м е ш а т ь выполнению возложенной на него переустроечной сверхзадачи. Отсюда и возможно более полное и последовательное развертывание административного начала, именно а д м и н и с т р а т и в н о г о, а не, скажем, государственного, ибо среди препятствующих выполнению сверхзадачи не последнюю роль играли и такие атрибуты государственности, как гражданственность и законность.

Можно ли было рассчитывать в то время на другой вариант социализма, а сегодня всерьез говорить о якобы тогда существовавшей ему альтернативе? Что кроме авторитарной административности могло вызволиться из гигантского социального круговорота, в котором очутились миллионы людей, исчезали целые слои населения и перемалывались тысячелетние культуры?

Какой же иной социализм, кроме административного, могла создать административная система, коль скоро она, одержав победу, пронизала собой всю систему общества?

Но, может быть, административный социализм совсем и не социализм? Вопрос не праздный, ибо в административном социализме далеко не все является действительно социалистическим. Уже само господство административ-

ной системы мы вряд ли отнесем к явлению собственно социалистическому. Равным образом и натуральное хозяйствование, и лагеря, и фиктивную демократию. Нетрудно обнаружить и другие псевдосоциалистические, несоциалистические и даже антисоциалистические явления и черты.

Однако вряд ли мы будем правы, если не заметим социалистическое содержание в административном социализме, причем настолько существенное, чтобы называть данный социализм именно социализмом. Разве общественность административного общества не свидетельствует о наличии социалистического начала в административном социализме, равно как и сотруднический характер труда и коллективистский образ жизни, сглаживание социальных различий, социальная защита трудящихся, поддержка непосредственного работника, возможность социального выбора.

Можно, конечно, поставить вопрос об особом административном способе производства, близком по типу к «азиатскому». Строили-де социализм, а получили ... «азиатский» несоциализм. Определенный резон в таком подходе есть. Ничего не поделаешь: административная система не только полагает, но и отрицает социализм. Но вот отрицает ли полностью, настолько, чтобы можно было говорить о несоциализме? Думается, что полного отрицания все же не произошло, хотя такая угроза была и остается. Социалистическое начало уцелело, и уцелело, на наш взгляд, по следующим причинам: во-первых, вследствие изначально заложенного в систему социалистического содержания (смысла, духа); во-вторых, по причине соответствующего социализму поведения трудящихся, принявших идею социализма, живших и трудившихся в основе по-социалистически; в-третьих, вследствие в определенной мере социалистического характера самой административной системы, что оказалось обусловлено — при всех превратностях драматического времени — социалистическим характером скрепляющей, вдохновляющей, ориентирующей административную систему социально-политической силы — коммунистической партии; в-четвертых, по причине склонности подавляющего большинства народов СССР, прежде всего русского народа, к общественному (социабельному) образу жизни. Идея социализма воплощалась и жила во многом независимо от административной системы, вопреки желаниям и действиям ее адептов. 'Грудящиеся восприняли и вынесли на своих плечах социализм. Это чудо, и, пожалуй, не менее интересное и значительное, чем «западногерманское» или «японское» экономические чуда.

Само по себе административное начало не несет в себе ничего иного, кроме административности. Административная организация характерна для разных социальных систем. Администрация обслуживает любые способы производства. Она нужна и может быть весьма полезна. Но нужна в определенных пределах и для определенных целей, и если общество не может контролировать администрацию, то она сама начинает контролировать общество, проникая во все его сферы и занимаясь всеми его делами. Однако и на административность есть управа. Это сама жизнь, которая требует на жизненно важных участках и в жизненно важные моменты или прямо неадминистративной организации или, если и административной, то допускающей действие и неадминистративного начала, т. е. жизнь требует самоорганизации. Это-то самоорганизация и противостоит административной организации, не позволяя последней захватить все и вся. Поэтому вряд ли верно говорить об административном способе производства как самостоятельном явлении, лучше и точнее говорить — применительно к СССР — об административном социализме, т. е. социализме, для которого характерна (увы, слишком характерна) административная организация.

Примечание. Почему же мы так упорно говорим именно об административном, а не о государственном социализме? Во-первых, реальным действующим лицом в системе управления является у нас именно администрация, а не государство (Советы, например, мало чем реально управляют, а если и управляют, то не слишком по своей воле и опять же через администрацию); во-вторых, в составе администрации не одни только государственные служащие, а и, к примеру, партийные работники; в-третьих, администрация действует у нас преимущественно по своему собственному усмотрению и своими методами, мало ориентируясь на законы, принятые законодательными (а не партийными или административными) органами. Административное — далеко не всегда и не во всем значит государственное. Это частично совпадающие, но в целом разные понятия и явления. Административному есть, пожалуй, только один синоним — аппаратное, да и то с известной долей условности. Наш социализм именно административный, а не государственный, хотя администрация очень любит действовать от имени государства, прикрываясь государственными интересами и формами.

Построенный в СССР социальный строй — социализм, одна из его версий. Это весьма странный социализм,

амбивалентный, т. е. двусмысленный — административность и социализм (?), парадоксальный, но тем не менее социализм. Полностью не развернутый, ушедший в сторону, принявший тупиковую — административную — форму. Во многом неудавшийся, запутавшийся, но все же социализм, а точнее, некий очень своеобразный *пред*социализм, тот самый предшественник, которого, видно, было не избежать, но который оказался исторически нужен хотя бы для того, чтобы своим не слишком удачным примером указать новый — не *этот*, а обратный *этому* — путь.

Социализм в России рождался посредством наиболее полного, во многом механического—прямолинейного, бескомпромиссного и «железного» отрицания всего предшествующего, т. е. переворота буквального. На место частного — общественное, на место товарного — натуральное, на место демократии — диктатура, на место права — инструкция, на место государства — аппарат, на место аристократии (в условном смысле, т. е. как ведущего социального слоя-лидера) — номенклатура, на место народа и нации — масса, на место религии — атеизм, на место старой культуры — новая, но уже более как эрзац-культура, чем собственно культура. *Полное всестороннее механистическое отрицание.* Тотальное разрушение. Негативистский и конструктивистский романтизм.

Что же позитивного могло выйти из такого глобального романтического отрицания? Что могло дать не менее глобальное и не менее романтическое утверждение? Да ничего, кроме административной формы социализма.

История свела административность и социализм вместе. Но долго это продолжаться не могло. Противоречие между социализмом и административностью, питаемое их принципиальной несовместимостью, должно было обостриться и обостриться по вине административное™, чуждой законности, государственности, демократии, с одной стороны, изменчивости, гибкости, самоорганизации — с другой. Пути административности и социализма должны были обязательно разойтись. По-настоящему утверждающийся социализм, т.^е. социализм, идущий непосредственно по социалистическому пути, несовместим с административностью, его сжимающей и разъедающей, уводящей в сторону, загоняющей в тупик.

Выше мы указали на три «кита», три характерных свойства административной системы: бюрократичность,

централизованность, патриархальность. Вряд ли стоит специально доказывать, что любая, предоставленная себе (не слишком контролируемая обществом) административная система с неизбежностью быстро обюрокрачивается, замыкаясь в себе, засекречивая и мистифицируя свою деятельность, захватывая и пряча информацию, освящая бумагу, кабинет, коридор, имитируя дело, игнорируя жизнь и реальность, погружаясь в иррациональное, довольствуясь сама собой. Власть администрации — власть бюрократическая и, если учесть, что бюро — это кабинет, рабочее место, то власть даже не людей, а *мест*, которые те или иные люди олицетворяют. Бюрократическое управление — управление *знаков* и *знаками* — символизированное управление, в котором, что ни деятель, что ни решение, что ни акция — все символ!

Еще меньше нужды доказывать, что административная система, опять же предоставленная себе, неудержимо стремится к централизации, неизбежным спутником которой становится возможно более строгая *иерархия*, отсюда и особый порядок деятельности — информация снизу и распоряжения сверху, решения верха и исполнительность низа. Отсюда и стремление военизировать административную систему. Директивы, приказы, распоряжения. Дисциплина. Борьба, бой, сражение. Поле битвы, фронт. Все это стало необходимой атрибутикой хозяйственной организации. Сложились и соответствующие нравственные ценности: руководитель всегда прав, наивысшая заслуга — исполнительская, наибольшая вина — инициативностная.

Особого комментария требует третий «кит» — патриархальность. Как ни странно звучит «патриархальность» в век машин и полетов в космос, но она имеет место, причем весьма законно. Если Советы молчат, массы только исполняют, право значения не имеет, то что же остается человеку, как не входящему, так и входящему в административную систему? Остается уважать административную систему, служить ей, слушаться ее. И относиться к административной системе, как к отцу родному, который породил, вырастил, дает возможность жить, который знает и *как* жить, что делать, что думать, о чем мечтать. Относиться как к *патриарху*, т. е. наставнику, защитнику, руководителю. Все хорошее — от патриарха, все плохое — от тебя. Административная система иначе поступать просто не может. Или патриархальность, при

17-555

которой удобно делать все и при этом же все «разумно» объяснить и оправдать, или административная система — ... не административная система.

3.5. Административное социалистическое хозяйство

Подчинение воли тысяч воле одного ... может принимать разные формы диктаторства,— если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, **беспрекословное подчинение** единой воле для успеха процессов работы, организованной потипу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо.
В. И. Ленин. 1918 г.

Административный социализм не может произвести на свет никакого другого хозяйства, кроме административно-социалистического, соединяющего в себе два парадоксально противоречащих друг другу начала: *социалистическое* и *административное.*

3.5.1. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ

История построения социализма в СССР — история насильственного скрещивания социалистического и административного начал, подгонка социализма под административность и административности под социализм. Непонятно, странно, грустно, но это так. И самое печальное, что идеология сталиных-ставрогиных, их культура, а точнее, антикультура смогли утвердиться в социалистическом движении и полностью реализоваться. Не это ли является лучшим показателем неподготовленности тогдашнего российского, да и всего мирового общества к социализму?

Скрещивание, однако, произошло. К концу 30-х гг. система административно-социалистического хозяйства была в целом создана. Она базировалась на *монополии административной системы на распоряжение общественной собственностью и на хозяйствование.* Административная система полностью (или квазиполностью) взяла в свои руки *распределение средств производства и продуктов,* а также установила контроль над *распределением труда,* непосредственно подчинив себе значительную часть общественной рабочей силы (посредством репрессий). Административная система взяла на себя *оценку труда,* распределение качества и количества вознаграждения за труд. Она взяла под свою опеку все предприятия, рассматривая их как придаток самой себя и исполнителей ее воли. Организация общественного производства осуществлялась посредством директивно-командного управления предприятиями, установления им обязательных заданий, строгого контроля за их выполнением. Предприятиям предоставлялась только одна инициатива — исполнительская.

Организация хозяйственной деятельности административной системы и предприятий, в нее вовлеченных, всего общественного хозяйственного процесса осуществлялась посредством тотального планирования, сочетающего среднесрочное планирование (пятилетнее) с краткосрочным (годовым, квартальным, месячным). Все планы имели силу закона и подлежали неукоснительному выполнению.

Вытеснив и заменив собой общественную хозяйственную самоорганизацию, административная система не могла не пойти по пути натурализированного хозяйствования, практически полностью игнорируя,— за ненадобностью — экономическое начало. Товарно-денежный механизм быстро превратился в формальный счетно-аналитический придаток административного управления. Хозяйствование административной системы оказалось принципиально нетоварным, если не сказать более — ант«товарным.

Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика.
В. И. Ленин. 1921 г.

Примечание. Административное хозяйствование обычно представляется государственным, но это не совсем верно. Это именно административное, т. е. аппаратное, ведомственное, не ограниченное всерьез законом, не регламентируемое широко правом, не контролируемое представительными учреждениями, сочетающееся и с откровенным произволом, хозяйствование.

3.5.2. ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРИЗИС АДМИНИСТРАТИВНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Как хозяйствующий субъект административная система имеет, пожалуй, только два достоинства: возможность стягивания к центру ресурсов и возможность их централизованного распределения. Обе возможности выливаются в третью — относительно быстрой первичной структурной перестройки производства, его индустриализации и развития приоритетных отраслей и регионов. Указанные достоинства являются, конечно, относительными, ибо на практике они оборачиваются и серьезными недостатками, например обеднением источников ресурсов, неравномерным распределением ресурсов по отраслям и регионам, неэффективным их использованием. Однако не заметить отмечен-

ных достоинств нельзя, благодаря им была осуществлена перестройка общественного производства, создана мощная индустриальная база.

Заметно менее эффективно, чем в деле перекачки ресурсов, действует административная система в области сбалансированности общественного хозяйства. Силовое давление на динамику структуры производства имело результатом неоправданное переразвитие первого подразделения в ущерб второму, тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству, производственного сектора в ущерб социальному. Административное управление допускает постоянное и огромное перепроизводство в одних отраслях и недопроизводство в других (запланированное и незапланированное), хроническое несоответствие предложения спросу, разного рода дефициты. Администрирование усиливает несбалансированность экономики борьбой за перевыполнение плановых заданий. Не может административная система достичь сбалансированности общественного производства даже на будущее — по-настоящему сбалансированный общехозяйственный план остается голубой мечтой плановиков-администраторов.

Не очень удачлива административная система и в деле расширения производства. Лишь на первых порах, когда система еще пользуется доставшимся ей в наследство трудовым потенциалом, когда деревня поставляет в город массы социально нетребовательной, но здоровой и хорошо работающей за скромное вознаграждение рабочей силы, когда «железное принуждение» срабатывает, когда действен энтузиазм, когда идет активное строительство и постоянно вводятся новые производственные мощности, рост объемов производства, правда лишь в ограниченном круге отраслей, бывает значительным. Но со временем административной системе все труднее удается добиваться необходимого по ее меркам производства, выполнять намеченное. Административная система, кстати, не знает и не может знать действительно возможные темпы роста производства, не решаясь, например, на планирование более низких, чем это было ранее, темпов.

Лучше всего административное хозяйствование приспособлено к экстенсивному расширению производства, простому росту интенсивности труда, удлинению рабочего времени, разумеется скрытому,— XX век все же! Наименее приемлемым для административного хозяйства является интенсивное расширение производства, особенно за

счет его технического переоснащения, внедрения достижений научно-технического прогресса. Административная система обладает стойким иммунитетом против обновления, динамичности, развития. Прогресс ей в целом непонятен и ненужен. Новизна — лишь причина для беспокойства, она смущает, раздражает, мешает. Особенно неприятны умножение номенклатуры изделий, дифференциация продукта, появление новых (доселе невиданных) потребительных благ. Все непривычное неприемлемо — вот очередной парадокс, правда, не для самой административной системы, а для трудящихся и потребителей, для жизни.

Административная система противится любой изменчивости, она готова десятилетиями ничего не менять — ни размеров заработной платы, пенсий или стипендий, ни стандартов, ни цен, не говоря уже о своих священных инструкциях. Стабильность, неторопливость — вот что действительно дорого административной системе. И дорого не только по причине инертности, но и потому, что система не знает и не может знать, что, в каком направлении и до каких пределов менять.

Главный козырь административной системы — *монопольная власть над распределением продукта.* В рамках административного хозяйства нет (почти нет) обмена продуктами, нет торговли, нет даже свободного (от администрации) перераспределения продуктов (если все это и есть, то, как правило, в теневом исполнении). Распределение продукта — не только важнейшая функция, но и само основание, на котором зиждется административная система. Как же последней удается это распределение? Может именно здесь система проявляет себя с лучшей стороны? Хотелось бы в это верить, да что-то не очень получается. Ведь продукт весь или почти весь залимитирован, но весь продукт — весь! — еще и в недостатке. Но и этого мало. Запланированное и занаряженное не получить. Нужны «подходы», «особые отношения», «смазки». Отсюда и «утешительный» вывод: распределение продукта не только не оперативно, не удобно и не эффективно, оно еще и ... вредоносно, мешающе, разлагающе. Оно — в разной степени, конечно,— является запутанным, подпольным, незаконным, одним словом — м а ф и а б е л ь н ы м. И в распределении, как мы видим, административная система не очень-то преуспела, точнее, преуспела, но ... только для себя.

В чем же дело? Почему административная система столь разнообразно и настойчиво тяготеет к «негативу», иррациональности, беспорядку?

Все дело в заложенных в административном хозяйствовании противоречиях, а точнее, в противоречивой попытке административной системы вообще ликвидировать всяческие противоречия, не допустить их в процесс организации производства. Административное хозяйствование построено как непротиворечивая система, как система, исключающая борьбу, выбор, самоорганизацию, снимающая единство и борьбу противоположностей, ликвидирующая всяческий «шум» и всякую неопределенность. Административное хозяйство, конечно, противоречиво, как и любое другое, но противоречиво по-своему, как бы непротиворечиво противоречиво.

Противоречивость административного хозяйствования на поверхности выражается во всякого рода нежелательных явлениях: снижении темпов, невыполнении плановых заданий, дефиците, диспропорциях, инфляции и т. п., воспринимаемых административной системой не более, как ошибки, сбои, недоделки, «недогляды», недоработки. Основная причина любых отрицательных явлений, с точки зрения административной системы — недостаточно хорошая, иногда и плохая работа самой административной системы, прежде всего на исполнительском уровне, а потому и преодоление нежелательных явлений связано-де с лучшей организацией... административной системы, ее исполнительского звена. Отсюда и малопонятные «простому человеку» реорганизации, не приводящие, однако, к ожидаемому положительному эффекту. Фактическим источником отрицательных явлений в деятельности административной системы является не плохая работа административной системы, а сама ... административная система, изначально заложенные в ней, хотя ею и непризнаваемые, противоречия.

Любой административной системе свойственны два взаимосвязанных явления — *отчуждение всего неадминистративного,* т. е., по сути, всего того, с чем система практически соприкасается и чём она управляет, а также *отчуждение самой себя,* или самоотчуждение. Рано или поздно административная система, ориентированная на непротиворечивость, т. е. на нежизненность, начинает мешать не только внешнему миру, но и самой себе, так как все хуже и хуже выполняет свои обязанности. «Непротиворечивая» административная система лишена возможности выбора, быстрого реагирования, эффективных обратных связей, маневра, гибкого приспособления, не говоря уже о необходимом в любых хозяйственных делах риске. «Непротиворечивая» административная система быстро «уходит в себя», замыкается, засекречивается. Она не склонна давать достоверную информацию, но и сама не имеет возможности располагать достоверной информацией. На месте реального дела — имитация. На месте реальной организации — фиктивные реорганизации. Административная система все более работает на себя, вхолостую, в отрыве от реальности. Ее организаторская деятельность все более сводится к *выбиванию продукта из непосредственных производителей* (причем выбиванию преимущественно телефонному и кабинетному) и *мафиабельному распределению продукта среди тех же производителей.* Административная система отчуждается от внешнего мира и от самой себя, перерождается в *закрытую мафиабельную корпоративную систему,* саму себя делающей вредной и ненужной. Такова диалектическая логика развития административной системы, мнящей себя «непротиворечивой». От насильственного — и, как показала практика, жестоко репрессивного — самоутверждения до насильственного, но уже вовсе не драматического, а скорее карнавального, самоотрицания.

Созданная по меркам сталинизма административная система успела развиться, достичь известных успехов и испытать неудачи, стать зрелой, устареть и ... попасть в состояние глобального затяжного кризиса. Надо отдать должное, система, чувствуя накатывающие проблемы, пыталась как-то перестроиться, обновиться, но частичные и непоследовательные реформы не смогли и не могли предотвратить острого кризиса, в котором административная система пребывает вот уже не менее полутора-двух десятилетий.

3.5.3. АБСТРАКТНЫЕ УРОКИ НЕАБСТРАКТНОГО КРИЗИСА

Кризис административного социалистического хозяйства — исторический факт. Он не менее историчен, чем, скажем, кризис свободного капиталистического хозяйства последней трети XIX в. Как и любой аналогичный кризис, кризис административного хозяйства есть не что иное,

как одно из проявлений более общего кризиса — кризиса способа производства в целом.

Кризис административного социализма шире по своим проявлениям, чем кризис собственно административной системы. Коль скоро социализм вообще представлен административной формой, а административная форма находится в кризисе, то кризис затрагивает и социализм вообще. Сознавать это совсем не радостно, но приходится. Диагноз должен быть точным. Кризис административной системы поставил под сомнение и сам социализм. Это факт, иначе не пришлось бы доказывать, что нынешний социализм — это социализм, выдвигать лозунг «больше социализма», ставить вопрос о революционном характере перестройки.

Кризис административного социализма был неизбежен, и обусловленность его сугубо внутренняя — административный социализм обязан своим кризисом только ... административному социализму. И обусловленность эта не сегодняшнего дня, не коренится она и в социально-экономических ситуациях любого из периодов исторического существования административного социализма. Первичные истоки кризиса — уже в самой идее административного социализма, а практика лишь подтвердила объективную необходимость глобального кризиса, подвела к нему, определила и конкретные сроки '.

Административное устройство социализма не имеет настоящей исторической перспективы, ибо такое устройство в своей основе нежизнеспособно. Почему? Да уже вследствие своей конструкционной непротиворечивости. Непротиворечивые по замыслу социальные системы не соответствуют даже самому понятию жизни, не говоря уже о реальной жизни. Такие системы лишены внутреннего диалога, на котором базируется действительная жизнь, из которого и с помощью которого выходит развитие. «Жизнь» таких систем состоит ... в противодействии жизни: из их активности рождается не жизнь, а нежизнь, не развитие, а застой. Судьба таких систем незавидна: либо прозябание в застое, либо медленное умирание, либо и то и другое вместе.

Непротиворечивость административной системы выразилась в практически полном прикрытии любого из частных социально-организационных начал: личностного, индивидуального, коллективного, «предприятийного», местного, регионального, национального. Роль общественного начала была при этом поднята до мыслимых и даже немыслимых пределов, за которыми не оставалось места не то что для частных начал, но и для ... самого общественного, ибо общественное начало не могло в этой «непротиворечивой» ситуации выразиться иначе, как через необщественное, но не частное необщественное, а общественное необщественное, а именно через административную систему, которая представляет общественное (общество), но сама действительно общественным (обществом) не является. «Ликвидация» противоречия между частным и общественным началами посредством снятия одной из сторон противоречия — частного начала — незаметно для самой административной системы обернулась противоречием между административной системой и обществом, а поскольку административная система понимает только «самое себя», то обострение противоречия между обществом и административной системой должно было случиться непременно. Должны были также возродиться и обостриться все противоречия между общественным началом, представленным администрацией, и частными началами, ибо «загнанные в угол» и «лишенные голоса» частные начала вовсе не исчезли из «памяти общества», они пытались вырваться на свободу, но, не имея такой возможности, продолжали существовать скрытно, проявляясь при этом во вполне явных, зримых, хотя и не очень красивых, событиях: инертности хозяйства, дефицитах, недоброкачественности продуктов, низкой производительности, техническом застое. «Непротиворечивость» административного социализма оказалась мнимой, а поэтому и дорогостоящей как при взлете административной системы, так и при ее падении.

Социальная непротиворечивость вообще дорого стоит. Жизнь очень не любит нежизненных, т. е. ей не соответствующих, систем и берет за их существование плату нежизнью. Дело усугубляется тем, что непротиворечивые

' Высказывается мнение, что административному социализму открывалась реальная альтернатива в связи с новой экономической политикой 20-х гг. Мы не склонны столь высоко оценивать историческое значение нэпа. Его реализация была настолько непоследовательной, настолько «уступковой», что вряд ли будет правильно говорить о сколько-нибудь серьезной возможности строить социализм с помощью и на путях нэпа. Если что тогда и было, так это некая возможность,— более идеальная, чем реальная,— развития неадминистративного, можно сказать, товарно-демократического социализма, возможность, обязанная более отдельным надеждам, чем действительной стратегической линии.

системы склонны не только сохранить, но и укрепить «непротиворечивость». Административная система бывает и рада — через силу — перестроиться, да вот только всегда и всюду в одном и том же направлении — административном. Другого направления для административности нет, а потому и не следует ожидать, что административная система сама сможет выйти из собственного кризиса — она на это не способна, и не по коварству, а по собственному существенному определению — из-за пресловутой «непротиворечивости». Административная система страдает неразрешимостью противоречия между необходимостью глубоких и масштабных перемен и невозможностью их достижения силами и в рамках самой административной системы.

«Непротиворечивая» административная система чужда всего неадминистративного. И не просто чужда, а предвзято чужда. Это и понятно — административная система сама себе критерий, сама себе прокурор и судья.

Административная система очень не любит самоорганизации, относясь к ней не иначе как к стихии, анархии, хаосу. Нет, пожалуй, более страшного противника для административности, чем самоорганизация, даже (sic!) административная самоорганизация. Отсюда и непомерный централизм, и бюрократия, и «военизация», и неприятие какой бы то ни было «свободы мнений». Нетрудно заключить, насколько все это алогично для природы, общества, жизни. Ведь все вокруг наполнено самоорганизацией. Ничто без самоорганизации не обходится, а вот административная система обходится, точнее, стремится обходиться. Главная идея, заложенная в административной системе,— это идея анти-самоорганизации, и реализуется административная система в постоянной борьбе с самоорганизацией. И вот что интересно: самоорганизация не только не исчезает под ударами административной системы, но и сама все более и более проникает в ... административную систему. Антисамоорганизация вынуждена не только как-то считаться с самоорганизацией, но и, что особенно занятно, самопревращаться в самоорганизацию.

Сохраняющаяся самоорганизация, например, на предприятиях, дополняет и даже подправляет административную организацию, действует либо вне, либо вопреки этой последней. Данная самоорганизация явно необходима и даже признается административной системой (солдат

в атаке действует все-таки сам!), хотя и удерживается административной системой, что называется, «в рамках».

Сложнее и интереснее представляется случай с «имманентной» самоорганизацией. Эта самоорганизация по преимуществу неявна (как же ей быть явной, если система — решительный противник самоорганизации; явная самоорганизация, конечно, есть, но не более, как нежелательный, но допустимый в системе «шум»). Будучи в основном запретной, «имманентная» самоорганизация принимает и соответствующие формы выражения — скрытой борьбы, тихого сопротивления, тайных сношений, подпольных акций. Даже разумные, объективно необходимые и нужные для самой административной системы меры, и те осуществляются слишком часто «в тишине», а что же говорить о неразумных акциях, тем более корыстных и даже явно преступных. «Имманентная» самоорганизация, таким образом, получает в рамках административной системы по преимуществу некультурное, иррациональное, а нередко и просто вздорное воплощение.

Примечательно, что «нелегальная» самоорганизация, будучи объективно необходимой, появляется в любой административной системе, а со временем обязательно усиливается, и фактором такого усиления является сама административная система, которая, истово борясь с самоорганизацией, в том числе и с «нелегальной», усиливает объективную необходимость самоорганизации ... прежде всего в «нелегальном» исполнении.

Для господствующей административности характерны и другие «типы» самоорганизации, которые не очень-то признаются административной системой, но которые оказываются доступными для более или менее внимательного критического осмотра. Отметим два таких «типа».

Первый выражается в настойчиво продуцируемом административной системой ... административном беспорядке, переходящем иногда и в настоящий хаос. Такой организованный беспорядок в общем-то естествен, и не только в силу чиновничей некомпетентности, безответственности, инертности, но и в силу неизбежного стремления отдельных элементов, звеньев и целых подсистем глобальной административной системы к своеобразной, разумеется, не слишком афишируемой, автономии, которая выражается не столько в действительной, т. е. инициативной, самостоятельности, сколько в утверждении чисто «знаковой» значимости, некой бюрократической «самости». Такая

«странная» автономнзация возникает уже по причине громоздкости административной системы, ее чрезвычайной сложности, самой невозможности все подчинить и все проконтролировать, но также из-за вполне объяснимого желания отдельных частей системы быть не просто «винтиками» в большом механизме власти, а и средоточием, пусть и маленьким, самой власти.

Без определенной самостоятельности, пусть причудливой и призрачной, но в чем-то отрицающей глобальную систему, отдельные части системы просто не могут выжить и осуществлять свои функции. Административная система имеет тенденцию глушить не только неадминистративные, но и свои собственные составные части, и последние просто обязаны сопротивляться. Участники административной системы — непременные и неустанные бойцы за свою власть, ее частицу. Без такой власти нет администратора, нет бюрократа, нет командира-управляющего. Любой, даже самый единый и крепкий, административный организм обязательно вступает на путь *дезинтеграции*, порождающей самоорганизующийся беспорядок. Ну, а если к дезинтеграции добавить все прелести бумажно-совещательного управления, дезинформации и камуфляжа, то можно представить себе возможный облик и истинный размах такой самоорганизации. Административная система не только страдает дезорганизацией, но и порождает — против своей осознанной воли — тенденцию к не-организации, не-управлению, к работе вхолостую.

Второй «тип» самоорганизации, на котором мы остановим внимание, выражается в действиях, прямо противоположных принципам и идеологии административной системы, которые система официально не признает, но которые фактически осуществляет. Речь идет о вынужденной самоорганизации, которую вследствие ее нежелательности можно определить как «стыдливую». Так, согласно принципам административного хозяйствования планы должны неукоснительно выполняться, но они — со временем все чаще и заметнее — не выполняются. Давление на исполнителей далеко не всегда приносит эффект. Тогда приходится корректировать плановые задания, в результате последние все более превращаются в самую заурядную фикцию. Или, скажем, административные органы запрещают поднимать цены, но ... потихоньку соглашаются на повышение цен, да и сами со стыдом и без оного делают то же самое. Чем не «стыдливая самоорганизация»?

Бывает и другая вынужденная самоорганизация, обязанная своим существованием уже чисто внешним обстоятельствам. Она тоже выражается в не слишком желательной, но объективно необходимой самокоррекции, возникающей под давлением среды и посредством прямой и обратной связи с ней. Такая самокоррекция попадает в разряд самоорганизационной акции по причине зависимости административного хозяйствования от состояния более объемной, чем сама административная структура, системы. Внешние обстоятельства могут быть различными. Здесь и исчерпание источников ресурсов, и крупная авария вроде чернобыльской, и внезапное падение цен на нефть, и землетрясение, и крупная забастовка.

Предпринятый нами краткий обзор явлений самоорганизации, характерных для административной системы, позволяет заключить, что, несмотря на всю свою внешнюю «непротиворечивость» и все свое неприятие самоорганизации, административное хозяйствование оказывается ... противоречиво самоорганизующимся, но самоорганизующимся вопреки себе, своим установкам и стремлениям, принудительно, а потому и неполноценно, искаженно, фиктивно. Все это обусловливает недостаточно конструктивную роль самоорганизации, невозможность ее эффективного развертывания, более полного и обстоятельного удовлетворения ею потребностей жизни, склонной более к импровизации, а не к инварианту.

Административная система, хочет она того или нет, бьет с завидной настойчивостью в одну точку, а точнее, в две: точку хозяйственной несвободы для хозяйствующих субъектов и точку хозяйственной свободы для самой административной системы.

В хозяйственной несвободе как таковой нет ничего предосудительного. Мир жил, живет и еще долго будет жить при хозяйственной несвободе (капитализм, например, извлекает из этой несвободы немало существенных выгод). Дело в конечном итоге не в несвободе, а в ее мере, в сочетании со свободой, а также в качестве несвободы и сочетающейся с ней свободы, в их диалектическом взаимодействии, взаимопревращении и взаиморазрешении. При господстве административной системы несвобода хозяйствующих субъектов стремится к бесконечности, а свобода — к нулю, в то время как свобода административной системы восходит к беспредельности, а несвобода нисходит к нулю. Так это выглядит в глазах и проявляется в жела-

ниях административной системы. Но как же это все реализуется в действительности?

На практике все получается гораздо сложнее, а главное, карнавальнее: свобода административной системы, ведомая волюнтаризмом и подпираемая бюрократией, сдобренная административной самоорганизацией, с неизбежностью оборачивается (заметим, не превращается, а именно оборачивается) несвободой, и несвободой особого рода — тупиковой несвободой, из которой административная система уже не находит выхода, т. е. несвободой, проявляющейся сначала в невозможности управлять эффективно, а затем и просто управлять хозяйством; несвобода же хозяйствующих субъектов, вдохновляемая дисциплиной и покорностью, поддерживаемая «лукавой» самоорганизацией, с неизбежностью оборачивается свободой, и свободой особого рода — также тупиковой, из которой также нет выхода, т. е. свободой не думать, не проявлять инициативы, не иметь ответственности, не рисковать и даже не выполнять — весьма незавидная для homo sapiens свобода!

В механизме административного хозяйствования мы находим и свободу и несвободу. Обе присутствуют и взаимодействуют. Но взаимодействуют очень оригинально: не в процессе конструктивного взаимопревращения и взаимореализации, т. е. взаиморазрешения, а в процессе какого-то кривого взаимоотражения, своеобразной игры в «прятки», а то и в «поддавки», т. е. взаимонеразрешения («загоняния» в угол). Разве это не карнавал?

Пояснение. Карнавализированная культура — культура мнимостей, берущих на себя роль реальностей, заменяющих реальность и выворачивающих ее наизнанку.

Вследствие своей «непротиворечивой командности» административное хозяйствование чуждо товарной организации, а следовательно, и экономике вообще (напомним, что экономика в данном случае — не синоним производства). Административной системе не может нравиться ни экономический расчет — ведь при нем нельзя бездельничать и своевольничать, нужно серьезно думать и много работать, иметь дело с прихотливыми ценами, прибылями, кредитом, ни тем более товарная самоорганизация, которая прямо противоречит административности. Полностью ликвидировать и совсем не использовать экономическое начало административное хозяйствование не может, ибо нужны счет и учет, нужна абстрактная оценка труда и продуктов, нужны деньги и цены. Но административная система стремится максимально ограничить товарное хозяйствование, экономическую организацию производства, заменяя то и другое натурально-командным хозяйствованием. Товарно-экономические формы используются не более как вспомогательные средства административного хозяйствования, его не очень желательные, но необходимые моменты. В итоге товарно-экономическое начало получает незаконную, неполноценную, уродливую реализацию либо в виде сугубо формального, либо скрытно действующего — как в легальной, так и в нелегальной сфере — механизма.

Товар не товар, деньги не деньги, цены не цены, кредит не кредит, зарплата не зарплата, прибыль не прибыль, капиталовложения не капиталовложения. Странно, парадоксально, непостижимо. Крайняя запутанность во всем: оценках, учете, цифрах. Склонность к натуральности и неэкономическому администрированию неизбежно самопреумножается. Подстегивая друг друга, административность и натуральность, не встречая корректирующего сопротивления товарности и «экономности», с неизбежностью устремляются в тупик, из которого они уже не находят выхода, так как ни оглянуться назад, ни остановиться, ни повернуть обратно, а тем более качественно переродиться они не могут.

Административное хозяйствование — это, конечно, культура, хотя и очень своеобразная. Ее главное своеобразие, — естественно, парадоксальное,— состоит в том, что это культура ... некультурного (низкокультурного, псевдокультурного и даже антикультурного) хозяйствования. О какой высоте культуры, как и культуре вообще, можно говорить, если на месте согласования — директива, соглашения — окрик, расчета — волюнтаризм, деловых отношений — бумагомания, информации — дезинформация, права — инструкция, профессионализма — некомпетентность, дела — бездействие, реалий — имитация, инициативы — лозунг, ответственности — безответственность. Если это и культура, то культура чудес, но чудес опять же карнавальных, т. е. античудес. Один «встречный план» чего стоит!

Между административным хозяйствованием и культурой — глубокое противоречие. Первое не только не воспринимает вторую, но делает все, хотя этого часто субъективно не хочет, чтобы упростить, обесценить ее, минимизировать, опошлить, превратить в некультуру. Здесь урок кризиса особенно тяжел, так как напоминает о том, что мы

не так работаем, *не так* хозяйничаем, *не так* живем, т. е. делаем все как-то уж очень нерационально, неэффективно, негуманно, не в соответствии с потребностями и интересами цивилизованного, не говоря уже социалистическ и цивилизованного человека и общества.

Кризис административной системы высветил очень многое. Прежде всего он показал, что как бы исторически ни был неизбежен административный социализм, как бы он ни смягчался, ни либерализировался, он не имеет исторической перспективы. Это, возможно, необходимая, но тупиковая ветвь исторической социализации общества. Доказав несостоятельность административного социализма, кризис указал и на необходимость крупных перемен — революционной перестройки всего социального устройства СССР.

Наше устройство — и общественное и личное — полно несовершенств. Но ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность.

Монтень

Post scriptum. Наивно думать, что можно было избежать административного социализма или достичь на его путях чего-то большего. Корни административного социализма глубоко запрятаны в чреве истории, возник он не из ничего, и за простую девиацию (отклонение) его не примешь. Случившееся случилось. Надо, видимо, принять административный социализм за исторический факт, признать то, что он выполнил свою историческую миссию, доказав при этом, что путем административного социализма идти можно, но по возможности, не нужно.

Часть четвертая

Хозяйство преддверия XXI века

Ум человеческий — не пророк, а угадчик.

А. Пушкин

Если поглубже вдуматься в наше горестное время, начинает казаться, что мир уже созрел для Страшного суда.

Гёте

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть...

С. Есенин

1. ДИАЛОГ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1.1. ИТОГИ: РЕНЕССАНС — ПРОЦВЕТАНИЕ И ДЕГРАДАЦИЯ

Вторая половина второго тысячелетия прошла под знаком ренессанса — культурного переворота, высвобождения культуроразрушительной и культурнотворческой энергии человека, активного освоения им природы и планеты.

Очагом ренессанса стала Европа. Здесь под покровом христианства и вопреки ему, в непрекращающейся борьбе идей и мнений, властителей и народов, в среде военного и политического авантюризма, в котле интенсивных товарных отношений, благодаря жажде личных успехов, подвигов и отличий, привычке личной инициативе и ответственности, в отсутствие грубой всеподчиня-

18—555

ющей и всепоглощающей монопольной силы смогли зародиться и окрепнуть главные начала ренессанса и ренессансной культуры — *гуманизм, индивидуализм, свобода мысли и действия,* соединяющиеся, если так можно сказать, в творческом антропоцентризме (произошло, по Гегелю, пробуждение самостности человеческого духа).

Европейская культура, освободившись от засилья религиозной схоластики, социальной, политической и хозяйственной регламентации, принижавших человека и сковывавших его творческую энергию, вступила на путь ревизии и реформы, стремясь к реальному отображению мира, его постижению в своей естественной данности, активному и свободному созиданию материальных и духовных ценностей, развитию неприроды и очеловечиванию природы.

Европейская культура стала свободно развивающейся культурой освобожденного от самоограничения человека, культурой прогресса — освоения природы, земного пространства, всей организации мира. Она вступила на путь безграничного накопления и развития, усложнения и совершенствования. Она стала культурой *открытой бесконечности,* культурой человека-творца, человека узнающего, размышляющего и действующего, активного и сильного, раскованного и уверенного, человека натурализованной и гуманизированной культуры.

Ничего подобного в истории не было. Это было впервые, это было необычно, это было сверхъестественно — в своей естественности!

В хозяйственной сфере творческий антропоцентризм нашел выражение в свободе хозяйствования, базирующейся на свободе собственности. Он выразился в свободе товарных отношений и в свободе капитала, свободе инициативы и организации, свободе производства и свободе хозяйствующего индивида. Творческий антропоцентризм вызвал к жизни субъекта-предпринимателя, предприимчивость и борьбу, конкуренцию. Он сделал человека homo economicus.

Творческий антропоцентризм породил динамичность и развитие, технический и социальный прогресс, изобретательство. Он создал человека-новатора, подчинил природу, обусловил индустриализацию мира — природы, культуры, человека. Создал индустриальную цивилизацию.

Высвобождение человека, его духа, мысли, деловитости, его организационной энергии было, несомненно, огромным достижением эпохи Возрождения, колоссальным историческим завоеванием человека. Человек, избавившись от самоограничений, давно уже ставших самодовлеющими, от него независимыми, получил уникальную возможность соответствовать самому себе, быть самому себе целью, механизмом и критерием. Это очень важно: суть человека в человеке, человеческое мерится человеческим, человек делает человека. Был осуществлен Великий Прорыв человека в человеческое, а вместе с таковым человек пошел и на Великий Риск — *самому себе быть мерой.*

Великий прорыв, великий риск, а соответственно Великие Следствия. Какие же? Вовсе не однозначные, далеко и не столь позитивные, как того ожидал ренессансный человек.

Человек как существо и как личность крайне противоречив. Люди диаметрально противоположно отличаются друг от друга, а в одном человеке сидят диаметрально противоположные личности. Есть человек и человек, есть люди и люди.

Одни тяготеют к созиданию, другие — к разрушению, одни — к творчеству, другие — к подражанию, одни — к организации, другие — к исполнению. Есть люди-альтруисты, а есть люди-эгоисты. Нравственные и безнравственные, положительные и отрицательные. Есть люди Добра, а есть люди Зла, есть люди и есть нелюди. Природе угодно производить и иметь разных людей. Разных в одних и тех же людях и разных в разных людях.

В человеке и обществе хватает всего: хорошего и плохого, умного и глупого, рационального и иррационального, порядкового и анархичного, созидательного и разрушительного. Преобладать может то одно, то другое. Противоположные начала — противоположные следствия. В целом для человечества и его общей истории между всеми этими противоположностями реализуется динамическое равновесие. Однако ничто не гарантирует от возможности необратимого усиления начал, ведущих к деградации и гибели. Именно в этом находит одно из оправданий идея апокалипсиса. Что же касается локальных потрясений, отдельных катастроф и периодических отбрасываний назад, то примеров такого рода событий в истории человечества предостаточно.

Эсхатологические мотивы питаются, разумеется, не только и не столько «испорченной» натурой человека, сколько общим культурным состоянием человека, уровнем его общего сознания, т. е. осознания мира и своего места в нем. Готов ли был ренессансный человек к столь захватывающей, но и столь обязывающей исторической миссии — быть самому себе мерой? Сегодня мы могли бы сказать: нет — не готов!

Высвобождение человека в человеке вылилось не только в исследование и познание, проникновение в тайны природы, в саму природу, расширение и усложнение неприроды, обновление культуры и рост производительности, но и в отчаянную эксплуатацию природы, ее прямое и последовательное уничтожение и ничем не обоснованную переделку, в нещадную эксплуатацию человека человеком, физические и духовные мучения, людской эгоизм и разобщенность, войну всех против всех, потрясающее по своей сосредоточенной активности и целенаправленности созидание оружия уничтожения, наконец, самый откровенный «человеческий» (человек человека!) геноцид.

Умножение знания и совершенствование технокультуры, свободное организационное творчество привели к необычным научным, техническим и социальным свершениям. Человек очень многого достиг, он страшно много узнал, обрел новый образ себя и своей жизни, перевернул мир. Однако он не стал от этого ни намного умнее, ни заметно нравственнее. Более того, он подвел себя и все живое к роковой черте - реальной возможности исчезновения. Abyssus abyssum invocat[1] Совершив немало потрясающих воображение подвигов, в том числе и весьма сомнительных, человек не совершил лишь одного подвига — нравственного, так и не став в полном смысле слова homo moralis.

Ренессанс произвел нового человека — человека деятельного и человека индустриального. Он дал невиданные для homo sapiens возможности, но он поставил и невиданные для homo insipiens (неразумного) проблемы. Процветание оказалось оплаченным деградацией. Эйфория от беспредельности обернулась шоком от предельности. Гордый своим совершенством, человек вдруг увидел себя несовершенным. Обновление не спасло человека от морального и культурного кризиса. Ренессанс воззвал к ренессансу!

[1] Бездна бездну призывает (лат.).

1.2. Перспективы: новый ренессанс — возрождение природы и очеловечивание человека

Порожденный первым ренессансом триумф неприроды над природой, человека деятельного над человеком нравственным, обернулся ... моральным поражением неприроды перед природой, человеком деятельным перед человеком нравственным. Отсюда и великий императив времени: назад к природе, вперед к нравственности.

Ренессанс подтвердил, что в человеке — как явлении культуры — нет критерия природности и нравственности, ибо человек способен на все и все свои деяния готов и может оправдать, пуская в ход все свое хитроумие, ловко изворачиваясь и суесловя. Как ни парадоксально, но критерий природности и нравственности находится вне человека, он лишь признается последним, усваивается им, служит ориентиром,— это в случае, если человек уловит и воспримет критерий, его очеловечит. Природный критерий — в Природе, духовный — в идее Бога. Уважая Природу и допуская идею Бога, человек смиряет себя, укрощает свою гордыню, ищет гармонии с окружающим миром и с самим собой. Веря в материальную нравственность природы и веруя в идеальную нравственность бога, человек оказывается способным уверовать и в себя, в свое природное и гуманистическое предназначение.

Вера для человека — вовсе не заблуждение, не прихоть. Она, конечно, от известной слабости человека, его несовершенства и дисгармонии, но она и от большой силы человека, не убоявшегося признать свою слабость и ищущего моральную опору за пределами самого себя. Великое достижение человеческого разума и духа!

Говоря о вере, мы вовсе не призываем к религии как таковой, ни к старой, ни к новой. Мы призываем лишь понять идею и то внимание, которое этой идее уделял и уделяет человек. Дело не в том, чтобы объявлять природу божественной, а бога природным (существующим), а в том, чтобы понять, что человек, определяя себя, не должен исходить только из себя, он должен исходить и кое-из-чего более совершенного и гармоничного, более определенного и цельного, более ясного, в конце концов, чем то, что представляет собой сам человек. Нравится нам это или нет, но главная критериальная опора человека как существа природного и гуманистического находится —

пока находится! — вне человека. Уяснение этого — высшее, пожалуй, на сегодня проявление мудрости человеческой!

Перед нынешним человеком, человеком индустриальным и человеком нерелигиозным, стоит величайшая и труднейшая задача — задача обретения природы и человека как человека природного и нравственного. Новое знание, новое просвещение, новая культура. Неприрода теперь — за природу и человека. Такова генеральная перспектива. Такова историческая миссия надвигающегося тысячелетия.

1.3. Итоги: ренессанс — разделение общества и раздел планеты

Ренессанс породил не только личную, но и общественную активность человека. Он привел к формированию деятельных человеческих сообществ, но относящихся при этом друг к другу как самостоятельный индивид к самостоятельному индивиду, т. е. действующих на основе и в рамках того же эгоцентризма. Общественное начало нашло наиболее последовательное воплощение в национальных сообществах и государствах. Возобладал приоритет национального над общечеловеческим, во всяком случае в том, что касается обеспечения и организации реального человеческого бытия. Разделение общества на сообщества дополнилось и разделом жизненного пространства, всей нашей планеты. В итоге человечество и земля оказались поделенными. Разделение физическое сочетается с разделением культурным, социальное — с хозяйственным, политическое — с идеологическим.

Неизбежное противоречие между, с одной стороны, целостностью природы, планеты и человечества, а с другой — их разделением на «целостные части» (каждая часть в данном случае целое) нашло реализацию в межнациональных (межстрановых, межгосударственных) отношениях, среди которых бытуют как отношения сотрудничества, взаимопомощи и дружбу, так и отношения соперничества, диктата и вражды. Эквивалендный и равноценный товарообмен сочетается с грабежами и войнами, взаимн я поддержка — со взаимным уничтожением. Ренессанс не смог, как и церковь до него, исключить эксплуатацию и бойню: творческий антропоцентризм оказался не чужд цивилизованной антропофагии.

Войны продолжаются до сих пор — обычные («военные войны»), политические, экономические, идеологические.

Межгосударственное и межнациональное соперничество не исчезло. Конфликты случаются даже между социалистическими странами. Мир далеко еще не обрел мира.

Мир разобщен: социально, политически, экономически, идеологически. Индустриальная цивилизация много сделала для межнациональной и межгосударственной интеграции, но не столь много, чтобы преодолеть разобщенность мира. XX век — век разобщенного мира. Однако XX век — век небывалого обострения противоречия между разобщенностью и целостностью мира.

1.4. Перспективы: новый ренессанс — обретение целостности

Человек разделил среду своего обитания, разделил и себя. Старый ренессанс не снял, хотя и преобразовал, это разделение. Но ренессанс, обусловив развитие индустриальной цивилизации, создал потребность в обобществленном мире, одновременно создав и предпосылки такого обобществления. Их множество: восстановление и сохранение природы, конечность и общность ресурсов, интенсивный международный экономический обмен и интернационализация производства, общечеловеческий характер индустриальной культуры, политическая взаимозависимость мира, роковая опасность конфликтов и войн.

Человечество и весь его мир должны существовать и развиваться как взаимообусловленное и интегрированное в себя самого целое. Сегодня, а тем более завтра уже нельзя жить отдельно, вне зависимости от всего человечества и всего его мира, не соизмеряя свою жизнь с жизнью всей планеты, не погружаясь в общепланетарное бытие, не участвуя в его общемировой организации. Этого не может себе позволить ни одна страна.

Глобализация жизни — глобализация проблем — глобализация решений и действий.

Национальный масштаб превращается в интернациональный, а интернациональный — в общемировой. Национальное начало не исчезает, а становится еще и проявлением интернационального и общемирового. Общемировое — не значит однообразное. Это есть общее, но общее, реализующееся в разнообразии. Часть отличается от части, но ровно настолько, чтобы не противопоставить себя общему, не отделиться от него.

Ренессанс середины II тысячелетия привел к отделению человека от природы, их противостоянию. Сейчас уже яс-

Человек впервые понял, что он житель **планеты** и может — должен — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в **планетном аспекте.**

В. Вернадский

но, что так называемое, господство» человека над природой — роковое заблуждение. Не может быть ни господства над природой, ни даже равнодушия к природе. Может быть только единство с природой на основе любви к ней в рамках общей природно-неприродной целостности.

1.5. Итоги: ренессанс — homo-ego (человек за себя)

Ренессансный антропоцентризм оживил и углубил индивидуализм в человеке. Обретая свободу, т. е. себя, человек в эйфории самоутверждения не смог уйти от великого соблазна — ориентации на Я, на индивидуализированную активную личность, на личную предприимчивость и всеядность. Ренессансная эпоха — эпоха человеческого эгоизма, когда интересы индивида ставятся выше интересов общества. Разумеется, человек не перестает быть человеком общественным, но в той мере, в какой общественное начало удовлетворяет *эго*-индивидуальному. Таков главный принцип ренессансного человека. Но жизнь богаче любого принципа. Общественное начало необходимо человеку, оно необходимо вообще и необходимо как преодолевающее его — человека — эгоцентризм. Реакция реальной действительности на раскованный индивидуализм была неоднозначной: поощрение сочеталось с сопротивлением. Крайний эгоцентризм спровоцировал и обратное движение к общественности. Возник идеальный и реальный социализм. Эпоха, начатая ренессансом, оказалась эпохой борьбы эго-начала и социо-начала, «частности» и «общественности», капитализма и социализма.

1.6. Перспективы: новый ренессанс — homo sociabilis (человек за человека)

Человек — существо общественное. Только в обществе человек может быть человеком. И только выделяя себя из общества. Индивид и общество. Индивид в обществе и общество из индивидов.

Сегодня ясно, что эгоцентризм не имеет исторической перспективы и должен отступить. Он негуманен и опасен:

для природы, для культуры, для человека. Для существования всего сущего.

Перед человечеством стоит задача — дать приоритет развитию таких общественных систем, при которых индивидуальное и общественное имеют равную относительную ценность.

Отсюда движение к новому человеку — homo sociabilis. Одно из значений sociabilis — «товарищеский», а потому homo sociabilis — человек, существующий для человека. «Человек за себя» должен уступить место «человеку за человека».

Отсюда и движение к социализму, а следовательно и к человеку социалистическому.

Таков идеал наступающего времени!

1.7. Summa sutnmarum: на пути к нооиндустриальной цивилизации

Ноосфера — среда обитания человека, гармонично сочетающая природное и неприродное начала, все живое и все неживое, естество и культуру. Ноосферная цивилизация — индустриальная цивилизация, но уже ново-индустриальная цивилизация, обладающая индустрией, способной обеспечить гармонию между человеком и природой, а следовательно, и гармонию внутри человеческого общества. Ноосферная цивилизация — нооиндустриальная цивилизация, основанная на гуманизированном человеке и гуманизированной технике, на гуманизированном и «оприроденном» взаимоотношении человека, техники и природы.

Идеал, мечта, миф? Наверное, да. Но, во-первых, очень привлекательные, во-вторых, необходимые, в-третьих, «неальтернативные». Что же еще тогда, кроме катастрофы?

Путь к идеалу извилист и тернист. Он полон препятствий, ошибок и бед, он полон страдания, но страдания, тем не менее из которого может выйти обновленная жизнь, а не смерть.

Идеал, мечта, миф? Да, но ведь и руководство. Цель. Программа. Да и человеку ли бояться наивности и веры. Без веры нет истины, а истины нет без слова. Слово не только обозначает, но и открывает истину. Слово — спаситель. Недаром же именно Слово оказалось в самом Начале!

— И настанет царство истины?
— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

М. Булгаков

2. ТЕХНОКУЛЬТУРА ПОД ЗНАКОМ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

2.1. Революция против революции

Высвобожденная ренессансом созидательная энергия человека сначала изменила организацию ручного труда — от ремесленной мастерской к мануфактуре, а затем и характер труда — посредством перехода от ручного труда к *машинному.* Соответственно мануфактура уступила место *фабрике*—предприятию, техническое основание которого составляет *система машин.* Человек все это проделал в рамках капиталистически организованного социума.

Был совершен технический переворот. Освобождение человека ознаменовалось и высвобождением техники. Машина — орудие неограниченного совершенствования. Человек высвободил труд, который стал безгранично изобретательным и безгранично производительным. Труд стал и более специализированным и более общественным, предприятия превратились в крупные и неограниченно разрастающиеся производственные организмы. Человек одолел и извечные пределы в росте производства, насыщении спроса, разнообразии продуктов, потреблении природных ресурсов. Это была настоящая техническая революция, получившая наименование вследствие развития по ее инициативе крупной индустрии *промышленной революции.*

Никогда ранее, если не считать мифологических «воспоминаний о будущем», человечество не обладало такими производительными возможностями, такой производительной силой, такой производительностью. Никогда ранее производство не было столь самоцельным и столь самодовлеющим. Никогда ранее человек не был так поглощен производством и его совершенствованием, как в открытую ренессансом и промышленной революцией эпоху. Никогда человек не был столь могущественным, самодовольным и самоуверенным. Никогда человек так не чувствовал себя Человеком!

Главным героем эпохи ст^л человек предприимчивый — homo activis, индивидуал и эгоист, основной заботой которого был только эффект от собственной предприимчивости, своего *дела.* Оцениваемая приростом денег и благ, предприимчивость не слишком совместима с умеренностью и любовью. Что человек, что природа, что Бог!

Дело определялось делом и только делом. Инициатива мерилась инициативой. Деньги служили деньгам.

И результат превзошел все ожидания. Ободряемая предпринимательством машина отдала капиталу капиталово, и настолько щедро, что не преминула... подчинить себе человека, как предприимчивого, так и трудящегося, принудив первого заниматься машинами и еще раз машинами, превратив второго в свой непосредственный придаток. Свобода обернулась несвободой. Человек стал рабом машины, и не только машины-технического устройства, но и машины-социального механизма (фабрики, города, промышленной агломерации). Освоение машиной человека сопровождалось и освоением ею природы. Машина буквально атаковала природу, сделав ее объектом интенсивного потребления, разрушения и переделки. Машина «омашинила» общество и культуру.

Но, к счастью, ничего бесповоротного в жизни нет. Все имеет свои пределы. Все отступает, возвращается назад, превращается в противоположность, исчезает. Индустриализация жизни не могла не вызвать сопротивления жизни, потребности обратного движения — деиндустриализации общества, культуры, природы. Все чрезмерное, неестественное, равно как и надуманное, рано или поздно уходит. Против гипертрофии всегда действует антигипертрофия.

Промышленная революция обусловила необходимость ангмпромышленной революции. Сейчас это уже ясно. Только разве недокультурный и недонравственный человек может этого не понимать.

Революция — это переворот. В данном случае — переворот от индустриального к неиндустриальному.

Но возможно ли это? Да, возможно, если не трактовать такой переворот как механический возврат к доиндуетриальному обществу, а понимать его как диалектическое отрицание индустриального... индустриальным же, т. е. старого индустриального новым индустриальным, несущим в себе и необходимый антииндустриальный момент. Индустрия должна сама себя превратить в «неиндустриальную индустрию» посредством собственного развития в противоположном для себя направлении, а именно природном и человеческом направлении. Индустрия должна, оприродив и очеловечив себя, деиндустриализовать природу и человека, но все это посредством новой индустриализации. Новой технически и новой социально. Через ре-

волюционный переход к новому индустриальному технологическому способу производства и соответственно к новому социальному индустриальному способу производства. Одним словом, через новую промышленную революцию. Теперь уже вторую.

Революция следом за революцией, революция как продолжение и отрицание революции. Революция против революции, но и... за революцию!

От индустрии вообще человечество отказаться не может, но оно может уйти от нынешней, во многом антиприродной и антигуманной индустрии и перейти к новой — натурализированной и гуманизированной — индустрии. Такова задача современной индустриальной цивилизации!

2.2. Вторая промышленная: миф или реальность?

Миф или реальность — эта вторая промышленная революция? Возможна ли она? А может быть она уже идет? Вопросы сколь естественны, столь и сложны.

С середины 1970-х гг. мир заговорил о новом качественном преобразовании техники и технологии, причем заговорил не только как о желательном, но и как о совершающемся процессе. Заговорил не без оснований.

Главным основанием стала всеобщая и разносторонняя *компьютеризация* техники и организации производства, всего хозяйственного процесса на базе особых технических устройств — ЭВМ, среди которых есть и такие, которые, будучи общедоступными, способны очень быстро и практически в неограниченных объемах перерабатывать информацию, запоминать ее, анализировать, вести диалог с человеком и самими собой, «думать», решать и даже «творить».

Применение такого рода «интеллектных» и колоссальных по мощности и быстродействию компьютеров открывает перед человеком поистине грандиозные возможности в творческой организационной и производственной деятельности, в познании и моделировании природы, ее преобразовании и приспособлении.^ ней, достижении нового взаимоотношения человека, техники и природы, в обобществлении производства, науки и культуры, преодолении их разделенности и разобщенности, обретении всемирной целостности.

Компьютер делает homo sapiens качественно другим.

вооруженным не только своим, но еще и техническим разумом, т. е. человеком, разумным вдвойне.... homo sapiens sapiens. Человеческий разум соединяется с разумом техническим. На место чисто человеческого разума приходит человеко-технический разум. Земной разум усложняется и качественно изменяется. Другим становится и носитель разума, его субъект.

Существа живые — люди дополняются «существами» техническими — компьютерами, а в итоге «существами» человеко-техническими. Основным думающим, решающим и действующим лицом природно-неприродного мира становится своеобразное и небывалое ранее образование — «человек-машина», или, более современно, «человек-компьютер». Мир человека становится миром «horno-computer», оставаясь, конечно, миром человека. Человеческое общество —- это уже общество не только разумных живых (естественных) существ, но и «разумных» неживых (искусственных) «существ». Общество усложняется, раздваивается и удваивается, становясь теперь обществом, сочетающим в себе общество людей с обществом компьютеров, общество становится обществом «человеко-компьютеров». Мир вступает в компьютерную цивилизацию.

Machina ex homo et homo ex machina [1].

«Homo-computer». Новая технологическая клеточка, новая производительная — исследовательская и производственная — комбинация. Главный элемент нового технологического способа производства, новой культуры, новой индустриальной цивилизации. Отныне человек — ничто без компьютера, без взаимодействия с техническим мозгом. От человека с ручным орудием через человека с машиной к человеку с компьютером.

Читатель, наверное, уже заметил, что перед человеком открывается замечательная перспектива попасть в зависимость от компьютера, особенно когда последний превратится в полном смысле слова в machina sapiens. Такая перспектива вполне реальна — и не только для отдаленного будущего. Уже сейчас труд попадает под контроль компьютера, а сфера такого контроля будет, безусловно, расширяться. Усилится также вероятность паразитирования на компьютерах, ослабления творческой потенции человека, его интеллектуальной расслабленности, моральной деградации. Человеку нужно все это ясно осознавать,

[1] Машина из человека и человек из машины (лат.).

чтобы минимизировать возможные печальные следствия компьютеризации. Человек должен также позаботиться о том, чтобы вдохнуть в компьютер... нравственность, защитив компьютеры от попыток начинить их безнравственностью. Нравственный компьютер — большое, очень большое дело, и не только потому, что решения компьютера нам не безразличны, а и потому, что такой — нравственный — компьютер... может удержать самого человека в границах нравственности.

Разворачивающаяся в настоящее время компьютеризация существенно изменяет характер производительного процесса.

Прежде всего она расширяет рамки технической самоорганизации, позволяя автоматизировать управление производством и сам производительный процесс. На место человека и машины традиционного типа, т. е. машины-орудия, делающей человека своим орудием, приходят *автоматы.* Отсюда возможность облегчить и гуманизировать труд человека, сократить время труда, необычайно повысить производительность, минимизировать и организационно упростить трудовые коллективы, шире привлекать надомный труд, превратить фабрику в *самоорганизующийся технологический комплекс.*

Компьютеризация выводит на новый качественный уровень организацию общественного хозяйственного процесса. Она меняет *образ* предприятия, уменьшая его значение как системы непосредственной организации трудового коллектива, производительного взаимодействия производительных сил, и возвышая его роль как центра хозяйственного анализа и хозяйственных решений, т. е. усиливая те качества предприятия как хозяйствующего субъекта, которые относятся более к надпроизводственному функциональному уровню. Основным хозяйственным звеном становится не столько предприятие-производство, сколько предприятие-фирма. Центр тяжести в рамках хозяйствующего субъекта переносится от внутренней организации производства к внешней хозяйственной организации. Непосредственный производительный процесс оказывается настолько самоорганизующимся (целостным, гибким, приспосабливающимся — автоматы делают автоматы), что организация производства на предприятии перестает быть главной функцией предприятия.

Возможности внешней хозяйственной деятельности фирмы, т. е. ее самоорганизации в отношениях с другими

хозяйственными агентами, значительно возрастают с применением компьютеров. Усиливаются информированность фирмы, ее хозяйственная оперативность, способность устанавливать и поддерживать разнообразные хозяйственные отношения с огромным количеством разбросанных по всему миру агентов. Фирмы уже практически не испытывают ограничений со стороны информации и пространства,— зона их действия — весь информационный мир и все хозяйственное пространство.

Компьютерная самоорганизация фирмы, как и любого другого хозяйственного субъекта, усиливает возможности самоорганизации всего сообщества — мирового сообщества! — хозяйствующих субъектов. Общественная самоорганизация становится более сознательной и менее стихийной, более целостной.

Вооруженный компьютерными системами человек получает дополнительные возможности познания и моделирования производства как целостного и социо-технико-природного процесса, охватывающего всю планету и захватывающего околоземное пространство. Человек оказывается на пути к организации производства ноосферного типа, когда борьба с природой заменяется сотрудничеством с ней, когда между человеком, техникой и природой устанавливается динамическое равновесие.

Все вышесказанное свидетельствует о каком-то очень большом качественном скачке в технокультуре, не просто об обновлении ее парадигмы, а о настоящем технокультурном перевороте, ведущем помимо многого прочего к тому самому ангииндустриальному эффекту, который знаменует возможность и реальность *второй* промышленной революции.

Примечание. Мы выделили две технокультурные революции: первую промышленную и вторую промышленную. А как же быть с НТР? На наш взгляд, качественный скачок в развитии индустриальных производительных сил, который получил определение «научно-технической революции», не является по существу революцией, хотя и сыграл и играет важную роль в судьбе как первой, так и второй промышленных революций. Мы склонны считать, что событие, называемое НТР, завершило развитие первой из революций и открыло развитие второй. Вообще такого рода явления, как технические революции, реализуются, надо признать, не в одном, а в серии качественных скачков, и развитие революций охватывает не одно столетие. Событие, которое произошло в 30—40—50-е гг. XX в., не имело достаточной выраженности как явление, отрицающее промышленную революцию, оно было, скорее, ее продолжением, доведя до крайности, вплоть до абсурда, начатое первой промышленной революцией.

Вернемся к вопросу: миф ли вторая промышленная революция или реальность? Ответим так: и миф и реальность. Миф, поскольку эта революция больше потребность, чем осуществление, но в то же время и реальность, поскольку в мире уже происходит нечто, что позволяет заметить революцию, ее фактическую возможность, ее будущее торжество. Окончательная цель второй промышленной— ноосферное бытие человечества. Цель реальная, но не близкая На пути к ней человечеству придется пройти через новую промышленную цивилизацию, или неоиндустриальную цивилизацию, которая в буквальном смысле еще не ноосферная цивилизация, но которая создает эту последнюю, уже обладая ее чертами и со временем их усиливая.

3. СОЦИУМ ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Утопия влечет за собой по меньшей мере попрек в глупости, но без выдвижения утопии мы станем наблюдателями зла, потакая ему своим молчанием.

З. Лени,

Технокультура и социум тесно взаимосвязаны. Оба влияют друг на друга взаимоопределяются. В общем и целом они соответствуют друг другу, но в один и тот же исторический момент соответствуют в разных конкретных (качественных) комбинациях. Индустриальная технокультура не может не требовать соответствующего индустриального социума, но последний не обязан быть непременно всюду одинаковым. Равно и индустриальная технокультура не обязана осуществляться по всему свету единообразно. Образы технокультуры, а тем более образы социума могут быть разными, разными могут быть и конкретно-исторические социо-технико-культурные комбинации. Индустриальный технологический и индустриальный социальный способы производства могут реально осуществляться в различных конкретных способах производства и их формах.

3.1. Неоиндустриальный социум

Социум не только реагирует на разные технокультуры, он развивается и сам, требухи от технокультуры соответствующего развития. Вторая промышленная революция — результат не только внутреннего развития технокультуры, но и развития социума, осознавшего как необходимость нового качественного скачка в производительных силах, так и определяющий характер — ноосферный — этого скачка. Ноосферность будущей цивилизации — синтетический итог коэволюции социума и технокультуры.

Главная особенность становящегося социума — динамическое равновесие между индивидом и обществом, национальными обществами и всемирным сообществом, их свободная выраженность друг в друге, согласие и согласованность. И все это представляет сейчас не просто желание, но и действительность — социокультурный и технокультурный императив.

Человеческое общество должно приобрести динамическое равновесие между свободой всех составляющих его элементов и частей (индивидов, коллективов, народов, стран, государств, регионов, континентов) и их общей — сознательной и согласованной — несвободой перед лицом целостности, уязвимости и ограниченности мира, перед лицом ноосферы.

Удивительная по своей невероятности и гигантская по масштабам задача. Идеальный идеал. Величайшая цель. Проект тысячелетия. Анти-апокалипсис. Миф, который если и не будет до конца осуществлен, но которому нужно упрямо следовать. Ничего другого мы предложить себе не можем. Жизнь задыхается без жизненной, пусть в чем-то и утопической, цели.

Вырисовать будущее нельзя, но обрисовать можно. В общих чертах, контурами. Что из себя может представлять социум XXI века?

Контур первый. Социум будет разнообразным. Единообразия не будет, его нет в природе, нет его и не будет в социуме.

Контур второй. Социум останется государственным, но значительно более *гражданским* и *правовым*, чем сейчас. Всемирный социум выразится через *межгосударственное демократическое единство.*

Контур третий. Человечество вряд ли станет много добрее и нравственнее, но оно может стать во всех отношениях терпимее. Не исключается возвращение к идее Бога, но уже обогащенной новым смыслом и требующей иного понимания. Возможен ренессанс религии. Главным этическим механизмом должны стать самоконтроль и самоограничение. Мера — вот, видимо, важнейшая заповедь наступающей цивилизации.

Наученный горьким опытом, человек конца XX в. не столь прост и доверчив как человек начала XX в. Он знает, что желания сильно расходятся с действительностью, что техника и социальное переустройство сами по себе не делают человека счастливее, что торжество гуманизма не

избавляет человека от эксплуатации и истребления, что человек — неважный ученик по части нравственности, что религия вовсе не гарантирует от бесчеловечности, а атеизм не ведет прямиком к человечности, что предвидеть социальное всего труднее. Жестокий век — жестокие уроки!

Наш человек вовсе не наивен. Он умен и. скептичен. Рационален. Знает, что за жизнь надо бороться, но бороться с умом, уже не друг с другом, а носителям Добра против носителей Зла, а также всем миром... со всем миром, т. е. посредством всеобщего самопревращения — в граждан мира.

Новая утопия? Да. Но и новая надежда!

3.2. Новое индустриальное хозяйство

Рассмотрим то, что видится уже сегодня, разумеется, не пренебрегая реальностью выдвинутого нами идеала.

3.2.1. ВСЕМИРНОСТЬ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Всемирность многозначна.

Значение первое: *общемировой масштаб.* Об этом уже говорилось. Индустриализация хозяйства имеет следствием его интернационализацию, а затем и мировизацию. Мировизация есть утверждение общемирового (планетарного) начала, имеющего полем своей реализации не только чисто планетарное, но и околоземное пространство. Локальные арены хозяйственной деятельности не исчезают, но предстают уже как интегральные элементы общемировой арены. Каждая локальная сфера теперь рассматривается не сама по себе,— точнее, не только сама по себе,— а обязательно в общемировом контексте — как момент общепланетарного пространства. Уже сейчас, а в будущем тем более, нельзя хозяйствовать, не учитывая всемирности хозяйства, не ориентируясь на общеземные, а также и космические потребности и возможности. Всемирность — это прежде всего общечеловеческая целостность неоиндустриального хозяйства.

Значение второе: *ноосферность.* Об этом уже говорилось. Всемирность — единство всех миров: неживой и живой природы, природы и общества, естественной природы и искусственной природы, Земли и Космоса. Всемирность — это Всеединство, достижение равновесия между мирами, их синтеза, общей (качественной) целостности. Всемирность — это движение к Ноосприроде, реализующей единство природы и неприроды, их замкнутость,— разумеется, относительную,— на самих себя. Это движение к Сверхприроде.

Значение третье: *мирогражданственность.* Каждый человек — гражданин мира, каждый хозяйствующий субъект — гражданский субъект мира. Мирогражданственность — осознание своей причастности к человечеству как к целому, уважение общечеловеческого начала, следование общечеловеческим ценностям, подчинение общечеловеческим интересам, пользование общечеловеческой мерой. Мирогражданственность — участие во всемирном общественном и хозяйственном порядке, основанном на общечеловеческой этике и нравственности, реализуемом в рамках общемирового согласия.

Мирогражданственность не исключает, а предполагает индивидуальность, семью, народы, нации, государства, особенные культуры и особые цивилизации. Без разнообразия нет мира, а может быть только мировая масса, а масса бесперспективна. Единство — это не единообразие и растворение друг в друге, а взаимопонимание, доверие и согласие, одним словом — соборность!

Из трех общих принципов всемирности — масштабности, ноосферности, мирогражданственности — вытекают и более конкретные, более хозяйственные следствия.

Следствие первое: *мирообусловленность собственности.* Человеку хорошо известна собственность частная и собственность общественная. Собственность индивидов, коллективов, предприятий, фирм, учреждений, государства, наций. Известна и международная собственность. А вот мировая? Это уже что-то новое. Есть ли таковая?

Недра Земли, Мировой океан, Космос — чье это достояние? А леса, воды, воздух? Что это? Достояние народов, наций, государств или, быть может, всего человечества? А энергетические ресурсы (нефть, например)? А многие изобретения? А такие продукты труда человеческого, как каналы, туннели, дороги, средства связи? А отходы, отбросы, «мировая грязь»? А вредное производство? Чье это все?

Ясно, что в собственническом, т. е. владельческом, распоряженческом, пользовательском, отношении человека к природным — да и не только природным — ресурсам,

равно как и к результатам труда, присутствует и все настойчивее о себе заявляет *мировой момент.* Из объектов собственности некоторые уже весьма явно претендуют на общемировую собственническую реализацию, другие — лишь отчасти. Но так или иначе собственность уже не может рассматриваться как явление немировое, причем л ю б а я собственность, даже индивидуальная. И в индивидуальной собственности есть «общемировая частица», делающая ее причастной к всемирности. Пора осознать, что собственность — это не только то, что разъединяет, но и то, что о б ъ е д и н я е т мир. Собственность — явление и всемирного порядка.

Следствие второе: *мирообусловленность хозяйствования.* Хозяйствование, признающее, реализующее и воспроизводящее всемирную хозяйственную целостность, причем не только хозяйствование неких общемировых агентов (мировой хозяйственной ассоциации, например), но и хозяйствование любого агента. И дело здесь не столько в наличии индустриальных связей, сколько в особом характере хозяйствования вообще — его скорректированности на мировые потребности, восприятии им мировых реалий, его включенности во всемирный хозяйственный порядок.

Следствие третье: *всемирное хозяйство.* Это уже не простая совокупность национальных хозяйств и международных связей, это — ц е л о с т н о е в с е м и р н о е х о з я й с т в о, агентами которого являются предприятия, фирмы, ассоциации, государства, национальные хозяйства, межгосударственные образования и т. п. Такого всемирного хозяйства пока нет, но некоторые его основания уже есть, а возможность развития вполне реальна.

Всемирному хозяйству должен соответствовать и специфический — в с е м и р н ы й (мирообусловленный) — х о з я й с т в е н н ы й м е х а н и з м. В его основе товарно-денежный механизм, с одной стороны, а с другой — институциональный механизм международного и общемирового регулирования (организация хозяйствующих наций-государств). Всемирный механизм не исключает, а скорее, предполагает функционирование его реальных подсистем-аналогов (типа ЕЭС или СЭВ).

3.2.2. ОПТИМИЗАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В данном случае оптимализм, конечно, условен — это тенденция, тенденция к равновесию, к соответствию, к взаимной «терпимости» противоположностей. Неоиндустриальная, она же и нооиндустриальная эпоха — эпоха возврата неприроды к природе, но на новом витке развития неприроды, в рамках нового единства неприроды и природы. Это эпоха самосознания человека как сына природы, как ее партнера и осторожного преобразователя. Это эпоха самосознания человека как сына человечества и гражданина мира, примирения человека с человеком, нации с нацией, культуры с культурой. Это эпоха примирения человека с самим собой, его суперсамосознания, обретения человеком осознанной целостности. Это эпоха г л о б а л ь н ы х п р и р о д о - с о ц и о - к у л ь т у р н ы х р а в н о в е с и й.

Глобальные равновесия — общий фон, на котором разворачивается реализация хозяйственного оптимума. Идея последнего: *в хозяйстве ценно то, что ведет к достижению и поддержанию глобальных равновесий.* Идея, отметим, прямо противоположная той, которой руководствуется существующее индустриальное хозяйство.

Более конкретно это выражается в ряде моментов.

Первый. Целью хозяйствования уже не может быть организация просто производительного процесса, ею может быть лишь организация *ноосферного* (т. е. всесторонне экологического — для природы, общества, человека) производительного процесса.

Новая организация уже не может свободно следовать принципу «чем больше, тем лучше» (продукции, стоимости, прибыли), а должна следовать принципу «столько, сколько допустимо». Акцент в утверждении общественной полезности перемещается теперь от продукта, удовлетворяющего *любую* возникшую потребность, во-первых, к экологически допустимому продукту, во-вторых, к продукту, удовлетворяющему не любые, а допустимые потребности, в-третьих, не столько к искусственному, сколько естественному продукту, т. е. к природе как продукту. В новых условиях уже нельзя будет открыть любое производство, тем более в любом месте. Главным критерием нужности производства станет не свободная потребность вообще, а соответствие данного производства ноосферной потребности, определяемой к тому же как момент *общественной* — и всемирной — системы ноосферных потребностей. Удовлетворение жизненных потребностей будет все более превращаться в удовлетворение потребностей жизни. Наилучшим производством будет считаться то, которое наи-

лучшим образом впишется в глобальную ноосферную систему общемирового производственного процесса. Производство перестанет быть просто производительным, оно станет оптимально производительным, а потому хозяйствование окажется деятельностью уже не по оптимальной организации производительного процесса, а по оптимальной организации оптимального — ноосферного — производительного процесса.

Второй. В условиях глобальной оптимизации цель уже не сможет оправдывать средства. Между целью и средствами должен иметь место оптимум, вдохновляемый ноосферностью. Реально оптимизировать цель и средства, их взаимоотношение и взаимосоотношение, можно только при переключении внимания с техники и труда как таковых на культуру и науку, т. е. на окультуренные и онаученные технику и труд, но окультуренные и онаученные нравственным образом, на экологической основе.

Третий. Оптимизация результата потребует оптимизации расходов. Неоиндустриальное хозяйствование — хозяйствование, исповедующее экономичность. При всей грандиозности свершений это должно быть скромное хозяйствование.

Четвертый. Неоиндустриальное хозяйствование — хозяйствование, повернутое от количества к качеству: производство качества — в приоритете к производству количества. Производительность количественная уступит место производительности качественной. Рост производства — не просто рост продуктов, даже не рост качественных продуктов, а рост и укрепление ноосферной цивилизации, увеличение возможностей обеспечения жизни. Такой рост направлен как бы внутрь ноосферной системы, он является более интровертным, чем экстравертным. Экстенсивный и интенсивный способы развития производства оптимизируются в рамках себя и между собой, уступая место *рационализированному развитию производства*, стремящемуся к единству с природной, общественной и культурной средами. Развитие средств производства и рост производства — не самоцель. Главное — результат производства, оценка которого выходит за рамки собственно производства, реализуясь в контексте всей ноосферы.

Пятый. Хозяйственная инициатива — инициатива, направленная на достижение ноосферного оптимума, на соответствие ему. Это инициатива, преследующая целью производство жизни, а следовательно, ноосферы.

Шестой. Сбалансированность остается целью хозяйствования и условием хозяйства, но не в обычной производственной, а в новой — опять же ноосферной — интерпретации. Равновесие внутри производственной системы ориентируется теперь на общеноосферное равновесие.

3.2.3. НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ ЭКОНОМИКА

Неоиндустриализм не упразднит ни разделения производства и природы, ни разности в характере и качестве труда, ни эквивалентного обмена продуктами. Неоиндустриализм не снимет необходимости в общественной оценке факторов и результатов производства, как не снимет и необходимости определения ценности (значимости) и стоимости («затратности») производства. Каждый фактор, каждый труд, каждый продукт, как и производственный процесс в целом, должны иметь свою цену. Все цены должны быть согласованы друг с другом, а также соответствовать общественной потребности, т. е. быть элементами общественной системы цен. Только с ценой можно эффективно, социально и природно справедливо, во всех отношениях оптимально организовать общественное производство.

Без цены нет связей, нет порядка, нет системы. Без цены нет индивида, нет предприятия, нет хозяйственной личности. Без цены нет гибкости, нет маневра, нет свободы. Без цены нет информации, нет смысла, нет сущности. Без цены нет самоорганизации. Без цены могут быть только грубое насилие, вульгарная натурализация, хозяйственная сумятица.

Без цены нет экономики, а без экономики нет эффективного хозяйства.

Цена остается. Остаются и деньги. Остается товарность. Неоиндустриальность не отринет товарного хозяйства, но оставит ли она его в прежнем виде? Видимо, нет, товарное хозяйство должно предстать качественно иным. И преобразует его прежде всего компьютер, точнее, «человек-компьютер». Для неоиндустриального товарного хозяйства будут характерны компьютеризован-

ные хозяйствующие субъекты, хозяйственные отношения и диалоги, компьютерные деньги и цены, компьютеризованные информация, анализ и решения. Все системы товарного хозяйства — от биржевой и банковской до правовой и административной — подвергнутся компьютеризации. Все это предоставляет особые возможности для самоорганизации хозяйствующих субъектов и самоорганизации сообщества хозяйствующих субъектов, делая обе самоорганизации, т. е. микроорганизацию и макроорганизацию, гораздо более органично связанными между собой, усиливая самоорганизацию этих самоорганизаций, освобождая их от посредничества противостоящих им социальных институтов и громоздких технико-организационных систем.

Компьютеризация затрагивает не только форму, но и содержание традиционных элементов товарной организации. Что может, например, отразиться в условиях высокой информационной насыщенности и повышенной деловой оперативности в таком параметре товарного хозяйствования, как цена? Теперь уже не просто ценность, редкость, полезность, не просто затраты труда, даже общественно необходимые, не просто соотношение продуктов по их общественной значимости. В цене может теперь отразиться и нечто большее: наряду с общественной ноосферная значимость; наряду с общественно необходимыми затратами труда общественно и природно-допустимые затраты труда и природы; наряду с полезностью для человека полезность для ноосферы; наряду с редкостью экологичность; наряду со стоимостью и ценностью для общества стоимость и ценность для ноосферы. В динамике цен может выразиться приспособление цены и производства к условиям ноосферного бытия, а не только к затратам и спросу. Цена может стать более нацеленной на качество производства и продукта, чем на их количественную динамику. Цена становится мерой всеобщего социо-природного равновесия, непосредственно может служить его достижению.

Нечто сходное может произойти и с другими элементами (моментами) системы товарного хозяйства. Стоимость как мера затрат уступит место стоимости как мере ноосферной эффективности. Товар как продукт, идущий в обмен, станет товаром-продуктом, участвующим в социо-природном обмене веществ. Деньги как мерило труда и стоимости выступят в роли мерила эффективности

производства и потребления (денежная единица будет представлять не просто частицу труда и стоимости, но и «частицу» ноосферной целесообразности).

Товарная организация будет в целом превращаться из организации, обслуживающей производительный процесс как таковой, в организацию, обслуживающую жизнедеятельность ноосферы; из организации, обслуживающей производство и потребление, в организацию, обслуживающую жизнь; из организации, направленной на эго-выгоду хозяйствующих субъектов, в организацию, направленную на выгоду всего человечества и всей природы.

3.2.4. ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Каждый участник неоиндустриального хозяйства — гражданин мира, гражданин ноосферы. Отсюда и небывалая ответственность хозяйствующих субъектов. Она усиливается еще и тем, что гражданином мира и ноосферы можно стать только при условии свободного самоопределения, свободного участия в поддерживающем мир и ноосферу гражданском порядке. Каждый должен не просто осознавать данный порядок, но и быть его творцом, его опорой и реализатором.

Нетрудно понять, насколько сложно организовать подобный общемировой ноосферный гражданский порядок. Легче подтвердить его невозможность: скепсис всегда спасительнее проекта.

Однако жизнь требует жизненного варианта, пусть сегодня и весьма фантастического. Да и так ли уж нереален будущий всемирный порядок? Сомневаясь вместе со всеми, мы тем не менее склонны верить в счастливый исход проекта. Одна из гарантий — развитие новой государственности.

Государственность — не менее замечательное, чем, скажем, товарное хозяйство, создание человека, его культуры. Легко провозгласить неприемлемость и даже ненужность государственной организации, как, собственно, и товарной,— да что-то жизнь не спешит отказываться ни от того ни от другого. Реальнее всего выглядит не отказ от государства и товарного хозяйства, а их преобразование, приспособление к неоиндустриальной цивилизации, наполнение новым содержанием, оснащение новыми механизмами, оплодотворение новым духом.

Достичь нового всемирного гражданского порядка без государственной организации нельзя, но нельзя его достичь и без коренного обновления государственной организации. Государства — основные, центральные, наиболее эффективные строители указанного мирового порядка, но государства, исповедующие *ноосферную культурную парадигму.*

Полноценным гражданином мира и ноосферы можно стать только будучи гражданином какого-либо конкретного государства и только будучи свободным гражданином свободного государства. Полноценным гражданином мира и ноосферы можно стать только через межгосударственные отношения и структуры в системе дружественных государств. Новый мировой порядок — порядок, устанавливаемый и поддерживаемый всемирным союзом государств, но не просто государств, а государств мира, государств ноосферы.

Неоиндустриальное всемирное хозяйство — хозяйство гражданское и хозяйство государственное, но не в смысле главенства государственных аппаратов и господства государственной монополии, а в смысле участия государств в организации ноосферной хозяйственной жизни,[1] ее гармонизации и гарантирования.

3.2.5. НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ОСОБАЯ КУЛЬТУРА

Хозяйство — это культура. Культура и антикультура вместе. Человечество заинтересовано не во всяком, а именно в культурном, хозяйстве. Культура хозяйства определяется общей культурой. Ноосферное хозяйство — ноосферной культурой.

Ноосферная культура — культура, уважающая человека и природу, их единство; культура, уважающая мир в его целостности; культура, уважающая свободу и ответственность; культура, уважающая индивида и общество.

Ноосферная культура — культура самоорганизации. Самоорганизующихся технических и социальных систем. Самоорганизующегося интеллекта. Самоопределяющейся культуры.

Ноосферная культура — культура мудрости, духа и нравственности. Культура всеобщей гармонии, хотя и гармонии динамической, изменяющейся. Культура человеческого общения, диалога и согласия.

Способно ли человечество достичь такой культуры, да еще и в необходимом объеме реализации? Разумеется, да, как и, разумеется, нет. Выбор есть выбор.

Мы предлагаем на выбор лишь один вариант. Выбрать — дело человечества. И если мы стоим за такой выбор, то это значит, что часть человечества сделает, если уже не сделала, именно такой выбор. Разве этого мало!

Отметим условия приоритетного для нас выбора. Это *осознание, единение, просвещение.* Однако и борьба — постоянная, решительная, последовательная, вплоть до противления Злу насилием. Зло не должно чувствовать себя уютно на Земле!

Гражданин мира и ноосферы — это уже не обычный homo economicus. Быть просто экономическим человеку уже недостаточно. Человеку надлежит стать человеком ноосферным и ноосферно экономическим. Вот тогда-то хозяйство породнится с ноосферной культурой, а ноосферная культура сможет выполнить свою историческую миссию — окультурить неоиндустриальное хозяйство.

Будущее неоиндустриальное общество и будущее неоиндустриальное хозяйство — сциентизированные (онаученные) общество и хозяйство. Хозяйствующий субъект будущего — сциентизированный субъект. Все знающий, все понимающий. Но при этом обязательно одухотворенный: верящий в ноосферный мир, в истину, которая выше его страсти. Все осознающий и за все ответственный. Нравственный. Знающий, что такое мера, ее признающий и любящий.

4. капитализм на пути в xxi век

...полнейшая материальная подготовка социализма...

В. И. Ленин

Капитализм XIX века, капитализм XX века, капитализм... XXI века. Вполне законный ряд. Капитализм, надо признать, не только перейдет рубеж XX и XXI вв., но и станет «капитализмом XXI века».

Современность, рассматриваемая как завершенное прошлое и разворачивающееся будущее, способна подсказать образ грядущего капитализма, а будущее, исходящее из настоящего и коренящееся в прошлом, может существенно помочь в познании современности. Отсюда в фокусе нашего внимания не просто современный капи-

тализм, а капитализм, переходящий в XXI век,— капитализм преддверия XXI века.

4.1. Государственно-монополистический образ современного капитализма

Современный капитализм — капитализм государственно-монополистический. Можно, видимо, дать и другие определения, но мы предпочитаем следовать этому, так как за ним скрывается, на наш взгляд, главное: факт особой организации капитализма, которая сделала капитализм другим капитализмом, оставив его в то же время капитализмом. Именно монополизация и огосударствление выполнили столь непростую и важную историческую миссию.

Государственно-монополистический капитализм — историческая форма капиталистического способа производства. Форма капитализма и одновременно форма монополистического капитализма. Форма способа производства и форма его формы.

Государственно-монополистический капитализм — итог великой исторической драмы, развернувшейся в двадцатом столетии на глазах изумленного человечества. Две мировые войны, социалистическая революция в России, «великая депрессия» 1929—1933 гг., фашизм, Хиросима и Нагасаки. Не так уж мало и, как оказалось, вполне достаточно, чтобы одарить человечество новой исторической формой капиталистического способа производства.

Становление новой формы капитализма сопровождалось глубокими и масштабными материально-техническими переменами, обозначенными «скорыми» наблюдателями как научно-техническая революция. ГМК соединился с НТР. Социальное и материально-техническое обновление, ведомое и стимулируемое США, захватило весь капиталистический мир. И как результат всего этого — длительный и весьма высокий рост производства (около 5% в год по показателю ВВП) в течение более четверти века, сопровождавшийся относительно неглубокими и кратковременными-кризисными спадами. Время государственно-монополистического капитализма стало временем относительной стабилизации капитализма.

Относительная стабилизация капиталистического способа производства имеет глубокую историческую обусловленность, восходящую к зарождению капитализма и выходящую из логики его последующего развития.

Капитализм возник как возможно более частный, товарный и свободный от монополии и государства способ производства. Решительный противник феодализма, цеховой регламентации и хозяйственного абсолютизма, капитализм не мог не пойти по пути максимизации частной хозяйственной инициативы, конкурентного хозяйствования и рыночной организации общественного хозяйства. «Маятник» исторического развития резко качнулся в сторону от монополизации и огосударствления, равно как и вообще от общественной сознательной организации. Капитализм сделал ставку на ... капитал и был посвоему прав. Капитализм мог стать капитализмом только посредством явно отрицательного отношения ко всему, что мешало капиталу быть *капиталом.*

Капитализм добился своего и утвердился как вполне самостоятельный способ производства. Он создал себя как целое. Но ... флюсовое — в сторону частного начала — целое, флюсовое, а потому и не слишком внутренне сбалансированное, не слишком устойчивое, а отсюда и весьма уязвимое. История не замедлила это подтвердить. Капитализм в своей наиболее частной и наиболее свободной форме не справился ни с развитием капитала, его концентрацией, ни с развитием крупного машинно-фабричного производства. Циклические кризисы XIX в. проявили неполноценность капиталистической организации, а глобальный затяжной кризис конца XIX в. ее окончательно «утвердил». Флюсовая организация потерпела *поражение.* Капитализм *был* вынужден, спасая себя, двинуться в обратном направлении — к отвергнутой им ранее монополистической и государственной организации, общественным формам своего бытия. «Маятник» исторического развития качнулся теперь в сторону от частного начала, свободной организации хозяйства, конкуренции и рынка.

Равновесное, разумеется, относительно и даже условно равновесное, состояние капиталистическая хозяйственная организация обрела лишь в середине XX в., в момент окончательного формирования государственно-монополистического капитализма. Действительно, между частным и общественным началами, между хозяйственной свободой и хозяйственной несвободой установилось некоторое взаимное соответствие. Капитализм, вырабо-

тав или восприняв общественные формы и механизмы своего бытия, обратив частное в общественное, свободное в несвободное, оставив при этом частное частным, а свободное свободным, добился той целостности и той качественной сбалансированности, которой он оказался лишен в результате своей решительной и последовательной борьбы с предшествующим ему социумом. Произошло то самое отрицание отрицания, которым завершается становление полноценной, т. е. диалектически цельной, системы. Отсюда, заметим, и относительная стабилизация капитализма.

Стабилизация, о которой идет речь, не исключает нестабильности: ни таких ее проявлений, как инфляция, безработица и кризисы, ни даже общей нестабильности капиталистического способа производства, рассматриваемой, правда, уже как обычное обострение противоречий, свойственное любой социальной системе. Стабилизация, о которой мы говорим, означает не более как обретение капитализмом более гармоничного — для себя — качественного состава, лучше соответствующего самой природе вещей.

Отказ капитализма от хозяйственной несвободы был вполне естествен — без такого отказа не было бы и капитализма. Но в более общем плане, т. е. в контексте, выходящем за рамки конкретного способа производства, так сказать, в метаперспективе, такой отказ нес в себе и момент неестественности, ибо несвобода не менее необходима для организации хозяйственной жизни, чем свобода. И капитализм был вынужден вернуться к несвободе, чтобы восстановить неестественную для него естественность, правда, восстановить уже в приспособленном для себя, а не в отринутом от себя виде. Капитализм прошел сложный, витиеватый, тернистый, но единственно возможный путь — отрицания отрицания. И это пошло ему в целом на пользу-

Капитализм обобществился, не потеряв своей частной основы, он стал общественным капитализмом, не перестав быть частным. Капитализм воспринял монополию и государство, признал общественную сознательную инициативу и регулирование, пошел на регламентацию, но не утратил ни капитала, ни конкуренции, ни рынка. Капитализм остался капитализмом.

Стабилизация, возникшая в системе капитализма вместе с его превращением в государственно-монополистический капитализм, не избавила капитализм от возможности дестабилизации, хотя и не столь глубокой и ярко выраженной, как это имело место ранее. Качественное равновесие, о котором мы говорим, было, во-первых, динамическим, а во-вторых, уязвимым — пусть и относительно — для внешнего воздействия. Дестабилизация могла случиться в любое время и по разным причинам: и как следствие борьбы противоположных начал, составляющих капиталистическое единство, и как следствие изменения среды, в которой находится и реализуется капитализм.

Дестабилизация государственно-монополистического капитализма могла случиться и таки случилась. Ее наиболее отчетливым проявлением стал глобальный затяжной кризис 1970—1980-х гг., который был, с одной стороны, самообусловлен как вполне закономерное для капитализма событие, а с другой — вызван обстоятельствами исторического момента, среди которых было и несоответствие государственно-монополистического капитализма обступившему его времени, а также и несоответствие государственно-монополистического капитализма ... самому себе.

В чем же конкретно выразились указанные несоответствия?

Во-первых, в неготовности государственно-монополистического капитализма, успевшего привыкнуть к весьма интенсивному развитию и росту производства, воспринять даже сам факт долговременного перенакопления капитала и соответствующего ему кризиса, не говоря уже об эффективной с ними борьбе; приспособленная к «экономическому процветанию», государственно-монополистическая система оказалась неприспособленной к «экономическому застою»,— отсюда и ее неудачи в борьбе с кризисом, собственная устарелость и необходимость перестройки самой с,ебя.

Во-вторых, в недостаточной восприимчивости системой государственно-монополистического капитализма нового научно-технического прогресса, ее неприспособленности к технологически новому—гибкому, самоорганизующемуся, экологичному—производству, а также и к новой интернационализации производства, принимающей характер мировизации.

В-третьих, в возникшем в ходе развития государственно-монополистического капитализма перекосе в сторону хозяйственной несвободы, т. е. появления нового флюса, но уже обратного тому, который был в условиях свободного капитализма, конкретно выразившемся вс вполне объяснимой для времени активного наступлени? несвободы гипертрофии монополизации и огосударствления, что вызвало состояние внутреннего «дискомфорта» хотя и не такого чувствительного, как в недавнем прошлом.

В итоге обнаружилось общее несоответствие сформировавшегося в послевоенное время государственно-монополистического капитализма потребностям времени и самому себе. Наряду с глобальным затяжным кризисом капиталистического производства, растянувшемся вплоть до второй половины 80-х гг., возник и синхронный ему кризис государственно-монополистического капитализма. С этого момента государственно-монополистический капитализм развивается под знаком этого кризиса и, выходя к рубежу тысячелетий, стремится преодолеть его на путях перестройки, или, что то же самое, трансформации.

Добавление. Анализируя развитие капитализма XX в., мы обошлись — и это заметил, очевидно, читатель,— без тезиса об общем кризисе капитализма, что, разумеется, не значит, что мы против самого этого тезиса. Мы ясно отдаем себе отчет в том, что появление тезиса об общем кризисе капитализма было вовсе не случайным, ибо в 30-е гг. капитализм действительно переживал общее и долговременное обострение противоречий, подвергался сильным и опасным потрясениям. Ошибочным оказался не сам тезис, а его теоретическая интерпретация, а также выводы о судьбе капитализма, сделанные на основе такой интерпретации. В существующей трактовке общего кризиса, на наш взгляд, много надуманного: и фактически перманентный характер кризиса, его «эсхатологичность»; и явно преувеличенное значение борьбы двух социальных систем для понимания сущности кризиса, логики его развертывания; и явно недостаточное «участие» самого капитализма в понимании своего собственного кризисам и периодизация общего кризиса, осуществленная по сомнительному критерию изменения соотношения сил между капитализмом и социализмом. В данной теоретической интерпретации тезис об общем кризисе капитализма не выдержал испытания временем, он перестал соответствовать реальности и загнал самого себя в тупик. Мы придерживаемся той точки зрения, что общий кризис, конечно же, был в 1930—1940 гг., а отдельные его рецидивы давали знать о себе и позже, но затем кризис постепенно ослаб и настолько значительно, что сохранение тезиса о нем потеряло сейчас всякий позитивный смысл. Даже кризисные события 1970—1980-х гг. не смогли придать концепции общего кризиса второе дыхание. Что уж говорить о ней сегодня, когда в капиталистическом мире разворачивается вторая промышленная революция и наметился новый долговременный подъем экономики.

Критически оценивая концепцию общего кризиса, логично предположить, что в 30-е гг. за общий кризис был принят очередной глобальный затяжной кризис капиталистического способа производства, правда, весьма глубокий и тяжелый.

4.2. Новая трансформация капитализма — обновление его государственно-монополистической формы

Рассматривая вопрос о новой трансформации капитализма, необходимо учесть несколько важных обстоятельств.

Первое. Перед капитализмом стоит задача реализации второй промышленной революции, движения к неоиндустриальной цивилизации, интеграции во всемирное хозяйство, создания условий для перехода к ноосферному бытию человечества. Это глобальная перспективная задача, главный ориентир.

Второе. Будущее отрицает капитализм. Капитализм будет стараться себя сохранить. Развитие капитализма пойдет в борьбе с некапитализмом, но и в борьбе ... с капитализмом. Развитие полно противоречий. Будущее отнюдь не безоблачно. Возможны, как говорят, варианты.

Третье. В трансформацию погружается вполне зрелый способ производства, успевший обрести — в глобальном историческом измерении — качественную сбалансированность, значительно, если не полностью исчерпать ресурсы и закрыть свободные «ниши» собственного развития. Отсюда либо не слишком глубокие и масштабные перемены в рамках существующей целостности, либо, наоборот, крупная трансформация, угрожающая способу производства в целом, втягивающая его в процесс глобального превращения и некапиталистический строй. Все очень непросто. Скорее всего, мы будем свидетелями и того и другого, но и ... третьего, может быть, совсем нам и неведомого. £a depend '.

Примечание. Мир является свидетелем сложнейшей и интереснейшей ситуации, когда будущее и прошлое сходятся в острой схватке, способной предопределить развитие и облик человечества на века. Дело здесь, конечно, не в одном капитализме, но и в капитализме тоже,— не исключено, что и прежде всего. От того, что произойдет в ближайшие десятилетия, зависит очень и очень многое. Прошлое, подготовив и желая будущее, тянет назад, сдавливая будущее. Будущее, выходя из прошлого, рвется на простор, отбрасывая прошлое, но не имея возможности от него оторваться. Прошлое, подготовившее

[1] Это зависит от обстоятельств (фр).

будущее, и будущее, зародившееся в прошлом, предопределяют реальность будущего — будущее будущего. И вот здесь-то — в предопределении и осуществлении — как никогда велика роль человеческого сознания, его обобщающей и проективной способности, его уважения к миру и к мере. В надвигающееся на нас будущее нельзя вступать вслепую, равнодушно, на авось. Даже оплошность теперь вряд ли будет прощена.

Что же, однако, происходит с капитализмом?

Ответ не может быть однозначным. Сегодня капитализм меняется как сегодняшний капитализм, но сегодня он меняется и как завтрашний капитализм, наконец, сегодня же он меняется и как будущий, может быть, вовсе и не капитализм, а совсем иной общественный строй. В сегодняшней эволюции мы должны видеть по крайней мере три эволюции: три ее направления и три пласта.

Сначала обратимся к первичной, более или менее наблюдаемой эволюции.

Всматриваясь в современный капитализм, в те процессы, которые отражают его нынешнее состояние, замечая наиболее явные и свершающиеся перемены, мы можем прийти к заключению, что сегодня государственно-монополистический капитализм перестраивается прежде всего в рамках государственно-монополистического капитализма. Самым реальным сейчас является транформация существующего государственно-монополистического капитализма в новый государственно-монополистический капитализм. Явного перехода к «не-ГМК», т. е. заметного и последовательного процесса демонополизации и дезогосударствления, мы не наблюдаем. Преобразование формы капитализма идет, но более в рамках самой этой формы, чем с выходом за ее пределы, а это означает, что преобразование идет главным образом на уровне подформы. От «ГМК-I» к «ГМК-П», от классического ГМК,— а он уже успел стать классическим,— к «нео-ГМК».

От какого же ГМК и к какому ГМК переходит капитализм?

Чтобы ответить на вопрос, нужно установить главные эволюционные тенденции, переживаемые в настоящее время капитализмом, имея в виду и необходимый для качественного преобразования момент отрицания, движения к противоположности.

Первая тенденция: от *дирижистского* ГМК к *либерализированному* ГМК. Данная тенденция — либерализация — отвечает потребности преодолеть гипертрофию

монополизации и огосударствления, вернуться к изначальным основаниям капитализма, но вернуться, конечно, с сохранением монополизации и огосударствления, хотя и в измененном — либерализированном — виде. Возрождение конкуренции и частной инициативы сопровождается изменением характера монополистического и государственного регулирования, приданием им большей гибкости, «вариабельности», рыночности, заметным усилением роли мелкого и среднего бизнеса, немонополистических и неадминистративных форм хозяйственной координации.

Монополии стремятся теперь не столько господствовать, сколько лидировать, обращаясь не столько к захвату рынка, сколько к овладению им на основе маркетинга — более приспособленной к рыночной системе форме регулирования воспроизводства капитала. Монополии стали вообще больше конкурировать, чем диктовать, более согласовывать, чем подавлять. Предпочтение теперь отдается совместным действиям, а не борьбе. Типичным явлением стали рассредоточение капитала, его диверсификация, образование филиалов и совместных предприятий. Монополистический капитал принял менее дирижистские формы бытия, не столь авторитарные, хотя и не перестал быть монополистическим капиталом, равно как и не перестал пользоваться методами давления, в особенности на капиталистической периферии.

Государственное хозяйствование также приняло более либеральный способ реализации. Об этом свидетельствует многое: частичная приватизация государственного капитала; развитие смешанного — частно-государственного — предпринимательства; отток государственного капитала из некоторых, более конкурентных по природе сфер производства; перевод государственных предприятий и фирм на более конкурентные принципы функционирования; признание необходимости рентабельности государственных предприятий и фирм; частичная дебюджетизация общественного хозяйства, сокращение государственных расходов на экономику; предпочтение экономическим, косвенным и согласительным методам регулирования хозяйственной жизни; акцент на регулировании конъюнктуры и более последовательное обращение к проблемам конкурентоспособности; отказ от тотального регулирования экономики из центра; уважение хозяйственной самоорганизации; признание неопределенного и

неравновесного характера экономической динамики; усиление прогностических основ анализа и программирования; сосредоточение инициативы государства на ограниченном числе главных направлений. Стиль партнерства одерживает верх над стилем руководства.

Либерализация огосударствления вовсе не означает его конца, как и конца самого дирижизма. Государство не только остается важнейшим элементом хозяйственного механизма и всей системы капиталистического способа производства, но и способно при необходимости усилить и ужесточить свое влияние на экономику. Без огосударствления хозяйства современный капитализм просто не существует.

Вторая тенденция: от *империализированного* ГМК к *социализированному* ГМК- Не столь явно выраженная и не столь легко воспринимаемая, чем рассмотренная выше, тенденция.

Империализм, как учил В. И. Ленин, есть эпоха подготовки и перехода к социализму, в особенности в его — империализма — государственно-монополистическом образе. И эта подготовка идет сложным путем — как посредством отрицания капиталистического в капитализме, так и посредством возникновения и развития в капитализме «элементов социализма». Декапитализация капитализма — социализация капитализма. Социализация капитализма есть в определенной мере и его деимпериализация. Не полное, разумеется, отрицание империалистической сути государственно-монополистического капитализма, а ее известные ослабление, потеснение,' преобразование.

Империализм не только готовит, но и превращается в социализм. И делает это как в условиях и посредством обострения своих противоречий, ставя под угрозу свое собственное существование и поощряя социализм, так и в условиях и посредством стабилизации противоречий, переходя к более демократическим, гуманистическим и общественническим формам существования, т. е. непосредственно реализуя социализм. Разумеется, социализм в условиях капитализма^— это своеобразный, капитализированный социализм, социализм, еще не превратившийся в самого себя, не ставший самому себе тождественным. Это важно иметь в виду. Речь идет о социализме, вызревающем в несоциалистических обстоятельствах, соседствующим не только с капитализмом, но и с империализмом, ибо империалистичность не исчезает вовсе, а остается в известной мере и в той или иной форме выражения и при новом ГМК.

Почему мы имеем возможность говорить о деимпериализации и соответственно, демократизации и социализации государственно-монополистического капитализма? Есть ли для этого основания? Думается, что есть.

В самом деле, о чем могут свидетельствовать хотя и неравномерный, но все же рост жизненного уровня всех слоев населения в развитых капиталистических странах; развитие системы социального гарантирования жизни; активное развитие и рост социальной значимости так называемого «среднего» трудящегося класса, объединяющего наиболее квалифицированные и сознательные в аспекте гуманизма и демократии слои населения; общий рост гражданской и политической сознательности трудящихся, их культуры; участие трудящихся в управлении предприятиями, коммунами и даже государствами; реализация экологической защиты; открытие не только экономических, но и политических границ, свобода передвижения («общий европейский дом» для западноевропейцев— уже реальность); мирное сосуществование капиталистических государств; функционирование экономических и политических механизмов достижения международного согласия; все больший отход от практики военных конфликтов (странно, например, говорить сегодня о возможности военных действий в Западной Европе, т. е. на континенте, где еще полвека назад полыхала самая крупная за всю историю человечества война); переход к более гуманным и справедливым социальным отношениям; терпимость к социалистическим странам, желание сотрудничества с ними; признание необходимости всеобщего мира и глобальных основ развития всего человечества?

Реальная тенденция к обретению капитализмом более человеческого, демократизированного и социализированного облика есть. Это надо видеть и надо признать. Но, видя и признавая это, нужно делать все, чтобы данная тенденция усилилась. И делать это не через давление и конфликты, ибо насилие и столкновение ныне — средство не только не лучшее, но и чрезвычайно опасное, а через мирное и рассудительное поощрение предпочтительных эволюционных процессов. Избежание конфликтов не есть избежание борьбы. Прогрессивные силы не должны

сидеть сложа руки, они обязаны действовать — во имя человека и культуры, во имя демократии и социализма, во имя всемирной целостности.

Третья тенденция: от *национализированного* ГМК к *интернационализированному* ГМК- В отличие от предыдущих данная тенденция заметно более реальна и неизмеримо более понятна. Интернационализация — не только факт, но и явный признак времени.

Интернационализация всесторонняя: производственная, хозяйственная, экономическая, социальная, политическая, культурная. Интернационализация интенсивная, развивающаяся уже в рамках освоенной ею целостности— капиталистического мирового хозяйства. Мировизация. Становление целостной мировой системы, но вовсе не единообразной системы, а сохраняющей неограниченное национальное разнообразие.

Нет сейчас практически ни одного хозяйствующего субъекта, ни одного капитала, ни одного производства, которые не ощущали бы себя элементами мировой системы. Стоимость, капитал, прибыль — все это уже категории мирообусловленные. Современный капитализм — как никогда международный, хотя, безусловно, еще далеко не исчерпавший ресурсы интернационализации.

Вся система государственно-монополистического капитализма приняла интернационализированный образ, все более становясь мировизированной. Национальное и мировое начала как бы меняются местами: не второе оказывается уже функцией от первого, а, наоборот, первое от второго. Государственно-монополистический капитализм превращается, если уже не превратился, в *международный государственно-монополистический капитализм.*

Таковы три основные тенденции, характерные для первичной эволюции сегодняшнего капитализма. Все они отражают новый виток в процессе обобществления капитализма, но обобществления, реализующегося уже и в новом качественном облике.

Теперь обобществление выражается, во-первых, не столько в простом приросте^ объемов производства и увеличении размеров капиталов, их принудитэл! ном ассоциировании в крупные и сверхкрупные капиталы, сколько, с одной стороны, в росте разнообразия (диверсификации) производства и капитала, расчленении (дифференциации) капитала на относительно самостоятельные части, а с другой — в усилении структурной и функциональной взаимозависимости производств и капиталов, их всеобщем проникновении друг в друга, в росте взаимоорганизованности, а также в формировании сложных — более общественного, чем частного характера — ассоциационных систем капитала, отличающихся как особой подвижностью, так и высокой устойчивостью, а во-вторых, не столько в поступательном развитии общественного разделения труда, его все большем членении по специализациям и вынужденной от этого кооперации труда, сколько, с одной стороны, в воссоединении труда, преодолении его раздробленности, превращении в социально более однородный труд, в усилении тенденции к перемене труда и взаимозаменяемости конкретных видов труда, а с другой — в образовании и функционировании сложных, многослойных и взаимопереплетенных подвижно-устойчивых общественных кооперационных систем труда, включающих любое количество разнообразных по качеству конкретных видов труда. И все это в международном масштабе, а также в рамках возрастающего единства всех сфер общественного хозяйства.

Обобщая сказанное об обобществлении, отметим, что оно все более выражается в форме интеграции, диалектически сочетающей общность с особенностью, единство с самостоятельностью.

Развивающийся на основе и в рамках нового обобществления новый ГМК, бесспорно, более общественный, чем «старый», хотя в то же время и более индивидуализированный. Это именно интеграционный ГМК, переходящий на новую ступень своего бытия и своей культуры, диалектически вмещающий в себя целостность с самоопределением частей и элементов. Частный капитал, оставаясь частным, усилил свой общественный характер, он создал такую общественную систему капиталов, в которой каждый капитал — капитал, но в то же время и органический элемент многоступенчатой и качественно разнообразной общественной системы обобществленных капиталов. Самоорганизация каждого отдельного капитала стала интегральным моментом организации многосложного общественного капитала, его самоорганизации. Практически любой частный бизнес является сейчас фактически делом обобществленного капитала, представленного промышленной или финансовой группой, банком, фондом, ассоциацией,

государством. Анализируя соотношение частного и общественного капиталов, предпочтительнее сегодня говорить о существовании рассредоточенного по частным «деловым центрам» (предприятиям, фирмам, банкам, фондам общественного капитала, принадлежащего как бы самому себе, своей общественной интеграционной системе), чем о существовании частных капиталов, образующих общественный капитал лишь в процессе своего взаимодействия (т. е. не более как составленное из частных элементов целое). Времена атомизированного, т.е. разобщенного, разъединенного, разделенного, капитала давно ушли в прошлое. Не целое из частей, а часть от целого. Таково новое бытие капитала, новое соотношение его частного и общественного начал. Если мы и признаем за каждым частным капиталом какую-то его целостность, то только как целостность, являющуюся частностью для другой, более крупной целостности, ее моментом. Самоопределение части и элемента в решающей мере есть уже функция от самоопределения целого, а не наоборот.

Подытоживая сказанное, вернемся снова к вопросу: от какого же ГМК и к какому ГМК идет капитализм?

Мы видим, что ГМК переходит к такой своей форме, для которой характерны такие качества, как либеральность, демократизированность, социализированность, международность, общественность, интеграционность. Можно ли тем не менее найти одно-единственное слово, чтобы обозначить новизну нового государственно-монополистического капитализма? ГМК, становящегося более цельным, равновесным, спокойным, более самоорганизующимся и организованным? Есть ли оно, это слово?

И опять задача не из простых. Как ее разрешить? Может, просто разрубить этот «гордиев узел», прибегнув к помощи самого явного и бесспорного предиката?

Если пойти этим путем, то наиболее подходящим определением нового ГМК будет, видимо, *международный государственно-монополистический капитализм.* Вряд ли кто будет выступать против такой логической линии: свободный капитализм — монополистический капитализм — государственно-монополистический капитализм — международный государственно-монополистический капитализм. Логика здесь есть, начертанная историческая схема вполне реалистична. Но что-то важное остается за пределами определения, а это важное как раз и есть то, что противостоит монополизации и огосударствлению, насильственности и директивности, т. е. то, что обозначает движение к ... свободному капитализму, а также то, что противостоит непосредственно самому капитализму, что идет ему на смену, т. е. то, что обозначает движение к ... социализму. Этой-то возвратности к «старому», этого-то движения вперед, т. е. этого сложнейшего отрицания отрицания в предложенном решении, к сожалению, нет. Отсюда — да простит нас «серьезная» наука! — только один выход: предоставить читателю возможность самому поразмыслить над решением задачи, не забывая при этом, что главное в конце концов не слово, а смысл, а смысл всегда богаче любого слова.

Существенное дополнение. Чтобы решить обозначенную проблему, нужно обязательно не только учесть характерные черты современного капитализма, но и соотнести специфику современного капитализма с качественными характеристиками капитализма на предшествующих этапах его исторического развития, т. е. нужно дать логически обоснованный ряд исторических определений капитализма. Никак не претендуя на окончательный вывод, мы можем предложить читателю следующий ход: сначала выделить в истории капитализма два периода—свободного капитализма и несвободного капитализма, затем присоединить к ним третий — свободно-несвободного капитализма, т. е. современный период, и, приняв во внимание эти три периода, попытаться осуществить еще одну триадную периодизацию, учтя при этом и явления монополизации и огосударствления: 1) свободный конкурентно-рыночный капитализм, 2) организуемый монополиями и государствами конкурентно-рыночный капитализм, 3) самоорганизующийся с участием монополий и государств конкурентно-рыночный капитализм. Получив такой результат, мы можем теперь сказать, что ГМК переходит сегодня от «несвободного ГМК» к «свободному ГМК», или, иначе, от «организующего ГМК» к «самоорганизующемуся ГМК». Таков один из возможных вариантов решения.

4.3. Навстречу грядущему

Капитализм преддверия XXI в. отвечает на требования времени перестройкой государственно-монополистического капитализма в рамках государственно-монополистического капитализма. Но сейчас зарождается и «капитализм XXI века». Каким же он нам видится из сегодня?

Предусматривать будущее — задача трудная и неблагодарная. Но не предусматривать его нельзя, особенно в наше сложное, переходное время. Наивно моделировать облик будущего в деталях, возможен лишь общий рисунок, скорее даже набросок. Попробуем его сделать, исходя из сегодняшней реальности, учитывая тенденции времени и императивы будущего, пользуясь законами

диалектики и свойственным проективному разуму воображением.

Удобнее всего рассмотреть предмет по частям.

Труд и производство. Нам представляется, что XXI в. станет веком интеграционного обобществления труда и производства. Такое обобществление, не отменяя специализации и «ячейковости» труда и производства, сделает труд более единым, универсальным, взаимопереходным. Социальные же и экономические различия в труде во многом сгладятся, а местами и просто исчезнут. И технически труд станет более единообразным, но не в смысле одинаковости труда, а с точки зрения общности его базисных характеристик. Произойдет, несомненно, интеграция производительного, исследовательского и управленческого труда, их единение. Предприятия останутся, но как элементы *суперкрупных производственных цепей,* свободно образующихся в мировом технологическом пространстве, но находящихся друг с другом в органическом единстве. Общественное производство станет вообще более органичным — организменным. Это не будет суперфабрика, но это будет весьма интегрированная в себя саму система — некий единый техномир, в котором любой его элемент будет существовать как вполне равноправный и самостоятельный. Свобода каждого из элементов будет осуществляться не в отгороженности от других элементов, не в выделении различий и их закреплении, а в гибкости, переменчивости, многофункциональности бытия элементов. Каждый элемент техномира будет более или менее одинаков в своем существенном и функциональном разнообразии, что позволит всем элементам быть равными друг другу в каждый момент своего существования. Главная особенность и сила любого из элементов будет состоять в возможности быстрого реагирования на изменение общей ситуации, вплоть до перепрофилизации. Высокая изменчивость элементов, их пристрастие к многообразию и полифункциональности, способность жить и действовать по-разному, позволит и всему техномиру быть изменчивым и гибким, легко перестраивающимся и приспосабливающимся. Именно в этом, видимо, заключена возможность диалектически сочетать свободу элементов со свободой всего техномира.

Собственность. Говоря о собственности, следует иметь в виду характер собственности, ее субъектов и ее объекты.

Среди объектов собственности все большее значение будет придаваться *информации* (в ее самом широком понимании), от владения и распоряжения которой будет все более и более зависеть достоверность принимаемых решений. Единолично всей информацией не завладеешь. Можно владеть лишь частью информации, да и то временно и главным образом в момент ее производства. Особенность информации состоит в ее принципиальной общественности. Изолированный от мира банк информации — нонсенс. Однако и полная «обезличка» информации имеет не больше смысла. Производство информации, равно как и ее переработка и хранение, доведение до потребителя,— это труд, который дает основание быть собственником информации — своей и общественной. Собственность — *знак труда,* вложенного в информационный процесс, своеобразная заслуга или право быть участником производства и потребления информации. Быть собственником — не значит держать информацию, выдавая ее только в обмен на другую информацию. Это также нелепо, как пытаться иметь изолированный банк информации. Быть собственником — быть полноправным участником информационного процесса, иметь возможность получать за это участие соответствующее информационное и денежное вознаграждение.

Сказанное о собственности на информацию может быть отнесено и к собственности на любой другой фактор производства, как и самой жизни. Частной собственности придется существенно потесниться, рас-*крепости*ться, снять изоляционные барьеры, все более превращаясь в символ — символ участия в общем процессе и символ меры этого участия. Общество станет достаточно культурным, чтобы считаться с такой символизированной собственностью. Что касается владения жилищем, участком земли или набором личных потребительных благ, то такого рода частная собственность может в основе своей сохраниться в обычном виде.

Основания для сохранения частной собственности есть, но такой частной собственности, которая способна органично включаться в общественную, свободно в нее обращаться. Будущая собственность — собственность, сочетающая в самой себе и частное и общественное начала, т. е. не нуждающаяся ни в особом принудительном посредничестве кого-либо или чего-либо, ни в насиль-

ственном преодолении частного начала ради общественного и общественного ради частного.

Субъектами собственности на производственный процесс, его факторы и результат останутся частные лица, фирмы, государства. Основную собственническую роль будут играть, конечно же, институты, и в этом смысле произойдет определенное соединение символа и института, собственность примет институтно-символизированный характер. Останутся ли частные собственники (типа рантье)? Наверное, да. Но вряд ли они будут иметь большой вес. Скорее всего общество найдет возможность поглотить такую собственность трудовой собственностью.

Товар, деньги, капитал. Все эти изобретения человечества и в XXI в. не потеряют ни своего значения, ни своей роли. Но характер их будет меняться посредством обретения ими все большей общественности. Товар будет непосредственно и органично включаться в товарный мир, деньги станут более символическими и единообразными (в мировом аспекте), капитал будет все более определять себя как составной, хотя и самостоятельный, элемент общественного капитала, он также станет более символической, чем реальной, субстанцией.

Капитал будет представлять собой сложное интеграционное целое, объединяющее все виды капитала и объединенное общей и единой информационной системой. Капитал вообще примет информационный образ. Не только информация станет капиталом, но и капитал — информацией.

Акции (как и любые другие «ценные бумаги», а точнее, символы стоимости, денег, капитала) останутся, но также примут более общественный характер. Продуктивность акций скорее всего будет уравниваться, а движение акций определяться общественной институциональной системой, которая сможет обойтись и без традиционной биржевой игры. Банки и аналогичные банкам учреждения станут элементами единой международной, если не мировой, кредитно-финансовой системы. Валютные различия могут сохраняться, но многовалютная система станет более цельной, не столь гетерогенной, как сейчас.

Капитал и труд. Произойдет, на наш взгляд, весьма масштабная, хотя и неполная, интеграция капитала и труда. Не слияние их в единое целое, а именно интеграция. Произойдет это, по-видимому, на базе и вследствие

эффективного соединения производственного, исследовательского и управленческого труда, обобществления труда, преодолевающего его нынешнее разделение, вертикального (по видам труда) и горизонтального (по пространству) обобществления капитала, передачи функции владения и распоряжения капиталами самому труду. Все это будет означать социализацию (от «social») капитала и труда, но одновременно и проникновение их друг в друга. Встречное движение приведет к новому характеру и механизму соотношения капитала и труда. Наемность труда будет содержать момент владения капиталом. Капитал — наниматель труда, а труд — владелец капитала. Взаимоотчуждение капитала и труда уменьшится. Не только капитал будет представлять труд, обращая его в капитал, но и труд сможет представлять капитал, обращая себя в капитал. Капитал и труд имеют шанс найти возможность более эффективного, чем сейчас разрешения собственного противоречия. Антагонизм может исчезнуть, а диалог приобрести характер внутреннего, более технологического, чем социального, диалога, а может быть заменен даже своеобразным консенсусом. Тезис об антагонизме капитала и труда вовсе не абсолютен, а его фактическая данность не вечна. Классовый состав капиталистического общества будет меняться, будут меняться и классовые отношения, изменится и сам характер отношений. Ничто не мешает предположить возможности слияния части буржуазии и части наемного труда в один капитало-трудовой клан, как ничто не мешает этому новому социальному образованию занять лидирующее и отнюдь не регрессивное положение в обществе. Во всяком случае именно этот средний класс (если вообще сохранится необходимость называть его классом) сможет сосредоточить в себе наиболее культурную и творческую часть экономического населения.

Хозяйственный механизм. Сохранится ли предприниматель как основной хозяйствующий субъект? Видимо, да. Но это будет общественно сознательный предприниматель, не просто входящий в сообщество предпринимателей, а составляющий с этим сообществом органическое единство, являющийся органическим элементом сообщества. Будущий предприниматель — уже не просто агент капитала, а, во-первых, агент обобществленного капитала; во-вторых, агент капитало-трудового образования, т. е. агент не только капитала, но и труда; в-третьих, трудовой, т. е. трудящийся, агент.

Кому же конкретно выпадает роль предпринимателя? В общем-то, любому действующему экономическому лицу-организатору, но, как правило, институту-фирме. Трудно сказать, какой уровень в системе организации общественного производства будет занят именно этими институтами-фирмами — близкий ли к непосредственному производительному процессу, далекий ли от него, но то, что такой уровень будет и будет основным, думается, не подлежит сомнению. Любое общественное хозяйство, а тем более мировизированное, нуждается в способных взять на себя основное бремя хозяйствования, расположенных всегда в центре событий, агентах-центрах решений. Без таких агентов-центров не обойтись, они-то, надо полагать, и будут основными предпринимателями.

Каким будет способ хозяйствования предпринимателей, останутся ли они конкурентами? Нынешними конкурентами, конечно, нет, но в определенном смысле — да. Уже сейчас, мы знаем, конкуренция — не совсем конкуренция, ибо она является регулируемой, ограниченной. Вряд ли конкуренция станет в будущем более конкурентной, настолько, чтобы вновь обратиться в полноценную, образца XIX в., конкуренцию. Скорее всего она будет становиться все более организованной, но организованной все более свободно, ненасильственно. Вести неорганизованную конкуренцию будет просто невыгодно, невозможно. Конкуренция сама предпочтет порядок, в котором сможет себя реализовать, но не столько в борьбе с другими конкуренциями, сколько в борьбе с самой собой за возможность осуществляться в рамках общественного самоорганизующегося порядка, т. е. самоупорядоченного рынка. Конкуренция будет все более выражаться в самоприспособлении к самоупорядоченному рынку, в борьбе за оптимизацию хозяйствования, за право хозяйствовать в соответствии с общественными требованиями. Конкуренция будет представлять собой борьбу за лучший вариант хозяйствования — для себя и для общества, для общества и для себя. Конкуренция будет более всего выражаться в переборе вариантов, в возможности выбора, в стремлении к нововведениям. И все эТо в рамках всеобщего рыночного консенсуса.

Конкуренция будет главным образом саморегулирующейся конкуренцией. И рынок тоже. Но это не исключает возможности и необходимости сознательного урегулирования конкуренции и рынка.

Такое урегулирование прежде всего будет осуществляться наиболее мощными, авторитетными и удачно для этого расположенными центрами решений, которые фактически будут выполнять организационную функцию, характерную для современных монополий, но, надо полагать, без присущего классическим монополиям эго-моно-диктата. Навязывать хозяйствующим субъектам противоречащие их интересам решения вряд ли будет необходимо и целесообразно, поскольку тяга к согласованию окажется сильнее тенденции к хозяйственному эгоизму. Развитие информатики и значительная (если не полная) демонополизация хозяйства позволит малым хозяйственным центрам стать полноправными элементами хозяйственной структуры капитала, тем более что малые центры естественно (ненасильственно) будут признавать естественное лидерство крупных в ряде аспектов, по сути, общей хозяйственной деятельности.

Логично предположить также развитие различного рода ассоциаций хозяйственных агентов, а главное, существенное возрастание их организационной роли. Ассоциационный характер капитала утвердится настолько, что сможет поставить под полное сомнение всякую принудительную организацию хозяйствующих субъектов ... от самих же хозяйствующих субъектов.

Урегулирование хозяйственной жизни будет осуществляться и на государственной (межгосударственной) основе. Особенно в вопросах рационализации природопользования, освоения Мирового океана, подземных глубин, планетарного и околопланетарного пространства, в деле космического хозяйствования. Останутся регламентационные функции хозяйственной власти, правовые и контрольные. За государствами останутся многие социальные функции. Им придется участвовать и в организации общественного производства, но не столько как отдельной самодовлеющей силе, сколько как силе, интегрированной в общую систему организации хозяйства. Государства в большей мере, чем сейчас, будут действовать в рамках всеобщего хозяйственного согласования. Капиталистическое хозяйство, на наш взгляд, будет еще долго оставаться государственным, хотя, быть может, и в меньшей степени и по-другому. Мы, во всяком случае, не можем себе представить пока ничего существенно отличного.

Общественные движения и капитализм. Роль общественных движений будет возрастать. Они станут более

разнообразными и политически более действенными. Здесь важно, чтобы в общественные движения не проникал и не распространялся вирус антигуманизма, авантюризма, бесовщины, т. е. антикультуры. Такого рода заражения, к сожалению, будут. Вирус антикультуры окончательно неистребим. Но его нужно и можно держать под контролем, а если надо, то и в оковах. Прогрессивная часть человечества должна быть сильной и активной, непреклонной. И неважно, какой социальной системе она привержена. Развитие общественных движений может способствовать развитию деимпериализации и социализации капитализма, его либерализации и демократизации. В этом нет ничего нереального. Важнейшее слово в данном процессе должны сказать социалистические, социал-демократические и коммунистические партии.

Мировой фактор и капитализм. Нет необходимости здесь доказывать неизбежность мировизации капитализма. Мировизация — преобладающая тенденция новейшего и будущего времени. Уместнее, видимо, подчеркнуть, что мировизация не исключает и не исключит национальных систем капитализма, она лишь превратит их в интегрированные, более зависимые от мирового целого, более определяемые им системы.

En resumé. Капитализм способен достаточно рационально и эффективно ответить на потребности неоиндустриальной цивилизации. Но ему придется за это весьма дорого заплатить — дальнейшим самоотрицательным преобразованием, преодолением своих капиталистических качеств, движением к такому состоянию, когда он уже останется в лучшем случае лишь в отдельных чертах капитализмом. Капитализму придется стать действительно другим капитализмом, таким, чтобы соответствовать наступающей ноосферной -цивилизации. Каким же конкретно? Предыдущий анализ исторических тенденций развития современного капитализма позволяет дать некоторый общий и обобщающий ответ — сначала *социализированным капитализмом* (социал-капитализмом), а затем ... да вот будет ли следующий капитализм именно капитализмом, не будет ли это уже какой-то новый строй, и не придется ли его называть как-нибудь иначе, например ... социализмом? Пусть потомки решают сами. Но дело для нас не столько в названии, сколько в факте, а факт этот интересен тем, что он может знаменовать собой завершение вторичной из обозначенных выше эволюций

нынешнего капитализма и выход на первый план его третичной эволюции, о которой можно было бы поговорить, но, видно, не здесь — ведь речь пойдет уже ... не о капитализме.

Можем ли мы принять обозначенную схему эволюции современного капитализма,т. е. его социализации и конечного превращения в социализм? Многое уже сегодня указывает не возможность такого варианта развития капитализма и прежде всего то, что капитализм хотя и витиевато, но все же неуклонно идет по пути социалистического разрешения основополагающих противоречий — между частным и общественным характером труда, а также между частным и общественным началами организации хозяйства. Механизмы разрешения указанных противоречий становятся все более непосредственными. Они все менее зависят от принудительного социального посредничества (товаров, капитала, административных структур). Разумеется, история способна распорядиться и иначе, уведя развитие буржуазной цивилизации в сторону от социализма. Но это менее вероятно, чем предложенный нами вариант. Кроме того, размышляя о будущем и его моделируя, мы, естественно, исходим не только из объективно обусловленного, но и из субъективно желательного варианта, такого варианта, который всего ближе чаяниям уже думающего о спасении себя и всей цивилизации человечества, варианта, за который стоило бы побороться прогрессивному homo sapiens.

Европейская ренессансная цивилизация не смогла удержаться в рамках формально провозглашенного ею гуманизма, ибо положила в свое основание не человека, а товар, капитал и технику, не свободный труд, а эксплуатацию человека человеком, не взаимную солидарность, а разъединяющий эгоизм. Нет ничего удивительного, что буржуазная европейская цивилизация приняла империалистический характер и по отношению к отдельному человеку-труженику, и по отношению к целым народам и континентам, и по отношению к природе, и по отношению к ... самому капиталу (господство капитала над трудом дополнилось в конце концов господством капитала над капиталом). Нет ничего удивительного и в том, что в противовес широко разлитой негуманности из недр постренессансной цивилизации вышел и развился постренессансный социализм — сначала как учение, а затем и как реальная, хотя до поры до времени потенциальная, сила. Ничего

удивительного нет и в том, что апогеем кризиса буржуазного гуманизма, его перерождения в империализм стали милитаризация общества и мировые войны, а также такое маргинальное явление, как фашизм, замечательно сочетавшее в себе буржуазную негуманность с антибуржуазным антигуманизмом. Мало удивительного, наконец, и в том, что реальное воплощение социализма не избежало негуманных методов борьбы за гуманизм, попав, как и самая буржуазная цивилизация, в западню антигуманизма.

Антигуманизм XX в. оказался сильным, коварным, напористым. Он победил решительно и быстро, но ... ненадолго. Сказалось гуманистическое основание ренессансной цивилизации, ее внутренняя сопротивляемость антигуманизму. Сказалось и то, что антигуманизм, преклоняясь перед насилием, ложью и разрушением, не смог предложить надежной позитивной программы индустриальному человеку. Победа антигуманизма была эффектной, ужасно кровавой, но ... пирровой. Катастрофа антигуманизма, уже успевшего обрести прочные институциональные формы, была неминуемой. Вторая половина XX в. стала временем возрождения, пусть не всегда и не во всем последовательного, ренессансного гуманизма. Отсюда, с одной стороны, определенная деимпериализация капитализма, а с другой стороны — его социализация. Отсюда и наш с о ц и о - о п т и м и з м.

5. СОЦИАЛИЗМ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ

Время разрушать,
Время строить,
Время ... перестраивать!

5.1. Кризис наследства и наследство кризиса

Кризис — затруднительное, тяжелое положение... резкий, крутой перелом.

К р и з и с а д м и н и с т р а т и в н о г о с о ц и а л и з м а тянется уже не одно десятилетие. Целое поколение успело войти в активную жизнь в обстоятельствах кризиса [1].

[1] Ирония судьбы: не в активную жизнь, а в застойную.

Кризис административного социализма — это кризис не только административной системы как таковой, это кризис и всего общества, этой административной системой организованного. Это кризис каждого члена общества, его идеологии и культуры, сознания и образа деятельности, всего его мироощущения. Выход из кризиса административного социализма связан не только с преодолением административного устройства общества, но и с преобразованием человека, культуры, всего образа жизни. Выход из кризиса обусловлен выходом общества на новый качественный уровень индустриального бытия.

Современнику досталось тяжелое наследство. Наследство, обусловившее кризис, и наследство, находящееся в кризисе. Ситуация осложняется еще и тем, что кризис с а м по с е б е не исчезает и не исчезнет,— в наследстве не оказалось механизма самопреодоления кризиса, а потому велика вероятность замораживания унаследованного, длительной затяжки кризиса и процесса общей деградации.

Преодоление кризиса — дело человека, государства, общества в целом. Но «дело» лишь в условном смысле. На самом деле это не «дело», а тяжелое и мучительное переживание, или, лучше бы сказать, пережитие, сопровождающееся переделкой всего и вся, выработкой нового общественного порядка, новой культуры и нового человека.

Отсюда и масштаб и долгота преобразовательного события, его явно непререкаемый историзм. Преодоление кризиса — преодоление сущности и существа, вступление в новый мир, движение воистину священного свойства. И если определять такое событие, то лучше всего обозначить его как р е ф о р м а ц и ю, разумеется, в собственном, а не в уже привычном религиозном смысле. Общество наше должно пережить именно реформацию, да еще и столь оригинальную и грандиозную, которой мир человеческий еще не знал. Общество должно осуществить не какую-нибудь, а в полном смысле слова с о ц и а л и с т и ч е с к у ю р е ф о р м а ц и ю, результатом которой станет обретение — именно обретение, а не беспрекословное строительство — социализма.

КПСС поставила перед обществом исключительную задачу — п е р е с т р о й к и общества и хозяйства. Перестройки построенного. Единственно возможную конкретно-историческую задачу. Но *пере*-стройка — только начало.

Перестройка старого должна перейти в строительство нового, а строительство нового есть не что иное, как обновление бытия. Обновление всеобщее, глубокое и наступательное. Только в таком контексте — исторического обновления — перестройка обретает не только исторгнутый кризисом, но и озаряемый будущим исторический смысл. Великий смысл!

У советских народов, да и не только у них появился необыкновенный исторический шанс — возможность осознанного всенародного движения к социализму, свершения настоящих социальной и технической революций, построения новой — социалистической—неоиндустриальной цивилизации. Появилась возможность создания ноосферы и достижения ноосферного бытия.

5.2. Перестройка как поиск новой модели социализма

Придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя...

М. Горбачев

У перестройки есть свои конкретно-исторические задачи. Они связаны прежде всего с преодолением кризиса административного социализма. И поскольку кризис административной системы нельзя преодолеть в рамках самой административной системы, то перестройка означает не перестройку административной системы, а отказ от нее, ее — этой системы — преодоление. Перестройка есть поиск новой, отличной от административной, модели социализма.

Поиск идеальный, поиск опытный. Поиск как попытка и как результат. Поиск субъективный и объективный, осознанный и бессознательный, планомерный и стихийный. Поиск как руководство, как творчество и как жизнь.

Отказ от административного социализма — это и преодоление административной монополии, и административного (бюрократического) духа, и административного (командного и произвольного) стиля, и административной культуры (бескультурности). Это замена административной организации общества на организацию ... неадминистративную.

Само собой разумеется, что ни одно цивилизованное общество, ни одно государство, ни один общественный организм не обходится без административного аппарата. Отсюда речь может идти только о потеснении — в нашем

случае, очень сильном — администрации, преодолении ее монополии, отведении администрации строго необходимого места, ее ограничении, взятии под контроль. Но и о замене тоже, там, где без администрации можно вполне обойтись.

Определить направления и места ограничения администрации в общем-то нетрудно. Заметно труднее реально потеснить и вытеснить администрацию, подорвать и ликвидировать ее монополию. Но еще, пожалуй, труднее создать и запустить эффективный механизм, заменяющий администрацию. Именно здесь, в этом пункте всего более обнаруживается неподготовленность административного общества и административного человека (а все мы, признаемся, давно уже стали homo administratoris, даже не являясь формально чиновниками) к выработке, восприятию и реализации нового. Характерно, что перестройка не только была санкционирована сверху, но еще и застала общество буквально врасплох, и это несмотря на длительный застой и весьма заметное социальное и хозяйственное разложение, поставившие страну и социализм на грань катастрофы. Таково было состояние *само*-сознания общества на день апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г. Что уж тогда говорить о массовом движении в стадии обновления, да еще и вполне осознанном, целенаправленном, проективном. Сегодня общество, быть может, не виновато в своем невосприятии перестройки как своего дела, ну а завтра? Завтра,— и это завтра совсем не за горой,— вина устроителей и охранителей административного социализма перейдет уже на самих участников административного социализма, если, конечно, перестройка не станет делом каждого.

Альтернативы перестройке нет. Слова эти известны всем, да все ли осознают всю остроту и силу возможной трагедии, если такая альтернатива,— например совсем безобидная — ничегонеделанье,— все же найдется. Что будет тогда?

Альтернативы перестройке нет, но административному социализму есть. Но вот какая?

Чтобы определить ее, а следственно, определить концепцию нового социализма, нужно, во-первых, исходить из необходимости и реальной возможности диалектического отрицания административной системы, т. е. двигаться в своем размышлении в сторону *от* административной системы, к ее противоположностям, не забывая,

однако, о неизбежной лимитации продвижения к неадминистративности; во-вторых, учитывать реалии — исторические и сегодняшние — во всей их развернутости, т. е. социальные, политические, культурные, психологические и любые другие, ибо реалии могут служить как достижению, так и недостижению идеала. Концепция нового социализма должна быть результатом разумного компромисса между идеалом и реальностью, желаемым и действительным, отрицающим и отрицаемым. Создание концепции есть одновременно и решение проблемы меры некоего оптимального соотношения противоположностей, равновесия между задуманным и реально возможным.

Что же такое неадминистративность? Может быть анархия? Разумеется, нет. Неадминистративность — это порядок, и порядок, надо заметить, включающий в себя административность. Отличительная особенность неадминистративного порядка, о котором идет речь, состоит в том, что, пользуясь услугами администрации, он исключает всякую возможность для администрации превратить себя в порядок административный, т. е. установить монополию администрации на установление и поддержание социального порядка. Неадминистративность — порядок, противоположный административному, исходящий не от администрации, но зато эту администрацию ограничивающий и использующий.

И вот что любопытно: у неадминистративности, пожалуй, нет какой-либо одной-единственной, определенной сущности: администрации могут противостоять и демократия, и царь, и народ, и личность; административному порядку — анархия и вполне твердая дисциплина, уважение к порядку и произвол; административной организации производства — и планомерность и рынок. Отсюда неадминистративность определяется лишь в противопоставлении административности, так сказать, отрицательным образом. Неадминистративное есть то, что выполняется не администрацией, не ее способом, а главное, не в ее интересах. То, что так или иначе стоит за рамками административной системы, а это, заметим, не что иное, как вся жизнь. Неадминистративное — это *сама жизнь!*

Что же из неадминистративного должно получить развитие в нашем сегодняшнем обществе? Чтобы определить это, воспользуемся одним своеобразным — даже парадоксальным — приемом: попробуем обратить внимание на то, что в общем-то признается административной системой, но признается ... только на *словах*, во что административная система усиленно рядится, что представляет для нее внешний, имитационный и камуфлирующий образ. Нетрудно будет убедиться, что это и есть как раз та самая жизнь, которую административная система пытается на свой лад организовать и которая одна только и может составить административной системе реальную оппозицию.

В самом деле, разве не любит административная система говорить, например, об общенародной собственности, о праве, о демократии, об экономике, которые реально таковыми не являются? И не могут являться, так как, будучи предоставленными собственному развитию, они должны были бы административную систему попросту отвергнуть. Организуя жизнь, административная система вынуждена этой жизнью прикрываться, а прикрываться можно уже не самой жизнью, а лишь ее подобием — отражением, отпечатком, мифом, ставя на место жизни нежизнь и усиленно выдавая эту нежизнь за жизнь. Другого выхода у административной системы нет. Административная система — искуснейший престидижитатор!

Из всего сказанного видно, что развить неадминистративное — значит развить, а лучше бы сказать, реализовать то, что административная система по существу отвергает, но чем она стремится прикрыться по форме. Одновременно это и то, чего административная система не понимает, не чувствует, не может осуществить, то, чему административная система абсолютно чужда.

Говорить о том, что должно быть создано, чему должно быть отдано предпочтение, что подлежит упразднению, можно много и практически бесконечно. Ведь речь идет о жизни, той самой жизни, которая должна расцвести и сделать жизнь другой жизнью. А жизнь беспредельно разнообразна. Отсюда любое подробное описание того общества, к которому мы можем прийти, отрицая административную систему, есть занятие, не лишенное бессмыслия, а потому правильнее будет лишь наметить самое главное и необходимое. И поступить здесь надо оптимизационно. Сказать минимум, но такой, при котором будет соблюдено требование целостности, т. е. осуществить модельное описание будущей социальной системы, однако в изоморфном, а не гомоморфном образе.

5.3. Государственно-демократический социализм

Административную форму социализма, существующую в СССР в настоящее время, не следует смешивать ни с системой «военного коммунизма», ни с так называемым «казарменным социализмом». Это особая форма социализма, основанная на ведущей собственнической и хозяйственной роли государства, но при гипертрофированной (супергипертрофированной) роли собственно административного аппарата. Монополия аппарата, хотя и не абсолютная, имела результатом отделение, пусть и не полное, непосредственных производителей от социалистической собственности, распределения продуктов и от хозяйствования, «аппаратное», т. е. через посредство аппарата, соединение труда со средствами производства, превращение руководящего состава предприятия в элемент аппарата, командное руководство предприятиями со стороны аппарата с превращением предприятий в исполнителей приказов сверху; централизованно-принудительную организацию движения продуктов с фактической заменой возмездного обмена на «аппаратное» распределение; утверждение приоритета внеэкономических форм и методов организации производства над экономическими; гетерогенность системы организации и самого административного управления народным хозяйством, их отраслевую и ведомственную разобщенность (как ни странно, но это так — общая гипертрофия аппарата и централизованного директивного управления с неизбежностью приводит к центробежным тенденциям и расчленению центра, как и всей системы организации производства, фактическому разрушению их целостности, почти полному забвению регионального уровня).

Ограничение собственнической и хозяйственной роли непосредственных производителей, трудовых коллективов, предприятий и объединений привело к утрате ими облика и функций товаропроизводителей, минимизировало их ответственность за ход и результаты деятельности, практически свело к нулю заинтересованность в росте эффективности производства, повышении его качества и разнообразия. Сосредоточение огромной собственнической и хозяйственной власти в руках аппарата имело следствием зажим хозяйственной демократии и экономической целесообразности, невозможность производственным агентам

устанавливать и поддерживать собственные хозяйственные связи, образовывать объединения и ассоциации, в том числе многоотраслевого, регионального и международного характера. Это привело к собственническому и хозяйственному волюнтаризму, к неизбежному торжеству некомпетентности, а соответственно к отрыву управления от реальности, его иррационализации. Хозяйствование превратилось в значительной мере, с одной стороны, в хозяйничанье (не без скрытой и явной преступности) верха, а с другой — в нехозяйствование (также не лишенное аморальности) низа, а в целом в бесхозяйственность (которая уже по определению является безнравственной). Общественное производство фактически вышло из-под контроля, его результаты перестали соответствовать желаемым. Тотальная и мелочная опека аппаратом производителей, аппаратное видение мира и аппаратный стиль жизни обернулись не чем иным, как хозяйственной анархией. Реальная жизнь, та, которая распростерлась за пределами кабинетов, отвернулась от ее организаторов, что, пожалуй, и стало для них наивысшим наказанием («карой божьей») —своей тихой непокорностью живая жизнь обусловила бессилие аппарата, а что может быть страшнее для ярых приверженцев власти и дисциплины, чем собственное бессилие?

Однако самое негативное — и воистину драматичное — следствие гиперадминистрирования состояло в культурной деградации человека: общество фактически лишилось так необходимого ему типа человека — человека, способного быть инициативным и расчетливым, знающим и совершенствующимся. Утрату данного типа человека, сопровождающуюся еще и потерями гражданскими и нравственными, можно сравнить разве лишь с исчезновением биологического вида, а то и прямо с экологической катастрофой.

Выход из кризисного — застойного и тупикового — положения можно найти не только в движении назад — от административности к жизни, но и вперед — от жизни к новому варианту социализма. Судьба подарила нам нечто в высшей степени удивительное — проблему решительного перехода от развитого, но административного социализма, к социализму неразвитому, но жизненному. И что не менее поразительно — начинать надо фактически с нуля, да еще и в отсутствие уже существующего широкого движения в поддержку нового социализма, без наличия уже сфор-

мировавшегося слоя носителей нового социализма, без достаточно большого числа лидеров, способных не только разговаривать, но и действовать. Есть тут и свой парадокс: антиадминистративную революцию призвана (пока призвана!) осуществить сама ... административная система! Не в этом ли основная субъективная причина затянувшегося топтания на месте?

Общее направление происходящей в СССР перестройки определено коммунистической партией однозначно: всесторонняя демократизация социализма (что как раз и раскрывает суть формулы «больше социализма»). Речь идет, таким образом, о развитии собственнической и хозяйственной, политической и государственной, идеологической и культурной демократии, способной преодолеть многоликую монополию аппарата. Демократизация — направление, противоположное централизму, противоположное административности. За демократизацией скрывается практически все, все нюансы перестроечного процесса.

Отдавая высокую дань демократизации, мы, однако, не должны забывать, что демократия — это порядок, и особенность этого порядка не только в рассредоточенности власти и участии в ней общественности, но и в организации — и весьма твердой — всей власти: снизу доверху. Ядро любой демократизации составляет демократически построенное и функционирующее государство. Демократия — это прежде всего государство. Без государства нет демократии, даже негосударственной демократии. Последняя может реализовываться и без государства, например в профсоюзах, но существовать как демократия она может только благодаря наличию государства — демократического государства. Демократизация в нашем случае есть прежде всего переход от административного государства, когда не администрация служит государству, а государство — администрации, к государству демократическому, в котором основная и решающая власть принадлежит общественности и представительным органам. Демократизация предполагает также и прямое дезогосударствление ряда сфер жизнедеятельности общества. Но важно иметь в виду не столько демократизацию как таковую, что в общем понятно, а именно государственную демократизацию, переход к новой государственности, что, возможно, и понятно, но не столь осознанно, как собственно демократизация.

Широкая демократизация социалистического общества с необходимостью дополняется новой государственностью. Но это не все. Новая государственность предполагает ... усиление государственности. Этот момент всего труднее уяснить. Но он перестает быть странным и непостижимым, если учесть, что речь идет о передаче решающей доли власти из рук административного аппарата в руки собственно государственных, ставших действительно демократическими, органов. Речь идет также о построении поистине гражданского и правового государства, а следовательно, о соответствующем исполнении государственных функций. В разворачивающейся демократизации есть и своеобразный момент огосударствления власти, а не только ее рассредоточения и обобществления. Все это очень важно иметь в виду, так как речь может идти, на наш взгляд, учитывая общее состояние нынешней цивилизации и в особенности многонациональной ее интерпретации в СССР, о переходе не просто к демократическому социализму, а к государственно-демократическому социализму, способному совместить широкую демократичность с высокой государственностью. Государство — явление целостности. Однако целостность эту можно удержать сегодня только в рамках демократии, действительного народовластия. Что же касается самой целостности, то ее необходимость сомнения не вызывает: государство, разделившееся внутри себя, гибнет.

...Вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом... современности,

В. И. Ленин.

И вот, после того как мы установили, каким должен быть в общем определении перестроенный социализм, нельзя не задаться вопросом: а что мы понимаем сегодня и для сегодня под социалистическим? Что есть социализм — непременно как реальность, а не идея?

Вопрос сложен, и ответ на него не может быть простым.

Напомним некоторые общие положения, которые мы хорошо знаем, с которыми согласны и которые исповедуем. Социализм — это неэксплуататорский строй, основанный на сотрудничестве и взаимопомощи, коллективизме, на приоритете общественного начала над частным. Социализм — это строй трудящихся и только трудящихся, при котором, что очень важно, осуществляется принцип

распределения по труду, дополняемый общественным перераспределением продукта в пользу нетрудоспособных и общественным пользованием частью потребительных благ. Социализм — это сообщество личностей, способных вступать друг с другом в отношения сотрудничества и взаимопомощи, т. е. быть носителями и реализаторами социалистического начала и социалистической организации. Таковы общие положения. Они правильны, но, согласимся, слишком абстрактны. Они предполагают некоторую одинаковость людей как социальных индивидов и некую однообразность общества как социальной системы.

Однако общество и люди социально разнообразны. По крайней мере сегодня, в обозримом и угадываемом будущем. Это надо ясно осознавать и не просто признавать наличие социальной разнородности, но и непосредственно исходить из ее факта. Так будет естественнее и правильнее, а главное, мудрее.

Социалистическое общество — общество классовое. Можно и не употреблять понятие «класс», оставив его для эксплуататорских формаций. Но суть дела от этого не изменится. Класс ли, слой или группа — проблема не в этом. Главное, что общество социально неоднородно.

Вправе ли мы так утверждать? А разве нет? Неужели социальное положение рабочего, крестьянина, кооператора, служащего, интеллигента, управляющего во всем одинаково и неужели их социальные интересы, идеология одни и те же? Неужели у всех этих слоев один и тот же взгляд на социализм? Одна и та же практическая (именно практическая!) политическая экономия? Ясно, что нет. Более того, в современном обществе нетрудно обнаружить и крайности, совсем уж мало относящиеся к социализму, например авторитарно-бюрократические устремления отдельных административных кругов или назойливые попытки «рыцарей» теневой экономики узаконить буржуазную эксплуатацию. И уж какое отношение к социализму имеет практическая политическая экономия коррумпированного бюрократа?

Социалистическое проявляется в разнообразии. Хотим мы того или нет, но в реальности бытуют разные социализмы, причем бытуют в одной и той же стране, в одной местности и даже на одном и том же предприятии. Жизнь сложна, сложен и социализм.

Мы подошли к важнейшей проблеме — *многоукладности.* Если трактовать последнюю как естественное проявление естественного социального и хозяйственного многообразия, то многоукладности не преодолеть и преодолевать не надо. Она должна быть и фактически существует. Каждый из социалистических укладов объективно обоснован и имеет право на существование. Но гетерогенным, а тем более конгломератным социалистическое общество быть не может. Оно должно при всех формальных (формных) различиях быть в основе гомогенным, а отсюда — ... единым. Достичь такого единства можно лишь посредством действительно социалистического характера всех укладов и несомненного лидерства одного из укладов, именно того, который всего более отвечает потребностям индустриального, а лучше — нового индустриального, общества. Нетрудно установить, что таким укладом может быть только уклад крупного индустриального производства, всего более обобществленный и общественный, всего менее базирующийся на частных (локальных) интересах. Уже по самому определению как объективной данности рассматриваемый уклад является самым общественным из общественных укладов, так как он базируется и строится непосредственно на обществе, из общества и в общественном масштабе. Рассматриваемый уклад всего менее противоречит, кстати, не только общественному, но и государственному началу, он прямо нуждается в общественной сознательной организации, с необходимостью принимающей и государственное воплощение.

Есть интерес уклада, но есть и интересы в рамках уклада. Какой же интерес, или, иначе, интерес какого социального слоя можно считать приоритетным в рамках крупноиндустриального уклада?

Марксистский ответ может быть только один: интерес производительных работников, среди которых и собственно рабочие, и такие категории трудящихся, как техники и инженеры, научно-конструкторские работники. Думается, мы не ошибемся, если за критерий социалистического социального интереса возьмем интерес указанной категории трудящихся, равно как поступим правильно и дальновидно, если будем рассматривать данный социальный слой в качестве основой опоры социализма, его главной движущей силой. Разумеется, не все, входящие в указанный социальный слой, могут вы-

полнить выпавшую на их долю социальную функцию, но мы, естественно, рассчитываем на передовую часть, на лидеров.

Важно иметь в виду, что указанный «перестроечный» слой хорош тем, что он уже организован, и не в профсоюз, «фронт» или партию, а в предприятия — эти социохозяйственные системы, интегрирующие в себя как отдельного человека, так и сообщество людей, как человека трудящегося, так и человека размышляющего. Предприятия, среди которых, конечно, и научно-исследовательские учреждения,— уже организованные ячейки перестройки, ее инициаторы, носители и свершители. И нам ли еще искать агентов социального и экономического прогресса, искать, восторгаясь ловкостью «соддельцов» в кооперативах или сомнительной выгодностью «совместного предпринимательства»? Наводя порядок в собственном социалистическом доме, давайте все же реально, а не на словах рассчитывать на своих и социалистических устроителей, для чего на деле, а не на словах их раскрепостим. Не может быть счастливо общество, в котором нет свободы для основных производителей, но зато хватает свободы для административных и разного рода деляческих «организаторов», живущих и замечательно процветающих за счет этих основных производителей.

Многоукладное^ при социализме допустима и нужна, возможно и существование несоциалистических укладов, безусловно, контролируемых социалистическим обществом через посредство государства, но при этом абсолютно необходимо лидирующее положение индустриального уклада, исповедующего в качестве своего главного социального критерия интерес соответствующего ему слоя производительных работников. Перераспределяя в процессе перестройки собственническую, хозяйственную и политическую власть, мы должны позаботиться о том, чтобы эта власть в первую очередь и в решающей мере сосредоточивалась в рамках указанного уклада, в руках выделенного нами передового и наиболее социалистического по своей сути социального слоя.

Самый главный вопрос любого общественного строя — вопрос о собственности: собственности на условия жизни и производства, на распределение продукта, на власть, на организацию производства и жизни. Собственность — явление по существу сложное, сложна она системой реализации, сложна и по формам бытия. При социализме

собственность должна быть социалистической (любая несоциалистическая собственность, например буржуазная, возможна не при социализме, а рядом с социализмом). Социалистическая собственность не может не быть разнообразной: общенародной и коллективной, государственной и муниципальной, кооперативной и индивидуальной. Возможны разные формы собственности. И социалистическими их делает не только и не столько «общественность» (в коллективной или индивидуальной собственности, например, не так уж много «общественного»), сколько отсутствие эксплуатации человека человеком, т. е. непосредственно трудовой или опосредствованно сотруднический характер собственности. Это касается любой собственности, даже собственности на власть. Особенностью социалистической собственности является и ее принципиальная демократичность, которая может быть реализована либо посредством внутреннего «устройства» собственности, либо через особое взаимодействие одной формы собственности с другими формами социалистической собственности. Не будучи непосредственно социалистической та или иная особенная форма собственности, например, индивидуальная, непременно становится таковой во взаимодействие с другими формами социалистической собственности, являясь элементом общественной системы собственности.

Система собственности социалистического общества не может быть ни конгломератом разных форм, ни даже просто гетерогенным комплексом. Она должна быть взаимосвязанной и единообусловленной системой, в которой есть лидер, вокруг которого и на основе которого строится вся система. Таким лидером, на наш взгляд, должна быть общенародная собственность, а на современном этапе — государственная собственность.

Состав государственной собственности должен определяться демократическим путем как результат всеобщего социального согласия. Лидерство государственной собственности не означает ее тотальности и всепроникновенности. Государственная собственность должна быть разумно ограничена. Равным образом должна быть выработана система организации государственной собственности, ее персонификация и механизм реализации. Государственная собственность не может быть ни мистически бессубъектной, ни не менее мистически односубъектной. Среди субъектов государственной собственности нация, центральные и йестные органы власти, госаппарат, предприя-

тия, трудящиеся. Механизм реализации государственной собственности должен позволить эффективно участвовать в ней всем субъектам с условием недопущения дискриминации, произвола, эксплуатации. Такой механизм должен обеспечивать как реальное распределение по труду, так и уважение общенародных и государственных ценностей, диалектически разрешать противоречия между личностью, коллективом, государством, центром, обществом. Это должен быть в полном смысле слова государственно-демократический механизм.

Пользование принадлежащими государству средствами производства вряд ли должно вести к полному собственническому обособлению коллективов предприятий, их отделению от государства и общества, т. е. разрушению общественно-государственной собственности, равно как и владение государством средствами производства не должно приводить к диктату государства, ставить предприятия в невыгодное положение, лишать их возможности в достаточной мере распоряжаться средствами производства и произведенным продуктом. Власть над средствами производства и продуктами должна быть равноправно и эффективно поделена между государством и трудовым коллективом. Каждый должен знать свое место, свои права и ответственность, свою меру. Должен быть создан и механизм эффективного разрешения любых конфликтов.

Соответственно должен быть создан механизм взаимоотношений членов трудового коллектива с трудовым коллективом, работника с руководством предприятия, трудового коллектива с дирекцией, профсоюзов с администрацией.

Не менее сложной задачей представляется отработка эффективного механизма собственнических взаимоотношений государственных предприятий друг с другом, их взаимных участий в общих делах, взаимных прав и взаимной ответственности. Вряд ли мы сможем говорить о торжестве социализма, если предприятия будут вести себя относительно друг друга как собственники-конкуренты, борющиеся за свой собственный доход, индифферентные к сотрудничеству и взаимопомощи. Не будет в то же время по-социалистически и в том случае, если предприятия окажутся в тенетах всеобщей усредниловки и уравниловки.

Ведущая роль общенародной, выраженной в государственной. собственности нужна не для того, чтобы подчинить непосредственных производителей обществу и государству, не для того, чтобы ими командовать. Это уже было, и это потерпело фиаско. Лидерство общенародной, государственной собственности необходимо для поддержания и осуществления социалистического идеала (нельзя согласиться с тезисом о деидеализации — равным образом и о полной деидеологизации — производства, что фактически соответствует его десоциализации), утверждения социалистической справедливости, обеспечения социалистического сотрудничества и взаимопомощи, решения общенародных и общегосударственных проблем, в том числе и обороноспособности страны, осуществления рационального природопользования, обеспечения социальной стабильности в обществе и целостности самого общества. Главным моментом реализации государственной, общенародной собственности должно быть всеобщее общенародное (международное) согласие, но нельзя исключать, учитывая реалии, и моменты государственного контроля и принуждения. Лучше принуждение, например, и рациональное природопользование, чем свобода, ведущая к экологической катастрофе. Мы не настолько наивны, чтобы не понимать, что в нашем обществе возможны любые крайности, но ведь надо же чему-то и когда-то научаться, уметь находить и поддерживать меру, не быть самим себе врагами. Такое научение и нахождение должна обеспечить именно государственная демократия.

Каким должно быть положение государственного предприятия и членов его коллектива в условиях государственно-демократического социализма?

Государственность никак не исключает самостоятельности: социальной, экономической, юридической и ... даже государственной. Она не исключает, а предполагает — в условиях демократизма — самоуправление предприятий. Предприятие — самоорганизующаяся ячейка, но, безусловно, учитывающая определенные общественные и государственные требования. А требования эти — следствие главным образом общедемократического согласования. Есть нечто, что предприятия должны соблюдать беспрекословно, например санитарные нормы, а есть и такое, что является результатом диалога между предприятием и соответствующим государственным органом, например цены. Государственное предприятие должно иметь возможность свободно устанавливать любые хозяйственные отношения, вступать в любые объединения и ассоциации. Предприятия должны иметь право свободно распоряжаться собственными — остающимися после уплаты налогов, процента, рентных платежей и т. п.— средствами, вплоть до предос-

тавления их в кредит, расходования на открытие филиалов и новых предприятий, «поглощения» и т. п. Ряд операций, видимо, необходимо совершать через специальный государственный банк и специальное государственное учреждение, например министерство государственных имуществ. В задачу государства должна входить помимо обычного для цивилизованного мира финансового, экономического, экологического, правового контроля организация той части внешней деятельности предприятий, которая нуждается именно в государственной (или от имени государства) организации. Предприятию предприятиево, государству государствово.

Кто должен управлять государственными предприятиями? Нам представляется назначенный государством (специальным при правительстве органом) директор. Такой директор должен быть особым лицом в государстве и в обществе в целом (как, скажем, прокурор, финансовый инспектор). Он должен быть соответствующим образом подготовлен (пройти необходимое специальное обучение), дипломирован, а перед назначением выдержать экзамен-конкурс, получить одобрение своей кандидатуры на будущем месте своей деятельности. Директор должен, и это чрезвычайно важно, иметь особый статус, а именно государственного директора, предоставляющий ему большие права и возможности, обязанности и ответственность. Такой директор должен обладать всей полнотой оперативной власти. Однако он должен соблюдать общие государственные требования, существующее законодательство. В решении ряда социальных и трудовых вопросов он должен обязательно согласовывать свои действия с профсоюзами, советом и общим собранием трудового коллектива. Окончательное решение о найме и увольнении работника остается за директором. При решении крупных хозяйственных и финансовых вопросов директор обязан получить согласие совета предприятия, включающего в себя помимо главных специалистов, представителей профсоюза и совета трудового коллектива, а также представителей государственных органов, банков, иных финансовых учреждений, различного рода посреднических и экспертных организаций, объединений и ассоциаций. Только так (иЛи примерно так) можно обеспечить действенное, квалифицированное и ответственное, демократически обустроенное управление государственными предприятиями. Директора могут назначаться на определенный срок (например, на пять лет), периодически отчитываться за свою деятельность перед коллективом предприятия и перед государством, перед назначением приходить стажировки и апробации. Главное—принцип, а принцип этот—принцип демократизированного единоначалия. Не надо пугаться ни единоначалия, ни его демократизированности; ведь то и другое — от самой жизни. Последняя пока ничего более умного и эффективного не придумала.

Государственный демократизм предполагает возможность существования разных по собственническому и хозяйственному статусу предприятий. Ясно, что в тяжелой промышленности государственность предприятий, т. е. их теснота и образ связи с государством, должна быть отличной от государственности предприятий в легкой промышленности. Выделение возможных статусов — дело практики, сориентированной на собственническую и хозяйственную целесообразность. Нам представляется, что находящиеся в собственности государства предприятия могут иметь *хозрасчетный, нехозрасчетный* и *арендный* статусы и соответственно этим статусам иметь особые отношения с государством — от чисто арендных отношений до отношений прямого управления. Основная масса государственных предприятий должна иметь хозрасчетный статус, предполагающий сочетать самостоятельность предприятий с отношениями партнерства с государственными хозяйственными органами.

Большая проблема, требующая особого решения,— взаимоотношения с государством сельскохозяйственных предприятий. Здесь нас, видимо, может выручить разнообразие форм самоуправляющихся (и только самоуправляющихся!) предприятий, как и разнообразие отношений с ними. Если в промышленности об аренде можно говорить, а можно и не говорить,— все дело в конечном итоге в самостоятельности директора,— то в сельском хозяйстве аренда земли является совершенно обязательной. Любое предприятие должно быть если не полным собственником, то по крайней мере полноправным и долговременным арендатором земли у государства. В распоряжении землей должны быть четко определены права всех возможных агентов: центральных государственных органов, местных органов власти, непосредственных производителей. Главным должно быть правило, по которому арендованной землей полностью распоряжается арендатор и никто другой. Государство лишь получает арендную плату за землю да

регулирует при необходимости рынок сельскохозяйственных продуктов.

На земле могут функционировать различные предприятия: государственные, кооперативные, индивидуальные. Близкие по своим принципам функционирования к государственным предприятиям, но и весьма от них далекие. Здесь многое зависит от самой земли — находящегося на земле сообщества, его культуры и традиций, качества земли и особенностей климата. Предприятия могут быть мелкие и крупные, простые и сложные. Возможна внутрипредприятийная аренда земли, как и другие виды землепользования.

Необходимо подчеркнуть важность самоуправления сельскохозяйственных предприятий. Их самоуправление диктуется и землей, являющейся живым организмом, с которым можно вести только диалог и диалог непосредственный, родной и живой (земля как ничто другое чутка к насилию, а испытав его, она мстит насильнику бесплодием); и особой культурой сельской жизни и сельского предприятия, их интегрированностью друг в друга, взаимной зависимостью, полной совместностью производства и культуры; и духом общины для одних регионов и духом индивидуализма для других. Нет ничего, наверное, более остро воспринимаемого в социуме, чем экология сельскохозяйственной жизни. И в эту-то жизнь более всего упорно и беспардонно вмешивалась и вмешивается наша уважаемая административная система. Поначалу это оправдывалось разными «великими историческими необходимостями», затем жаждой «поправить дело», ну а сейчас, ... когда все ясно. Инерция? — Быть может. Но инерция уже преступная.

Особая проблема: взаимоотношения социалистического государства и социалистических кооперативных предприятий. Кооперативное предприятие не управляется государственным директором, не функционирует в соответствии с уставом государственного предприятия, не пользуется в той же мере защитой государства. У кооперативного предприятия больше, безусловно, свободы, но и больше риска. Отсюда и больше выгодги больше ... возможных потерь. В свободе кооперативного предприятия нет ничего несоциалистического. Было бы большой натяжкой приравнивать кооперативные предприятия к предприятиям буржуазного типа, но еще большей натяжкой было бы считать кооперативные предприятия, пользующиеся наемным трудом, социалистическими. Или мы допускаем несоциалистические кооперативные предприятия, либо «обращаем» их в социалистические, требуя соблюдения социалистических принципов использования привлеченного труда. Собственническая свобода кооперативного предприятия не может избавить его от необходимости подчиняться некоторым общественным и общегосударственным требованиям, относящимся к фиску, экологии, качеству продукции, ценам. Правила «хозяйственной игры» должны соблюдаться всеми, не только государственными предприятиями. Что касается организации внешней финансовой деятельности кооперативных предприятий, то лучше, если ею будут заниматься общественные и государственные банки, специально для этого созданные.

Индивидуальная трудовая деятельность не противоречит социализму. Она необходима, как необходима кооперация. Другое дело — организация индивидуальной трудовой деятельности. И здесь государство должно сказать свое слово, не пытаясь, конечно, как бы то ни было отрицать данный тип социалистического производства. Вообще надо помнить, что жизнь, с одной стороны, разнообразна, а с другой — целостна, она не допускает ни однообразия, ни чрезмерного развития чего-либо в ущерб чему-либо. Динамическое равновесие — закон жизни. Не может быть ни сплошного огосударствления, ни сплошного кооперирования, ни угрожающего тому и другому индивидуального производства. Все хорошо, и все хорошо в меру.

Рассуждение. Наивными, если не сказать более, выглядят призывы то к тотальному огосударствлению, то к глобальной коллективизации (все предприятия — в полную собственность коллективов), то к всеобщей кооперации (все мы почему-то вдруг должны стать «цивилизованными кооператорами»), то к крайнему индивидуализму (расцвету частного бизнеса). Никогда нельзя забывать о реальной жизни, объективном ходе вещей, здравом смысле. Нельзя ни ликвидировать государственное хозяйство, ни не допустить кооперативного движения, ни зажать индивидуалов. То, чему суждено быть, то будет. Не сегодня, так завтра, не явно, так скрыто, не спокойно, так через трагедию. Давайте исходить из разнообразия и терпимости, прямо глядя в глаза жизни, и помнить только об одном — возможно более широком недопущении эксплуатации человека человеком и природы человеком. Тем более, что любители того и другого всегда найдутся.

Чрезвычайно важным вопросом организации и реализации социалистической собственности является сочетание интересов индивида (трудящегося) с интересами коллектива (предприятия) и общества (государства). Каждый непосредственный производитель, работающий на социалистическом предприятии, должен реализовать себя именно как социалистический производитель. А это означает,

что он должен быть не только собственником выплачиваемой ему периодически заработной платы, но и распорядителем доходов предприятия, остающихся после обязательных выплат,— полным распорядителем для арендных и кооперативных предприятий, частичным — для государственных. Социалистический работник должен не просто контролировать распределение доходов предприятия, но и иметь в них свою накапливаемую долю. Нетрудно догадаться, что речь может идти лишь о высокоорганизованных и высокотехничных предприятиях, эффективно и воистину культурно функционирующих. Далеко не каждое предприятие при социализме можно с уверенностью относить к действительно социалистическим. Только способные, с одной стороны, к самостоятельности, а с другой — к внутренней «консенсусности» предприятия могут претендовать на «звание» социалистических. Ну а если действительного социалистического содержания нет, то предприятию придется побыть пока не совсем социалистическим, а то и просто несоциалистическим. Социальное устройство предприятия зависит более от степени его социального (на базе технического и организационного) развития, чем от волевого указа. Быть социалистическим — быть что называется «на высоте» т. е. соответствовать самым высоким на сегодня историческим стандартам.

Социалистическая собственность должна иметь многоуровневое строение, при котором один уровень как бы входит в другой (наподобие матрешки). Собственность индивида — в собственность коллектива, собственность коллектива — в собственность общества. Собственность гражданина — в собственность государства. На каждом уровне своя реализация собственности, при переходе от уровня к уровню — свой специфический механизм их совмещения.

5.4. Социалистически организованное товарное хозяйство

Трудно найти более яркий пример исторического недоразумения, чем упорное, длящееся уже семь десятков лет отрицание товарного характ&ра социалистического хозяйства. Такое отрицание не более обоснованно и не менее нелепо, чем, скажем, отрицание факта кровообращения или генного механизма наследственности. Пренебрежение товарностью, не отличаясь ни разумностью, ни нравственностью, вело, как это не неприятно слышать антитоварникам, в обратном от социализма направлении. Оно

могло иметь результатом только одно — хозяйственный тупик, в котором находится сейчас одна из могущественных держав мира. Оно вызвало и серьезные социально-политические проблемы, возникшие как следствие несвободы непосредственных производителей, предприятий, регионов, равно как и неразвитости общественного хозяйства в целом,— отсутствие его органической целостности. Единый народно-хозяйственный комплекс — более мираж, чем реальность, не говоря уже о мировом социалистическом хозяйстве. Отрицание товарности — не что иное, как лысенковщина в экономике, но с неизмеримо большим ущербом для жизни, прошлых и будущих поколений. Выдумка идейная не замедлила перейти в драму бытийную, и великий народ вдруг оказался перед лицом настоящей трагедии — труд ему и не в радость, и не в результат. Сизифов труд. И все от идеализма — идеализма плоского, заносчивого, некультурного.

Реплика. Явление, которое мы обобщенно называем лысенковщиной, весьма интересно. Оно — от лукавого. Это даже не миф как таковой, не мираж, это скорее акт — акт по мистифицированному опрощению реальности. Торжество немудренности. Самообман. Прыжок в пустоту. Акт декультуризации, фантазийной примитивизации, имитационного опошления.

Никакая перестройка нам не удастся, если мы не возродим нормальных товарных отношений. Концепция государственно-демократического социализма предполагает развитое товарное хозяйство.

Товарность — это как раз то, что здравому рассудку, принадлежащему все равно кому — крестьянину с тамбовщины или профессору физики столичного университета, понятно само собой, без доказательства, как простая жизненная аксиома. Но получается так, что все еще надо доказывать необходимость полноценных (не фиктивных) товаров, денег, цены, кредита, банков, процента, акций, облигаций и т. п., т. е. всего того, что входит в обычный товарный мир цивилизованного общества. Поражаешься энергии и напористости, с которой маститые и немаститые ученые,— а это делают, к счастью, одни ученые, во всяком случае — специально и особым образом обученные лица,— ведут войну с товарностью, т. е. с вполне естественным и вполне разумным механизмом, налаживающим и существенно облегчающим жизнь человека (правда, человека разумного), мечтая заменить товарность нетоварностью, т. е. внедрить механизм неестественный, надуманный и в об-

щем-то нелепый. Ничего не поделаешь: человек — существо столь таинственное, что если для одного деньги — это деньги и ничего более, то для другого — страшное зло, от которого следует немедленно избавить заблудившееся человечество.

Обычно необходимость товарных отношений выводится из социальной неоднородности и разделенности труда, его разобщенности. Но это не совсем так. Обусловленность товарных отношений шире и глубже. Если отвлечься от социальной обособленности труда, его различий, необходимости вознаграждать и стимулировать труд, потребность в товарных отношениях вовсе не исчезает, ибо не исчезает потребность обеспечить эффективную организацию производства. Ни одна эффективная (меньше затрат больше продуктов; меньше количества больше качества; меньше вреда больше пользы) организация производства не может обойтись — по крайней мере в просматриваемом будущем — без измерения затрат ресурсов и социальной значимости продуктов, а следственно — без единого параметра и средства измерения его единицы. Ни одна эффективная организация производства не может обойтись без единообразной информации, текущей по всему производственному организму. Ни одна эффективная организация производства не может обойтись без активного и самостоятельного приравнивания продуктов друг к другу, их взаимного оценивания и соревнования, а это может быть осуществлено только в процессе *возмездного обмена.* Функции последнего не сводятся только к обеспечению эквивалентного вознаграждения труда. Возмездный обмен оценивает продукт с общественной точки зрения, определяет его общественную значимость, его включение в общественную систему продуктов. Пройти возмездный обмен — получить признание общества, право на существование в нем. Возмездный обмен — необходимый способ (механизм) оценки продукта, а соответственно и деятельности производящей его системы.

Разумеется, организация (механизм) возмездного обмена и социальной оценки продукта может быть различной, но вряд ли можно сейчас предположить, что такая организация может стать в обозримом будущем безденежной, если, конечно, под деньгами понимать представителя особого продукта — всеобщего эквивалента. Совсем другое дело — физический облик денег, способ их бытия и движения. Нас, несомненно, ожидает всеобщее распространение компьютерных денег (уже сегодня такая форма существует в развитых капиталистических странах), которые физически будут воплощены в единицах компьютерной информации, а перемещаться будут лишь с одного компьютерного счета на другой. В то же время не надо забывать, что остается немало резонов для сохранения вещественных денег: магнитных карточек, а возможно, и обычных бумажных и металлических денег.

Сказанное о товарных отношениях и деньгах не стоит воспринимать как доказательство их вечности. Отнюдь нет. Это лишь обоснование сохранения товара и денег в пределах той исторической перспективы, которую мы можем обозреть сегодня. Ожидать крушения товарного хозяйства, честно говоря, менее здраво, чем ожидать конца света.

С возрождением товарных отношений должно произойти и возрождение нормальных (полноценных) производственных отношений. Никакая действительно эффективная организация общественного производства невозможна в настоящее время без возмездного обмена продуктами труда, как и никакие производственные отношения не могут считаться полноценными без их диалоговой организации, которая и предполагает возмездный обмен продуктами труда. Только обмен и только возмездный, только обмен между самими производителями и только диалог производителей и потребителей могут обеспечить объективную общественную оценку продукта, соотнести все производимые продукты друг с другом, рационально включить их в общественную систему.

Организация общественного производства не сводится, однако, к товарному обмену. Разумеется, не все производственные решения должны принимать товарную форму. Но те, что ее принимают, в условиях современного этапа социализма должны обусловливать реализацию всех отношений способа производства. Внешнее организующее воздействие на товарно-диалоговые отношения не исключается, но, разумеется, такое, которое не лишает их характера именно товарно-диалоговых.

Один из доводов защитников тезиса о нетоварности социалистического хозяйства состоит в том, что в условиях товарного хозяйства рабочая сила-де с неизбежностью принимает характер товара. Что можно сказать по этому поводу?

Особенность социализма (пока, быть может, более в идеале, чем в реальности) состоит в том, что товарной оценке подлежит труд предприятия. Что касается труда каждого из работников, то он получает выражение через оценку труда и продукта предприятия и сам по себе как товар не выступает. *Отношение между предприятием и трудящимся не является товарным.* Труд каждого индивида оценивается как часть труда коллектива посредством учета затрат и качества индивидуального труда и соответствующего распределения дохода предприятия среди членов производственного коллектива. Такое положение основано на том, что коллектив и каждый из его членов являются реальными, хотя и не единственными, собственниками средств производства и продукции предприятия: прямыми — для кооперативных, косвенными — для государственных предприятий.

Реплика. При существующем, т. е. еще далеко несовершенном, социализме возможны и отношения обычного найма рабочей силы, и последняя может выступать просто как товар. Все зависит от уровня социального и производственного развития общества в целом и его отдельных ячеек — предприятий. Перепрыгнуть через объективную необходимость не удается никому: если ситуация благоприятствует обычному найму, то с этим надо считаться. В связи со сказанным уместно обратить внимание на возможность попыток перепрыгивания через реальность при переходе на аренду, в случае, если предприятие не готово к восприятию социалистического образа функционирования (арендатор не может быть наемным работником, он становится фактически собственником предприятия). Не достигшее социалистической кондиции арендное предприятие будет вынуждено через определенное время либо вновь стать обычным государственным (конечно, уже за рамками, мы надеемся, тотальной административности), либо быстренько превратиться в предприятие капиталистического типа. Предприятие может быть только таким, каким оно может быть. Ничего не поделаешь.

Другой довод противников товарности при социализме— возможность хозяйственной анархии. При этом забывается, что анархия не менее вероятна и даже много более закономерна в условиях ... нетоварного хозяйствования, а товарность-то как раз и есть необходимое условие поддержания хозяйственного порядка, разумеется, товарность не вообще, а организованная товарность. Что же мешает обществу, тем более социалистическому, организовать товарность? Что — кроме *недо*-умения?

Аналогично обстоят дела и с капиталом и с конкуренцией. Разве авансированная на социалистическое предприятие и самовозрастающая сумма денег есть непременно капитал? Или состязательность за наилучшие

результаты производства, в том числе и за доход,— разве это непременно конкуренция? Видимость нельзя принимать за сущность. Это доступно лишь лысенкам.

Конкретные формы и механизмы могут быть по своему собственному определению одними и теми же или, по крайней мере, сходными для разных по социальной характеристике способов производства. Но внешняя одинаковость явлений не исключает реализации в явлениях неодинаковой социальной сущности. Товар и деньги, «капитал» и «конкуренция» могут с успехом обслуживать противоположные по социальной сути способы производства. И не надо этого бежать, как выразились бы в старину. Если без товара и денег, «капитала» и «конкуренции» не обойтись, то ими надо пользоваться, но, естественно, в своих социальных интересах, ради своего способа производства.

Замечание. Использование одной и той же по внешнему облику формы в разных способах производства может породить иллюзию несущественности формы, ее как бы оторванности от характера хотя бы одной из социальных систем. Тут надо помнить, что между сущностями и их формами нет жесткой связи: одна и та же форма может обслуживать разные сущности, хотя, разумеется, и не любые.

Переход к новой форме социализма требует не только восстановления товарного хозяйства, но и создания его особой государственно-демократической организации. Неорганизованное, так сказать, архисвободное товарное хозяйство явно не ко времени. *Не борьба всех против всех, а сотрудничество всех со всеми лежит в основе социализма.* Товарообмен сотрудничеству не помеха, а подспорье, это непременное условие и механизм поиска эффективного экономического согласия. Без товарного обмена не решить и проблемы социальной справедливости. Противен социализму не товарообмен как таковой, а тот тип товарного хозяйства, который основан на капитале, купле-продаже рабочей силы, конкуренции.

Не всякое экономическое соревнование есть конкуренция, как не всякое сообщество соревнующихся товаропроизводителей есть рыночное сообщество. Конкуренция это борьба за существование или доход, в которой все экономические агенты выступают противниками друг друга. Конкуренция как целостный способ хозяйствования реализуется на основе капитала, его движения и самовозрастания. Разрывать конкуренцию и капитал нельзя: одно без другого не существует. Другое дело — товар и конку-

ренция. Если конкуренция без товарных отношений невозможна, то товарные отношения вовсе не обязательно реализуются как конкурентные и только конкурентные. Товарообмен возможен и без конкуренции: достаточно напомнить о цеховой организации товарного хозяйства средневекового города. *Наличие товарообмена не свидетельствует о реализации собственно рыночного хозяйства.* Рынок базируется не только и не столько на товарообмене, сколько на взаимоотношениях конкурирующих товаропроизводителей. Необходимо исходить из того, что рынок — не просто совокупность товаров (спрос и предложение), а сообщество производителей-конкурентов, действующих лиц, хозяйствующих субъектов, причем таких, которые реализуют конкурентный способ хозяйствования.

Социалистическое товарное хозяйство не может быть конкурентно-рыночным, хотя оно и не исключает самостоятельности предприятий и их соревнования друг с другом. Возможность выбора, которым должны располагать товаропроизводители и товаропотребители, питает экономическую состязательность, заставляет бороться за эффективность производства, качество продукции и вознаграждение труда. Без такого соревнования, как и без товарообмена, нет экономики, нет жизни. Но экономическое соревнование не должно выходить за рамки дополняющего сотрудничество и взаимопомощь момента, оно не должно становиться способом хозяйствования как таковым. Оказавшись в основании хозяйствования, оно неизбежно выльется в борьбу всех против всех, в борьбу за доход, за накопление, а в конечном итоге за возможность эксплуатации, ее усиление и расширение, т. е. превратится в то, что мы не без основания называем конкуренцией.

Последовательно социалистическое хозяйство несовместимо с конкуренцией, хотя, конечно, социалистическое общество может допустить в известной мере и в определенных секторах (укладах) конкурентный способ хозяйствования, например в мелкотоварном производстве, сельском хозяйстве, легкой промышленности, торговле и сфере услуг, кооперативном секторе.

Оговорка. Пусть читатель постарается понять нас правильно. Мы вовсе не против использования таких понятий, как «конкуренция» или «рынок», даже «капитал». Мы против применения их, во-первых, в буржуазном — для социализма — смысле, во-вторых, необдуманным, если не сказать бездумным, образом. Все эти понятия несут определенную смысловую нагрузку и социально вовсе не безобидны. Нужно всегда ясно сознавать, что имеется в виду, куда устремляется слово. Вряд ли мы

получим много ясности (в социалистическом смысле) от таких слов, как «конкуренция» или «капитал». Во всем потребна мера, а здесь в особенности. Вполне корректное выражение «социалистический рынок» как отражающее совокупность товаров, не может, на наш взгляд, просто так сочетаться в условиях социализма с таким выражением, как «рыночное хозяйство», поскольку последнее, если специально не оговориться, есть хозяйство, организованное рынком, т. е. системой, в основании которой находится сообщество конкурентов-предпринимателей. Само собой разумеется, что концепция «рыночного социализма» имеет право на существование. Более того, вполне допустимо, что наше общество не сможет найти иного пути, кроме «рыночного социализма», т. е. социализма, тяготеющего к конкурентной борьбе, а не к сотрудничеству и взаимопомощи, а следовательно, самоотрицающегося социализма, ставящего самого себя под угрозу, и мы должны ясно осознавать, что может стать с социализмом по истечении определенного времени. Вообще же, отрицая рынок — в нашем, конечно, понимании — как основу организации социалистического хозяйства, мы допускаем наличие «рыночного социализма» как явления, так сказать, укладного типа, существующего рядом и во взаимодействии с социалистически организованным товарным хозяйством.

Социалистическое товарное хозяйство должно быть сознательно организовано, да так, чтобы, не пренебрегая экономической состязательностью, игрой спроса и предложения, не доводить дело до конкуренции как способа хозяйствования и до рыночной организации как организации, осуществляемой сообществом конкурентов. Сознательная организация товарного хозяйства должна иметь фактически антиконкурентный и антирыночный характер, но, повторяем, если конкуренцию и рынок понимать так, как мы их понимаем, т. е. не ходяче, а строго научно.

Призыв к конкуренции и рынку, т.е. к конкурентно-рыночной системе хозяйства, выглядит сегодня если и в чем-то благородным, но все же анахронизмом — на дворе ведь конец XX, а не, скажем, XVII в. Спасут ли нас сегодня, в эпоху крупного индустриального производства, настраивающегося на новую технологическую революцию, конкуренция и рынок (в полном их смысловом звучании), дадут ли они необходимую степень организации и эффективности, установят ли желанный хозяйственный порядок? Ведь переход к прямо противоположной системе организации производства — от планомерной к рыночной — требует полного разрушения старой и весьма длительного (буржуазным странам потребовалось для этого не одно столетие) становления и отладки (самоотладки) новой системы.

Мы были бы не против конкуренции и рынка как таковых, да вот, если б их можно было взять да и перенести в

наше общество, да еще в развитом, полноценном, культурном виде, т. е. в высшей степени организованном (общественном) виде — как *организованные (регулируемые) конкуренцию и рынок.* С т а к и м и конкуренцией и рынком, для которых более характерны сегодня согласования, доверие и компромиссы, чем вражда и столкновения, можно было бы жить-поживать да добра наживать. Но ведь именно таких механизмов нам и не принять на блюдечке, хотя бы уже потому, что ими нужно уметь соответствующим образом пользоваться и воспроизводить, а для этого надо пройти многовековую школу э к о н о м и ч е с к о й жизни.

Мы, конечно, может стать конкурентами, но только не станем ли мы при этом ... горе-конкурентами, такими, которые либо готовы воспользоваться конкуренцией как способом быстрого обогащения в неконкурентной среде, либо спустить в «конкурентной борьбе» имеющееся национальное богатство. Так ли уж нам нужны доморощенные «конкуренты», вряд ли сильно желающие быть «конкурентными бойцами», но зато неплохо умеющие ... быть монополистами — даже на милых нашему сердцу «колхозных» рынках?

Призыв к конкуренции сегодня, т. е. в н а ш и х условиях,— это призыв не столько к свободе, сколько ко вседозволенности. Это призыв к борьбе, которая, прямо скажем, не очень-то близка социализму, да и которая вообще уже достаточно приелась (борьбу за показатели административные мы лишь заменим борьбой за показатели экономические — так ли уж нам надо бороться друг с другом, борясь при этом и с природой и со здравым смыслом). Призыв к конкуренции в ее действительном, а не журналистском понимании — это призыв к хозяйствованию, весьма чуждому с о в р е м е н н о м у, т. е. индустриальному, крупному, высокотехническому производству, к хозяйствованию, от которого даже капитализм постарался уйти, подвергнув его всесторонней сознательной организации.

В самом деле, кто кого нынче организует при капитализме: рынок предпринимателей или предприниматели рынок? Скорее второе, а не первое, во всяком случае мы наблюдаем некоторое равновесие между частным и общественным началами, позволяющее весьма эффективно разрешать присущие конкурентно-рыночной системе противоречия, прежде всего противоречие между микро- и макрохозяйствованием. Давайте же присмотримся попристаль-

нее к сознательной организации, которую демонстрируют наши вперед ушедшие партнеры по планете, да и попробуем создать у себя аналогичную, т. е. похожую, но все же нашу сознательную организацию экономики.

И пусть главными действующими лицами в этом организованном товарном хозяйстве будут весьма свободные, но социально ответственные производственные агенты, ответственные не только перед собой, но и перед обществом, даже государством, представляющим интересы общества. Право же, свобода хозяйствования — вовсе не обязательно непременно конкуренция, это ведь могут быть и сотрудничество, взаимопомощь, товарищество, т. е. все то, что в современном капитализме обретает все большую социальную и экономическую ценность. Они это понимают, а мы ... почему-то должны от этого отказываться.

Свобода хозяйствования в рамках организованного товарного хозяйства обязательно даст свой «конкурентный» эффект, но который выльется не в борьбу, а в соревнование, не отрицающее, в отличие от борьбы, сознательного, т. е. не вынужденного, а добровольного, честного и культурного сотрудничества. Не забудем и того, что сегодня нет, а в обозримом будущем вряд ли будет полная собственническая и хозяйственная свобода кого бы то ни было. Полная свобода — миф, а реальностью является и будет являться свобода ограниченная (заметим, однако, что именно свобода, которая ограничена, а не несвобода, которая безгранично ограничена). «Больше социализма» — это, на наш взгляд, больше товарного сотрудничества, а не конкурентной борьбы. И вот еще что: не нужно ли хорошенько порасспросить трудящихся, в первую очередь сознательных промышленных рабочих, что о н и думают о перспективе перехода к конкурентным — в научном понимании — отношениям между социалистическими трудовыми коллективами.

Как добиться социалистической организации товарного хозяйства? Возможны четыре подхода: сверху — со стороны хозяйствующего центра; снизу — со стороны предприятий; «сверху-снизу» — при инициативе центра; «снизу-сверху» — при инициативе предприятий. Возможны и четыре формы организации: административная, ассоциационная (объединения предприятий, союзы производителей и потребителей), административно-ассоциационная и ассоциационно-административная.

Первые два подхода и первые две формы должны быть отвергнуты: первый подход и первая форма себя не оправдали, они ведут не к организации товарного хозяйства, а к его ликвидации; второй подход и вторая форма чреваты хозяйственной анархией, особенно если учесть значительные региональные различия в условиях хозяйствования в СССР. Остаются два последних подхода и две последние формы. Предпочтительнее среди них выглядят самые последние: подход «снизу-сверху» и ассоциационно-административная форма. Это идеал, движение к которому предполагает использование, возможно, в качестве переходных третьего подхода и третьей формы.

Выбор четвертого варианта вовсе не случаен. Таково требование времени. Это единствено возможный итог развития принципа демократического централизма. Именно движение от централизма к демократизму отвечает революционной сути перестройки, причем такое движение, при котором централизм не исчезает, а изменяется, становясь демократически организованным.

Основу социалистической системы хозяйства должна составлять *ассоциация социалистических хозяйствующих субъектов,* среди которых, с одной стороны, производственные и торговые предприятия, их объединения, союзы производителей и потребителей (отраслевые, межотраслевые, региональные, народнохозяйственные, международные), кредитно-денежные учреждения, а с другой — административные и полуадминистративные хозяйственные органы: правительство, министерства, советы, фонды, инспекции, арбитражи. Административные и полуадминистративные органы следят за соблюдением предприятиями хозяйственного, социального, экологического законодательства, общей финансовой дисциплины, но *не осуществляют непосредственного руководства их хозяйственной деятельностью.* Координация деятельности предприятий происходит посредством ассоциаций, а также в диалоге предприятий и их ассоциаций с административными и полуадминистративными органами, которые, располагая, как правило, финансовыми ресурсами, используют в основном методы экономического поощрения. Административные органы контролируют кредитно-денежную систему и сферу торговли. Общехозяйственный план разрабатывается общесоюзной плановой комиссией совместно с ассоциациями производителей и потребителей, с одной стороны, и административными органами — с другой. План утверждается высшим законодательным органом, *имеет силу закона.* Он служит руководством к действию, ориентиром и направителем, но *не является полностью и во всех отношениях директивным.* Директивному исполнению подлежит часть — и притом меньшая — плана, связанная с решением неотложных, особо значимых для государства и общества задач, с прямыми государственными заданиями. В случае необходимости план может пересматриваться. План не должен быть догмой.

Не все предприятия могут входить в объединения (социалистические корпорации), но все предприятия, видимо, должны состоять в ассоциациях. Это не деловые клубы, а учреждения, организующие деятельность предприятий, координирующие ее. Решения ассоциаций должны быть как рекомендательными, так и обязательными (в капиталистических странах такого рода принуждений не стесняются: если надо, то почему бы нет?).

Ассоциации представляют интересы своих членов, должны взаимодействовать с другими ассоциациями, государственным и полугосударственным хозяйственным аппаратом, законодательными органами. Общехозяйственные ассоциации призваны учитывать интересы народного хозяйства, государства, общества в целом. Государство должно обладать правом контроля за деятельностью ассоциаций с точки зрения соблюдения правил и законов хозяйственной жизни, следования согласованной общехозяйственной политике. Государство обязано бороться с мафией, коррупцией, теневым хозяйствованием.

Государственный хозяйственный аппарат не должен быть громоздким. Помимо организации собственно государственного хозяйства, в том числе и государственных финансов, государственные органы должны участвовать в разработке и проведении в жизнь общехозяйственных планов, народнохозяйственных программ (национальных проектов), экономической и социальной политики; обеспечивать функционирование денежной и кредитной систем; регулировать динамику доходов; участвовать в ценообразовании; осуществлять капиталовложения и влиять на инвестиционную политику предприятий; регулировать внешний обмен и международные экономические отношения; участвовать в создании материальной и социальной инфраструктуры; управлять отдельными отраслями общественного производства; закупать необходимую для государства продукцию и размещать производственные зака-

зы; обеспечивать рациональное природопользование; координировать, стимулировать и направлять научно-технические разработки, способствовать их внедрению. Определенная часть социалистических предприятий должна находиться под непосредственым руководством государства. Государственный аппарат должен контролировать и регулировать товарообмен.

В общественной ассоциации социалистических хозяйствующих субъектов всем найдется *свое* дело. Главное, чтобы каждый хозяйствующий субъект выполнял свойственные ему и только ему функции; чтобы один хозяйствующий субъект не принимал решения за другого; чтобы производители были товаропроизводителями, а потребители — товаропотребителями; чтобы каждый был достаточно самостоятельным и достаточно ответственным для выполнения своей роли хозяйствующего субъекта; чтобы общехозяйственная согласованность действий всех предприятий и ассоциаций основывалась прежде всего на инициативе снизу.

Такой примерно может быть организация социалистического товарного хозяйства. Ее особенность — не только антиконкурентность и антирыночность, но и антимонополистичность. Лишь участие разных социальных сил в организации общественного производства, лишь разнообразие конкретных способов социалистического хозяйствования, лишь стремление к общественному согласию могут обеспечить недопущение монополизма. А недопущение монополизма — не менее важная задача, чем недопущение борьбы всех со всеми.

Главный критерий социалистического хозяйствования — общественность, но общественность, реализуемая при соблюдении индивидуальных интересов. И если капиталистический агент придерживается способа хозяйствования, называемого конкуренцией, то социалистический агент должен придерживаться согласованного товарного хозяйствования. Если капиталистическое общественное хозяйство есть хозяйство рыночное, то социалистическое общественное хозяйство должно быть организованным на "принципах сотрудничества товарным хозяйством. В реальной действительности все, конечно, не так просто. Не так всемогущи и вольны при капитализме те же конкуренция и

рынок, то же частное начало, не так уж красиво и ладно будет организовано товарное хозяйство при социализме. В жизни всего хватает, но это не освобождает общество от priorités à suivre[1] Не освобождает это и нас, размышляющих над социализмом и ему сострадающих.

5.5. Рывок в XXI век

Время меняет человека. И человек способен порою изменить самый лик времени и само течение времени.

Г. Гулиа

Путь социализма в XXI век не усыпан розами. XXI век — век новой доселе необычайной, технико- и социокультурной сложности, нового, во многом неведомого порядка. Это век интенсивной подготовки, а может, уже и становления ноосферной цивилизации. В идеале социализм всего менее противоречит последней, но в реальности он пока еще не стал ноосферным, более того, и не слишком к ноосфере стремится. Сам по себе, без глубоких предварительных преобразований, нынешний социализм хотя и войдет в XXI век, но войдет не в тех одеждах, не с тем мироощущением, не с той культурой. Войдя в XXI век, социализм может остаться ... в XX, а то и просто повиснуть над пропастью межвременья — покинуть XX и не войти в XXI век. Нет, пожалуй, ничего страшнее бездеятельной самонадеянности!

Сильно давление прошлого, держит настоящее, но будущее, к счастью, не лишено силы и власти. Без тяги к будущему нет будущего. Без притяжения будущего нет настоящего. Будущее — отнюдь не пустота. Будущее — это будущая жизнь, это наполненность, которая всегда дает себя знать настоящему, как бы уже существуя. Образ будущего — вовсе не фантазийный образ, точнее не совсем фантазийный, он и достаточно реальный. Только вульгарность обходится без будущего. Будущее надо слушать и слышать, надо и уметь его слушать и слышать. Раскрывается будущее только умеющему, только в него — будущее — верящему.

Будущее — за будущим. И если будущее за социализмом, то за будущим социализмом. Не будем гадать, каким может стать в XXI в. социализм (заметим только, что это должен быть воистину хороший социализм), а лучше отметим, что нужно сделать социализму

[1] Приоритеты, которым следует следовать (фр.).

сейчас, чтобы не упустить своего исторического шанса — воспринять XXI век, а затем и самоё ноосферу.

Воспринять — это вовсе не принять готовое. Если б это было так! XXI век и ноосферу еще надо создать, а создать их можно, только создавая себя. А создать себя для будущего можно, лишь пересоздав себя сегодня. Перестройка — не только преодоление прошлого, овладение настоящим, но и одоление будущего. Перестройка — требование и дело всего исторического времени. Но это и гигантское мгновенное усилие, рывок настоящего в будущее — социализм должен оказаться достойным того, чтобы будущее стало его восприемником.

Перестройка — программа-минимум, создание и овладение ноосферой — программа-максимум!

Перестройка — прорыв предела, любовно воздвигнутого административной системой, и выход к запредельному, тому, что венчает — в сегодняшнем видении — развитие человека и человечества, близкое и далекое, известное и неведомое.

Как осуществить этот исторический прорыв?

Ясно, что ни одно академическое исследование не даст полного и окончательного ответа, не даст его и ни одна, даже самая продуманная, отражающая усилия «коллективного разума» политическая программа. «Чего нет, нельзя исчислить!» (Экклесиаст). Все равно жизнь сделает *по-своему.*

А знаете ли вы, что исторический ход дела — странная вещь? И так непохож иногда на теоретический!.. Смекнешь все теорией, у себя в кабинете: ...вот именно так все должно случиться, и пример есть — так вот и в Англии было. Смотришь: вовсе не так выходит на деле. ... Странная вещь: даже предосадная вещь!

Ф. Достоевский

Но прогнозировать надо, надо рассчитывать, надо и предугадывать. А главное, надо уметь видеть видимое, разбираться в происходящем, уважать жизнь. Если программировать, то от имени жизни, ради нее. Программировать так, чтобы программа была достаточно неопределенной (определенные-то программы мы делать как раз умеем), чтобы программу можно было скорректировать, j при надобности ... и отбросить. Надо всегда помнить, что жизнь богаче и хитрее любой программы, что у жизни есть и *своя* программа.

Преобразуя жизнь, умнее исходить из слабости, чем из силы. На поражение преобразователя жизнь нередко

отвечает добром, на победу — злом. Жизнь бывает благодарна тому, кто действует в согласии с ней, кто споспешествует ей, не укрощает и не подгоняет. Преобразователь жизни должен рассчитывать прежде всего на самоё Жизнь, а уже потом на себя.

Наша административно-социалистическая жизнь, с одной стороны, готова к коренному преобразованию, ибо налицо тяжелый социальный кризис, а с другой — не слишком. Вроде бы ясно, что многое должно измениться, но кто и как должен изменить, с каким результатом, не очень-то понятно. Противоречие — в самом человеке. И только сам человек может разрешить это противоречие. И нельзя разрешить это противоречие за человека. Не дай бог!

Новый социализм должен выразить себя сам, хотя и вовсе не стихийно.- Убеждай, но не насильствуй, а убеждая, слушай убеждаемого. Полную ясность может внести только сама жизнь. Нельзя стоять на месте, но нельзя и слишком торопить события. Где она — эта мера? Мера меры.

Нельзя ни в коем случае отдавать инициативу в грандиозном преобразовательском процессе сознанию самоуверенному и экстремистскому, а тем более циничному. Такое «сознание» способно ввергнуть общество как в тьму застоя, так и в тьму неизвестности, заставив пройти жесточайшие и совсем ненужные ему испытания. Нельзя полагаться и на «благодетельствующий фанатизм». «Когда людей хотят сделать умными, добрыми, свободными, умеренными, великодушными, то неизбежно приходят к тому, что жаждут истребить их всех до одного» (А. Франс). От себя добавим: на свете нет таких идеалов, ради которых стоило бы топтать достоинство и свободу человека. Потребна бдительность и бдительность: нельзя допустить, чтобы перестройка стала, как и многие другие бывшие в истории перевороты, лишь очередным «перераспределением зла».

Мера. Ее могут обрести только терпимость и терпение, мудрость и время. Маятник истории должен свободно, хотя и не слишком сильно, колебаться из стороны в сторону, ища новую точку равновесия, ту, которая принесет облегчение и новый шанс для жизни. Невозможное сегодня может стать действительным в один день — таково таинственное фактотворчество истории.

Рывок, но без экстремизма, революция — без катаклизма, прогресс — без деградации. Разумеется, все это — революция, прогресс, рывок — не пройдет гладко. Будут и ошибки, будут и потери. Но задача воистину просвещенного общества — минимизировать ошибки и потери, обойтись без крайностей, не допустить жертв. Задача высококультурного сознания — вызвать к жизни саму жизнь, предоставив ей возможность самой решать и творить, искать выход из исторического тупика на исторический простор. Нужно всячески остерегаться вызволять события, которые не поддаются расчету, безопаснее, когда время само это сделает. И не бояться свободы, ее реальных и мнимых издержек. Помнить, что «свобода — наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы» (П. Кропоткин).

Жизнь жизнью, история историей. А делают-то все люди. Люди и никто другой — творцы своей судьбы. Именно люди свершают перестройку, именно люди должны вырвать у нежизни свой жизненный шанс. Посредством переделки жизни, но ... с переделкой самих себя, что, естественно, всего труднее. Одно дело — желать, другое — стать. Перестройка — не изобретение, а перерождение. Человека и культуры, культуры и человека. Для всего этого потребно глубокое осознание необходимости и огромное желание общества — именно общества! — стать качественно другим.

Успех перестройки — в овладении идеей перестройки, ее смыслом самим обществом, народом и народами, государством и его гражданами. Только массовое восприятие и только массовое движение спасут перестройку. Проникновение идеи перестройки в общество — лучшая программа и гарантия реализации перестройки.

Перестройка должна в основе своей и в целом самоосуществиться. Вот тогда-то она будет органичной и приведет не только к устойчивым, но и действительно нужным результатам. Перестройку, как и ее цель, декретировать невозможно. Перестройку должно осуществить само общество и осуществить добровольно. Не заставить идти на перестройку, а оплодотворить общество перестройкой. Довериться человеку, не забывать и то, что социальность — в духе российского народа, его культуры.

«Мыслящий русский,— говорил А. Герцен,— самый независимый человек в свете». Возможно, как раз

потому, что русский — по духу — всего менее обременен традицией, сковывающей воображение и социокультурную импровизацию. Россиянам повезло, наверное, только в одном — ни одна из предложенных (навязанных) им схем бытия не стала их органическим достоянием: ни царизм с крепостничеством, ни буржуазность с ее конкурентностью и рационализированной эксплуатацией, ни административность с ее манипулированием массами. Российскому народу, надо надеяться, еще предстоит осуществить великий исторический синтез — идеи социализма с идеей национального духа. «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» (Ф. Достоевский). И сделать это должно в процессе свободного волеизъявления. «Россия должна разрешить все вопросы, о которых спорит Европа» (П. Чаадаев). Хочется в это верить, как и в то, что никому ныне не придет в голову проделать новый «осчастливливающий» народ эксперимент. Власть — это насилие, но на одном лишь насилии власть всерьез и надолго не держится. Не держится она и на одной только власти. Власть крепка сейчас более невластием, чем властием — свободой. Таков главный мотив времени!

Насилие, возможно, и повивальная бабка истории, но оно же — и ее отпеватель. Поймем же это хоть сейчас — в преддверии XXI в.!

Перестройка, конечно, сама не пойдет. Общество надо готовить к перестройке, вести его по пути перестройки, поощрять к действию. Здесь важно правильное слово, но важна и практика. Важен пример. Обществу нужны носители идеи перестройки, ее реализаторы. *Обществу нужен ведущий перестроечный слой.* Нужны лидеры. Из общества, в обществе и для общества. Способные возвыситься над собой, а не над людьми. Иначе дело не пойдет. Народ так насмотрелся на нововведения, так пообвыкся, что никакие призывы и приказы его с места не стронут. Народу ведь ничего не стоит и «убежать» от перестройки, замкнуться в себе, на крайний случай — сымитировать перемены. Народ способен и подчиниться, но из такого подчинения, как известно, ничего путного никогда не выходило. Народ может и не подчиниться, а тогда ... вот этого-то «а тогда» как раз и не нужно. Лучше верить народу, уверив его в идее перестройки, и предоставить ему возможность свободной импровизации. Игнорировать свободу — игнорировать ответствен-

ность, а это противоестественно. За реформатором — идея и пример, за народом — сама реформация. Полная реализация ответственности. «Закон морален и эффективен, если он не навязан страхом, а дан самим человеком для самого себя» (Гегель). И пусть реформатор не обижается, если реформация не совсем совпадет с его идеей. Значит, так надо.

История распорядилась так, что социализм должен в настоящее время самым решительным образом бороться за социализм, но бороться — ив этом вся особенность момента — не столько с несоциализмом, сколько ... с социализмом. Административный социализм,— этот горе-социализм,— если и был обусловлен судьбой, то уже выполнил свою историческую миссию, теперь он должен уступить место другому — более социалистическому — социализму. Но это еще не все. Смена форм должна произойти, во-первых, ненасильственно (не по-административному!), во-вторых, сравнительно быстро. Грандиозная историческая задача! И она по плечу только полностью осознавшему ее народу, имеющему возможность свободно творить и свободно идти за своими высокими — в смысле культуры и такта — лидерами,

Если человек талантлив действительно, то он из выветривавшегося слоя будет стараться воротиться к народу-

Ф. Достоевский

Да, не оставит нас надежда — надежда на последовательное воплощение социалистического идеала! Да поможет нам сам Дух Времени!

6. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ЦЕЛОСТНОМ ОБНОВЛЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Вдвоем быть лучше, чем одному.

Экклесиаст.

Современный мир — мир все еще разделенный. Не просто разнообразный, а именно разделенный. И важнейший фактор разделения — разность, не перестающая пока быть и рознью, двух мировых социальных систем. Сегодняшний мир — мир социально дезинтегрированный. И это при наличии национальной и государственной дезинтеграции, культурных различий.

Современный мир — мир сосуществующих — мирно и немирно — государств, наций, регионов, В то же время это и мир сосуществующих социальных систем. Мировое целое — целое, составленное из частей, а не целое, разделенное на части. Первичны части, а не целое. Таким

мир сформировался, таким он и остается до сих пор.

Дезинтегрированность мира хоть и исторически естественна (другого мира мы просто не знаем), но она не может удовлетворить современного человека, а тем более человека будущего. Историческая потребность ныне — в интеграции. И это не только идея, а и реальный процесс, который уже идет и будет усиливаться. Будущее мира — в интеграции мира.

Интеграция, напомним,— не установление однообразия, интеграция хороша как раз тем, что она есть достижение единства в разнообразии, того единства, при котором общность реализуется в особенности, а особенность — в общности. Интеграция мира — достижение *интегрированной целостности мира,* а не целостности, так сказать, монолитной.

Интеграция мира идет по всем линиям. Ее основой служит промышленная цивилизация, переходящая, как мы полагаем, в неоиндустриальный этап развития. Интегрируются технокультура и социум, экономическая и политическая сферы, культура. Интегрируется хозяйство.

Интегрирующееся мировое хозяйственное целое — всемирное хозяйство. Пока всемирное хозяйство более дезинтегрировано. Но такое целое, как всемирное хозяйство, уже есть, хотя и развивающееся, только находящееся на пути к интегрированной целостности, становящееся.

Всемирное хозяйство — это не просто совокупность мирохозяйственных отношений, реализующихся через политические и экономические границы. Это и не просто сумма национальных и региональных хозяйств. Это, с одной стороны, то и другое, а с другой — это и единый, пусть сейчас и весьма гетерогенный, воспроизводственный процесс. Всемирное хозяйство — хозяйство всего человечества. В таком хозяйстве действуют сразу предприятия и их объединения, государства, страны и их объединения, регионы, целые социальные системы. Это не просто мировое, но планетарное, охватывающее всю жизненную сферу человека, хозяйство. Хозяйство особого состава, масштаба и механизма, особых возможностей и ответственности.

Целостность природы и homo-сферы, сама нынешняя социальная разобщенность мира взывают к целостности всемирного хозяйства. Великая целостность еще не достигнута, но некоторая,— более интуитивная, чем соз-

нательная,— целостность уже есть: подтверждение тому весьма интенсивный международный обмен, развивающаяся совместная деятельность, растущая взаимозависимость, мировое обобществление ресурсов и труда. Строительство целостности — все более и более осознанное — ускоряется. Его главным стимулятором является Машина, ставшая самоорганизующейся, ведущим исполнителем — Товар, становящийся все более общественным, архитектором — Жизнь, стремящаяся к всеединству. Всемирное хозяйство—неоиндустриальное товарное хозяйство.

Такое хозяйство не боится разнородности и многоукладное™, даже архаики. Наоборот, именно входящие волей судьбы во всемирное хозяйство неиндустриальные и не слишком товарные уклады боятся такого хозяйства. Но жизнь берет свое, и отсталое уступает место передовому, если и не лучшему, то более жизнеспособному. У передового — производительность, у архаики — равновесие. Дальнейшее развитие всемирного хозяйства — сочетание преимуществ индустриального и неиндустриального подходов, т. е. оптимизация. Это неизбежно.

Индустриализированное товарное хозяйство само по себе безразлично к социальным особенностям национальных или внутрисистемных хозяйств. Его может волновать только разница в уровнях экономического развития, да и то до известных пределов. Остальное же может волновать разве лишь «душ человеческих инженеров». Но отделиться от мира нынче нельзя, спрятаться — тем более, нужно жить в мире и миром, его чаяниями, жить ответственно и достойно — в меру «как все» и в меру «по-своему». Немудро раствориться в мире, но вовсе не мудро противопоставлять себя миру. Жить в человечестве без человечества невозможно. Но жить в человечестве, не чувствуя себя человеком, народом, нацией, страной, т. е. не жить по-особенному, недопустимо. Нужен компромисс.

Конец XX в.— время компромиссов. Конфронтации еще есть, но не они придают основную окраску эпохе. Компромиссом благословлены'и отношения двух мировых систем: капиталистической и социалистической. Слово борьба уходит из лексикона, и на удивление быстро. Столь же стремительно завоевывает позиции другое слово — сотрудничество. А что может быть естественнее для истинно цивилизованного общества, к тому же не рассчитывающего уцелеть в новом глобальном вооруженном столкновении?

Сотрудничество и обмен деятельностью. Совместное хозяйничанье в общем всемирном доме. Парадокс — но вчера, завтра же — норма. Трудно, сложно, непривычно. Но иного пути нет. Надо учиться. Учиться не только не воевать, что достаточно просто, но еще и вместе хозяйничать на планете, а это куда сложнее. Нужно взаимодействовать, иметь общее дело. Просто сосуществовать нельзя. Современная эпоха — *эпоха конструктивного взаимодействия капитализма и социализма.*

Но это еще не все. Взаимозависимость двух систем становится настолько великой, что сегодня позволительно говорить уже не только о взаимодействии, но о взаимообусловленном развитии капитализма и социализма, их коэволюции.

Коэволюция — явление более сложное, чем параллельная эволюция, идущая в одно и то же время, под влиянием одних и тех же факторов Это именно совместная, взаимозависимая эволюция. Она может сопровождаться притяжением и взаимопроникновением, сближением и отталкиванием, или, как принято говорить, *конвергенцией* и *дивергенцией.* Скорее всего будет и то и другое, но в целом — взаимообусловленное развитие. Ни одна из систем не сможет миновать воздействия противоположной системы. И по всей вероятности, произойдет смягчение противоположностей, их особость станет менее строгой.

Стратегическая цель человечества, которую мы можем сегодня предвидеть,— ноосфера. Это как раз есть главное и самое масштабное общее дело всего человечества. Ради такого дела стоит поступиться некоторыми, а быть может, и многими эго-принципами, не говоря уже о примитивных предрассудках. Ведение общего дела не предполагает одинаковости за него взявшихся, хотя и потребует от них немало общего в идеях и практических подходах. Совместные деяния способствуют как поведенческому, так и качественному сближению участников. И тут вопрос: к какому общему качеству будет тяготеть эволюция обеих систем? Окончательный ответ даст сама жизнь, но наиболее вероятный ответ, к которому мы можем прийти сами,— это социалистическое качество, но, разумеется, то — ноосферное — социалистическое

качество. И чтобы достичь этого качества, обеим системам нужно будет немало потрудиться над собой — и раздельно, и в рамках коэволюции.

Размышление. Сейчас много толкуют (с легкой руки Д. Гэлбрейта) о конвергенции, выражающейся как бы, с одной стороны, в социализации капитализма, а с другой — в капитализации социализма, их — капитализма и социализма — сближении и даже слиянии — в будущем — в одну «смешанную» систему. Происходящая во многих социалистических странах перестройка экономики и общества подтверждает, казалось бы, данный подход к проблеме. На поверхности, быть может, это и так, но вот в глубине — тут уже все не столь просто: не совсем так, если не сказать ... совсем не так. Капитализм действительно социализируется, хотя и весьма *по-своему.* И происходит это не только и не столько вследствие заимствования социализма из другого мира, сколько в силу неумолимых закономерностей собственного развития. Социализм ... тоже социализируется ... и тоже *по-своему:* возврат к товарности и движение к хозяйственной свободе вовсе не означают... возвращение к капитализму. В общественном историческом развитии вообще, надо заметить, очень много общего, т. е. того единого, что не составляется из общих черт, а как бы расходится по разным конкретным явлениям-системам (товарность — не сугубо капиталистическое свойство). И капитализм, и социализм, хотят они того или нет, идут к некоторым общим основаниям устройства мира, скажем к основанию демократического социализма. И для достижения этих оснований совершенно необязательно современному капитализму что-то непременно брать для себя противоположное у современного социализма, как и социализму — у современного капитализма (разумеется, в более глубоком смысле, чем обычное заимствование конкретного опыта). Все равно оба строя придут в состояние, предназначенное им общемировой, как и своей собственной, судьбой — и наиболее вероятным из этих состояний будет — если не произойдет чего-то страшного и непоправимого — состояние демократического социализма. Но не благодаря конвергенции как таковой, во всяком случае,— прежде всего не *ей.* Более того, демократический социализм может не только реализоваться в разных интерпретациях, но и восторжествовать-то вовсе не повсюду. Оставим местечко и для других социализмов, а, может, и несоциализмов,— кто знает?

Что касается текущих дел, то они выглядят определеннее. Нужно развивать сотрудничество и обмен, учиться принимать совместные рёшения. Действовать следует по всем возможным направлениям, применяя все доступные и даже недоступные — пока — формы и механизмы. Проявлять доверие, однако не благодушие. Этого не нужно ни им, ни нам. Нужен конструктивный, ответственный, равноправный диалог. Нужны взаимная выгода и общая польза.

Нужны и заимствования. Но очень продуманные. Тут уж рассудочность никак не повредит, особенно нам, вынужденным кое-чему учиться у капитализма: рациональному ведению хозяйства, рациональной организации

противоречивого общества, рациональной культуре. Учиться надо. Но при это не забывать, что в сегодняшнем капиталистическом ratio важнейшим составным элементом — и очень важным! — является как раз то, что в немного других обстоятельствах мы бы смело — или почти смело! — назвали бы ... социалистическим. Давайте все же учиться не архаике у капитализма, а современности. Давайте учиться у него социалистическому!

К Интеграция мира не исключает интеграции в мирах — «капиталистическом и социалистическом. Внутримировая интеграция — важное условие интеграции общемировой. Сегодня мы констатируем немалую разницу в характерах интеграционных процессов, происходящих в мирах, равно как и разный уровень их внутренней интегрированности. По последнему параметру социалистический мир отстает от капиталистического, ибо он не располагает международным хозяйством, сравнимым по уровню целостности с капиталистическим аналогом. Хозяйство СЭВ пока значительно уступает хозяйству ЕЭС. Перестройка социализма в СССР непосредственно связана с развитием социалистической экономической интеграции. Обе должны стимулировать друг друга, а вместе стимулировать развитие всемирного хозяйства. Административный социализм уже не «потянет» интеграции, как и интеграция уже не потерпит административного социализма. Интеграция и перестройка — взаимообусловленные процессы. Они непосредственно связаны и с общим процессом мировизации. Последняя служит им контекстом, побудительным мотивом и целью. Перестройка, социалистическая интеграция и всеобщая мировизация должны идти и, надо полагать, пойдут вместе, служа друг другу залогом.

ЭПИЛОГ

Аминь, аминь!
Чем кончу я рассказ?
А. Пушкин

Мир меняется стремительно. Полтора века хватило на то, чтобы от первой железной дороги дойти до полета на Луну, а от нарезного артиллерийского орудия — до атомной бомбы. Еще меньше потребуется, чтобы превратить мир в гигантскую ЭВМ. Не так уж много времени нужно для исчерпания ресурсов и экологической катастрофы. Мир стремительно меняется, переполняя себя информацией, деяниями, культурой. Неприрода расширяется, как дрожжевая масса, обволакивая и поглощая природу. Мир человеческий растет, ускоряясь,— растет, чтобы в один прекрасный момент, слившись в точку, взорваться.

Возможно ли такое?

— А почему бы нет?

Гораздо неочевиднее спасение. Смерть вероятнее жизни.

Я понял
Ужас ослепшей планеты...
М. Волошин

И это не пессимизм. Это — предостережение. Это — вывод. Это — долг.

Войну можно предотвратить, хозяйствование же остановить нельзя. Хозяйственный материализм сильнее политического идеализма. Сила хозяйства — реальность, сила культуры — лишь возможность.

Природа сотворила неприроду, позволив неприроде творить себя и переделывать природу. В эйфории сотворчества природа и неприрода не заметили, как въехали в тупик — полного взаимного отрицания. Развитие природы достигло кульминации: природа сама себя поставила под сомнение, поставив под сомнение и неприроду, ею порожденную. Природа и неприрода уже не могут оставаться просто природой и неприродой, служа друг другу тезисом и антитезисом. Теперь им надо стать другими природой и неприродой, и сделать это они должны в рамках взаимного синтеза — Великого Синтеза Природы и Неприроды!

В центре данного синтеза-процесса — человек. Только человек, продолжив себя сегодняшнего и став суперчеловеком (homo sapiens sapiens), может осуществить такой синтез, превратив неприроду в суперприроду и природу в суперприроду. Это становится понятно, если учесть, что дело не только в новом устройстве природы (homo-природы), но и в новом понимании природы, неприроды и человека (у суперсущества и суперокружение).

Историческая миссия человека в природно-неприродном мире сложна и противоречива: познать мир и свою главную задачу, вызвав маргинальное обострение противоречия между природой и неприродой, а затем, осознав все это, найти способ разрешения обострившегося противоречия между неприродой и природой, обеспечив свободный переход противоположностей друг в друга. Человек — судьбоносный посредник между природой и неприродой, их воссоединитель.

Превращаясь в суперчеловека, человек прекращает свое противопоставление природе и неприроде, он идет им навстречу, сживаясь с ними в супермировое целое, обеспечивая природе, неприроде и человеку новое — ноосферное — бытие.

Как выполнить человеку столь грандиозную задачу? С помощью знания — новых знаний — и с помощью техники — новой техники. Это бесспорно. Но бесспорно и другое — с помощью нового человека. Вот она, еще более грандиозная задача, которую предстоит выполнить человеку.

Каким образом?

Quaerite et invenietis [1].

Поиск и только поиск! Нового осознания мира и человека, нового качественного наполнения культуры. Нужен новый синтез идеи и дела, воли и нравственности, желаний и запрета. Нужна новая мера. А мера — это красота. Красота спасет мир, но заметим, что только спасенная

[1] Ищите и обрящете (лат.).

красота спасет мир! Вот она—трагическая грань эпох!

Человек — мера всех вещей. Верно, но верно и то, что человек — не мера всех вещей. Вещи мерят вещи, вещи мерят и человека. Все вещи мерят человека, мерят воздаянием, отрицательно и даже не как свою противоположность, а как своего противника. Не пора ли позволить вещам мерить человека положительно — как союзника, как одну из вещей, пусть и особенную?

Что же ценнее? Истребление природы или ее сохранение, уничтожение человека или его возвышение, забвение или жизнь? Что ценнее?

Безудержье или самоограничение, алчность или умеренность, утеха или смысл?

Культура или антикультура?

Правда или ложь?

Жизнь диалектична, в ней всего хватает. И все в жизни важно. Другой — непротиворечивой — жизни мы не знаем. Но верно и то, что жизнь сейчас не может не быть круто сориентирована на те ценности, которые мы привыкли называть *вечными*, как и резко отведена от тех, которые мы привыкли называть *суетными*. Тут ведь жизнь — и жизнь как целое — мерится со смертью, и тоже как целым. Целое на целое. Есть над чем поразмыслить. А размышлять-то и некогда. Культурная, а вместе с ней — хозяйственная, переориентация — дело «текущего момента».

Нужна опора, и не только ценностная. Нужны реальные носители новых ценностей — опора социальная. Нужно движение. И движение международное —ноосферный интернационал. Нужна социализация, но не насильственная. Нужен рывок, но естественный. Всемирная реформация.

Культура главнее Проекта, а Дух — главнее Культуры. Социалистический переворот—переворот духовный, затем — культурный, а затем уже — социальный. Разряд здесь не временной, а логический. «Зло таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря-социалисты» (Ф. Достоевский). Излечить человека может только сам человек, его самоопределение. Социальное устройство лишь должно этому способствовать, но опять же с согласия человека, его свободного и неисчерпаемого самовыражения. Не исключено вовсе, что идея социализма сегодня как никогда ценнее его практического воплощения. Человек социалистический важнее самого социализма. Первичен человек, социализм вторичен!

Вполне вероятно, что нужна и новая вера, новая религия, как и новая интерпретация старых культов. Вера, возрождающая человека, делающая его просветленнее и терпимее, умеривающая и умиривающая, ориентирующая, предлагающая разумное поведение и уразумляющая наш неразумный мир. Такая Вера никогда, никак и никому не повредит. Основанная на вере в синтез Разума и Нравственности, разве может она нанести ущерб человеку, помешать ему вновь сделать попытку обрести самого себя, а через себя — и весь мир!

Жертвенность Христа вряд ли сегодня уместна — не по сути, а по факту и его значению. Хватит жертв! XX век проделал то, о чем даже не могли и мечтать провозвестники святого искупления. Несовершенство и первородная греховность человека оплачены сполна. Но стал ли от этого человек лучше? Страдание, может, и облагораживает, но страдание личностное — ума и духа, совести, наконец. А могут ли кого-нибудь облагородить массовые жертвы безумной и бездушной гильотины?

Великой задачи жертвы не решат, такую задачу могут решить только жертвенные люди и только без жертв, во всяком случае — без жертв насильственных и пошлых. Такую задачу можно решить только в *свободном движении свободного человека*, в его — человека — самопреображении. Возжелав переделать мир, человек должен начать не с его разгрома, а с возвышения своей личности, предложив ей новый социо-культурный образ. И если для этого нужна религия,— пусть будет религия. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» (А. Пушкин).

Философия — не только любомудрие, размышление и познание. Философия — это культура самой культуры, ее интеграл, самое, пожалуй, ценное в культуре, ее золотой фонд.

Философия хороша тем, что она непосредственно связывает человека с культурой, да не с отдельными элементами, а с самой ее душой, ее сутью. Философия хороша своей умиротворяющей завершенностью. Она хороша и своей изменчивостью, парадигмальной активностью. Философия наполняет культуру, ее одухотворяет, ведет, а культура не медлит обогатить и вдохновить философию.

Значение философии переоценить невозможно. Философия управляет представлениями, а они управляют ми-

ром. И если человек хочет управлять миром и собой в этом мире, то ои должен, обязан быть Философом.

Наука зряча, но и слепа, изобретательна, но и прямолинейна. Наука исследует, накапливает информацию, увеличивает знание. Но знание сугубо позитивное. Непозитивное знание — «шум», который только мешает науке. Наука стремится к достоверности, позволяющей знать наверняка, а со временем все больше и точнее. Даже смена парадигмы для науки — это смена либо направления или пласта исследования, либо его метода, либо аксиоматики или языка, но.., не самой науки, Наука очень многое может сказать о мире и человеке, но... как о физических (измеряемых) системах. Наука пасует перед духовным и запредельном. Она слаба перед непознаваемым (недостоверным). Ей нечего сказать и о том, что не входит в позитивное знание, но по миру тем не менее широко разлито. Смена научной парадигмы, во-первых, не проходит по свободной воле человека: ученый — раб знания, логики его естественного развития; во-вторых, не останавливает человека, не ведет его обратно, назад, к противоположному берегу — только вперед; в-третьих, не делает человека ни более мудрым, ни более культурным, ни более нравственным. Свет науки силен и полезен, он проникает в толщу мироздания, раскрывает его секреты, но есть и пределы, коснувшись которых, наука в лучшем случае отступает, а в худшем — ...угрожает самому мирозданию. Свет науки может сжечь мир,— наш, человеческий мир, так и не узнав, что же он есть такое, этот наш — человеческий — мир. Никакая наука никогда не ответит на вечные вопросы бытия, ибо в них Заключен момент принципиальной непознаваемости, и поддаться такие вопросы адогут лишь слуху, ритму, музыке — **Откровению-** «Признай непостижимое непостижимым **и** обретешь реадий смысл...»'

Что не дозволено науке, дозволено философии. Именно философия,, проигрывая **bi** испытательстве, выигрывает в мудрости. «Мудрость — не наука» (Гегель). Наука не только не заменяет философии, но непосредственно нуждается а ней,, а е-вде боляще нуждается в философии сам **Человек**.

И чело,век хозяйствующий не может без философии. Без философии бытовой и философии высокой. Сегодня а особенности. Философия всегда привлекала к себе вкijftawwe'hojiiosapiiws в критические моменты бытия. Философия — едиистаенма,»,. хота,, бы может, не всегда и не во

всем находчивая и надежная, опора человека в окружающем его мире неопределенности и неизвестности, мире Лукавства и Тьмы. Только философия может сказать человеку, кто он, откуда и куда идет. Разумеется, гипотетично, скромно, образно,— ведь все на свете — загадка!

Только философия способна, опираясь, конечно, и на данные науки, сообщить хозяйствующему человеку, что и как он делает, а главное, зачем и с какими результатами. Только философия может осознанно указать, каким быть человеку хозяйствующему — сегодня, завтра, послезавтра. Только философия способна прогнозировать — угадывать! — будущее.

Но главное, что может философия — в отличие от сугубо научной экономии,— не забыть о нравственном и культурном началах хозяйствования, об общечеловеческих и общемировых ценностях.

Философия хозяйства — не просто знание о хозяйстве, а воззренческое знание о хозяйстве, и не только о самом хозяйстве, но и обо всем том, что имеет отношение к хозяйству, точнее, что необходимо хозяйству, его — хозяйства — самоопределению и положению в мире природы и культуры. Философия дает ту цельность представления о хозяйстве, которую не может дать ни одна отрасль экономии, она связывает хозяйственное знание с общекультурным и общеприродным знанием, наконец, философия просто окультуривает хозяйство.

Страшно ошибается тот, кто считает, что человек хозяйствующий может обойтись без философии, без нравственности, без культуры. Тут уж заблуждение роковое, а если это вовсе и не заблуждение, а убеждение, то явно от преступной самонадеянности: от эгоизма, невежества, цинизма. Ошибаются и те, кто все еще надеется хозяйствовать в экстремуме — либо хозяйствовать за человека, командуя им из «всевидящего и всезнающего» Центра, либо, наоборот, хозяйствовать, полагаясь лишь на Предприимчивость человека, его личный (и вовсе не личностный!) интерес. Сегодня нас не спасет (вот, до чего дошло — не с п а с е т!) ни Ее Величество Административность, ни Ее Высочество Конкуренция. Обе Дамы слишком безнравственны, слишком заносчивы и бесцеремонны. Обе понятия не имеют о мере, о природности и человечности, о добре и сострадании, о всеединстве. Надо поискать что-нибудь поприличнее, повоспитаннее, попорядочнее, ну и —

само собой — поестественнее. А кто найдет? — Только человек, но человек философический, любящий не только мудрость, но и любящий само любомудрие. Иначе вместо Космоса — Хаос! А Цель ли это для Homo Sapiens?

Философия хозяйства,— и мы в это очень верим,— необходима, как необходима философия вообще,— и у философии хозяйства, смеем надеяться, большое будущее.

Все.

Quod scripsi, scripsi[2].

11.02.89

[2] Что написал, то написал (лат.).

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 5

Часть первая. ОРГАНИЗАЦИЯ

1. Природа организации — организация природы 11
   1.1. Организация — начало природы 11
   1.2. Организация как организация 12
      1.2.1. Организация организации 12
      1.2.2. Организация организациями 15
      1.2.3. Организаций организация 18
      1.2.4. Организации организации 20
      1.2.5. Организация организаций 21
      1.2.6. Организация как механизм и механизм как организация 23
      1.2.7. Количество организации — качество организации 25
      1.2.8. Флуктуации и ритмы 27
      1.2.9. Организация противоречий и противоречия организации 29
   1.3. Дезорганизация — начало природы 31
2. Природа организации — организация неприроды 32
   2.1. Неприрода — природный продукт природы 32
   2.2. Генезис неприроды — генезис природы 35
   2.3. На пути к неприроде — жизнь 40
   2.4. Жизнь: существо и существа 45
   2.5. Природная неприрода — общество 56
      2.5.1. Общество — общественная организация 56
      2.5.2. Ноппо-существо и homo-общество 59
      2.5.3. Ното-организация 64
      2.5.4. Ното-организация как культура 73
      2.5.5. Общественная homo-организация: община и государство 85
3. Природа организации — организация производства 93
   3.1. Производство как производство 93

3.2. Организация производства и производство организации . . . 96
3.3. Организация производства как самоорганизация культуры . . . 104
3.4. Способ производства и способ хозяйства . . . ПО
3.5. Социальный и технологический способы производства . . . 114
3.6. Разнообразие воплощений способа производства . . . 118
3.7. От способа к способу . . . 121

Часть вторая. ХОЗЯЙСТВО

1. Человек хозяйствующий . . . 124
1.1. Организация производства — предприятие . . . 124
1.2. Предприятие как хозяйствующий субъект . . . 127
1.3. Организация производства — учреждение . . . 133
1.4. Способ хозяйствования . . . 136
1.5. Хозяйственные отношения хозяйствующего субъекта . . . 138
2. Общество хозяйствующее . . . 143
2.1. Общество как хозяйствующий субъект . . . 143
2.2. Механизм хозяйствования общества — хозяйственный механизм . . . 144
2.2.1. Понятие хозяйственного механизма . . . 145
2.2.2. Содержание хозяйственного механизма . . . 147
2.2.3. Немеханический механизм . . . 151
2.2.4. Зарождение — становление — развитие . . . 156
2.2.5. Закономерности и противоречия хозяйственного механизма . . . 162

Часть третья. ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВО

1. Типология хозяйств . . . 177
2. Капиталистическое хозяйство . . . 184
2.1. Общие основания . . . 184
2.1.1. Микроуровень: капиталистический предприниматель и конкуренция . . . 185
2.1.2. Макроуровень: конкуренция и рынок . . . 189
2.1.3. Экономическое и еще раз экономическое . . . 192
2.1.4. Конкурентно-рыночный хозяйственный механизм 195
2.1.5. Механизм разрешающихся противоречий . . . 201
2.1.6. Беспорядок организации . . . 207
2.1.7. Организация беспорядка: кризисы . . . 212

2.1.8. От кризиса к кризису: циклы . . . 215
2.1.9. Кризис — дезорганизующий организатор . . . 218
2.2. Эволюция в отрицании . . . 220
2.2.1. Хозяйствование свободы . . . 220
2.2.2. Возвращение к несвободе . . . 224
2.2.3. Противоречия остаются и усложняются . . . 233
3. Социалистическое хозяйство . . . 240
3.1. Социализм как идея . . . 242
3.2. Социализм как реальность . . . 244
3.3. СССР: укрощение идеи . . . 249
3.4. СССР: воплощение идеи . . . 252
3.5. Административное социалистическое хозяйство . . . 258
3.5.1. Общие основания . . . 258
3.5.2. Противоречия и кризис административного хозяйствования . . . 259
3.5.3. Абстрактные уроки неабстрактного кризиса . . . 263

Часть четвертая. ХОЗЯЙСТВО ПРЕДДВЕРИЯ XXI ВЕКА

1. Диалог тысячелетий: итоги и перспективы . . . 273
1.1. Итоги: ренессанс — процветание и деградация . . . 273
1.2. Перспективы: новый ренессанс — возрождение природы и очеловечивание человека . . . 277
1.3. Итоги: ренессанс — разделение общества и раздел планеты . . . 278
1.4. Перспективы: новый ренессанс — обретение целостности . . . 279
1.5. Итоги: ренессанс — homo-ego (человек за себя) . . . 280
1.6. Перспективы: новый ренессанс homo sociabilis (человек за человека) . . . 280
1.7. Summa summarum: на пути к нооиндустриальной цивилизации . . . 281
2. Технокультура под знаком новой промышленной революции . . . 282
2.1. Революция против революции . . . 282
2.2. Вторая промышленная: миф или реальность? . . . 284
3. Социум перед лицом нового тысячелетия . . . 288
3.1. Неоиндустриальный социум . . . 288
3.2. Новое индустриальное хозяйство . . . 290
3.2.1. Всемирность неоиндустриального хозяйства . . . 290
3.2.2. Оптимизационный характер неоиндустриального хозяйства . . . 292

3.2.3. Неоиндустриальное хозяйство как самоорганизующаяся экономика 295
3.2.4. Гражданственность неоиндустриального хозяйства 297
3.2.5. Неоиндустриальное хозяйство как особая культура 298
4. Капитализм на пути в XXI век 299
4.1. Государственно-монополистический образ современного капитализма 300
4.2. Новая трансформация капитализма — обновление его государственно-монополистической формы 305
4.3. Навстречу грядущему 313
5. Социализм в борьбе за социализм 322
5.1. Кризис наследства и наследство кризиса 322
5.2. Перестройка как поиск новой модели социализма . . . 324
5.3. Государственно-демократический социализм 328
5.4. Социалистически организованное товарное хозяйство . . 342
5.5. Рывок в XXI век 355
6. Капитализм и социализм в целостном обновляющемся мире . . 360

Эпилог 366

CONTENTS

The first part. ORGANIZATION

1. The essence of organization — organization of nature II
1.1. Organization — the beginning of nature 11
1.2. Organization as organization 12
1.2.1. The organization of organization 12
1.2.2. The organization by organizations 15
1.2.3. The organization of organizations 18
1.2.4. The organizations of organization 20
1.2.5. The organizations of organizations 21
1.2.6. The organization as a mechanism and the mechanism as an organization 23
1.2.7. The quantity of organization — the quality of organization 25
1.2.8. Fluctuations and rhythms 27
1.2.9. Organization of contradictions and contradictions in organization 29
1.3. Disorganization — the beginning of nature 31
2. The essence of organization — the organization of unnature 32
2.1. Unnature — natural product of nature 32
2.2. Genesis of unnature — genesis of nature 35
2.3. On the way to unnature — life 40
2.4. Life: essence and beings 45
2.5. Natural unnature — society 56
2.5.1. Society — a social organization 56
2.5.2. Homo-being and homo-society 59
2.5.3. Homo-organization 64
2.5.4. Homo-organization as a culture 73
2.5.5. Social homo-organization: community and state . . 85
3. Nature of organization — organization of production 93
3.1. Production as production 93
3.2. Organization of production and production of an organization 96
3.3. Organization of production as a self-organization of culture 104
3.4. Mode of production and mode of economy 110
3.5. Social and technological modes of production 114
3.6. Variety of realizations of the mode of production 118
3.7. From one mode to another 121

The second part. ECONOMY

1. A person managing 124
1.1. Organization of production—enterprise 124
1.2. Enterprise as a managing subject 127
1.3. Organization of production — institution 133
1.4. Mode of management 136
1.5. Economic relations 138
2. A society managing 143
2.1. Society as a managing subject 143
2.2. Mechanism of social economic activity — mechanism of economy 144

2.2.1. The notion of economic mechanism . . . 145
2.2.2. The content of economic mechanism . . . 147
2.2.3. Non-mechanical mechanism . . . 151
2.2.4. Conception — formation — development 156
2.2.5. Reguliarities and contradictions of economic mechanism . . . 162

The third part. ECONOMY AND ECONOMY

!. The typology of economies . . . 177
2. Capitalist economy . . . 184
2.1. Genera! foundations . . . 184
2.1.1. Micro-level: capitalist businessman and competition . . . 185
2.1.2. Macro-level: competition and market . . . 189
2.1.3. The economic and once again the economic . . . 192
2.1.4. Competitive-market mechanism of economy . . . 195
2.1.5. Mechanism of resolvable contradictions . . . ,201
2.1.6. The disorder of the organization . . . 207
2.1.7. The organization of disorder: crises . . . 212
2.1.8. From crisis to crisis: cycles . . . 215
2.1.9. The crisis is a *disorganizing* organizer . . . 218
2.2. Evolution through negation . . . 220
' 2.2.1. Economic activity of freedom . . . 220
2.2.2. The return to unfreedom . . . 224
2.2.3. Contradictions remain and become complicated . . . 233
3. Socialist economy . . . 240
3.1. Socialism as an idea . . . 242
3.2. Socialism as a reality . . . 244
3.3. USSR: hampering the idea . . . 249
3.4. USSR: realizing the idea . . . 252
3.5. Administrative socialist economy . . . 258
3.5.1. General foundations . . . 258
3.5.2. Contradictions and crisis of the administrative economic activity . . . 259
3.5.3. Abstract consequences of the non-abstract crisis . . . 263

The forth part. ECONOMY ON THE THRESHOLD OF THE XXI CENTURY

1. A dialogue between millenniums: results and perspectives . . . 273
1.1. Results: renascence — prosperity and degradation . . . 273
1.2. Perspectives: new renascence — revival of nature and humanization of a human being . . . 277
1.3. Results: renascence — the society birth and the planet division . . . 278
1.4. Perspectives: new renascence—getting the whale . . . 279
1.5. Results: renascence homo-ego {*a* human being for himself) . . . 280
1.6. Perspectives: new renascence homo-scfciabitis (a human being for a human being) . . . 280
1.7. Summa summarunt: on the way to the nooindustrial civilization . . . *281*
2. Technoculture under the motto of the new industrial revolution . . . 282
2.1. Revolution against revolution . . . 282
2.2. The second industrial revolution: myth and reality . . . 284
3. Socium facing the new millennium . . . 288
3.1. Neoindustriat socium . . . 288
3.2. New industrial economy . . . 290.
3.2.1. The universality of the neoindustrial economy . . . 290
3.2.2. The optimisationat character of the neoindustrial economy . . . 292
3.2.3. Neoindustrial economy as a selfregutating economy . . . 295
3.2.4. The civility of the neoindustrial economy 297
3.2.5. Neoindustriat economy as a special culture 298
4. Capitalism on the way to the XXI century . . . 299
4.1. State-monopolistic image of modern capitalism 300
4.2. New transformation of capitalism — renovation of its state-monopolistic form . . . 305
4.3. Facing the future . . . 313
5. Socialism in the struggle for socialism . . . 322
5.1. Crisis of inheritance and the inheritance of crisis 322
5.2. Perestroika as the search for the new mode! of socialism . . . 324
5.3. State-democratic socialism . . . 328
5.4. Commodity production organized in a socialist way . . . 342
5.5. The spurt to the XXГ century . . . 355
6. Capitalism and socialism in the integral renewing world . . . 360

Epilogue . . . 366

TABLE DES MATIERES

Première Partie. ORGANISATION

1. La nature de l'organisation— 1'organisation de la nature . . . 11
   1.1. L'organisation — comme principe de I'origine de la nature 11
   1.2. L'organisation comme organisation 12
      1.2.1. L'organisation de l'organisation 12
      1.2.2. L'organisation par les organisations 15
      1.2.3. Des organisations l'organisation 18
      1.2.4. Les organisations de l'organisation 20
      1.2.5. L'organisation des organisations 21
      1.2.6. L'organisation comme mécanisme et le mécanisme comme organisation 23
      1.2.7. La quantité de l'organisation — la qualité de l'organisation 25
      1.2.8. Fluctuations et rythmes 27
      1.2.9. L'organisation des contradictions et les contradictions de l'organisation 29
   1.3. La désorganisation — comme principe de I'origine de la nature 31
2. La nature de l'organisation — l'organisation de la non-nature . . 32
   2.1. La non-nature — le produit naturel de la nature 32
   2.2. La genèse de la non-nature — la genèse de la nature . . 35
   2.3. Sur la voie vers la non-nature — la vie 40
   2.4. La vie: 1'Etre et les êtres 45
   2.5. La non-nature naturelle — la société 56
      2.5.1. La société — l'organisation sociale 56
      2.5.2. Homo-la créature et homo-la société 59
      2.5.3. Homo-l'organisation 64
      2.5.4. Homo-l'organisation comme culture 73
      2.5.5. Homo-organisation sociale: la commune et l'Etat . . 85
3. La nature de l'organisation — l'organisation de la production . . 93
   3.1. La production comme production 93
   3.2. L'organisation de la production et la production de l'organisation 96
   3.3. L'organisation de la production comme 1'autoorganisation de la culture 104
   3.4. Le mode de production et le mode d'économie 110
   3.5. Les modes social et technologique 114
   3.6. La diversité des incarnations du mode de la production . . 118
   3.7. D'un mode vers l'autre 121

Deuxième Partie. L'ECONOMIE

1. L'homme en action économique 124
   1.1. L'organisation de la production — l'entreprise 124
   1.2. L'entreprise comme sujet écofiomique en action 127
   1.3. L'organisation de la production — Tétablissement . . . 133
   1.4. Le mode de Taction économique 136
   1.5. Relations économiques 138
2. Une société en action économique 143
   2.1. La société comme sujet en action économique 143
   2.2. Le mécanisme de Taction économique de la société — le mécanisme de I'économie 144
      2.2.1. La notion du mécanisme de I'économie 145
      2.2.2. Le contenu du mécanisme de I'économie 147
      2.2.3. Le mécanisme non-mécanique 151
      2.2.4. Naissance — devenir — évolution 156
      2.2.5. Les lois et les contradictions du mécanisme économique 162

Troisième Partie. L'ECONOMIE ET L'ECONOMIE

1. La typologie des économies 177
2. L'économie capitaliste 184
   2.1. Les principes généraux 184
      2.1.1. Micro-niveau: 1'entrepreneur capitaliste et la concurrence 185
      2.1.2. Macro-niveau: concurrence et marché 189
      2.1.3. L'économique et encore une fois l'économique . . . 192
      2.1.4. Le mécanisme de I'économie concurrance-marché 195
      2.1.5. Le mécanisme des contradictions résolvant 200
      2.1.6. Le désordre de l'organisation 207
      2.1.7. L'organisation du désordre: les crises 212
      2.1.8. De crises en crises: les cycles 215
      2.1.9. La crise comme organisateur désorganisant . . . 218
   2.2. L'évolution dans la négation 220
      2.2.1. Les libertés économiques en action 220
      2.2.2. Le retour vers la non-liberté 224
      2.2.3. Les contradictions demeurent et s'accentuent . . 233
3. L'économie socialiste 240
   3.1. Le socialisme comme idée 242
   3.2. Le socialisme comme réalité 244
   3.3. L'URSS: la maîtrisation de l'idée 249
   3.4. L'URSS: 1'incarnation de l'idée 252
3.5. L'économie socialiste administrative 258
      3.5.1. Des principes généraux
      3.5.2. Les contradictions et la crise de I'économie administrative 258 259
      3.5.3. Des conséquences abstraites de la crise non-abstraite 263

Quatrième Partie. L'ECONOMIE DU SEUIL DU XXI SIECLE

1. Le dialogue des millénaires: bilans et perspectives 273
   1.1. Bilans: renaissance — prospérity et dégradation . . 273
   1.2. Perspectives: une nouvelle renaissance — le renouveau de la nature et Thumanisation de l'homme 277
   1.3. Bilans: renaissance — naissance de la société et partage de la planète 278
   1.4. Perspectives: nouvelle renaissance — Tarrivée à l'intégrité 279
   1.5. Bilans: renaissance homo-ego (l'homme pour lui-même) 280
   1.6. Perspectives: nouvelle renaissance homo-sociabilis (l'homme pour l'homme) 280

1.7. Summa summarum: sur la voie vers une civilisation nooindustrielle . . . 281
2. Technoculture sous le signe d'une nouvelle révolution industrielle . . . 282
2.1. Révolution centre *révolution* . . . 282
2.2. La deuxième industrielle: mythe et réalité . . . 284
3. Socium face au nouveau millénaire . . . 288
3.1. Socium neoindustriel . . . 288
3.2. Une nouvelle économie industrielle . . . 290
3.2.1. Mondialité de l'économie néoindustrielle . . . 290
3.2.2. Caractère optimisationel de l'économie néoindustrielle . . . 292
3.2.3. L'économie néoindustrielle comme l'économie qui s'organise . . . 295
3.2.4. Citoyenneté de l'economie néoindustrielle . . . 297
3.2.5. L'économie néoindustrielle comme une culture particulière . . . 298
4. Capitalisme sur la voie vers le XX! siècle . . . 299
4.1. L'image d'Etat monopoliste du capitalisme moderne . . . 299
4.2. Transformation nouvelle du capitalisme — renouvellement de sa forme d'Etat monopoliste . . . 305
4.3. Vers I'avenir . . . 3j5
5. Le socialisme dans la lutte pour le socialisme . . . 324
5.1. Crise de l'héritage et I'héritage de la crise . . . 324
5.2. Perestroika comme recherche d'un nouveau module du socialisme . . . 325
5.3. Socialisme démocratique d'Etat . . . 329
5.4. L'économie marchande du type socialiste . . . 344
5.5. Elan vers le XXI siècle . . . 356
6. Capitalisme et socialisme dans un monde intègre **et se renouvellanl** . . . 362

Epilogue . . . 368

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

ОПЫТ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

Зав. редакцией *Н. А. Рябикина*
Редакторы *Е. А. Клепова, Н. П. Сушко*
Художник *Б. Е, Вехтер*
Художественный редактор *В. К- Бисенгалиев*
Технический редактор ***М.*** *Б. Терентьева,* ***Н.*** *И.* ***Смирнова***
Корректоры *И. А. Мушникова, Л. А. Костылева, М. А. Мерецкова*

ИБ № 3561

Сдано в набор 23.04.90.
Подписано в печать 24.08.90.
Формат 84Х ю8'/32- Бумага офс. № 1.
Гарнитура Литературная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,14.
Тираж 5275 экз.
Заказ 555. Изд. № 1436.
Цена 2 р. Ю к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГПС, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Ордена -Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9